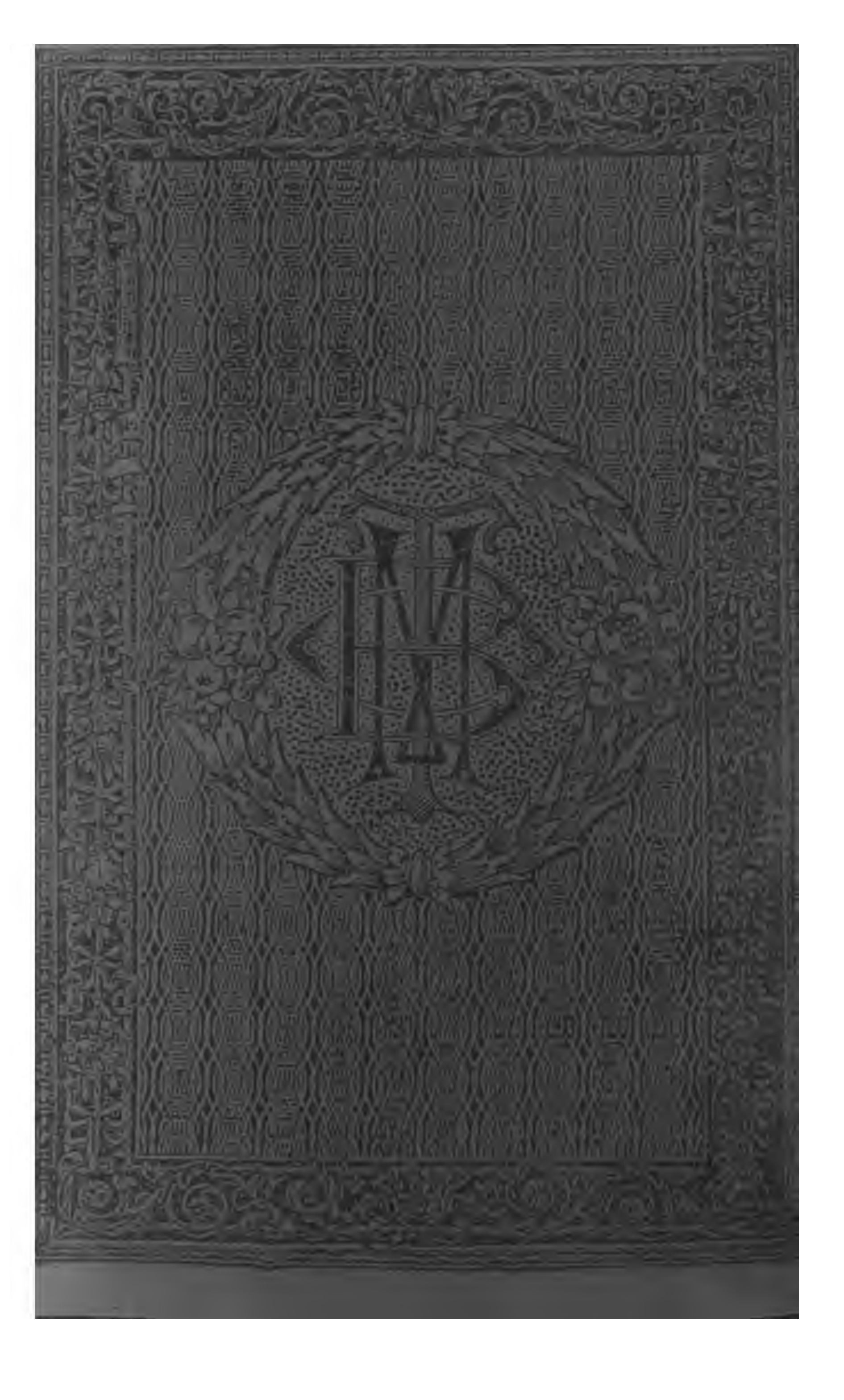
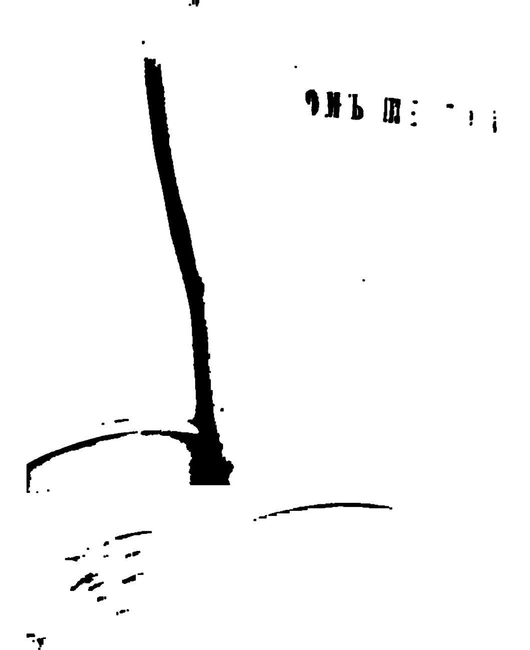
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ



СОБРАНІЕ

М. Н. ЗА



Zagoskin, M.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЪ ВЛАДИМІРА ПЕРВАГО

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1901

Дозволено цензурою. Спб. 16-го іюля 1901 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЪ ВЛАДИМІРА ПЕРВАГО

Можетъ-быть, многимъ изъ читателей моихъ не понравится фанатическій характеръ и буйныя рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ сего романа, которое, подъ именемъ неизвѣстнаго, появляется въ первой главѣ: въ такомъ случаѣ, я покорнѣйше прошу ихъ, не произнося рѣшительнаго приговора, читать до конца мою повѣсть, или, если это требованіе покажется имъ слишкомъ нескромнымъ, прочесть, по крайней мѣрѣ, 7-ю главу второго тома.

Я не смѣю предполагать, чтобъ кто-нибудь изъ моихъ читателей не зналъ отечественной исторіи; но, легко быть можетъ, не всякій помнитъ, что говорятъ лѣтописцы о Владимірѣ, когда онъ былъ еще язычникомъ; а посему не излишнимъ полагаю приложить здѣсь, на всякій случай, двѣ выписки: одну изъ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина, а другую изъ Житія Святыхъ, собранныхъ знаменитымъ нашимъ чудотворцемъ и святителемъ, Димитріемъ Ростовскимъ.

«Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воиномъ кровожаднымъ и, что всего ужаснѣе, братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ христіанства, боялся уже проливать кровь своихъ злодѣевъ и враговъ отечества» (Истор. Госуд. Россійск. Томъ I, стр. 231).

«И живяше онъ (Владиміръ) прескверно, въ идолопоклонническомъ заблужденіи сущи. О семъ же житіи Владиміровомъ, бывшемъ въ невѣдѣніи Бога и въ нечестіи, о братоубійствѣ и о кровопролитіяхъ, о храбрости и многихъ браняхъ, о бѣсослужительствахъ и женонеистовствахъ пишется пространно въ лѣтописцѣ Святого Нестора Печерскаго и въ иныхъ многихъ рукописныхъ лѣтописаніяхъ Россійскихъ и въ печатномъ Синопсисѣ Печерскомъ» (Житія Святыхъ, мѣсяцъ іюль).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Раскройтесь предо мной картины временъ давно-прошедшихъ; явись во всей красѣ своей, изгибаясь по крутымъ берегамъ привольнаго Днѣпра, древняя столица царства русскаго—великій Кіевъ, первопрестольный градъ! Бушуй, крутись, быстрый Днѣпръ, и отражай въ голубыхъ волнахъ своихъ златые верхи высокихъ теремовъ и гридницъ двора *княженецкаго;* разстилайтесь по обширному Подолу кіевскому бархатные луга—любимое *разгулье* удалой дружины князя русскаго! Жадный взоръ мой стремится проникнуть, сквозь туманъ вѣковъ, до тѣхъ отдаленныхъ временъ Россіи, когда, не озаренная еще свѣтомъ православія, она приносила кровавыя жертвы своему Перуну; когда въ дремучихъ лѣсахъ ея перекликались лѣшіе и раздавался хохотъ хитрыхъ русалокъ; когда въ бурныя осеннія ночи, на вершинѣ Кучинской горы, сбирались колдуны, оборотни и злыя вѣдьмы; или, купаясь въ утреннемъ туманѣ, рѣзвились межъ собой вертлявыя кикиморы, и грозный Бука, на сивомъ конѣ своемъ, носился по лѣсамъ и доламъ, преклонялъ высокій боръ до сырой земли и притаптывалъ луга заповѣдные. Я хочу послушать пѣсней вѣщихъ соловьевъ Владиміра—вдохновенныхъ баяновъ древности, хочу взглянуть на

веселые хороводы русскихъ дѣвъ, пляшущихъ подъ тѣнію дубовъ или при свѣтѣ пылающихъ огней, въ праздникъ Купалы—древняго божества дубравъ и полей русскихъ; хочу полюбоваться удалыми потѣхами и посмотрѣть на игрушки богатырскія славянскихъ витязей.

Пусть называютъ мой разсказъ баснею: тамъ, гдѣ безмолвствуетъ исторія, гдѣ вымыселъ сливается съ истиною, довольно одного преданія для того, кто не ищетъ славы дѣеписателя, а желаетъ только забавлять русскихъ разсказами о древнемъ ихъ отечествѣ.

Давно уже свирѣпые печенѣги не дерзали приближаться къ границамъ русскихъ; покоренные ятвяги смирились; мятежные радимичи, побитые на-голову воеводою княжескимъ, прозваннымъ Волчій Хвостъ, платили снова обычную дань, и отъ береговъ Чернаго моря, называемаго въ то время Русскимъ, до крайнихъ предѣловъ обширной области Новгородской, почти все пространство земли, заключающее въ себѣ нынѣшнюю Европейскую Россію, признавало своимъ владыкою Великаго князя Кіевскаго. Съ ужасомъ взирала отдаленная Греція на сего Ставро-Скифскаго Царя [1]), который, подражая во всемъ отцу своему, Святославу, не хотѣлъ послѣдовать примѣру матери его, благочестивой княгини Ольги, и принять вѣру христіанскую.

Немногіе христіане, разсѣянные по Россіи, хотя не были гонимы за ихъ вѣроисповѣданіе, но, окруженные повсюду идолопоклонниками, повинуясь языческому князю, властолюбивому, незнающему предѣловъ своему могуществу, они должны были безпрестанно опасаться участи ихъ единовѣрцевъ, пострадавшихъ въ первые годы христіанства. Владиміръ не походилъ на Нерона, но онъ могъ сдѣлаться Діоклетіаномъ. Сооруженіе новаго капища Перуну, богатое изваяніе истукана сего первенствующаго божества древнихъ

1) Греческіе лѣтописцы, а въ особенности Левъ Діаконъ, называютъ часто русскихъ—Ставро-Скифами.

славянъ, частыя жертвы, ему приносимыя—все доказывало привязанность Великаго князя къ вѣрѣ его предковъ. Онъ могъ пожелать истребить послѣдніе остатки православія въ своемъ государствѣ; могъ ли пожелать и не исполнить своего желанія тотъ, кто нѣкогда, для удовлетворенія необузданной страсти, предавъ смерти владѣтеля земли Полоцкой, Рогвольда, и двухъ сыновей его, силою женился на ихъ сестрѣ, Рогнѣдѣ, и, умертвивъ потомъ своего родного брата, Ярополка, взялъ въ число наложницъ своихъ вдовствующую его супругу? Кто могъ тогда предвидѣть, что сей грозный князь, облитый кровію своихъ ближнихъ, будетъ нѣкогда просвѣтителемъ народа русскаго, образцомъ кротости, смиренія, христіанской любви и, причтенный къ лику святыхъ, станетъ рядомъ съ апостолами и учениками Спасителя нашего? Впрочемъ, сами христіане не могли не видѣть, что, сдѣлавшись самодержавнымъ и единственнымъ владыкою Царства Русскаго, Владиміръ пересталъ злодѣйствовать. Онъ былъ еще бичемъ небеснымъ для народовъ иноплеменныхъ; но любилъ свой собственный народъ, любилъ въ судахъ правду, любилъ своихъ русскихъ витязей, и хотя гордые варяги, составлявшіе нѣкогда его отборную дружину, притѣсняли иногда простолюдиновъ; хотя Владиміръ ласкалъ еще сихъ наемныхъ воиновъ, извѣстныхъ въ другихъ земляхъ подъ общимъ названіемъ норманновъ, но они не смѣли уже поступать съ русскими, какъ съ побѣжденнымъ народомъ, и нерѣдко варягъ, обличенный въ буйствѣ и насиліи, наказывался наравнѣ съ простымъ воиномъ кіевскимъ. Но могли ли надѣяться христіане, что тотъ, кто проводилъ время въ пирахъ и забавахъ, и, подобно сластолюбивому Соломону, имѣлъ до восьмисотъ наложницъ, оставитъ въ покоѣ людей, коихъ вѣра, основанная на чистотѣ нравовъ, исповѣдующая кротость и цѣломудріе, была безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ обличителемъ его буйныхъ потѣхъ и увеселеній? Несмотря на это, не только одни язычники, но даже многіе изъ христіанъ

любили Владиміра. Его величественный видъ, неустрашимость въ битвахъ, царское хлѣбосольство и роскошь, знаменитыя побѣды, однимъ словомъ, — все плѣняло умы россіянъ. Слава Царя всегда становится собственностію его народа, а могущественный Владиміръ былъ славнѣйшимъ государемъ своего времени; и когда кіевляне, толпясь на площади вокругъ Перунова капища, слышали веселые крики бояръ и витязей, пирующихъ въ свѣтлыхъ гридницахъ двора княжескаго, когда комунибудь удавалось сквозь узкія окна завидѣть часть длинныхъ дубовыхъ столовъ, покрытыхъ яствами, и разсмотрѣвъ окованный сер ебромъ *турій рогъ*, который съ шипучимъ медомъ или зеленымъ виномъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то онъ кричалъ съ радостію: «Братцы, братцы, посмотрите, какъ пируетъ со своею удалою дружиною нашъ Великій князь, Владиміръ Святославичъ! Вонъ, видите ль, стоитъ подлѣ него широкоплечій бояринъ? Это славный новгородскій воевода Добрыня! А вонъ сидитъ понасупившись, словно туча громовая, удача-молодецъ, Рогдай!» И народъ съ шумомъ начиналъ тѣсниться вокругъ двора княжескаго, и тысячи голосовъ повторяли: «Да здравствуетъ Государь Великій Князь! Веселись и пируй, нашъ батюшка, солнце красное всей святой Руси!»

Въ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ вечеровъ южной Россіи, когда солнце, спускаясь медленно къ землѣ, и не застилаемое ни однимъ облачкомъ, утопаетъ въ золотомъ и огнистомъ океанѣ; когда поселянинъ, возвращаясь домой съ работы, весело поглядываетъ на ясныя небеса и говоритъ своимъ товарищамъ:—«Ну, ребята, Богъ даетъ намъ ведро! Посмотрите, какъ заря погорѣла!»—въ одинъ изъ сихъ благословенныхъ вечеровъ, тихихъ, но исполненныхъ какой-то юности и жизни, человѣкъ десять рыбаковъ сидѣли кругомъ яркаго огня, разведеннаго на берегу рѣки, близъ урочища нагорной стороны Днѣпра, на-

зываемаго Сборичевъ взвозъ. Сѣдой, но, повидимому, еще бодрый старикъ, заглядывалъ безпрестанно въ большой котелъ, въ которомъ варилась жирная уха, и отъ-времени-до-времени отвѣдывалъ изъ него деревянною ложкой. Два рыбака разбирали и считали пойманную рыбу, а остальные, лежа безпечно вокругъ огня, разговаривали межъ собою.

— Что это, ребята?—сказалъ одинъ изъ сихъ послѣднихъ: вотъ близко десяти дней, какъ нашего Великаго Князя видомъ не видать, слыхомъ не слыхать? Ужъ здоровъ ли онъ, нашъ батюшка? Бывало, не пройдетъ двухъ дней безъ пированья; а теперь, посмотрите-ка: и въ новыхъ его палатахъ, и въ каменномъ теремѣ ни одного огонька не видно!

— Не все пировать, дитятко, — сказалъ старый рыбакъ: — и княжескія яства пріѣдаются, и сладкій медъ припивается!.. Да и нельзя же каждый день быть подъ хмелькомъ; вѣдь дѣло его княжеское: надо рядить, судить, давать всѣмъ расправу. Тутъ варягъ ограбилъ русина; тамъ, глядишь, нашъ братъ, кіевлянинъ...

— Что, чай, обидѣлъ варяга? — прервалъ кто-то насмѣшливымъ и грубымъ голосомъ. Рыбаки поглядѣли вокругъ себя: на берегу никого не было; но въ пяти шагахъ отъ нихъ, у самой пристани, стоялъ въ легкомъ челнокѣ, облокотясь на весло, колоссальнаго роста мужчина, лѣтъ сорока-пяти, съ окладистою русою бородою. Онъ былъ безъ кафтана, въ одной пестрой рубашкѣ, подпоясанной чернымъ съ мѣдными бляхами ремнемъ, за которымъ заткнуты были широкій, съ серебряною рукояткою, засапожникъ [1]) и стальной кистень; у ногъ его лежало верхнее платье изъ грубой шерстяной ткани.

— Ахъ, лѣшій его побери,—сказалъ одинъ изъ рыбаковъ,—какъ онъ подкрался!

— Что тебѣ надобно, молодецъ?—спросилъ старикъ.

---

[1]) Родъ кинжала.

— Ничего, дѣдушка!—отвѣчалъ незнакомецъ.—Я здѣсь присталъ къ берегу, чтобъ поотдохнуть немного. Да чтожъ вы, ребята, замолчали?—продолжалъ онъ.— Не бойтесь: я не варягъ, не витязь княжескій,—не стану васъ подслушивать да придираться къ вашимъ рѣчамъ.

— Пожалуй себѣ подслушивай!—сказалъ старикъ, посматривая недовѣрчиво на незнакомца. — Мы люди простые, такъ какія у насъ рѣчи? Кой о чемъ межъ собой растабарываемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А мнѣ сдается, дѣдушка, что у васъ рѣчь шла о Владимірѣ.

— О какомъ Владимірѣ? Владиміровъ много на святой Руси!—прервалъ старикъ.

— О какомъ Владимірѣ? Вѣстимо, о какомъ! Вѣдь онъ одинъ у васъ, какъ порохъ въ глазу.

— Если ты говоришь о нашемъ Государѣ, молодецъ, такъ его не зовутъ просто Владиміромъ, а величаютъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ.

— Кіевскимъ! — повторилъ сквозь зубы незнакомецъ.—Кіевскимъ! Отца его величали когда-то и Царемъ Болгарскимъ, а не долго жъ онъ нацарствовалъ. Слыхалъ ли ты, старинушка, пословицу: чужое добро въ прокъ нейдетъ?

— И, молодецъ, гдѣ намъ знать твои пословицы: мы люди темные. Да и что намъ за дѣло, что было въ старину! Живи только да здравствуй нашъ батюшка, Великій Князь, наше красное солнышко...

— Хорошо солнышко,—прервалъ незнакомецъ:— лѣтомъ печетъ, а зимой не грѣетъ.

Рыбаки, молча и почти съ ужасомъ, поглядѣли на незнакомца, который стоялъ попрежнему, облокотясь небрежно на весло, и, казалось, не замѣчалъ удивленія сихъ простыхъ людей, не понимающихъ, какъ можно говорить съ такою дерзостію о Великомъ князѣ Владимірѣ.

— Эхъ, молодецъ, молодецъ!—сказалъ старикъ, покачивая головою.—Чести твоей мы не порочимъ,—Богъ

вѣсть, кто ты таковъ,—а не пристало ни тебѣ говорить такія рѣчи, ни намъ ихъ слушать.

— А почему же нѣтъ?—сказалъ спокойно незнакомецъ.—Не прикажешь ли хвалить Владиміра и за то что онъ накликалъ сюда этихъ иноземцевъ, отъ которыхъ нашему брату, русину, и житья нѣтъ? Подумаешь, какъ бы кажется этимъ бездомнымъ пришлецамъ не быть тише воды, ниже травы; а попытайся-ка повздорить съ какимъ-нибудь варягомъ...

— Такъ чтожъ,—подхватилъ одинъ молодой рыбакъ:—иль мнѣ съ нимъ и суда не дадутъ?

— Дожидайся, братъ! Нѣтъ, ребята, не намъ обижать этихъ поморянъ: они того и норовятъ, чтобъ съ насъ послѣднюю одежонку стащить. Мы, дескать, великокняжеская дружина,—такъ все, что его, то наше.

— Какъ бы не такъ!—подхватилъ одинъ молодой рыбакъ.—Не прежнее время: нашъ батюшка, Великій Князь, унялъ порядкомъ этихъ заморскихъ буяновъ! Кто и говоритъ: бывало, при нихъ и тони не закидываемъ,—какъ-разъ всю лучшую рыбу по себѣ разберутъ. А теперь, небось: не только простой мечникъ, а даже гридня, или отрокъ княжескій, попытайся-ка у меня взять даромъ хоть эту плотву!.. Нѣтъ, любезный, и не понюхаетъ!

Незнакомецъ не отвѣчалъ ни слова и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Посмотрите, ребята: кто это тамъ сходитъ съ горы?.. Постойте-ка!.. Никакъ одинъ изъ нихъ,—вотъ что повыше другихъ и въ панцырѣ... ну, такъ и есть,—варягъ!.. Да и другіе-то, кажется, витязи княжескіе... Они идутъ сюда.

— Сюда?—вскричалъ торопливо молодой рыбакъ.—Ей, ребята, проворнѣй оттащите этого осетра въ лодку... да помогите мнѣ припрятать куда-нибудь стерлядей!.. Ну, чтожъ вы, братцы, поворачивайтесь!..

Всѣ рыбаки засуетились вокругъ пойманной рыбы.

— Добро, не хлопочите,—сказалъ съ насмѣшливою улыбкою незнакомецъ: — они поворотили направо. Да

чтожъ вы такъ переполошились, ребята? Вѣдь теперь, по милости вашего Князя, не только простые витязи варяжскіе, но и ближніе его отроки не смѣютъ васъ обижать.

— Оно такъ, молодецъ,—отвѣчалъ старикъ, глядя вслѣдъ за небольшою толпою ратныхъ людей, которые, сошедши до половины горы, повернули по тропинкѣ, ведущей къ обширному Подолу кіевскому.—Оно такъ, и мы доподлинно знаемъ, что ратнымъ людямъ заказано обижать народъ и брать у насъ даромъ то, что имъ приглянется: да знаешь, молодецъ, все какъ будто бы вѣрнѣе,—приберешь къ сторонкѣ, такъ не на что и глазамъ разгорѣться.

— Ахъ, вы глупыя головы!—сказалъ незнакомецъ.—Что ужъ это за житье, коли надо прятать свое доброе, чтобъ его не отняли!.. Да этакъ и съ печенѣгами уживешься. Нѣтъ, ребятушки, не такъ живали наши отцы въ Кіевѣ, при законныхъ своихъ князьяхъ: Аскольдѣ и Дирѣ. Попытался бы тогда какой-нибудь чужеземецъ обидѣть кіевлянина.

— А что, молодецъ,—спросилъ одинъ изъ рыбаковъ,—и впрямь, чай, въ старину-то лучше бывало?

— Не знаешь, такъ спроси у стариковъ. Что, дѣдушка, покачиваешь головою?—продолжалъ незнакомецъ, обращаясь къ старому рыбаку.—Вѣстимо, отцы наши живали не по-нынѣшнему: довольство-то какое во всемъ было, житье-то какое привольное! Коли ты самъ не видалъ этихъ временъ, такъ, вѣрно, слыхалъ о нихъ отъ отца и матери?

— Слыхать-то и мы слыхали, — прервалъ одинъ рыбакъ, почесывая въ головѣ.—Не даромъ поется въ пѣсняхъ, что въ старину и рѣки текли сытою, и берега были кисельные. Да вѣдь это давно ужъ было; а что прошло, того не воротишь.

— Бывало, — продолжалъ незнакомецъ, — нашъ братъ, кіевлянинъ, зналъ лишь князей своихъ и боялся одного всемогущаго Перуна; а теперь и боговъ-то у васъ много, и господъ не перечтешь.

— Что правда, то правда, — прервалъ одинъ дѣтина съ рыжею окладистою бородой.—Господъ-то развелось у насъ не мало: и вирники и тіуны; а ужъ пуще всѣхъ эти метальники [1]), провалъ бы ихъ взялъ, — больно обижаютъ нашего брата. Вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ на меня наложили поставить для княжескаго стола полтора сорока стерлядей. Я все честно принесъ къ дворцовому метальнику, да позабылъ только ему, проклятому, стерлядкой-другой поклониться... Такъ чтожъ? Онъ при мнѣ нарѣзалъ шесть зарубокъ на биркѣ, расколол, отдалъ одну половину мнѣ. Кажись, дѣло бы и въ шапкѣ,—такъ нѣтъ! Дня черезъ три шлютъ опять за мною: — «Давай еще полсорока стерлядей: за тобой недоимка!» — Какъ такъ? — «Да такъ!»—Я за пазуху, вынулъ бирку: на ней всѣ мѣтки сполна; метальникъ приложилъ къ ней свою половину: смотрю,—двухъ зарубокъ нѣтъ какъ нѣтъ! Я туда, сюда,—не тутъ-то было! Рыбу съ меня доправили, да мнѣ же затылокъ накостыляли.

— Такъ чтожъ ты, глупая голова?—прервалъ незнакомецъ.—Ты бы ударилъ челомъ на этого метальника вашему красному солнышку, Великому Князю Владиміру!

— Попытался было, молодецъ, да доступъ-то до него не легокъ. Вѣдь нашъ братъ не кто другой: сунешься не впопадъ, такъ и животу не будешь радъ,— того и гляди, продолжалъ рыбакъ, наморща брови и

[1]) *Вирниками* назывались тогдашняго времени полицейскіе чиновники, кои впослѣдствіи извѣстны были подъ именемъ *губныхъ старостъ*. *Тіуны,* по мнѣнію издателей Русской Правды, были тоже самое, что у древнихъ германцевъ судьи по уѣздамъ. *Метальники* то же, что впослѣдствіи дьяки: они исполняли также должность нынѣшнихъ казначеевъ, и принимали вносимыя въ княжескую казну подати. Вмѣсто нынѣшнихъ квитанцій, употреблялись тогда *бирки,* то-есть небольшія палочки, на которыхъ прямыя и крестообразныя зарубки замѣняли нынѣшнія цифры. Обыкновенно, по сдѣланіи на ней извѣстнаго числа зарубокъ, она раскалывалась во всю длину на-двое: одна половина оставалась у пріемщика, другая у отдатчика. Первая служила пріемщику вмѣсто записной тетради, другая замѣняла для отдатчика квитанцію, или расписку въ полученіи отъ него денегъ или вещей.

похватывая себя за спину,—какой-нибудь гридня или разбойникъ варягъ такъ тебя пугнетъ, что ты и ногъ не уплетешь.

— Экій ты, братецъ, какой!—подхватилъ незнакомецъ.—Коли не знаешь, такъ я тебя научу, какъ дойти до Великаго Князя. Послушай-ка, молодецъ, женатъ ли ты?

— Какъ же! Вотъ ужъ другая весна идетъ.

— И жена твоя молода?

— Всего семнадцатый годокъ.

— А пригожа ли она собою?

— Пригожа ли!—повторилъ съ гордымъ видомъ рыбакъ.—Пригожа ли! Да такихъ молодицъ, какъ моя, во всемъ Кіевѣ немного, господинъ честной! Поразспроси-ка у товарищей: бѣлолицая, румяная,—кровь съ молокомъ! Глаза, какъ цвѣты лазоревые, шея лебединая, а выступка-то какая, выступка,—что и говорить: идетъ какъ плыветъ—пава павою!

— Эхъ, дѣтина, дѣтина, о чемъ же ты думаешь? Пошли ее за мѣсто себя къ вашему Князю, такъ, можетъ-быть, она-то сама домой не вернется, да зато стерлядей тебѣ назадъ отдадутъ. Чтожъ ты, любезный, въ головѣ-то почесываешь; иль боишься, чтобъ съ тобой не было того-же, что съ покойнымъ братомъ вашего Государя? Да не бойся, молодецъ: вѣдь у тебя всего-на-все одна жена, а у покойника-то князя Ярополка и невѣста была красавица, и вся земля Русская была его; такъ, вѣстимо дѣло, съ нимъ добромъ нельзя было раздѣлаться: пожалуй, онъ сталъ бы отнѣкиваться, на драку бы пошелъ. Вотъ у нашего брата, простолюдина, иная рѣчь: взялъ жену иль невѣсту, да вытолкалъ въ шею съ княжескаго двора, такъ и концы въ воду.

Глубокій вздохъ, похожій на удушливое стенаніе умирающаго, когда, въ минуту нестерпимой боли, каждое дыханіе его превращается въ болѣзненный вопль, прервалъ слова незнакомца. Рыбаки молча взглянули другъ на друга, и сострадательные ихъ взоры

остановились на одномъ молодомъ человѣкѣ, который, не принимая никакого участія въ общемъ разговорѣ, сидѣлъ задумавшись близъ огня. На полумертвыхъ и впалыхъ щекахъ его, въ неподвижныхъ глазахъ, на посинѣвшихъ устахъ, въ каждой чертѣ лица, изможденнаго бѣдствіемъ, изображалась глубокая, неизъяснимая горесть. И грубый варягъ, и хитрый грекъ, и полудикій житель лѣсовъ древлянскихъ—каждый прочелъ бы въ нихъ съ перваго взгляда и повторилъ бы на собственномъ языкѣ своемъ ужасныя слова: «Я утратилъ невозвратно все земное мое счастіе!» Ахъ, этотъ всемірный языкъ души, эти рѣчи безъ звуковъ, начертанныя кровавыми буквами на блѣдномъ челѣ несчастливца, понятны для всякаго!

— Эхъ, братъ Дулебъ!—сказалъ одинъ изъ рыбаковъ.—Да полно грустить! Мало ли въ Кіевѣ красныхъ дѣвушекъ,—не та, такъ другая! Твоя Любаша приглянулась Великому Князю; чтожъ дѣлать братъ: воля его княжеская,—не ты первый, не ты послѣдній!

— Такъ вашъ Владиміръ,—прервалъ незнакомецъ,— и у этого бѣдняка отнялъ жену?

— Не жену, а невѣсту,—отвѣчалъ вполголоса рыбакъ, поглядывая съ сожалѣніемъ на Дулеба.—Сама виновата: бывало, лишь только Великій Князь выѣдетъ на улицу, такъ всѣ ея подружки, словно дождь, кто куда попало; а Любаша тутъ-какъ-тутъ. Ужъ и я ей говаривалъ:—Ей, Любашенька, не суйся на глаза къ Великому Князю,—дѣвка ты пригожая, личменная,— какъ разъ попадешь на житье въ Берестово [1])! Такъ нѣтъ, куда-те, бывало и слушать не хочетъ! «Я, дескать, моего Дулебушку ни на какого Князя не промѣняю». И рада бы не мѣнять, да промѣняешь. Глупая, вѣдь выше лба уши не растутъ! Чай, станутъ тебя спрашивать!.. Ну, чтожъ? Анъ и вышло помоему. За два дня до свадьбы, гдѣ Любаша,—и слѣдъ

---

[1]) Село, въ которомъ былъ одинъ изъ любимыхъ потѣшныхъ дворцовъ Владиміра.

простылъ!.. Мы съ Дулебомъ взыскались ее по всему Кіеву, обѣгали всѣ улицы; по домекамъ завернули на княжескій дворъ, да лишь только Дулебъ вымолвилъ за чѣмъ, какъ вдругъ конюшіе, ясельничіе, сокольники, гридни, отроки, варяги, русины—ну, вся эта княжеская челядь, словно стая голодныхъ псовъ, такъ на него и ощетинилась, да ну-ка его въ толчки: не дали парню образумиться. Только одинъ княжескій чашникъ, видно, подобрѣе другихъ, глядя на его горькія слезы, сжалился и шепнулъ ему, что Любашу отвезли на Лыбедь, въ село Предиславино, затѣмъ, что въ Берестовѣ ужъ мѣста нѣтъ для красавицъ. Вотъ съ тѣхъ поръ бѣдняжка Дулебъ и ну чахнуть,—совсѣмъ извелся! Не даромъ говорятъ, что съ радости кудри вьются, а съ кручины сѣкутся. Подумаешь, дѣтина-то былъ какой ражій, да весельчакъ какой: и попѣть и поплясать и въ дудочку поиграть — на все удача! Бывало, какъ распотѣшится, такъ щеки жаромъ горятъ; а теперь... посмотри-ка: кровинки въ лицѣ не осталось. А ужъ исхудалъ-то какъ, исхудалъ!.. Сердечный, въ чемъ душа держится!

— Знаешь ли что, старикъ?—сказалъ незнакомецъ, помолчавъ нѣсколько времени и обращаясь къ сѣдому старику.—Отъ этихъ разсказовъ и мнѣ охота пришла повеличать вашего Государя. Ну-ка, братцы, хватимъ разомъ: да здравствуетъ нашъ батюшка, Великій Князь, наше красное солнышко!.. Чтожъ вы молчите, ребята!.. Пристань хоть ты, Дулебъ! Что въ самомъ дѣлѣ, чего жъ намъ еще? Когда у нашего брата взять нечего, такъ люди ратные ничего у насъ даромъ не отнимаютъ; метальники берутъ съ насъ только вдвое, челобитчиковъ съ княжескаго двора провожаютъ съ честію, и самъ Государь Великій Князь жалуетъ своею княжескою милостію нашихъ женъ и невѣстъ. Да развѣ это не житье, ребята? На что гнѣвить боговъ: и хуже бывало, когда печенѣги громили нашу родину. Правда, въ старину ни о печенѣгахъ, ни о метальникахъ, ни о варягахъ и рѣчи не было; судъ давали по правдѣ,

невѣстъ и женъ ни у кого не отнимали, — да вѣдь тогда и народъ-то былъ другой. Вотъ еслибъ отцы наши и дѣды встали изъ могилъ!..—продолжалъ незнакомецъ, и насмѣшливая улыбка исчезла съ устъ его, глаза заблистали, а мощный голосъ, какъ изъ громовой тучи, зарокоталъ надъ головами рыбаковъ.—Да, повторилъ онъ, еслибъ наши дѣды и отцы встали изъ могилъ, и я сказалъ бы имъ: граждане кіевскіе, очнитесь, пробудись, народъ русскій! Не пора ли тебѣ за умъ взяться? Ну-ка, дѣтушки, гоните изъ Кіева разбойниковъ варяговъ; мечите въ Днѣпръ вашихъ грабителей; топите всю эту гурьбу міроѣдовъ, которые питались кровью вашею, подъ сѣнію враждебнаго для васъ поколѣнія злодѣевъ Рюрика и Олега! Люди русскіе, не прекратился еще родъ Аскольдовъ, не погибло племя прежнихъ Князей вашихъ! Боги сохранили для вашего благо одного изъ ихъ потомковъ. Да княжитъ онъ надъ великимъ Кіевомъ, да держитъ свое княженіе честно, безъ обиды, по старинѣ, какъ держали, убитые измѣною и предательствомъ, его дѣдичи—знаменитые Князья Аскольдъ и Диръ!.. Ну, ребята, какъ вы думаете, что сказали бы на это наши старики?

Незнакомецъ замолчалъ, потухъ дивный огонь, который сверкалъ въ грозныхъ его взорахъ; онъ облокотился снова на весло и, окинувъ спокойнымъ взглядомъ всѣхъ рыбаковъ, повторилъ свой вопросъ. Никто не отвѣчалъ ни слова. Какъ безоружный путешественникъ, который, одинъ среди дремучаго лѣса, попадаетъ внезапно на стаю голодныхъ волковъ; какъ молодая дѣвушка, которая, спѣша на голосъ своего друга, и, обманутая ауканьемъ хитраго лѣшаго, вдругъ встрѣчаетъ передъ собою сіе страшилище лѣсовъ русскихъ; какъ безпріютное дитя, которое видитъ въ рукѣ злой вѣдьмы сверкающій ножъ и, очарованное адскимъ ея взглядомъ, спѣшитъ къ ней навстрѣчу: такъ точно всѣ рыбаки, онѣмѣвъ отъ испуга, не смѣя пошевелиться, едва переводя духъ, слушали съ жадностію и трепетомъ возмутительныя слова сего ужаснаго незнакомца.

Казалось, одинъ Дулебъ не слышалъ и не видѣлъ ничего: онъ не подымалъ головы, глаза его ни разу не встрѣтились съ глазами незнакомца; но легкій румянецъ игралъ на блѣдныхъ щекахъ его, грудь волновалась, а изъ полуоткрытыхъ устъ вырывался какой-то невнятный ропотъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка!—промолвилъ, наконецъ, одинъ молодой парень, дернувъ за рукавъ сѣдого рыбака.—Что это онъ говоритъ?

— Что онъ говоритъ? — повторилъ старикъ, какъ будто бы пробудясь отъ сна.—Ухъ, батюшки, что это? Какъ этотъ кудесникъ насъ обморочилъ! Не слушайте, ребята, этого зловѣщаго ворона! Ахъ, ты печенѣгъ проклятый! Да какъ у тебя языкъ повернулся говорить такія рѣчи о нашемъ батюшкѣ? Иль ты думаешь, что для твоей буйной головы и плахи во всѣмъ Кіевѣ не найдется?

— Какъ не найтись!—отвѣчалъ спокойно незнакомецъ.—Протяни лишь только шею, а за этимъ у вашего батюшки, Великаго Князя, дѣло не станетъ. Да о чемъ ты, старинушка, такъ развопился? Вѣдь я сталъ бы это говорить не вамъ, а вашимъ отцамъ и дѣдамъ. Съ людьми и говорятъ по-людски, а съ баранами что за рѣчи: стриги ихъ, да дери съ нихъ шкуру,—на то родились.

— Чтожъ ты, въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ одинъ изъ рыбаковъ.—Ужъ ты, братъ, никакъ и насъ сталъ поругивать.

— Убирайся-ка покуда цѣлъ,—сказалъ старикъ;—а не то мы тебѣ руки назадъ, да отведемъ къ городскому вирнику, такъ у него запоешь другимъ голосомъ. Экій разбойникъ, въ самомъ дѣлѣ,—видишь, съ чѣмъ подъѣхалъ!

— Порочить нашего Государя!—вскричалъ одинъ рыбакъ.

— Говорить такія рѣчи о нашемъ отцѣ, Владимірѣ Святославичѣ!—подхватилъ другой.

— Глупое стадо!—пробормоталъ незнакомецъ, принимаясь за весло.

— Постой, молодецъ! — вскричалъ Дулебъ, вскочивъ поспѣшно съ своего мѣста. — Возьми меня съ собою.

— Что ты, что ты, дитятко,—прервалъ старый рыбакъ:—въ умѣ ли ты?

— Онъ довезетъ меня до Подола,—продолжалъ Дулебъ, подходя къ пристани.

— Изволь, молодецъ, довезу, куда хочешь; хоть до села Предиславина.

— Вспомни, Дулебъ, — сказалъ тихимъ, но строгимъ голосомъ сѣдой рыбакъ: — тому ли тебя учили? То ли ты обѣщалъ, когда былъ вмѣстѣ со мною... не въ Перуновомъ капищѣ, не тамъ, гдѣ льется кровь богопротивныхъ жертвъ...

— Ахъ, старикъ, — вскричалъ Дулебъ, — что ты мнѣ напомнилъ!

Онъ остановился и закрылъ руками глаза свои.

— Ну, чтожъ ты?—сказалъ незнакомецъ.—Садись что ль!

— Нѣтъ!—прошепталъ тихимъ голосомъ Дулебъ.— Онъ велѣлъ любить и злодѣевъ своихъ; Онъ даетъ, Онъ и отнимаетъ, — да будетъ Его святая воля! Ступай! Я не ѣду съ тобою.

Незнакомецъ взглянулъ съ удивленіемъ на Дулеба, опустилъ весло, и легкій челнъ его запорхалъ по синимъ волнамъ Днѣпра.

— О комъ это онъ говоритъ? — спросилъ одинъ изъ рыбаковъ, глядя на Дулеба, который сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Вѣстимо, о комъ,—отвѣчалъ другой рыбакъ:— о нашемъ Великомъ Князѣ! Кто-жъ, кромѣ его, и даетъ, и отнимаетъ? Вѣдь онъ одинъ въ насъ воленъ.

— А злодѣевъ-то своихъ любить онъ также приказываетъ.

— Какъ же! Развѣ намъ не велѣно жить въ любви и совѣтѣ съ варягами; а что они—други что-ль наши?

— А что, парень, — прервалъ дѣтина съ рыжею бородою, — вѣдь этотъ долговязый себѣ на умѣ! И

впрямь, житье-то наше незавидное. Эхъ, кабы воля, да воля! Что бы намъ хоть одного проклятаго метальника покупать въ Днѣпрѣ?

— А тамъ добрались бы и до всѣхъ, — прервалъ старикъ: — и злыхъ и добрыхъ, — топи всѣхъ сряду. Нѣтъ, ребятушки, какъ у нашего брата руки расходятся, такъ и воля будетъ хуже неволи.

— Да за чтожъ, дѣдушка, въ старину-то насъ никто не обижалъ?

— Право? Да вы никакъ въ самомъ дѣлѣ повѣрили этому краснобаю? Эхъ, дѣтушки! Я два вѣка изжилъ, такъ лучше повѣрьте мнѣ, старику. Бывало и худо и хорошо, что грѣхъ таить: и при бабушкѣ нашего Государя, премудрой Ольгѣ, злые господа народъ обижали, и при сынѣ ея, Святославѣ Игоревичѣ. Коли безъ того! Вѣдь одному за всѣми не усмотрѣть. Кто говоритъ,—и при нашемъ батюшкѣ, Великомъ Князѣ, подчасъ бываетъ со всячинкою. Да чтожъ дѣлать, ребятушки? Видно, ужъ свѣтъ на томъ стоитъ!

— Да о какомъ онъ все толковалъ Аскольдѣ, дѣдушка?

— Неужели не знаешь? Ну, вотъ, что похороненъ тамъ... близъ мѣста Угорскаго, надъ самою рѣкою.

— А кто онъ былъ таковъ?

— Прахъ его знаетъ! Такъ, какой-нибудь ледащій князишка. Чай, въ его время лѣнивый не обижалъ Кіева. То ли дѣло теперь. И подумать-то никто не смѣетъ. Вотъ недавно завозились было ятвяги да радимичи: много взяли! Лишь только нашъ удалой князь брови нахмурилъ, такъ они мѣста не нашли. Что тутъ говорить! — продолжалъ старикъ съ возрастающимъ жаромъ. — Да бывалъ ли на Руси когда-нибудь такой могучій Государь; да леталъ ли когда по поднебесью такой ясный соколъ, какъ нашъ соколъ, какъ нашъ батюшка Владиміръ Святославичъ?..

— Правда, правда!—закричали почти всѣ рыбаки.

— А какъ выѣдетъ нашъ кормилецъ,—промолвилъ одинъ изъ нихъ,—на борзомъ конѣ своемъ, впереди

своихъ удалыхъ витязей — что за молодецъ такой! — Такъ, глядя на него, сердце и запрыгаетъ отъ радости.

— Да какъ сердцу и не радоваться, — подхватилъ другой, — вѣдь онъ нашъ родной: ему честь — намъ честь!

— Эхъ, ребята, — вскричалъ третій, — напрасно мы не связали этого разбойника. Лѣшій его знаетъ, кто онъ таковъ: ужъ не ятвяги ли его подослали?

— Да, парень, — прервалъ молодой рыбакъ — хватился!.. Поди-ка догоняй его; смотри: чуть видно... Экъ онъ началъ сажать, — словно птица летитъ!.. Вонъ въѣхалъ ужъ въ Пачайну... [1]).

— Пусть ѣдетъ, куда хочетъ, — сказалъ старикъ, — лишь только бы къ намъ не заѣзжалъ. А вотъ и уха сварилась, — продолжалъ онъ, отвѣдывая изъ котла деревянною ложкою. — О, да знатная какая!.. Ну, чтожъ, дѣтушки, въ кружокъ! Поужинаемъ засвѣтло, а тамъ и за работу.

Всѣ рыбаки, выключая Дулеба, усѣлись кругомъ котла.

— А ты что, Дулебушка? — спросилъ старикъ. — Присядь къ намъ, да похлебай ушицы. Эхъ, дитятко, полно! Горе горемъ, а ѣда ѣдою. Садись!

Вмѣсто отвѣта, Дулебъ покачалъ печально головою и остался на прежнемъ мѣстѣ.

— Зачахнетъ онъ совсѣмъ! — сказалъ вполголоса старикъ. — Легко ль, сердечный, не пьетъ, не ѣстъ...

— Небойсь, дѣдушка, — прервалъ молодой рыбакъ, подвигаясь къ котлу: — проголодается, такъ станетъ ѣсть, — вѣдь голодъ-то не тетка. Ну-те-ка, ребята, принимайтесь за ложки! Авось, смотря на насъ, и его разберетъ охота!

II.

Теремный дворъ, въ которомъ Владиміръ любилъ угощать своихъ витязей, стоялъ, въ его время, на самомъ видномъ мѣстѣ древняго Кіева, близъ нынѣшней

[1]) Рѣчка, впадающая въ Днѣпръ.

Андреевской церкви, сооруженной на развалинахъ *каменнаго терема*, изъ коего, по сказаніямъ лѣтописца, Великая Княгиня Ольга смотрѣла на торжественный въѣздъ пословъ древлянскихъ, помышляя о кровавой тризнѣ, уготовляемой сю въ память убіеннаго ея супруга. Тутъ же, передъ самымъ теремнымъ дворомъ, стояло капище Перуна, на холмѣ, на коемъ впослѣдствіи сооружена была церковь святого Василія, а нынѣ возвышается храмъ во имя Трехъ Святителей.

Въ то самое время, какъ рыбаки, утоливъ голодъ, принялись снова толковать и шумѣть межъ собою, вверху, надъ ихъ головами, глубокая тишина царствовала кругомъ дворца княжескаго. Молчали гусли златострунныя, и не раздавался веселый звукъ братинъ и кубковъ, которыми *чокались* храбрые витязи, выпивая ихъ однимъ духомъ за здравіе удалого Князя Владиміра; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца народъ шумѣлъ еще по улицамъ великаго Кіева. Поселяне и жители посадовъ кіевскихъ, собравшись отдѣльными толпами, пѣли пѣсни на обоихъ берегахъ Днѣпра; на песчаныхъ косахъ и отмеляхъ пылали яркіе огни; койгдѣ мелькали по водѣ, какъ блуждающія звѣзды, небольшіе огоньки, разведенные на лодкахъ рыбаковъ, которые сбирались *багрить* сонныхъ осетровъ и бѣлугъ. На городскомъ Подолѣ, тогда еще не засаленномъ, близъ божницы Велесовой, рѣзвились молодыя горожанки; онѣ то свертывались въ шумные хороводы, то заплетали плетень, и громкіе ихъ припѣвы Диду и Ладѣ разносились по окрестности.

Нѣсколько молодыхъ кіевлянъ, между коихъ можно было тотчасъ замѣтить, по гордой осанкѣ, варяжскихъ воиновъ и гридней княжескихъ, стояли небольшою толпою поодаль отъ хороводовъ и любовались на игры красныхъ дѣвушекъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ сей толпы, подъ самымъ навѣсомъ притвора Велесова капища, стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, гигантскаго роста мужчина, закутанный въ широкую, темнаго цвѣта, ерхнюю одежду, похожую нѣсколько на греческую

мантію. Онъ не смотрѣлъ на хороводы веселыхъ дѣвицъ, не слушалъ ихъ пѣсней; казалось, все вниманіе его было устремлено на одинъ отдаленный предметъ: онъ пристально глядѣлъ на поросшую частымъ кустарникомъ гору, которая опускалась съ одной стороны пологимъ скатомъ къ кіевскому Подолу, а съ другой—нависла утесомъ надъ песчанымъ берегомъ Днѣпра. На самомъ верху сей горы бѣлѣлось четвероугольное, съ двумя красивыми теремами, зданіе, обнесенное толстымъ и высокимъ тыномъ. Эта гора называлась впослѣдствіи Кучинскою; въ этомъ домѣ жилъ Богомилъ, верховный жрецъ Перунова капища.

— Да чтожъ мы, братцы, стоимъ здѣсь, розиня ротъ, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, которые продолжали смотрѣть издали на игры дѣвушекъ:—кто намъ заказалъ подойти поближе?

— Въ самомъ дѣлѣ, Стемидъ говоритъ правду, — подхватилъ высокій, но неуклюжій воинъ, въ остроконечномъ шеломѣ и стальномъ нагрудникѣ: — подойдемте поближе!

— Нѣтъ, молодцы, не трогайте нашихъ дѣвушекъ,— прервалъ степеннаго вида кіевскій гражданинъ, приподнявъ вѣжливо свою шапку:—вы ихъ распугаете.

— Распугаемъ? — повторилъ грубымъ голосомъ воинъ.—Ахъ, ты неразумный сынъ! Что мы печенѣги что ль; чего насъ бояться кіевскимъ красавицамъ?

— Кто и говоритъ, государь милостивый, — продолжалъ гражданинъ: — вы господа честные, витязи великокняжескіе; да не пригоже нашимъ сестрамъ и дочерямъ водиться съ людьми ратными.

— А съ кѣмъ же?.. Чай, съ вашей братьей, торгашами кіевскими?

— Да не во гнѣвъ будь сказано твоей милости, — раздался позади воина веселый голосъ:—съ торгашами-то кіевскими водиться прибыльнѣе, чѣмъ съ вами, господа храбрые витязи! Не даромъ сложена пѣсенка:

«Ой, ты гой еси, богатый гость!
Ты богатый гость, сынъ купеческій;

Не красивъ, не пригожъ ты, мой батюшка,
А красивы, а пригожи твои денежки».

Варягъ обернулся: подлѣ него стоялъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ простомъ смуромъ кафтанѣ. Онъ былъ роста небольшого; но огромная голова его напоминала древнюю повѣсть о сильномъ и могучемъ Полканѣ-богатырѣ, у котораго, по словамъ преданія, *буйная головушка была съ пивной котелъ*. Красныя и раздутыя его щеки, небольшіе прищуренные глаза, ротъ, который почти соединялъ оба уха, круглый вздернутый кверху носъ, и вдобавокъ какая-то простосердечная и въ то же время лукавая улыбка, отъ которой носъ кривился въ одну сторону, а ротъ въ другую, — все это вмѣстѣ составляло такую смѣшную и странную физіономію, что варягъ, захохотавъ во все горло, вскричалъ:

— Стемидъ, Простѣнъ, посмотрите-ка: что это за чудо морское?

— Э, да я знаю этого красавца,—сказалъ Стемидъ:— это Торопка-Голованъ. Зачѣмъ сюда пожаловалъ, молодецъ? Ужъ не хочешь ли отбивать у меня красныхъ дѣвушекъ?

— Гдѣ намъ тягаться съ вашею милостью!—отвѣчалъ приземистый дѣтина.—Ты стремянный великокняжескій, собой молодецъ, а мы что?.. Правда, если и у тебя въ карманѣ-то не побрякиваетъ,—продолжалъ онъ, скривя свой ротъ,—такъ не много же и ты возьмешь, бояринъ!

— Ахъ, ты огородное пугало!—вскричалъ одинъ осанистый и толстый купецъ.—Да чтожъ ты этакъ порочишь нашихъ дѣвушекъ? Развѣ онѣ товаръ какой? Ну, что зубы-то оскалилъ? Да еслибъ твою дурацкую образину вылить всю изъ чистаго золота и осыпать самоцвѣтными каменьями, такъ онѣ и тогда бы взглянуть на тебя не захотѣли.

— Ну, пусть на него,—подхватилъ видный собою юноша, въ которомъ, по богатой одеждѣ, не трудно было узнать одного изъ гридней княже-

скихъ [1]):—да неужли-то и нашему брату ни о чемъ нельзя съ ними рѣчи повести?

— Ихъ дѣло непривычное, господинъ честной,— отвѣчалъ купецъ:—какъ подойдете, такъ онѣ всѣ до одной разбѣгутся.

— Да чтожъ онѣ такія неповадливыя?—прервалъ воинъ.—Ну, сторонка:—продолжалъ онъ, обращаясь къ Стемиду.—Нѣтъ, на моей родинѣ не только дѣвушки, да и жены молодыя не походятъ на вашихъ пугливыхъ кіевлянокъ. У насъ по всему поморью только и житья, что ратнымъ людямъ. Клянусь Оденомъ, бывало ни одна красавица не повстрѣчается съ молодцомъ Фрелафомъ безъ того, чтобъ не взглянуть на него умильно или не промолвить слова ласковаго!

— Разсказывай намъ сказки-то!—подхватилъ улыбаясь гридня.—Вамъ хорошо, варягамъ, похваляться: издалека пришли. Ну, что ты, Фрелафъ, расхвастался, въ самомъ дѣлѣ! Послушай-ка, братъ: случалось ли тебѣ когда-нибудь въ тихую погоду припадать лицомъ къ рѣкѣ, чтобъ напиться водицы?

— Какъ не случаться.

— Такъ вспомни-ка хорошенько: чай, всякій разъ тебѣ казалось, что самъ дѣдушка водяной выглядываетъ на тебя изъ омута. Ну, съ твоимъ ли краснымъ носомъ да рыжими усами приглянуться молодой дѣвушкѣ!

— Такъ чтожъ: развѣ надобно витязю походить на дѣвчонку, какъ товарищу твоему, Всеславу?

— Всеславу?.. Да, Фрелафъ, онъ покрасивѣе тебя и помоложе, а попытайся-ка съ нимъ схватиться! Всеславъ и не этакихъ молодцовъ, какъ ты, за-поясъ затыкалъ.

— Какъ, чтобъ этому мальчишку неудалому досталось...

— Такъ, видно, братъ Фрелафъ, ты не видалъ, какъ на послѣдней игрушкѣ богатырской, передъ кня-

---

1) Гридни и отроки княжескіе — тоже, что тѣлохранители и оруженосцы.

жескимъ теремомъ, онъ сбилъ съ поля Яна Ушмовца и смучилъ совсѣмъ удалого витязя Рохдая?

— Неужли въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ же! Да съ той-то самой поры онъ и попалъ въ любимые отроки нашего Великаго Князя.

— Да что Всеславъ въ Кіевѣ что ль? — спросилъ гридня.—Вотъ ужъ дней десять я его не видалъ.

— И я также,—прибавилъ варягъ.

— А я хоть и видѣлъ,—сказалъ Стемидъ,—да не узнаю. Вы помните, какой онъ былъ весельчакъ, а теперь какъ въ воду опущенный: все о чемъ-то думаетъ. Кручина что ль какая на сердце пала, не знаю. Подумаешь, такъ о чемъ ему тосковать: Великій Князь его жалуетъ, отца и матери у него нѣтъ, ни роду, ни племени, — такъ, кажется, о комъ бы у него и сердцу болѣть?

— Да откудова же взялся этотъ безродный и какъ попалъ въ княжескіе отроки?--спросилъ варягъ.

— Родомъ-то онъ, кажется, изъ Великаго Новгорода,—сказалъ гридня;—а кто былъ его отецъ, объ этомъ никто изъ насъ не слыхивалъ.

— Такъ, видно, онъ какой-нибудь подкидышъ,— сказалъ съ презрѣніемъ варягъ. — Можетъ статься, отецъ-то его былъ гдѣ-нибудь бродягою или разбойникомъ, такъ не диво, что сынокъ пошелъ по батюшкѣ: чай, тоскуетъ теперь о томъ, что живетъ не на своей волѣ,—въ лѣсъ хочется.

— Слушай, Фрелафъ,—вскричалъ съ досадою Стемидъ:—не глумись надъ тѣмъ, кто тебя лучше! Всеславъ—отрокъ княжескій, а ты что?.. Простой мечникъ.

— Да зато не русинъ, а варягъ,—прервалъ съ гордостію Фрелафъ,—и знаю моего отца: онъ княжескаго рода.

— Да, да,—подхватилъ съ улыбкою гридня:—вы всѣ варяги—князья, только княжить-то вамъ негдѣ. Но не о томъ дѣло!.. Не знаю, какъ вы, а я мыслю такъ: Всеславъ не даромъ сталъ такимъ нелюдимымъ. Знаете что? Ужъ не принялъ ли онъ вѣры греческой? Я слы-

халъ, будто бы кого эти чародѣи-христіане обольстятъ, такъ тотъ хоть живой въ могилу ложись. Всѣ наши потѣхи молодецкія, и пѣсни, и пляски, и красны дѣвушки, и всякое житейское веселье не взмилится. Говорятъ, покойный батюшка нашего Князя былъ гроза грозою на этихъ колдуновъ, а все ихъ много осталось. Эхъ, не въ мѣру милостивъ нашъ Государь Великій Князь! И если въ самомъ дѣлѣ эти злые люди прельстили любимаго его отрока.

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ,—сказалъ Стемидъ.—Я сначала тоже думалъ, да онъ поклялся мнѣ Перуномъ, что ненавидитъ христіанъ, и разсказывалъ мнѣ, что слыхалъ отъ верховнаго жреца, Богомила, съ которымъ онъ часто бесѣдуетъ, такія рѣчи объ этихъ проклятыхъ кудесникахъ, что волосы у него становятся дыбомъ, когда онъ повстрѣчается съ христіаниномъ. Богомилъ сказывалъ ему, что они сбираются по ночамъ, близъ Аскольдовой могилы, на развалины бывшаго ихъ храма, который построилъ, при Княгинѣ Ольгѣ, какой-то бояринъ Ольмъ, а послѣ приказалъ разорить Князь Святославъ Игоревичъ; что у нихъ тутъ происходятъ такія богомерзкія дѣла, что даже кіевскія вѣдьмы близко къ тому мѣсту не подходятъ; что они ѣдятъ малыхъ дѣтей, пьютъ кровь человѣческую, поклоняются какимъ-то расписнымъ доскамъ, и вмѣсто того, чтобъ чтить всемогущаго Перуна, Свѣтовида, Ладу или хоть варяжскаго Одена, молятся злому Чернобогу и просятъ его извести нашего отца, Великаго Князя Владиміра. А вы знаете, братцы, какъ любитъ его Всеславъ: такъ дастъ ли онъ себя прельстить этимъ злодѣямъ.

— Отчего же онъ такъ перемѣнился?—спросилъ гридня.

— Допытаться не могъ, а замѣтилъ только одно, что нѣсколько дней сряду онъ, каждое утро, выѣзжаетъ чѣмъ-свѣтъ изъ Кіева и возвращается не прежде полуденъ. Мнѣ онъ говоритъ, что будто объѣзжаетъ Сокола, своего вороного коня. Но зачѣмъ же онъ ѣздитъ

всегда одинъ и не беретъ даже съ собою слуги своего? Да добро, ужъ я же его подстерегу!

— Тсъ, тише, тише, братцы!—сказалъ варягъ.— Вонъ, кажется, дѣвушки собрались въ кружокъ; вѣрно, какая-нибудь красавица хочетъ спѣть пѣсенку. Послушаемъ...

Фрелафъ не ошибся: все затихло въ шумномъ хороводѣ, и одна изъ дѣвушекъ запѣла звонкимъ и пріятнымъ голосомъ:

«Не весенній вѣтерокъ
Съ полуденъ подулъ,
Не былиночка, сиротиночка
Въ полѣ зашаталася,—
Заревѣли вѣтры буйные,
Закачался темный боръ,
И всѣ гости поднебесные,
Сизокрылые орлы,
По глубокимъ дебрямъ прятались,
И всѣ мелки пташечки
По кусточкамъ притаилися.
Одна только пташечка,
Сиротина горлинка,
Безъ пріюту оставалася:
Она ждала, поджидала
Свово сизаго голубчика.

***

У окошечка, у косящата,
Красна дѣвица сидитъ,
Поджидая друга милаго
Изъ далекой стороны,
Въ слезахъ поетъ, рыдаючи:

***

«О, вѣтеръ, вѣтеръ государь!
Тебѣ мало ли высокихъ горъ
Подъ облаками дуть,
Иль не стало тебѣ моря синяго
Разыграться, распотѣшиться?
Не бушуй ты во чистомъ полѣ,
Не мути широкій Днѣпръ,
Не мѣшай ты другу милому
На свою родимую сторонушку
Воротиться поскорѣй».

— Ай-да соловьиное горлышко!—сказалъ большеголовый дѣтина.—Ну, знатно пропѣла!.. Да и пѣсенка сложена хитро.

— Клянусь Геллою,—вскричалъ варягъ,—эта пѣвица стоитъ Фрелафова поцѣлуя, и во что бы ни стало, я ее поцѣлую.

— А если она чья-нибудь невѣста? — прервалъ Стемидъ.

— Такъ чтожъ?

— И женихъ ея здѣсь?

— Тѣмъ лучше: я при немъ ее поцѣлую.

— А если онъ дѣтина плечистый и не любитъ, чтобъ его невѣсту цѣловали?

— Не любитъ! А мнѣ какое до этого дѣло?

— Полно хвастать, Фрелафъ!—подхватилъ гридня.— Ты только боекъ на словахъ, а какъ дойдетъ дѣло до кулаковъ, такъ первый за кустъ спрячешься.

— Кто? Я?—вскричалъ Фрелафъ.—Я, природный варягъ, побоюсь вашихъ русскихъ кулаковъ? Такъ ступайте же за мною: я вамъ покажу, какъ у насъ за моремъ цѣлуютъ красныхъ дѣвушекъ!

Фрелафъ расправилъ свои огромные усы, понадвинулъ на глаза стальной шлемъ и выступилъ впередъ.

Стемидъ, гридня и нѣсколько другихъ молодыхъ воиновъ пошли вмѣстѣ съ нимъ. Дѣвушка, пропѣвшая пѣсню, сидѣла на травѣ посреди своихъ подругъ. Увидя приближающуся толпу ратныхъ людей, она поспѣшно вскочила; хороводъ разстроился, и всѣ ея подруги, какъ дождь, разсыпались по лугу.

— Не хорошо, господа честные, не хорошо!—кричали граждане кіевскіе, идя вслѣдъ за воинами.—Не трогайте нашихъ дѣвушекъ!

Но молодые люди, не слушая сихъ криковъ, стали ихъ ловить, а Фрелафъ пустился догонять пѣвицу, которая побѣжала прямо къ Велесову капищу.

— Ага, попалась, пѣвунья!—закричалъ варягъ, схвативъ ее за руку.—Да небось, голубушка, вѣдь я не медвѣдь, не съѣмъ тебя.

— Пусти меня, пусти!—кричала дѣвушка, стараясь освободиться изъ рукъ варяга.

— Нѣтъ, прежде поцѣлуй, красавица!.. Да полно

рваться-то! Я сказалъ, что тебя поцѣлую,—и вертись себѣ какъ хочешь, а я поставлю на своемъ,

— Посмотримъ!—загремѣлъ грубый голосъ у самыхъ дверей Велесова храма, и мужчина колоссальнаго роста въ два прыжка очутился подлѣ варяга.— Оставь эту дѣвушку,—продолжалъ незнакомый,—или я, несмотря на твою желѣзную шапку, размозжу тебѣ голову.

— Кому? Мнѣ?—сказалъ Фрелафъ, схватясь правою рукой за рукоятку своего меча и продолжая держать въ лѣвой руку пойманной имъ дѣвушки.—Да кто ты самъ таковъ, чтобъ смѣлъ указывать и грозить варяжскому витязю Фрелафу?

— Я тебѣ говорю, пусти ее!—повторилъ незнакомецъ, поднявъ руку.

— Ого, ты хочешь драться!—закричалъ варягъ, отступя шагъ назадъ и выхвативъ изъ ноженъ свой мечъ.—Постой, поганый русинъ, я съ тобой перевѣдаюсь!

Быстрѣе молніи опустился тяжелый кулакъ незнакомца, и мечъ выпалъ изъ онѣмѣвшей руки варяга. Дѣвушка, освободясь изъ рукъ его, побѣжала къ своимъ подругамъ, которыя снова собрались въ кучу и, окруженныя кіевскими гражданами, шли прямо къ городу. Фрелафъ нагнулся, чтобъ поднять свой мечъ, но, оглушенный новымъ ударомъ, почти безъ памяти упалъ на землю.

— Что, молодецъ, — сказалъ насмѣшливо незнакомый:—каково цѣлуются русскія красавицы? Да чтожъ ты лежишь?.. Вставай!.. Ага, храбрый витязь, видно, смекнулъ: знаешь, что на Руси лежачихъ не бьютъ! Да добро, такъ и быть, я тебя и стоячаго не трону,— вставай!

Фрелафъ съ трудомъ приподнялся на ноги.

— Теперь ступай къ своимъ товарищамъ, — продолжалъ незнакомецъ;—да скажи имъ, чтобъ они впередъ не обижали нашихъ дѣвушекъ.

Но варягъ не очнулся еще отъ послѣдняго удара

и, устремивъ на незнакомца свои одурѣлые и неподвижные глаза, стоялъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ.

— Ну, чтожъ ты, витязь Фрелафъ,—сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, незнаконецъ:—иль у тебя языкъ и ноги отнялись? То-то же! Видно еще, братъ, никогда не отвѣдывалъ русскаго кулака? Ахъ, вы, грабители, грабители! Нашли, кого обижать, буяны! Да чего и ждать отъ шайки разбойниковъ, у которой атаманомъ убійца родного своего брата.

— Товарищи, товарищи, сюда!—заревѣлъ Фрелафъ, бросившись бѣжать отъ незнакомца.

— Ой, ты, могучій богатырь, — закричалъ вслѣдъ ему незнакомый,—постой, подыми свой булатный мечъ: неравно наткнешься на какую-нибудь посадскую бабу, такъ было бы чѣмъ обороняться.

Но варягъ бѣжалъ, не оглядываясь; товарищи его были ужъ далеко: они отправились вслѣдъ за дѣвушками въ городъ и не могли ни слышать его голоса, ни поспѣть къ нему на помощь.

Незнакомецъ завернулся снова въ верхнюю свою одежду, сѣлъ на одной изъ ступеней Велесова капища и устремилъ попрежнему внимательный взоръ на вершину Кучинской горы.

III.

Прошло болѣе часу. Послѣдній свѣтъ отъ догорающей зари становился все блѣднѣе и блѣднѣе; тѣни сгущались, прозрачныя облака темнѣли, и безлунная ночь, разстилая по небесамъ свою звѣздную мантію, медленно опускалась надъ засыпающими волнами Днѣпра. Вотъ затихло все въ окрестности, и отъ-времени-довремени глубокая тишина прерывала отдаленный гулъ и глухой, невнятный говоръ многолюднаго города. Огни потухали одинъ послѣ другого; вотъ замолкли веселыя пѣсни, затихъ шумъ по улицамъ,—все покрылось темнотою... Вдругъ на вершинѣ Кучинской горы, въ

одномъ изъ теремовъ бѣлаго зданія, замелькалъ слабый огонекъ.

— А, вотъ и условленный знакъ!—сказалъ незнакомый, вставая.—Кажется... Да, такъ точно, въ третьемъ окнѣ полуденнаго терема.

Въ близкомъ разстояніи раздался шелестъ отъ шаговъ поспѣшно идущаго человѣка; онъ шелъ прямо къ божницѣ Велесовой, распѣвая вполголоса:

«Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова Князя Владиміра,
А и было пированье, почетный пиръ,
А и было столованье, почетный столъ...»

— Это ты, Торопъ?—спросилъ незнакомецъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ пѣвцу, который, снявъ вѣжливо шапку, поклонился ему въ поясъ и сказалъ:

— Да, бояринъ, это я.

— И ты поешь эту проклятую пѣсню, и ты величаешь Владиміра?!

— Не погнѣвайся, бояринъ: изъ пѣсни слова не выкинешь; а въ Кіевѣ только и пѣнья, что о князѣ Владимірѣ. Вотъ вечоръ я перенялъ еще пѣсенку, которую сложилъ Соловей Будимировичъ, любимый пѣвецъ великокняжескій. Ахъ, бояринъ, что за пѣсня! Послушай-ка!..

«Свѣтелъ, свѣтелъ мѣсяцъ во полуночи,
Ясно солнышко во весенній день;
А свѣтлѣе чиста мѣсяца,
А яснѣе красна солнышка
Нашъ Великій Князь...»

— Молчи! — закричалъ съ нетерпѣніемъ незнакомецъ.—Развѣ ты для того живешь въ Кіевѣ, чтобъ перенимать глупыя пѣсни?

— Не гнѣвайся, бояринъ: пѣсни пѣснями, а дѣло дѣломъ! Тебя дожидается Богомилъ.

— Онъ дожидается меня,—повторилъ незнакомецъ,—и, быть-можетъ, для того, чтобъ выдать головою своему Великому Князю... Но погоди, старая лисица, ты не

перехитришь меня, и еслибъ только мнѣ удалось... Торопъ, добился ли ты, наконецъ, толку; узналъ ли ты, у кого изъ гридней или отроковъ владимiровыхъ нѣтъ ни роду, ни племени?

— У кого? Да они почти всѣ безродные: у одного отецъ и мать за моремъ, у другого въ Великомъ Новгородѣ. Вѣдь при лицѣ княжескомъ и десяти витязей не начтешь изъ здѣшнихъ природныхъ кiевлянъ.

— Итакъ, ты до сихъ поръ ничего не умѣлъ провѣдать?

— Да давно ли, бояринъ, я живу въ Кiевѣ? Давно ли приказалъ ты мнѣ идти въ услуженiе къ этому Богомилу, который самъ ѣстъ за десятерыхъ, а домочадцевъ своихъ моритъ голодомъ? Не даромъ про него сложена пѣсенка:

„А и тученъ нашъ верховный жрецъ,
А и тощи его слуги вѣрные;
Ужъ какъ примется, нашъ батюшка,
Онъ глотать по цѣлому быку"...

— Мнѣ некогда слушать твоихъ пѣсенъ! — прервалъ съ досадою незнакомецъ. — И еслибъ ты поменѣе пѣлъ, а поболѣе думалъ о томъ, что тебѣ приказано, такъ, можетъ статься, давно бы ужъ не жилъ у Богомила. Я знаю, что тотъ, кого мы ищемъ, служитъ при Владимiрѣ; Богомилу извѣстна эта тайна; да отъ этого хитраго кудесника и самъ владыка его, Чернобогъ, не добьется правды. Ты говоришь, что почти у всѣхъ отроковъ Владимiровыхъ нѣтъ ни роду, ни племени? Пусть такъ, но они знаютъ своихъ отцовъ и матерей! А нѣтъ ли изъ нихъ такого, который не знаетъ не только отца и матери, но даже своей родины, и которому не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду?

— Да вотъ сегодня, бояринъ, передъ закатомъ солнечнымъ, я подслушалъ, какъ здѣсь на Подолѣ шла рѣчь у княжескихъ витязей о какомъ-то Всеславѣ, и одинъ усатый варягъ, потѣшаясь надъ нимъ, называлъ его безроднымъ. Они говорили, что онъ каждый

день чѣмъ свѣтъ выѣзжаетъ изъ Кіева на своемъ ворономъ конѣ, а зачѣмъ и куда — никто изъ нихъ не знаетъ. Погоди, бояринъ, я не проронилъ этихъ рѣчей и, можетъ статься... Да что объ этомъ говорить, утро вечера мудренѣе! А теперь не пора ли тебѣ къ Богомилу? Вѣдь онъ давно уже дожидается.

— Пойдемъ!—сказалъ незнакомецъ.—Посмотримъ, что скажетъ мнѣ этотъ премудрый бездушникъ!

Они не прошли десяти шаговъ, какъ вдругъ Торопъ остановился и, поднимая что-то съ земли, сказалъ:

— Что это? Бояринъ, бояринъ, посмотри-ка мою находку! Мечъ... да еще, кажется, не простой!..

— Брось его! — сказалъ незнакомецъ. — Ты человѣкъ не ратный, а онъ и тебѣ руки замараетъ.

— И, что ты, бояринъ: онъ чистехонекъ,—за что бросать!—продолжалъ Торопъ, затыкая за поясъ свою находку.—Можетъ статься, онъ солида четыре стоитъ [1]); а прошу не погнѣваться, бояринъ, по милости твоей у меня и полшляга за душой не осталось: всѣ проѣлъ до чиста, чтобъ не умереть съ голоду, съ тѣхъ поръ, какъ живу у этого скряги Богомила.

Незнакомецъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ идти молча къ тому мѣсту, гдѣ начиналась пробитая въ гору, почти по отвѣсной линіи, крутая тропинка. Она служила кратчайшимъ путемъ для тѣхъ, кои не хотѣли идти широкою и покойною дорогою, которая, изгибаясь по крутому скату и опоясывая нѣсколько разъ всю полуденную сторону Кучинской горы, вела на самую ея вершину.

Покрытыя соломою низенькія лачужки для сторожей, клѣти, построенныя на высокихъ столбахъ, и обширные огороды, которые, начинаясь отъ средины Подола, тянулись до самой подошвы Кучинской горы, были нѣкогда единственнымъ предмѣстьемъ сѣверо-восточной стороны древняго Кіева. Наблюдая глубо-

---

[1]) *Солидъ*—греческая золотая монета тогдашняго времени, величиною съ червонецъ; *шлягъ*—мелкая серебряная монета.

кое молчаніе, незнакомый и провожатый его вошли въ одинъ изъ безчисленныхъ закоулковъ, кои составляли заборы и плетни, отдѣлявшіе одинъ огородъ отъ другого. Все было тихо кругомъ. Ночные сторожа дремали у дверей своихъ избушекъ, и только изрѣдка кой-гдѣ вскрикивалъ кузнечикъ, и отъ-времени-до-времени прохладный весенній вѣтерокъ шепталъ въ густыхъ листьяхъ кудрявой рябины или вѣтвистой черемухи.

— Бояринъ!—сказалъ Торопъ, прервавъ, наконецъ, продолжительное молчаніе. — Хоть и не пристало бы мнѣ первому заводить съ тобою рѣчь, но не погнѣвайся, если я спрошу тебя: ради чего ты живешь такимъ отшельникомъ? Когда мы были еще на чужой сторонѣ, ты больно тосковалъ тогда о святой Руси; да и не диво: хвалисскій городъ Атель, въ которомъ мы жили, въ пригородье Кіеву не годится; а объ хвалисахъ, узахъ, печенѣгахъ и говорить нечего: народъ поганый, хуже чѣмъ эта чудь бѣлоглазая и мещера долгополая. Помнишь ли, бояринъ, бывало какъ затяну пѣсенку:

«Ужъ какъ тошно, тошно ясну соколу
Съ коршунами жить»...

такъ у тебя слезы на глазахъ навернутся. Ну, вотъ, по милости боговъ, мы опять на своей динѣ, и ужъ годовъ пятокъ, побольше, какъ ушли съ тобою изъ земли печенѣжской, а что толку-то? Ты забился въ лѣсъ, живешь въ лачужкѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ! Да этакъ все равно, еслибъ ты и вовсе у печенѣговъ остался; лѣса тамъ не хуже здѣшнихъ, а Волга-то почище нашего кіевскаго Днѣпра: какъ расходится, матушка, такъ словно море Хвалисское, есть гдѣ поразгуляться, — не сядешь на мель, не наткнешься, какъ у насъ, на пороги. Нѣтъ, бояринъ, воля твоя, а житье твое не житье! Э, знаешь ли что? Вѣдь я еще тебѣ объ этомъ не сказывалъ: ты здѣсь не одинъ живешь

въ лѣсу,—я недавно набрелъ на хижину стараго дровосѣка. Предобрый человѣкъ! Я заплутался и усталъ до смерти, а онъ не спросилъ даже кто я, а накормилъ и напоилъ какъ родного. Я заходилъ къ нему еще раза два; и въ послѣдній разъ близко часу проболталъ съ его дочерью... Ну, ужъ дѣвушка! Сродясь такихъ не видывалъ! Какъ подумаешь, что такая красавица живетъ почти одна-одинехонька въ дремучемъ лѣсу! Эхъ, сиротинка, сиротинка горемычная! Другія пѣсенки попѣваютъ, играютъ въ хороводахъ, колядуютъ, вѣнки заплетаютъ да жениховъ высматриваютъ, а она, сердечная, словно горлинка одинокая, и свѣту божьяго не видитъ! Только и отрады-то, что пойдетъ иногда побродить по лѣсу да послушать, какъ птички поютъ. Она говоритъ, что любитъ мои сказки; не диво: что ей, голубушкѣ, отъ скуки-то дѣлать, съ кѣмъ словечко перемолвить? Отецъ ея часто уходитъ въ Кіевъ, такъ сидѣть все одной, отъ ранняго утра до позднихъ сумерекъ, вѣдь этакъ и одурь возьметъ,—день-деньской за веретеномъ... Э, чуть было не забылъ, — она просила меня купить ей веретено поузорчатѣе. Купить-то я купилъ, да когда удастся къ ней отнести? Что, бояринъ, завтра я тебѣ не надобенъ? Ась? Что?.. Да ты меня не слушаешь? — промолвилъ болтливый Торопъ, замѣтивъ, наконецъ, что господинъ его говоритъ вполголоса съ самимъ собою и не обращаетъ никакого вниманія на его слова.

— Бояринъ, бояринъ!..

— Ну, что?.. — спросилъ незнакомый съ разсѣяннымъ видомъ.—О какомъ ты говоришь веретенѣ?

— А вотъ объ этомъ, — сказалъ Торопъ, вынимая изъ-за пазухи раскрашенное яркими красками деревянное веретено.—Я купилъ его для дочери дровосѣка, о которомъ сейчасъ тебѣ разсказывалъ, и если ты дозволишь... Постой, постой, бояринъ!.. Чшни-ка...—продолжалъ вполголоса Торопъ, указывая пальцемъ на уголъ дощатаго забора, на которомъ отразился слабый свѣтъ.—Что это?.. Никакъ сюда идутъ съ огнемъ

— Въ самомъ дѣлѣ! — отвѣчалъ незнакомый. — Я слышу шорохъ... да, точно! Сюда идутъ.

Яркій свѣтъ блеснулъ изъ-за угла забора, и шагахъ въ тридцати отъ нихъ показались двое рослыхъ мужчинъ, поспѣшно идущихъ. Одинъ изъ нихъ несъ въ рукѣ зажженный факелъ, отъ котораго свѣтъ, отражаясь на стальномъ шлемѣ его товарища, вполнѣ освѣщалъ его красный носъ и огромные рыжіе усы.

— Спрячемся, бояринъ! — шепнулъ съ примѣтною робостію Торопъ.—Это ратные люди; а одинъ-то изъ нихъ, вотъ тотъ, что идетъ съ огнемъ, кажется, Стемидъ—ближній стремянный Великаго Князя.

— А какое мнѣ до этого дѣло? — прервалъ незнакомый.—Развѣ дорога проложена для однихъ стремянныхъ княжескихъ?

— Эхъ, бояринъ, — тебѣ какое дѣло, да меня-то онъ знаетъ; такъ ладно ли будетъ, если онъ станетъ разсказывать, что слуга верховнаго жреца таскается по ночамъ невѣдомо съ какими людьми? Спрячемся хоть въ этомъ пустомъ шалашѣ; они мигомъ пройдутъ.

Незнакомый, хотя съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, но послушался Торопа, и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ небольшой плетневый балаганъ, прислоненный къ самому забору.

Черезъ полминуты проходящіе поровнялись съ шалашомъ. Торопъ не ошибся: одинъ изъ нихъ былъ, точно, Стемидъ, а въ товарищѣ его, неуклюжемъ воинѣ съ рыжими усами и краснымъ носомъ, вѣроятно, читатели наши узнали уже варяжскаго мечника Фрелафа.

— Стой,—вскричалъ Стемидъ, прошедши мимо шалаша,—я нейду далѣе!

— И, полно,—сказалъ варягъ,—пойдемъ, ужъ недалеко осталось!

— Да куда же ты меня тащишь? Послушай, Фрелафъ, ужъ не издѣваешься ли ты надо мною?

— Что ты, Стемидъ!.. Клянусь тебѣ Оденомъ...

— Добро, не клянись, а шути надъ тѣмъ, кто тебя глупѣе!

— Да развѣ я не говорилъ тебѣ, что мы, какъ вѣрные слуги княжескіе, должны сослужить ему службу?

— Да, ты говорилъ мнѣ это, когда поймалъ меня у самаго теремнаго двора, заставилъ взять этотъ свѣточъ и потащилъ вмѣстѣ съ собою; но я хочу знать, о чемъ идетъ дѣло, и безъ этого не тронусь съ мѣста.

— Ну, такъ слушай же, Стемидъ: здѣсь, на Подолѣ, у самаго храма вашего бога Велеса, скрываются враги Великаго Князя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Помнишь, какъ я погнался за дѣвушкой, которая такъ хорошо пѣла въ хороводѣ?.. Ну, вотъ я настигъ ее у самой божницы, сталъ цѣловать, и надобно сказать правду, она не больно отбивалась. Вдругъ, откуда ни возьмись, пребольшой мужичина, да и ну позорить, и добро бъ меня, а то нашего Великаго Князя; я припугнулъ его порядкомъ, а межъ тѣмъ побѣжалъ за вами, чтобъ вы помогли мнѣ связать его, и ты попался мнѣ первый. Ну, теперь знаешь, куда и зачѣмъ ты идешь со мной?

— Куда—знаю; а зачѣмъ—не вѣдаю.

— Какъ не вѣдаешь? Вѣстимо зачѣмъ, чтобъ схватить этого разбойника.

— Да неужели ты думаешь, что онъ станетъ тамъ дожидаться до тѣхъ поръ, пока за нимъ придутъ и скрутятъ руки назадъ?.. Я чаю, ужъ теперь давнымъ-давно и слѣдъ его простылъ.

— А почему знать?

— Нѣтъ, Фрелафъ, я усталъ, и не хочу всю ночь бродить по-пустому! Прощай!

— Эхъ, братецъ, постой! Ну, если намъ не удастся поймать этого злодѣя, такъ, авось, отыщемъ мой мечъ.

— Твой мечъ?

— Ну, да! Вотъ видишь: какъ этотъ разбойникъ сталъ позорить нашего князя, такъ у меня вся кровь

закипѣла въ жилахъ! Ты знаешь, Стемидъ, я дѣтина добрый, а ужъ если расхожусь...

— Знаю, братецъ, знаю!

— Говорить непригожія рѣчи о нашемъ Великомъ Князѣ! И при комъ же?.. При молодцѣ Фрелафѣ! Вѣришь ли, Стемидъ, меня взяло такое зло, что я земли подъ собой не почуялъ!

— Вѣрю, вѣрю!

— Выхватилъ мечъ, да какъ махнулъ со всего плеча могуча!.. Ну, счастливъ, разбойникъ! Кабы я не обмишулился, такъ раскроилъ бы его на-двое!

— А ты промахнулся?

— Промахнулся, братецъ, и, вмѣсто головы этого шальнаго, хватилъ по камню. Батюшки мои, какъ посыплются искры!..

— Эге!—прервалъ Стемидъ.—То-то насъ всѣхъ и освѣтило; а ужъ мы думали, думали, что за диковинка такая?..

— Камень разлетѣлся вдребезги...—продолжалъ варягъ, нимало не смущаясь.

— И одинъ осколокъ,—прервалъ снова Стемидъ,—попалъ въ голову городскому вирнику, который на ту пору обходилъ кіевскія улицы.

— Эхъ, братецъ, ты настоящій гусляръ! Тебѣ бы все глумиться да скоморошничать. Я говорю дѣло. Вотъ, какъ ни крѣпко я держалъ въ рукѣ мечъ, а онъ вылетѣлъ.

— Зачѣмъ же ты его не поднялъ?

— Зачѣмъ! Затѣмъ, что я боялся упустить этого злодѣя и побѣжалъ скорѣй за вами.

— Такъ вотъ какую службу я долженъ сослужить Великому Князю: помочь тебѣ отыскать твой мечъ! Нѣтъ, Фрелафъ,—поберегу мой животъ до поры до времени, а эта служба мнѣ не подъ силу. Прощай!

— Постой, братецъ! Да сдѣлай отеческую милость, дойди вмѣстѣ со мною.

— Кой прахъ, Фрелафъ, уже не боишься ли ты идти одинъ?

— Кто? Я боюсь? Что ты, братецъ! Да давай на одного меня днемъ полсотни молодцовъ,—усомъ не поведу! но теперь дѣло ночное: кто знаетъ, что случится? Можетъ статься, ихъ тамъ много: зайдутъ съ тыла, наткнешься на засаду... мало ли ратныхъ хитростей? Тутъ храбрость не поможетъ; вдвоемъ то ли дѣло: стали спинами другъ къ другу, да и катай на всѣ стороны! Ну, понимаешь ли теперь?..

— Понимаю, храбрый витязь, понимаю! Я только одного въ толкъ не возьму, въ кого ты уродился? Всѣ твои земляки взросли на бояхъ, удалые воины, молодцы; а ты...

— Что я?..

— Да какъ бы тебѣ сказать? Бабой тебя назвать нельзя: усы велики; грекомъ также не назовешь: у тебя рыжіе волосы; а варягомъ назвать стыдно.

— Что ты, братецъ? Неужли въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я робѣю? Да не будь я Фрелафъ, сынъ Руслава, внукъ Руальда и правнукъ Ингелота; да чтобъ на моей тризнѣ пѣли не скальды вѣщіе, а каркали черные вороны; чтобъ въ мой доспѣхъ наряжались старыя бабы и, вмѣсто меча, изъ моихъ рукъ не выходило веретено съ пряжею...

— Возьми жъ свой мечъ, могучій богатырь Фрелафъ!—сказалъ кто-то позади насмѣшливымъ голосомъ.

Варягъ обернулся, отпрыгнулъ назадъ и вскричалъ съ ужасомъ:

— Это онъ!

— Да, это я!—продолжалъ спокойно незнакомый.— А вотъ твой мечъ,—прибавилъ онъ, бросивъ что-то къ ногамъ Фрелафа.—Подыми его, добрый молодецъ, да смотри поберегай: онъ тебѣ по плечу.

Сказавъ сіи слова, незнакомый пустился скорыми шагами вслѣдъ за небольшимъ человѣкомъ, который, закрывая лицо полою своего кафтана, бѣжалъ, не оглядываясь, по тропинкѣ, ведущей на вершину Кучинской горы. Въ полминуты они оба исчезли изъ глазъ Стемида.

— Откуда взялся этотъ долговязый?—спросилъ онъ, наконецъ, переставъ смотрѣть въ ту сторону, гдѣ скрылся незнакомый.—Не видалъ ли ты, Фрелафъ?

Варягъ не отвѣчалъ ни слова,

— Чтожъ ты, — продолжалъ Стемидъ, — онѣмѣлъ что ль? Фрелафъ, à Фрелафъ?.. Да очнись, братецъ!

— Это онъ!—промолвилъ, заикаясь, варягъ.

— Кто онъ?

— Точно, онъ!

— Да кто?

— Ну, вотъ тотъ самый, что давеча у Велесовой божницы...

— Такъ чтожъ ты прозѣвалъ его?

— Прозѣвалъ!.. Нѣтъ, братецъ, полно теперь спорить! До сихъ поръ я не давалъ вѣры рѣчамъ вашимъ; бывало какъ вы начнете разсказывать о кіевскихъ вѣдьмахъ и злыхъ чародѣяхъ, такъ я и слушать не хочу,— теперь всему вѣрю! Ахъ, батюшки, что это?.. Лишь только этотъ кудесникъ дыхнулъ мнѣ въ лицо, такъ у меня и руки опустились, и ноги онѣмѣли, и даже языкъ отнялся. Ну, не диво же, что я давеча промахнулся; онъ отвелъ мнѣ глаза... Да, да, онъ, точно, меня обморочилъ: вмѣсто себя подсунулъ камень, а самъ сквозь землю провалился.

— Статься можетъ, Фрелафъ; только я слыхалъ, что отъ испуга также языкъ отнимается.

— Да помилуй, братецъ! Если этотъ разбойникъ не чародѣй, такъ откуда же онъ взялся?

— А вотъ, можетъ быть, изъ этого шалаша.

— Какъ бы не такъ! Какъ я обернулся, такъ онъ еще по колѣни былъ въ землѣ!.. Да развѣ не слышишь, Стемидъ? Фу, какой смрадъ!

— Нѣтъ, я ничего не слышу.

— Что ты, братецъ! Такъ и пахнетъ преисподнею... Уйдемъ скорѣй отсюда.

— Погоди, Фрелафъ: подыми прежде свой мечъ.

— Мой мечъ?

— Ну, да! Онъ бросилъ что-то вотъ здѣсь наземь;

сказалъ, что это твой мечъ и совѣтовалъ тебѣ поберегать его.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ съ радостію Фрелафъ.—То-то же, видно не подъ силу пришелся этому разбойнику! Да гдѣ же онъ?

— Постой! — сказалъ Стемидъ, наклонясь. — Вотъ здѣсь, кажется... Что это?—продолжалъ онъ, подымая съ земли большое расписное веретено. — Ну, братъ, подшутилъ же онъ надъ тобою! Посмотри, каковъ твой мечъ!

— Какъ!.. Веретено!..

— Да, да, веретено!—повторилъ Стемидъ, умирая со смѣху.—Ай да молодецъ! Ну, теперь и я вижу, что онъ чародѣй.

— Ахъ, онъ собака!—заревѣлъ варягъ. — Постой, разбойникъ, вотъ я тебя!.. Держи его, держи!

— Полно горланить-то, Фрелафъ! Не умѣлъ держать, когда онъ былъ у тебя подъ носомъ, а теперь орешь.

— Ахъ, онъ проклятый кудесникъ! Да я на днѣ морскомъ его отыщу! Чтобъ я не отомстилъ за эту обиду,—я, Фрелафъ, сынъ Руслава, внукъ Руальда!..

— И правнукъ Ингелота,—промолвилъ Стемидъ.— Въ самомъ дѣлѣ, этотъ чародѣй вовсе не уважаетъ твоихъ предковъ; однако, я чаю, ты не погнѣваешься на меня, если я не отдамъ тебѣ этого расписного меча? Дозволь мнѣ похвастаться имъ передъ товарищами!

— Что ты, Стемидъ!—вскричалъ Фрелафъ.—Пожалуйста не разсказывай никому, пока я не отомщу за эту смертную обиду.. Ты знаешь нашихъ молодцовъ: какъ попадется имъ на язычокъ это веретено, такъ мнѣ житья не будетъ.

— Слушай, Фрелафъ, — сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, Стемидъ:—я парень добрый: такъ и быть, не перескажу никому о томъ, что видѣлъ; зато и ты не моги никогда хвастаться передо мною своимъ удальствомъ и богатырствомъ. Безъ меня, пожалуй

себѣ, на здоровье, ломай дубья, бери города, разбивай кулакомъ стѣны каменныя, хвастай сколько душѣ угодно; но при мнѣ, если ты заикнешься объ этомъ, а пуще, коли вымолвишь хоть одно непригожее слово о княжескомъ отрокѣ Всеславѣ, — смотри, берегись: этотъ мечъ-кладенецъ будетъ всегда со мною, и я при всѣхъ тебѣ его отдамъ... Ну, теперь пойдемъ,—пора спать. Ахъ, онъ лѣшій проклятый!—продолжалъ Стемидъ, пройдя нѣсколько шаговъ и принимаясь снова смѣяться.—И пришло же ему въ голову!.. Да кто ему шепнулъ, разбойнику, что ты храбрый витязь Фрелафъ! Ну, видно, онъ въ самомъ дѣлѣ кудесникъ!

Пристыженный варягъ, повѣсивъ голову, отправился вмѣстѣ со Стемидомъ по дорогѣ, ведущей въ Кіевъ. Онъ молчалъ, какъ убитый, и только изрѣдка, когда громкій хохотъ его товарища прерывалъ ночную тишину, бормоталъ про себя, пошевеливая своими огромными усами:

— Смѣйся, смѣйся, проклятый русинъ!—Засмѣялся бы ты у меня, кабы я былъ самъ-третей или самъ-четвертъ!

IV.

Въ высокомъ теремѣ, изъ котораго можно было окинуть однимъ взглядомъ большую часть Кіева и живописныхъ его окрестностей, за дубовымъ рѣзнымъ столомъ сидѣлъ Богомилъ, верховный жрецъ Перунова капища. Блѣдный свѣтъ отъ стоящей передъ нимъ лампады слабо отражался на бревенчатыхъ стѣнахъ свѣтлицы, раздѣленной на-двое высокою деревянною перегородкою. Серебряные сосуды различныхъ формъ и нѣкоторыя другія вещи, служащія для жертвоприношеній, разставлены были въ порядкѣ на двухъ полкахъ, также украшенныхъ рѣзьбою. Съ другой стороны стола, на скамьѣ, покрытой пушистымъ мѣхомъ сѣраго волка, сидѣлъ любимецъ Богомила Лютоборъ. Заткнутый за поясомъ широкій жертвенный ножъ былъ

единственнымъ признакомъ его званія. Лютоборъ занималъ мѣсто старшаго жертвоприносителя и пользовался властію, почти равною съ могуществомъ верховнаго жреца. Блѣдно-желтоватое лицо его, похожее на безобразную восковую личину; неподвижныя рѣзкія черты, отлитыя въ какую-то идеальную форму, въ которой не было ничего человѣческаго, совершенное отсутствіе жизни въ тусклыхъ глазахъ, словомъ,—все въ этомъ живомъ мертвецѣ было ужасно и отвратительно. Когда онъ молчалъ, то походилъ на бездушный трупъ; начиналъ говорить, и всякій съ перваго взгляда почелъ бы его адскимъ духомъ, который, въ видѣ мертвеца, бесѣдуетъ съ повелителемъ своимъ, верховнымъ жрецомъ Богомиломъ. Казалось, сей послѣдній читалъ съ большимъ вниманіемъ пергаментный свитокъ, исписанный руническими буквами. Трудно было бы опредѣлить, какого рода ощущенія волновали въ эту минуту честолюбивую и злобную душу сего хитраго старика. Въ его сѣдыхъ, почти сросшихся бровяхъ, на высокомъ наморщенномъ челѣ, изображалось безпокойство; сверкающіе изъ-подъ густыхъ рѣсницъ глаза горѣли нетерпѣніемъ: онъ пожиралъ ими безконечные столбцы развернутой рукописи; то улыбался, то хмурилъ брови, казался довольнымъ, и вдругъ чело его покрывалось новыми морщинами. Онъ покачивалъ съ сомнѣньемъ головою, переставалъ читать и, облокотясь на руку, предавался глубокой думѣ; потомъ снова принимался за рукопись и, наконецъ, оттолкнувъ ее съ досадою отъ себя, сказалъ вполголоса:

— Нѣтъ, всѣ эти чужеземные обряды мнѣ вовсе не по душѣ!.. Арконскій Свѣтовидъ ничѣмъ не лучше нашего Перуна... Конечно, Стетинскій храмъ великолѣпенъ: эти сокровища, эти византійскіе пурпуровые ковры, этотъ бѣлый конь Свѣтовидовъ, прорицающій будущее,—все это должно дивить и поражать священнымъ ужасомъ народъ; но Владиміръ... Нѣтъ, не то надобно Владиміру!.. Не даромъ каждую ночь черный воронъ каркаетъ надъ кровлею моего дома... Чу!..

Слышишь, Лютоборъ, вѣщій его голосъ? Не даромъ въ самую полночь стаи голодныхъ псовъ воютъ подъ окнами моего терема; и часто, среди ночной тишины, когда, измученный лютою безсонницей, я начинаю смыкать усталые глаза мои, внизу, за Днѣпромъ, раздаются голоса въ воздухѣ: я слышу отвратительный хохотъ русалокъ, пронзительные вопли кикиморъ, и Долобское озеро реветъ, какъ дикій вепрь. Ахъ, чуетъ мое сердце!.. Лютоборъ, мы спимъ на краю пропасти, и близокъ... да, близокъ часъ нашей гибели!

Страшилище зашевелило губами, и что-то похожее на человѣческій голосъ вырвалось изъ груди его; казалось, оно повторяло съ удивленіемъ послѣднія слова Богомила.

— Такъ,—продолжалъ верховный жрецъ,—если мы не предупредимъ грозящей намъ бѣды, то гибель наша неизбѣжна. Ты долженъ знать все, Лютоборъ... Да, одному тебѣ могу я открыть эту тайну... Ты всѣми ненавидимъ: вельможи и даже самъ Владиміръ смотрятъ на тебя съ отвращеніемъ, ты живешь, ты дышишь, ты созданъ мною. Слушай: вотъ уже близко мѣсяца, какъ Великій Князь не выходитъ изъ своей одрины [1]); какъ тяжкій свинецъ, крѣпкая дума лежитъ на душѣ его; замолкло все въ его свѣтлыхъ гридницахъ, и, глядя на кручину своего Государя, пріуныли знаменитые бояре и всѣ храбрые его витязи, но никто не знаетъ, о чемъ скорбитъ и тоскуетъ Владиміръ. Я одинъ знаю это и трепещу, Лютоборъ!.. Владиміръ начинаетъ презирать и гнушаться вѣрою отцовъ своихъ!

Живой мертвецъ вздрогнулъ, неподвижныя черты лица его одушевились, и онъ вскричалъ почти съ ужасомъ:

— Какъ!.. Владиміръ? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Набожный Владиміръ, который соорудилъ сей великолѣпный храмъ Перуну, не пожалѣлъ своего серебра и злата на изваяніе кумира, коему дивятся всѣ гости иноземные; Владиміръ, который приноситъ столь ча-

---

[1]) Опочивальня.

стыя жертвы, осыпаетъ дарами тебя и всѣхъ жрецовъ!..

— Да, — прервалъ Богомилъ,—тотъ самый Владиміръ, который недавно преклонялъ колѣна не только передъ кумиромъ всемощнаго Перуна, но предъ жертвенниками Стрибога, Позвизда и Купалы, съ презрѣніемъ отвергаетъ мольбы мои и не желаетъ присутствовать при священныхъ нашихъ обрядахъ. Въ послѣдней бесѣдѣ со мною, когда я убѣждалъ его прибѣгнуть къ богамъ: «ибо они одни», сказалъ я, «могутъ излѣчить душевный твой недугъ», онъ нахмурилъ свои грозныя брови и, покачавъ печально головою, сказалъ: «Нѣтъ, Богомилъ, твой Перунъ безмолвствуетъ: или ничтожныя жертвы, тобой приносимыя, недостойны его; или мы, въ слѣпотѣ нашей, поклоняемся не тому, кто правитъ вселенною и держитъ въ рукѣ своей сердца владыкъ земныхъ! Въ душѣ моей созрѣла мысль,—я исполню ее! Не всѣ народы, подобно намъ, чтутъ Перуна, не всѣ жертвенники орошаются кровью безсловесныхъ животныхъ. Я не могу долѣе смотрѣть на эту бойню, которую вы называете жертвоприношеніемъ. Мнѣ скучно слышать ваши хороводныя завыванья, которыя вы именуете священными пѣснями; мнѣ надоѣли ваши торжества и обряды—эти потѣхи малыхъ дѣтей, эти женскія игрища, въ коихъ ничто не потрясаетъ мою душу, ничто не наполняетъ ее благоговѣніемъ и ужасомъ. Нѣтъ, я не доволенъ вѣрою отца моего!» Такъ говорилъ Владиміръ, и въ сверкающихъ очахъ его, въ семъ мощномъ орлиномъ взглядѣ я прочелъ смертный приговоръ нашъ: мы погибли, Лютоборъ!

— Никто не долженъ погибать безъ бою!—сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, Лютоборъ.—Изъ рѣчей твоихъ я угадываю, чего жаждетъ душа Владиміра. Не называлъ ли онъ жертвы, приносимыя тобой, ничтожными; наши обряды и торжества женскими игрищами? И подлинно, подумай самъ: можно ли взирать съ благоговѣніемъ и ужасомъ на изображеніе кроткаго боже-

ства, которому приносятъ въ даръ начатки плодовъ земныхъ, пару голубей, тельца... Нѣтъ, Богомилъ, не безсловесныя жертвы падаютъ подъ священнымъ ножомъ жрецовъ варяжскихъ! Вспомни, что разсказывалъ тебѣ о своемъ богѣ Оденѣ этотъ чужеземный пѣвецъ, Фенкалъ, котораго всѣ варяги называютъ своимъ вѣщимъ скальдомъ?..

— Что ты говоришь, Лютоборъ?—вскричалъ съ живостію верховный жрецъ, вскочивъ съ своего мѣста.—О, какимъ свѣтомъ ты озарилъ меня! Такъ, вѣрный мой товарищъ,—не кроткіе обряды и торжества, не сладкогласное пѣніе передъ кумиромъ Перуна, не мирныя потѣхи въ честь боговъ потрясутъ и очаруютъ закаленную въ бояхъ буйную душу Владиміра; не того требуетъ взлелѣянный на бранномъ щитѣ сей достойный сынъ кровожаднаго Святослава. Нѣтъ, не уходился еще этотъ дикій звѣрь: пресыщенный нѣгою онъ заснулъ на-время... Почтимъ же достойно его пробужденіе!.. Ты хочешь крови, Владиміръ! Добро, мы потѣшимъ тебя!..

Богомилъ призадумался и, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ, обращаясь къ своему наперснику:

— Завтра же надобно пригласить на совѣщаніе именитыхъ бояръ и витязей княжескихъ. Я скажу имъ, что боги, разгнѣванные невѣріемъ многихъ нечестивыхъ граждапъ кіевскихъ, требуютъ необычайныхъ жертвъ; что доколѣ кровь человѣческая не обагритъ жертвенникъ Перуновъ, ничто не уврачуетъ душевный недугъ Владиміра и не разсѣетъ его мрачныхъ помысловъ. Я назначу самъ жертву, угодную небесамъ, ибо мнѣ одному, какъ верховному жрецу Перуна, открыта воля боговъ.

— А такъ какъ эта воля для тебя всегда открыта,— прервалъ Лютоборъ, — то, вѣроятно, ты можешь теперь уже сказать, на кого долженъ пасть сей жребій.

— На кого?.. Лютоборъ, поднимется ли рука твоя, вонзишь ли ты безъ трепета твой жертвенный ножъ въ грудь варяга?

— Въ грудь варяга?!..—повторилъ съ удивленіемъ Лютоборъ.—Но что скажутъ его единоземцы, эти гордые поклонники Одена, едва признающіе надъ собой власть Великаго Князя? Богомилъ, ты знаешь, что рука моя не дрогнетъ; но я желалъ бы лучше принести на жертву десять кіевскихъ гражданъ, чѣмъ одного варяга.

— Даже и тогда, если этотъ варягъ христіанинъ?

— Христіанинъ!—вскричалъ Лютоборъ.—Христіанинъ!—повторилъ онъ, заскрежетавъ зубами.—О, давай его сюда, Богомилъ! И клянусь преисподнею, еслибъ онъ былъ родной братъ мой, единственное мое дѣтище, любимый витязь великокняжескій...

— Нѣтъ, онъ простой гражданинъ. Помнишь ли ты, какъ дней десять тому назадъ, совершивъ обрядъ жертвоприношенія, я вышелъ изъ святилища, чтобъ благословить народъ, который толпился на площади вокругъ храма? Всѣ пали ницъ; одинъ только бѣдно-одѣтый, но видный собою мужъ не преклонилъ главы своей. Какъ теперь вижу предъ собою это величественное и спокойное чело! Съ какимъ обиднымъ состраданіемъ смотрѣлъ этотъ горделивецъ на толпу народа, отдававшаго мнѣ должную почесть! Съ какимъ притворнымъ добродушіемъ онъ покачалъ печально головою и, казалось, хотѣлъ сказать: «Бѣдные, вы не вѣдаете сами, что творите въ слѣпотѣ вашей!» Во всю жизнь мою не изгладится изъ моей памяти этотъ устремленный на меня взоръ. О, я простилъ бы ему, еслибъ онъ пылалъ злобою!.. Нѣтъ, я прочелъ въ немъ одно презрѣніе! Понимаешь ли ты, Лютоборъ, какъ долженъ я ненавидѣть этого надменнаго христіанина? Съ перваго взгляда я узналъ въ немъ одного изъ сотниковъ варяжской дружины, который, измѣнивъ вѣрѣ отцовъ своихъ, давно уже живетъ простымъ гражданиномъ и не служитъ въ числѣ ратныхъ людей великокняжескихъ. Его звали Руславомъ, а теперь зовутъ Ѳеодоромъ.

— И боги изберутъ его?..

— Нѣтъ, Лютоборъ, смерть не испугаетъ варяга, и ничто не возмутитъ надменной души христіанина: онъ съ тѣмъ же спокойнымъ челомъ пойдетъ на смерть, съ какимъ идетъ на брачное торжество. Но онъ отецъ, у него есть сынъ, прекрасный отрокъ...

— А, понимаю!

Богомилъ замолчалъ, призадумался; снова крутой лобъ его покрылся морщинами; въ блуждающихъ взорахъ изобразилось безпокойство, и онъ промолвилъ вполголоса:

— Но если и это средство возбудить набожность Владиміра останется тщетнымъ, если, я страшусь вымолвить это слово, если онъ... захочетъ сдѣлаться христіаниномъ?..

— О, я не опасаюсь этого!—прервалъ Лютоборъ.— Когда отецъ его, несмотря на всѣ просьбы своей матери, не осмѣлился принять вѣры, презираемой его храброю дружиною...

— На что не осмѣлится Владиміръ! Лютоборъ, ты не знаешь всю твердость этой непоколебимой души! Одинъ онъ можетъ разрушить храмы боговъ нашихъ, низвергнуть кумиръ Перуновъ и навѣки истребить вѣру отцовъ своихъ. Что противостанетъ его мощной волѣ, кто дерзнетъ не послѣдовать примѣру Владиміра? Нѣтъ, если ненавистные христіане успѣютъ обольстить его, тогда... О, тогда или боги, во гнѣвѣ своемъ, изрекутъ смерть Владиміру, или мы погибнемъ! Да, не пугайся, Лютоборъ, — не ты будешь исполнителемъ воли боговъ: я знаю одного безстрашнаго мужа, который, по единому мановенію руки моей, пронзитъ сердце Владиміра. Моя ненависть къ Ѳеодору, ко всѣмъ христіанамъ — ничто въ сравненіи съ злобою, которую онъ питаетъ въ душѣ своей къ сему правнуку Олега. Онъ взялъ на себя клятвенное обѣщаніе, не выполненное ни отцомъ его, ни дѣдомъ: воздать зломъ за зло, кровью за кровь. Онъ жилъ долго у печенѣговъ, ѣздилъ въ Византію и успѣлъ склонить на свою сторону хитраго государя греческаго, для котораго могущественный

Владиміръ съ каждымъ днемъ становится опаснѣе. Ласкаясь надеждою, что онъ не только совершитъ кровавую месть свою, но возвратитъ потомку древнихъ Князей Кіевскихъ законное ихъ наслѣдіе.

— Какъ,—прервалъ Лютоборъ, — неужели не совсѣмъ еще истребился родъ Аскольдовъ?

— Нѣтъ. Единственная отрасль сихъ несчастныхъ Князей, сынъ внуки Аскольдовой, которая съ отцомъ своимъ успѣла укрыться отъ мечей убійцъ въ землю Хорватскую, живъ еще. По неисповѣдимой волѣ боговъ, сей юноша служитъ теперь правнуку того, кто отнялъ его наслѣдіе и умертвилъ его прадѣда.

— Кто же изъ витязей княжескихъ этотъ потомокъ Аскольда?

— Тайна сія не многимъ извѣстна. Я знаю ее; но открою не прежде, пока не истощу всѣхъ средствъ къ нашему спасенію.

— Но какъ узналъ ты эту тайну? — спросилъ съ любопытствомъ Лютоборъ.

— А вотъ слушай, я разскажу тебѣ все. Лѣтъ восемнадцать тому назадъ, когда покойный Князь Святославъ Игоревичъ пріѣхалъ въ Кіевъ повидаться со своею матерью, Княгиней Ольгою, случилось ему быть на охотѣ близъ горы Херевицы, за Вышегородомъ; онъ пригласилъ и меня, вмѣстѣ съ нимъ, позабавиться сею любимою его потѣхою. Вотъ этакъ подъ вечеръ, когда Князь, бесѣдуя со мною, ѣхалъ уже съ поля, какой-то высокій мужъ выскочилъ изъ-за куста и хотѣлъ хватить его по головѣ бердышемъ. Князь увернулся, и вся толпа бросилась за разбойникомъ, который пустился бѣжать въ самую средину лѣса. Все это произошло въ нѣсколько мгновеній; но исполинскій ростъ незнакомца и грозныя черты лица его глубоко врѣзались въ моей памяти. Воевода Претичъ и трое другихъ княжескихъ витязей, гонясь за нимъ по пятамъ, наѣхали на небольшую избушку, построенную въ глубокомъ оврагѣ. Витязи продолжали гнаться за разбойникомъ, а Претичъ сошелъ съ коня, заглянулъ

въ эту лачужку и нашелъ въ ней почти грудного ребенка, весьма бѣдно одѣтаго, но у котораго на шеѣ висѣла небольшая золотая гривна прехитрой работы. Когда витязи возвратились назадъ, не поймавъ убійцу, то, размысливъ хорошенько, что въ этой избушкѣ некому жить, кромѣ разбойника, и что ребенокъ его сынъ, они захватили его съ собою и привезли къ Князю. Не знаю, что было бы съ этимъ горемычнымъ сиротою, еслибъ не сжалилась надъ нимъ Княгиня Ольга. Она взяла его къ себѣ и при кончинѣ завѣщала любимой своей ключницѣ, Малушѣ, матери нашего Князя Владиміра, имѣть о немъ попеченіе, какъ о собственномъ своемъ дѣтищѣ. Малуша переѣхала на житье въ Великій Новгородъ, гдѣ воеводствовалъ тогда ея сынъ, и когда Владиміръ, по смерти родителя своего, овладѣвъ всѣмъ Царствомъ Русскимъ, началъ княжить въ Кіевѣ, то я замѣтилъ въ числѣ его витязей двухъ юношей, которые любили другъ друга, какъ родные братья. Они оба охотно бесѣдовали со мною о таинствахъ и преданіяхъ вѣры нашей. Одинъ изъ нихъ, поразговорясь однажды со мною, признался, что, воспитанный матерью Великаго Князя вмѣстѣ съ другимъ сиротою, который также служилъ Владиміру, онъ не знаетъ ни роду своего, ни племени; что съ младенчества носитъ на груди златую гривну, какъ единственное наслѣдіе отца своего, и что всякій разъ, когда онъ пытался повывѣдать что-нибудь отъ благодѣтельницы своей, Малуши, она отвѣчала ему. «Не спрашивай, дитятко! Ты и товарищъ твой, вы оба горемычные сироты. Одного изъ васъ нашли въ дремучемъ лѣсу, другого на ратномъ полѣ, между мертвыми. Кто васъ поитъ и кормитъ, тотъ вамъ и отецъ и мать». По симъ рѣчамъ не трудно мнѣ было смекнуть, что, можетъ-быть, этотъ юноша тотъ самый ребенокъ, котораго воевода Претичъ нашелъ въ избушкѣ. Склонясь на мою просьбу, онъ показалъ мнѣ свою золотую гривну; я узналъ ее — это была та самая, которую я видѣлъ лѣтъ восемнадцать тому назадъ. Я но

умѣлъ еще въ то время разбирать таинственныя письмена жрецовъ варяжскихъ; изучась впослѣдствіи сей хитрой наукѣ, я безъ труда, но съ удивленіемъ прочелъ начертанныя на сей гривнѣ слова: «Аскольдъ, Князь Кіевскій». Не знаю, почему мнѣ пришло тогда на мысль, что сіе неожиданное открытіе можетъ нѣкогда мнѣ пригодиться. Опасаясь, чтобъ кто-нибудь другой не разобралъ надписи, я увѣрилъ легковѣрнаго юношу, что съ сею златою гривною неразлучно соединено все будущее его счастіе; что всѣ блага земныя изольются на главу того, кто носитъ на себѣ сей залогъ благословенія и милости боговъ; а посему, дабы сохранить вѣрнѣе сію драгоцѣнность, я крѣпко-накрѣпко заказалъ юношѣ не только никому ее не показывать, но даже и говорить о ней. Я уже сказывалъ тебѣ, что Великій Князь, бесѣдуя со мною въ послѣдній разъ до самой полуночи, открылъ мнѣ, наконецъ, тайную причину своей скорби и унынія. Возвращаясь отъ него домой, смущенный грознымъ предчувствіемъ, объятый ужасомъ, я впалъ въ какое-то младенчество и, подобно малодушной женѣ, рѣшился прибѣгнуть къ тщетнымъ мольбамъ: какъ ночной тать, я прокрался къ Перуновой божницѣ, отперъ одинъ изъ боковыхъ притворовъ и вошелъ въ святилище. Все было тихо кругомъ; неугасаемый огонь, горящій передъ исполинскимъ изображеніемъ Перуна, обливалъ яркимъ свѣтомъ его серебряную главу. Я палъ во прахѣ передъ стопами божества, вопилъ, бился главой о каменное его подножіе, молилъ о помощи,—все напрасно: камень оставался камнемъ, неодушевленный истуканъ безмолвствовалъ. О, Лютоборъ, какое бѣшенство овладѣло тогда мною! Ничѣмъ неизъяснимое, адское отчаяніе, какъ лютый звѣрь, впилось въ мое сердце. «Итакъ, нѣтъ спасенія, воскликнулъ я, нѣтъ прибѣжища!» И вдругъ мысль объ убійствѣ, подобно молніи, сверкнула въ главѣ моей. Какъ одержимый злымъ духомъ, я возопилъ неистовымъ голосомъ: «Горе тебѣ, вѣроломный! Такъ, смерть, смерть отступнику

отъ вѣры отцовъ своихъ, смерть Владиміру!» — «Да, смерть Владиміру!» повторилъ подлѣ меня громовой голосъ. Я вздрогнулъ, обернулся, гляжу: передо мной стоитъ грозный, неподвижный, какъ второй кумиръ Перуновъ, мужъ исполинскаго роста, закутанный въ черную одежду. При первомъ взглядѣ узнавъ въ немъ незнакомца, который нѣкогда едва не умертвилъ Святослава, я съ ужасомъ отскочилъ назадъ. «Чтожъ ты испугался, Богомилъ?—продолжалъ онъ съ усмѣшкою.— Я подслушалъ твои рѣчи,—такъ чтожъ? Давай руку, товарищъ!.. Братьями съ тобой мы никогда не будемъ: ты жрецъ, а я воинъ; но мы оба ненавидимъ Владиміра... Итакъ, смерть ему!»..

— Чу! Что это? — вскричалъ Лютоборъ, прервавъ разсказъ верховнаго жреца.

Глухой звонъ отъ тяжелой желѣзной цѣпи и дикій, отвратительный ревъ раздались подъ окнами терема.

— Ага,—сказалъ Богомилъ, взглянувъ въ окно,— это мой нелюдимъ: видно, почуялъ близко чужого... Ну, такъ и есть...

— Постой-ка,—прервалъ Лютоборъ,—да это, кажется, Торопка-Голованъ. Отчего же твой мохнатый сторожъ такъ переполошился?

— Но развѣ ты не видишь, что за нимъ идетъ... Такъ точно, это онъ!

— Вижу, вижу! — вскричалъ Лютоборъ. — Такъ этотъ-то?.. Ну, молодчина!.. Посмотри-ка, Богомиль, и медвѣдь твой его испугался... Экъ, торопится забиться въ свою конуру!

— Слушай, Лютоборъ,— сказалъ верховный жрецъ,— припанись за этою перегородкой: ты будешь слышать нашъ разговоръ; но, смотри, чтобъ онъ не догадался, что въ этой свѣтлицѣ есть кто-нибудь другой, кромѣ меня.

Едва Лютоборъ успѣлъ спрятаться за перегородку, какъ тяжелые шаги послышались по крутой лѣстницѣ, и незнакомый, закутанный въ верхнюю свою одежду, вошелъ въ свѣтлицу.

— Добро пожаловать, храбрый витязь! — сказалъ Богомилъ, идя къ нему навстрѣчу.

Незнакомый кивнулъ головою и сѣлъ молча на скамью, на которой за минуту сидѣлъ Лютоборъ; а Богомилъ занялъ прежнее мѣсто.

— Ты хотѣлъ со мною видѣться? — продолжалъ жрецъ, помолчавъ нѣсколько времени.

— Да!—отвѣчалъ отрывисто незнакомый.—Но одни ли мы?

— Да неужели ты думаешь?..

— Что верховный жрецъ Богомилъ можетъ быть предателемъ? О, нѣтъ! Я вижу только, что противъ тебя кто-то недавно сидѣлъ. Посмотри, какъ измятъ этотъ волчій мѣхъ!

— Здѣсь, еще до солнечнаго заката, бесѣдовалъ со мною одинъ изъ жрецовъ,—отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ Богомилъ.

— До заката солнечнаго?—повторилъ незнакомый, поглядѣвъ недовѣрчиво вокругъ себя.—Такъ видно же онъ не близко живетъ отсюда.

— Почему ты это думаешь?—спросилъ Богомилъ.

— А потому, что гость твой, какъ видно, спѣшилъ уйти, чтобъ засвѣтло до дому добраться. Посмотри-ка: второпяхъ и шапку свою здѣсь оставилъ!

— Эта шапка моя.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ что! — сказалъ съ насмѣшливою улыбкою незнакомецъ, взявъ со скамьи и разсматривая небольшую съ лисьимъ околышемъ шапку.— Смотри, пожалуй! А кажется съ виду-то она тебѣ и на полголовы не взойдетъ. Богомилъ, здѣсь есть кто-нибудь кромѣ тебя!

— Не вѣришь мнѣ, такъ посмотри самъ, — отвѣчалъ верховный жрецъ, не измѣняя нимало своему спокойствію.

Незнакомецъ приподнялся, сдѣлалъ шагъ впередъ, но вдругъ остановился и, садясь снова на скамью, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ прибыли меня обма-

нывать? Развѣ ты не знаешь, что если бы ты, на бѣду свою, задумалъ выдать меня Владиміру, и хотя бы для твоей защиты засажена была за этою перегородкою вся храбрая его дружина, то и тогда легче бы ей было въ одну ночь переплыть Русское море и взять на копье твердыни византійскія, чѣмъ вырвать тебя живого изъ рукъ моихъ. Нѣтъ, я знаю тебя, Богомилъ: у насъ до этого никогда не дойдетъ съ тобою!

— Ты напрасно меня подозрѣваешь. Клянусь тебѣ...

— Полно, не клянись—намъ некогда долго бесѣдовать. Я хотѣлъ только увѣдомить тебя, что печенѣги прислали ко мнѣ гонца съ извѣстіемъ, что многолюдная ихъ рать собралась уже на Дону, близъ Бѣлой Вѣжи, и что ясы и косоги, подъ предводительствомъ юнаго своего князя Редеди, готовы громить предѣлы Тмутараканскіе. Чтобъ не жечь и не разорять Кіева, печенѣги назначаютъ окупъ: съ каждаго двора по одному солиду. Я найду способъ, не обижая гражданъ кіевскихъ, насытить сихъ плотоядныхъ звѣрей. Сокровища византійскія неистощимы, а греки не пожалѣютъ своего золота, чтобъ только сгубить Владиміра, который для нихъ тошнѣе и отца своего и дѣда. Но не топтать конямъ печенѣжскимъ заповѣдныхъ луговъ кіевскихъ, не громить косогамъ Тмутаракани богатой, и печенѣги не дерзнутъ перейти за Донъ, и косоги приблизиться къ морю Сурожскому, доколѣ еще живъ Владиміръ; а ты знаешь, въ чьихъ рукахъ жизнь его. Скажи одно слово, одно только слово, Богомилъ! Но до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь его, пока я не найду того, кто одинъ можетъ княжить по правдѣ въ великомъ Кіевѣ, до тѣхъ поръ рука моя не подымется для совершенія правдивой мести; я не хочу предать согражданъ моихъ всѣмъ лютымъ бѣдствіямъ междоусобія; не хочу, чтобъ смуты народныя и безначалія сгубили до конца мою родину. Не даромъ говорится: «тяжело быть головѣ безъ плечъ, а хуже и того быть тѣлу безъ головы». Послушай, я, кажется, уже не

разъ тебѣ сказывалъ, что тотъ, кого я ищу, долженъ носить на шеѣ золотую гривну.

— Я никогда и ничего объ этой золотой гривнѣ не слыхивалъ. Да чуденъ ты, молодецъ! Неужели ты думаешь, что воины, которые нашли въ лѣсу покинутаго младенца, оставятъ у него на шеѣ золотую гривну?

— Да,—сказалъ незнакомецъ, помолчавъ нѣсколько времени,—это походитъ на правду; а дивлюсь я только тому, что ты не знаешь, у кого изъ витязей княжескихъ нѣтъ ни роду, ни племени.

— Вотъ то-то и бѣда! Не могу никакъ толку добиться.

— Ты лжешь, Богомилъ! Тебѣ извѣстна эта тайна; но жрецъ: уста твои обыкли изрекать одну лесть и обманъ. Попытаюсь въ послѣдній разъ добиться отъ тебя правды. Слушай: ты можешь еще теперь предлагать мнѣ свои условія, но если я безъ твоей помощи узнаю истину...

— Безъ моей помощи!—прервалъ съ усмѣшкою Богомилъ.—Не думаешь ли также безъ моей помощи заставить кіевлянъ признать своимъ княземъ безроднаго юношу, котораго ты назовешь потомкомъ Аскольда? Имѣешь ли ты власть, именемъ боговъ, приказать дружинѣ княжеской положить оружіе, не отомщать за смерть Владиміра и покориться одному изъ прежнихъ своихъ сотоварищей? Что, если всемогущій Перунъ наименуетъ тебя предателемъ, а его обманщикомъ и самозванцемъ; если повелитъ отразить печенѣговъ и избрать въ Князья Кіевскіе одного изъ сыновей Владиміра или даже одного изъ знаменитыхъ его витязей? Если я, верховный жрецъ, возмущу противъ тебя народъ и скажу, что разгнѣванные боги требуютъ главы твоей?.. А ты, Веремидъ, знаешь, трудно ли увѣрить во всемъ эту легковѣрную толпу?..

— Знаю ли я народъ,—прервалъ, нахмуривъ свои брови, незнакомецъ,—эту безумную, подлую чернь, которая сегодня закидаетъ грязью того, предъ кѣмъ вчера преклоняла колѣна; которая, протягивая за милосты-

ней одну руку, въ то же время подымаетъ другую на своего благодѣтеля? Знаю ли я ее?.. Я видѣлъ смерть Ярополка, котораго кіевляне величали нѣкогда отцомъ своимъ, и слышалъ радостные крики народа, когда Владиміръ, обагренный кровью брата, явился на городской площади.

— Итакъ, подумай хорошенько: нужна ли тебѣ моя помощь?

— Менѣе, чѣмъ ты думаешь, Богомилъ. Если я не пожалѣю Кіева, то, вѣрь мнѣ,—ничего не спасетъ его. Посмотримъ, какъ устоите вы противъ печенѣговъ, когда внезапная смерть Владиміра какъ громомъ поразитъ изумленныхъ кіевлянъ! Нѣтъ, Богомилъ, когда безначаліе волнуетъ воиновъ, тогда они страшны для однихъ мирныхъ гражданъ, и губятъ не враговъ своихъ, а самихъ себя. Но я не хочу, чтобъ правнукъ Аскольда возсѣлъ на отческомъ столѣ своемъ среди дымящихся развалинъ Кіева и княжилъ надъ бездушными трупами. Говори, Богомилъ, какую цѣну требуешь ты за кровь Владиміра? Чего желаешь отъ законнаго Князя Кіевскаго?

Богомилъ провелъ рукою по своему наморщенному челу, погладилъ сѣдую бороду и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:

— Ты знаешь главное и необходимое условіе—жить по старинѣ, и свято хранить законъ и вѣру отцовъ нашихъ.

— Въ этомъ у насъ спора не будетъ, я и самъ мыслю то же: не честно намъ искать правды у чужеземцевъ; есть у насъ своя правда по закону боговъ, ей учили народъ прадѣды наши; другой намъ не надобно. Чего ты еще требуешь?

— Смерти всѣхъ христіанъ.

— Всѣхъ?!—повторилъ незнакомецъ.—И дряхлыхъ стариковъ, и женъ, и малыхъ дѣтей?

— Да.

— Богомилъ, ты не служитель боговъ, а дикій звѣрь. Всѣ христіане будутъ изгнаны изъ предѣловъ

кіевскихъ, и только непокорные сей волѣ княжеской предадутся въ твои руки.

— Ну, ну, добро, пусть будетъ по-твоему! Теперь поговоримъ о санѣ верховнаго жреца. Слыхалъ ли ты, что на Варяжскомъ морѣ есть островъ, именуемый Рюгеномъ?

— Слыхалъ; такъ чтожъ?

— Въ Арконѣ, главномъ городѣ сего острова, обитаютъ единоплеменные съ нами славяне.

— И это знаю.

— А знаешь ли ты всю власть и могущество первосвященника арконскаго?

— Какое мнѣ до этого дѣло!

— Постой, постой, молодецъ: не тебѣ, такъ мнѣ есть дѣло. Первосвященникъ арконскій повинуется однимъ безсмертнымъ богамъ...

— И своему князю?

— Нѣтъ, онъ не знаетъ никакой земной власти надъ собою. Я требую того же.

— Ты требуешь?.. Добро, быть по-твоему.

— Первосвященникъ арконскій имѣетъ своихъ тѣлохранителей: триста отборныхъ витязей готовы всегда исполнять его приказанія.

— И этихъ рабовъ жреца именуютъ витязями?

— Объ имени спорить нечего, — назови ихъ какъ хочешь, только я хочу и долженъ имѣть также своихъ воиновъ.

— Такъ и быть, согласенъ и на это. Ну, теперь ты доволенъ?

— Первосвященникъ арконскій, — продолжалъ жрецъ, не отвѣчая на вопросъ незнакомца,—налагаетъ подати на гражданъ и на гостей иноземныхъ, дабы умножить сокровища храма.

— И собственное свое богатство?

— Такъ чтожъ,—развѣ достояніе верховнаго жреца не есть достояніе самихъ боговъ? Власть сія должна принадлежать и мнѣ.

— Бѣдные кіевляне!.. Но, дѣлать нечего: лучше

уступить половину, чѣмъ потерять все. Надѣюсь, теперь кончено?

— Не совсѣмъ. Первосвященникъ арконскій заключаетъ миръ съ сосѣдними народами и объявляетъ имъ войну.

— Какъ,—вскричалъ незнакомецъ.—и ты смѣешь требовать?..

— Я ничего не требую, — отвѣчалъ хладнокровно жрецъ; — это дѣло полюбовное: хочешь соглашайся, хочешь нѣтъ.

— Но подумай самъ, если и эту власть предоставить тебѣ, чтожъ будетъ дѣлать Великій Князь?

— Въ часъ битвы — сражаться съ врагами отечества, а въ мирное время—пировать съ друзьями въ княжескихъ чертогахъ.

— И жить подъ рукою своего верховнаго жреца! Нѣтъ, Богомилъ: управлять войскомъ и народомъ можетъ только Великій Князь; онъ надѣлитъ тебя богатыми помѣстьями; ты будешь первымъ въ его Думѣ... Доволенъ ли ты?

Богомилъ покачалъ головою.

— Ну, пусть такъ,—продолжалъ незнакомецъ:— безъ твоего совѣта онъ не приступитъ къ миру и не объявитъ войны. Чего тебѣ еще?

— Добро, добро!—сказалъ съ улыбкою Богомилъ,— я человѣкъ уступчивый: такъ и быть, согласенъ и на это.

— Итакъ, теперь все кончено?

— Почти. Первосвященникъ арконскій...

— Богомилъ,—вскричалъ незнакомецъ, вскочивъ съ своего мѣста,—ты истощилъ мое терпѣніе! Ни слова болѣе!—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что жрецъ хочетъ говорить.—И если ужъ пошло на то, такъ знай, что, несмотря на мою ненависть къ Владиміру, я лучше соглашусь видѣть его владыкою Кіева, чѣмъ коварнаго жреца, который издѣвается и надъ людьми, и надъ безсмертными богами.

— Полно, не сердись!—прервалъ Богомилъ.—Ну! такъ и быть,—я болѣе ничего не требую.

— Дивлюсь твоей умѣренности! Теперь, надѣюсь, ты перестанешь хитрить со мною и объявишь мнѣ имя того изъ витязей княжескихъ...

— Эхъ, молодецъ, молодецъ! И радъ бы радостію, но я ужъ говорилъ тебѣ, что и самъ еще доподлинно не знаю...

Глаза незнакомца засверкали; онъ поднесъ правую руку къ своему поясу и почти въ ту же самую минуту лицо его приняло снова свой мрачный, но спокойный видъ. Сложивъ крестъ-на-крестъ руки, онъ устремилъ проницательный взглядъ на жреца и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Ты не знаешь?.. Нѣтъ, Богомилъ, ты не знаешь только, на что тебѣ рѣшиться: предать ли меня Владиміру, или быть моимъ сообщникомъ. Слушай: я даю тебѣ еще десять дней на размышленія; но если и тогда...

— Да могу ли я поручиться,—прервалъ жрецъ,— что въ десять дней узнаю эту тайну; могу ли...

— Ты можешь желать, Богомилъ, перехитрить меня, — прервалъ съ насмѣшливою улыбкою незнакомецъ;—но не долженъ и не можешь надѣяться успѣть въ этомъ. Вотъ, чай, ты и теперь думаешь, что тебѣ удалось обмануть меня, не правда ли? Мы здѣсь только двое, и твой задушевный другъ, Лютоборъ, не сидитъ за этой перегородкою?.. Да полно, не божись понапрасну! — продолжалъ незнакомецъ, подходя къ перегородкѣ и отворяя дверь. — Эй, ты, затворникъ, вылѣзай изъ твоей засады! Ты слышалъ нашу бесѣду, такъ можешь дать полезный совѣтъ своему верховному жрецу... Да выходи же, — промолвилъ онъ, взявъ за руку и вытаскивая изъ-за перегородки полумертваго Лютобора.

— Что, иль у васъ обоихъ языкъ отнялся?—продолжалъ незнакомый, посматривая то на поблѣднѣвшаго Богомила, то на наперсника его, который, дрожа всѣмъ тѣломъ, стоялъ какъ вкопанный посреди свѣтлицы. Ну, видишь ли, Богомилъ, какъ легко обмануть

меня, и какъ я долженъ вѣрить твоимъ божбамъ и клятвамъ? Не забудь, что чрезъ десять дней мы съ тобой увидимся, и если ты опять велишь своему другу засѣсть въ какую-нибудь конуру и подслушивать мои рѣчи, то посовѣтуй ему не оставлять на виду своей шапки, или, по крайней мѣрѣ, завести себѣ другую, которая была бы не такъ замѣтна.

Сказавъ сіи слова, незнакомецъ завернулся въ верхнюю свою одежду и, кинувъ послѣдній, исполненный презрѣнія взглядъ на обоихъ жрецовъ, вышелъ молча изъ терема.

V.

Ручей, извѣстный подъ именемъ Почайны и впадающій нынѣ въ Днѣпръ за полверсты отъ Кіева, былъ нѣкогда хотя небольшою, но глубокою и судоходною рѣчкою. Извиваясь нѣсколько времени по лугамъ, называемымъ Облонью, и обтекая весь Кіево-Подолъ, она соединилась, наконецъ, съ Днѣпромъ, близъ урочища, наименованнаго впослѣдствіи Крещатикомъ. Верховья сей рѣчки терялись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева, среди непроходимыхъ овраговъ и болотъ, поросшихъ въ то время дремучимъ чернолѣсьемъ.

На другой день послѣ вечера, описаннаго нами въ предыдущихъ главахъ, часу въ четвертомъ пополуночи, когда еще утренній туманъ волновался по низменнымъ берегамъ Почайны, и покрытый густою тѣнью темный лѣсъ казался еще темнѣе отъ противоположности съ ярко-освѣщенными верхами высокихъ холмовъ кіевскихъ, одинъ молодой всадникъ, весьма просто одѣтый, но сидящій на красивомъ вороноыъ конѣ, ѣхалъ шагомъ по отлогому берегу сей рѣчки. Казалось, онъ былъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ своей жизни, и прекрасное лицо его, несмотря на мускуловатую и даже нѣсколько загорѣвшую шею, едва ли бы показалось не у мѣста на бѣлоснѣжныхъ плечахъ какой-

нибудь русской красавицы. Но въ свѣтлыхъ, голубыхъ глазахъ его не замѣтно было безпечной веселости, сей минутной, но вѣрной сопутницы первыхъ годовъ нашей жизни, — тѣхъ счастливыхъ годовъ, когда всѣ грустныя впечатлѣнія скользятъ еще по душѣ нашей, не оставляя и слѣда горести; когда цѣлый рядъ надеждъ, одна другой прекраснѣе, позлащаютъ нашу безвѣстную будущность; когда мы, вдыхая въ себя животворный воздухъ весенняго утра и не имѣя никакой причины радоваться, поемъ, веселимся, *гарцуемъ* отъ одного избытка жизни и здоровья.

Юный всадникъ, ѣхавшій по берегу Почайны, не распѣвалъ молодецкихъ пѣсенъ о славномъ Днѣпрѣ, о его глубокихъ омутахъ, о кровавыхъ битвахъ съ Чудью поганою; не заставлялъ играть подъ собою коня своего, а ѣхалъ шагомъ, спустя поводья, и казался погруженнымъ въ глубокую думу.

Шагахъ въ десяти отъ него шелъ, по одному съ нимъ берегу, человѣкъ малаго роста, въ большой овчинной шапкѣ, едва прикрывавшей его огромную голову, обросшую густыми волосами. За простымъ ремнемъ, который опоясывалъ смурый кафтанъ его, заткнутъ былъ широкій мечъ безъ ноженъ. Онъ не спускалъ глазъ съ молодого всадника, покашливалъ, посвистывалъ, громко разговаривалъ съ самимъ собою, словомъ, употреблялъ всѣ способы, чтобъ обратить на себя вниманіе юноши и заставить его оглянуться. Замѣтивъ, наконецъ, что всѣ его старанія остаются напрасными, онъ вдругъ запѣлъ громкимъ и звучнымъ басомъ:

«О гой, ты, Днѣпръ, ты широкій Днѣпръ,
Ты рѣка моя родимая!
Ты взлелѣялъ добра молодца,
Добра молодца безроднаго;
На волнахъ своихъ укачивалъ
Сиротинку горемычнаго;
Какъ отецъ его родной,
Какъ родная его матушка,
Ты вскормилъ его и выростилъ;
Разстилалъ ты для него
По отлогимъ берегамъ

Мураву шелковую;
Одѣвалъ ты его,
По осеннимъ ночамъ,
Теплыми туманами».

Молодой всадникъ начиналъ примѣтнымъ образомъ вслушиваться въ пѣсню; казалось, однакоже, что ея веселый и почти плясовой напѣвъ не доходилъ до души его. Онъ поѣхалъ тише прежняго, но не оглянулся. Окончивъ пѣсню, прохожій помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ откашлялся и запѣлъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ:

«Ты, дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка!
Безъ отца ты взросъ, безъ матери,
На чужихъ рукахъ ты выношенъ;
Ты о батюшкѣ своемъ не слыхивалъ,
Родной матушки не видывалъ»...

При первыхъ словахъ пѣсни всадникъ вздрогнулъ, сталъ прислушиваться, на глазахъ его навернулись слезы, и онъ оглянулся назадъ.

— Добраго пути, счастливой дороженьки, господинъ честной!—сказалъ прохожій, переставъ пѣть и приподнимая свою шапку.

— Спасибо, товарищъ!—отвѣчалъ всадникъ, посматривая съ удивленіемъ на исковерканную и смѣшную физіономію пѣвца.—Ну, нечего сказать,—промолвилъ онъ, съ едва примѣтною улыбкою,—не красивъ ты, любезный, а поешь хорошо!

— Мурлыкаемъ кое-какъ, добрый молодецъ!—сказалъ прохожій, прищуривъ глаза и искривя ротъ.— Да не пожалуетъ ли ваша милость, не купитъ ли у меня вотъ эту саблю богатырскую?—продолжалъ онъ, подходя поближе и вынимая изъ-за пояса свой мечъ.— Ты смотришь храбрымъ витяземъ, такъ авось тебѣ эта игрушка молодецкая по плечу придется.

— Нѣтъ, добрый человѣкъ, мнѣ твоего меча не надобно; да онъ же и безъ ноженъ.

— Такъ чтожъ? У кого другого, а у тебя, моло-

децъ, онъ много еще ноженъ изотретъ. Чай, каждый годъ по десятку мѣняешь?

— Да почему ты думаешь, что я человѣкъ ратный?

— И, господинъ честной,—видна птица по полету. Да если такому молодцу не быть витяземъ, такъ кому же и покрасоваться на потѣхѣ богатырской. Эхъ, кабы у меня былъ этакій сынокъ! То-то, чай, на тебя и отецъ и мать смотрятъ не насмотрятся, глядятъ не наглядятся.

— Отецъ и мать!—повторилъ печальнымъ голосомъ всадникъ.—А если у меня нѣтъ ни отца, ни матери?

— Ой ли? Ну, молодецъ, поторопились же они умереть! Тебѣ, чай, и двадцати-двухъ годовъ нѣтъ отъ роду: не правда ли?

— Ты не многимъ ошибся: мнѣ ровно двадцать-два года.

— Ну, такъ и есть!.. А что, молодецъ, чай, батюшка твой былъ такъ же, какъ ты, человѣкъ ратный?

Всадникъ не отвѣчалъ ни слова.

— Эка притча, подумаешь,—продолжалъ прохожій, какъ будто бы разговаривая съ самимъ собою:—осиротѣть въ такихъ молодыхъ годахъ!.. А можетъ статься и то, что отецъ и мать прижили тебя подъ старость, такъ не диво, что имъ взростить тебя не удалось. Не такъ ли, господинъ честной?

— Не знаю,—отвѣчалъ отрывисто и почти съ неудовольствіемъ юноша.

— Не знаешь? Вотъ что! Такъ, видно, ты былъ у нихъ послѣдній, остался въ сиротствѣ молодымъ дитею и не помнишь, сердечный, ни отца своего, ни матери. А все-таки—не погнѣвайся,—коли тебѣ не знать: ну если самъ не видалъ, такъ, чай, не разъ слыхалъ о нихъ отъ братьевъ, отъ сестеръ, отъ кого-нибудь изъ кровныхъ?

— Отъ кого-нибудь изъ кровныхъ!—повторилъ вполголоса всадникъ. — Да кто тебѣ сказалъ, что у меня есть братья, и почему ты знаешь, обнималъ ли я когда-нибудь родную сестру?

— Какъ такъ? Да неужли-то, молодецъ, у тебя нѣтъ вовсе никого родныхъ: ни дяди, ни тетки,—ни роду, ни племени?

— Послушай, братъ,—прервалъ всадникъ, поглядѣвъ пристально на прохожаго,—я тебя не знаю, болтать я не охотникъ, такъ ступай своей дорогою: пѣшій конному не товарищъ.

Сказавъ сіи слова, онъ тронулъ своего коня и доѣхалъ рысью до мелкаго кустарника, которымъ начинался частый лѣсъ по берегамъ Почайны. Въ ту самую минуту, какъ всадникъ, увѣренный, что удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ любопытнаго прохожаго, сталъ сдерживать своего коня, позади его раздался голосъ:

— Держи лѣвѣе, добрый молодецъ: здѣсь направо трясина: какъ запропастишь коня, такъ одинъ его не вытащишь!

Всадникъ оглянулся: тотъ же неотвязный прохожій шелъ отъ него въ двухъ шагахъ, пробираясь сквозь частый кустарникъ.

— Да чтожъ ты присталъ, въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ съ досадою.—Я ужъ сказалъ тебѣ, что мнѣ товарища не надобно.

— Не гнѣвайся, молодецъ,—отвѣчалъ спокойно прохожій,—не моя вина, если намъ пришлось обоимъ въ одно время,—тебѣ ѣхать, а мнѣ идти по этой дорогѣ. Хоть ты и сказалъ, что пѣшій конному не товарищъ, да здѣсь и ваша милость не разскачется.

Вмѣсто отвѣта, всадникъ тронулъ снова своего коня и поскакалъ впередъ.

— Эй, тише, добрый молодецъ, тише!—закричалъ ему прохожій.—Смотри, какъ-разъ шею сломишь!.. Берегись... берегись,—колода!

Борзый конь юноши взвился на дыбы и какъ птица перелетѣлъ черезъ толстую колоду, которая лежала поперекъ тропинки.

— Ай да конь, добра лошадь!—продолжалъ кричать прохожій.—Ну, не даромъ же его прозвали Соколомъ.

— Почему ты это знаешь?—спросилъ съ удивленіемъ юноша, осадивъ своего коня.

— Почему?—повторилъ прохожій, подходя къ всаднику.—А на что тебѣ? Много будешь знать, скоро состаришься

— Да ты никакъ издѣваешься надо мною?—вскрикнулъ юноша.

— И, что ты, молодецъ: вѣдь я не полоумный какой! Ну къ рожѣ ли мнѣ издѣваться надъ тобою? Вотъ ты, господинъ честной, такъ это дѣло другое: назвалъ себя круглымъ сиротою, а я съ дуру-то и повѣрилъ! Ну, похожъ ли ты на сироту? Гдѣ взять безродному горемыкѣ такого лихого коня, такую богатую конскую сбрую? Воля твоей милости, а ты изволишь потѣшаться надъ моею простотою. Правда, если ты и сирота, да только служишь при Великомъ Князѣ отрокомъ или гриднею, и зовутъ тебя Всеславомъ...

— Такъ, это мое имя; но почему ты знаешь?

— То ли я знаю, —продолжалъ прохожій:—поразговорись-ка со мною. Я хоть и въ смуромъ зипунѣ, а, можетъ статься, знаю то, за чтобъ ты отдалъ охотно всѣ свои и штофные и парчевые кафтаны; не пожалѣлъ бы коня богатырскаго, разстался бы даже съ завѣтнымъ мечомъ своимъ.

— Какъ? — вскричалъ Всеславъ. — Такъ ты ее знаешь?.. О, говори, говори! Кто она?.. Гдѣ живетъ?.. Какъ зовутъ ее?..

Прохожій хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ торопливо оглянулся назадъ, вздрогнулъ, бросился въ сторону и исчезъ среди частаго лѣса.

— Ага, попался, смиренникъ!—загремѣлъ въ близкомъ разстояніи веселый голосъ, и молодой человѣкъ пріятной наружности выѣхалъ изъ-за кустовъ.—Такъ-то ты объѣзжаешь своего Сокола?—продолжалъ онъ, подскакавъ къ Всеславу.—Съ кѣмъ это ты здѣсь разговаривалъ?

— Я и самъ не знаю,—отвѣчалъ Всеславъ, поглядывая съ безпокойствомъ вокругъ себя,—какой-то прохожій... Но куда онъ дѣвался?

— Прохожій? Полно, братъ, прикидываться: развѣ прохожая какая-нибудь!

— Онъ ушелъ!.. Ахъ, Стемидъ, ты, можетъ-быть, помѣшалъ мнѣ узнать, кто она!

— Она?..

— Да, мой другъ, она, о которой тоскуетъ душа моя, которую я не знаю и зналъ прежде, чѣмъ увидѣлъ въ первый разъ.

— Что, что?.. Всеславъ, если ты желаешь, чтобъ я понималъ твои рѣчи, такъ говори по-людски!

— Да, Стемидъ, я разскажу тебѣ все. Не знаю, поймешь ли ты меня, — продолжалъ Всеславъ, слѣзая съ коня и привязывая его къ дереву. — Я и самъ не понимаю, что происходитъ въ душѣ моей: она рвется, груститъ, въ ней все, какъ ночь осенняя,—и темно и мрачно. Иногда, какъ будто бы во снѣ, я вижу вдали что-то прекрасное, какъ свѣтлая заря, спокойное, какъ чистыя безпредѣльныя небеса; какъ будто бы отгадываю какое-то блаженство, не похожее на здѣшнія наши радости, и вдругъ все покрывается снова тучами, — опять вокругъ меня и мракъ, и безвѣстность, и тоска Душа моя ждетъ чего-то и не дождется. Ахъ, Стемидъ, какъ тяжело у меня на сердцѣ! Какъ неясно здѣсь, — прибавилъ онъ, приложивъ руку къ головѣ своей. — Однажды только... Но я разскажу тебѣ сначала. Сядемъ!

Стемидъ привязалъ также коня своего и сѣлъ на траву подлѣ Всеслава.

— Не знаю, помнишь ли ты,—сказалъ Всеславъ,— первые годы нашего дѣтства, когда мы оба, призрѣнные бабкою нашего Великаго Князя, милосердою Ольгою, воспитывались въ ея княжескихъ чертогахъ. Однажды, не знаю почему, но тебя не было тогда со мною, наша вторая мать, Малуша, ввела меня въ опочивальню Великой княгини. Она лежала блѣдная, изможденная злымъ недугомъ, не на пышномъ княжескомъ одрѣ своемъ, но на простой скамьѣ, покрытой убогою пеленою. Подлѣ нея стоялъ высокаго роста старикъ

въ чудной одеждѣ, съ распущенными по плечамъ власами и сѣдою бородою; въ одномъ углу, передъ какими-то дивными изображеніями, горѣло множество свѣтильниковъ, въ другомъ—стонали и горько плакали всѣ вѣрныя ея рабыни. Подозвавъ меня къ себѣ, Великая княгиня говорила что-то очень долго, жалѣла обо мнѣ и, какъ безпріютнаго сироту, препоручала меня одной дѣвѣ.. помню только одно, что она называла ее Пресвятою; потомъ приказала подать ея изображеніе и заставила меня облобызать его. Какъ теперь гляжу на этотъ дивный образъ величественной дѣвы: казалось, она смотрѣла съ какою-то радостною улыбкою на небеса; мнѣ помнится также, что на рукахъ ея лежалъ прекрасный младенецъ. Я не успѣлъ еще насмотрѣться на сіе чудное изображеніе, какъ вдругъ Ольга крѣпко прижала его къ устамъ своимъ, вздохнула и перестала говорить. Малуша вывела меня вонъ изъ опочивальни, и я помню также, что лишь только мы переступили за порогъ, позади насъ поднялись вопли, плачъ и громкія рыданія.

— А, теперь и я вспомнилъ,—прервалъ Стемидъ;— я былъ тогда боленъ, и когда спросилъ у Малуши, о чемъ всѣ такъ плачутъ, то она сказала мнѣ: «Плачь и ты, дитятко: не стало твоей кормилицы: скончалась наша матушка, премудрая княгиня Ольга». Я не понялъ тогда этихъ словъ; но помню, что, глядя на другихъ, и самъ очень плакалъ.

— Когда я подросъ, — продолжалъ Всеславъ,—то все, бывшее со мною въ первые годы дѣтства, совершенно изгладилось изъ моей памяти; одна только смерть нашей благодѣтельницы и все то, что я видѣлъ при ея кончинѣ, представлялось мнѣ съ такою же ясностію, съ какою я вспоминаю теперь нашу жизнь въ Великомъ Новгородѣ, когда мы, возмужавъ, поступили въ число приближенныхъ слугъ великокняжескихъ; но чаще всего образъ юной дѣвы, которой препоручала меня умирающая Ольга, приходилъ мнѣ на память. Иногда во снѣ она являлась мнѣ, окруженная дивнымъ

свѣтомъ, въ той же бѣлой одеждѣ; казалось, она смотрѣла на меня съ состраданіемъ, а на рукахъ ея улыбался неописанной красоты младенецъ. Наши бранныя тревоги, бѣгство къ варягамъ, кровавыя битвы заглушили на время въ душѣ моей сіи воспоминанія дѣтства; но когда всѣ враги преклонили главы свои подъ мощною десницею Владиміра, когда онъ возсѣлъ на великокняжескомъ столѣ своемъ, и мы вложили въ ножны притупившіеся мечи наши,—тѣ же самые помыслы съ новою силою овладѣли моею душою; съ каждымъ днемъ мнѣ становилось грустнѣе. Я скрывалъ тоску мою отъ всѣхъ товарищей, даже отъ тебя, Стемидъ, смѣялся, когда мнѣ хотѣлось плакать, и, раздѣляя ваши шумныя забавы, веселился точно такъ же, какъ веселится отецъ, отправляя погребальную тризну надъ могилою единороднаго своего сына. Я ходилъ вмѣстѣ съ вами смотрѣть на хороводы молодыхъ кіевлянокъ; но ихъ пляски, ихъ пѣсни казались мнѣ отвратительными. Когда я оставался одинъ, мнѣ бывало легче. Сколько разъ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, я уходилъ на берегъ Днѣпра; какъ часто, сидя на крутомъ утесѣ подлѣ могилы Аскольда, прислушивался къ городской тишинѣ, смотрѣлъ на свѣтлыя, спокойныя струи рѣки и начиналъ дышать свободнѣе. Мнѣ казалось, что эта тишина и безмолвіе напоминаютъ душѣ моей какую-то безвѣстную страну, обитель вѣчнаго мира и спокойствія. Мнѣ даже иногда бывало весело: эти безоблачныя небеса, эти высокіе холмы и обширные луга, покрытые блестящею росой, этотъ свѣтлый, широкій Днѣпръ и красное солнышко при своемъ восходѣ — все наполняло грудь мою тихою и спокойною радостію; но въ то же время ничѣмъ непреодолимое желаніе возблагодарить Того, Кто создалъ сей бѣлый свѣтъ, украсилъ его, какъ юную невѣсту, и далъ мнѣ сердце наслаждаться его красотою, отравляло это мимолетное веселіе. Я начиналъ плакать, какъ малое дитя. «Гдѣ Ты?» восклицалъ я съ горестью. «Ты, Кого я хочу и не могу благодарить, Ты, предъ Кѣмъ

я жажду преклонить колѣна, за Кого желаю положить душу мою».

— Какъ? — прервалъ Стемидъ. — Ты удивляешь меня! Развѣ у насъ нѣтъ боговъ? Развѣ всемогущій Перунъ...

— О, не говори мнѣ объ этомъ! Сколько разъ, не вмѣщая въ груди моей чувства благодарности, которое стремилось излиться предъ кѣмъ бы то ни было, я спѣшилъ въ храмъ Перуна; но лишь только переступалъ черезъ порогъ его божницы, все умолкало въ душѣ моей; слезы, готовыя литься, изсыхали: онѣ превращались въ тяжкій камень, который давилъ мое сердце. О, мой другъ, съ какою бы радостію я отдалъ все на свѣтѣ, чтобъ хотя на одно мгновеніе сбросить съ сердца этотъ тяжелый камень; чтобъ сказать Тому, Котораго не постигаетъ душа моя: «Вотъ я, — возьми жизнь мою, но не запрещай благодарить Себя!»

Всеславъ замолчалъ, грудь его сильно волновалась, и крупныя слезы катились по блѣднымъ щекамъ. Посмотрѣвъ съ сожалѣніемъ на своего друга, Стемидъ сказалъ вполголоса:

— Что за диво такое?.. О чемъ онъ толкуетъ?.. Полно, нѣтъ ли тутъ чего-нибудь?.. Въ наши годы даромъ не грустятъ... Воля твоя, Всеславъ, а это недаровое. Ужъ не приглянулся ли ты какой-нибудь кіевской вѣдьмѣ? Говорятъ, онѣ, проклятыя, такую тоску наводятъ на нашего брата, что и бѣлый свѣтъ не взмилится. Со мной этого не бывало, а однажды обошелъ меня лѣшій, такъ я цѣлыя сутки плуталъ по лѣсу. Эй, Всеславъ, послушайся меня, поговори-ка объ этомъ съ верховнымъ жрецомъ Богомиломъ: онъ дастъ тебѣ какого-нибудь снадобья, пошепчетъ надъ тобою... Да полно качать-то головой: вѣдь онъ, братецъ, на это горахдъ. Я помню, какъ однажды при мнѣ жреца Лютобора схватила какая-то черная немочь: ударило его, сердечнаго, оземь, да начало такъ коверкать, что и сказать нельзя. Ну, чтожъ?.. Лишь только Богомилъ пошепталъ надъ нимъ, да дунулъ ему въ лицо, такъ

онъ вскочилъ и пошелъ, какъ встрепанный. Однакожъ, ты не все еще мнѣ досказалъ; ты что-то намекнулъ мнѣ, что однажды...

— Да! — прервалъ Всеславъ. — Дней десять тому назадъ, тоска моя усилилась до того, что я не могъ уснуть во всю ночь. Не помню, чтобъ я ожидалъ когда-нибудь съ такимъ нетерпѣніемъ утра; сердце мое то билось шибче обыкновеннаго, то замирало. На разсвѣтѣ пришли мнѣ сказать, что Великій Князь ѣдетъ охотиться по берегамъ Почайны; я осѣдлалъ моего коня и, приставъ къ охотникамъ, которыхъ отправили впередъ, выѣхалъ изъ Кіева. Не прошло и часа времени, какъ Великій Князь прислалъ на сборное мѣсто сказать старшему ловчему, что онъ самъ на охоту не поѣдетъ. Вотъ всѣ мы разъѣхались въ разныя стороны: кто остался въ лѣсу потѣшиться ловлею, кто отправился назадъ въ Кіевъ; а я, самъ не знаю для чего, далъ волю моему коню везти меня, куда онъ хочетъ, и заѣхалъ, наконецъ, въ такую глушь, что какъ очнулся, да посмотрѣлъ вокругъ себя, такъ волосы стали дыбомъ: ни слѣду, ни тропинки,—кочки да трясина, оврагъ на оврагѣ, и такая дичь, что свѣту бѣлаго не видно! Кое-какъ, то на конѣ, то ведя его въ поводу, я выбрался на обширную луговину, окруженную дремучимъ лѣсомъ. Мнѣ показалось, что сквозь густую зелень трехъ или четырехъ березъ, какъ будто нарочно посаженныхъ на самой серединѣ поляны, мелькало что-то бѣлое. Вотъ я слѣзъ съ коня, привязалъ его къ дереву и потихоньку подошелъ къ березамъ. Подъ навѣсомъ ихъ разметистыхъ вѣтвей, я увидѣлъ небольшое насыпное возвышеніе, похожее на могилу, а надъ нимъ грубо обдѣланный четверо-угольный столбикъ, перерѣзанный поперекъ почти одинакой съ нимъ величины деревяннымъ брускомъ. Послѣ сего простого памятника, спиною ко мнѣ, стояла на колѣняхъ, повидимому, молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ волосами; у ногъ ея лежало голубое покрывало. Я притаилъ дыханіе, скры-

ваясь за деревьями, зашелъ неприм҃тно съ другой стороны и пораздвинулъ бережно густыя вѣтви. Молодая дѣва, склонясь главою къ могильному памятнику, усердно молилась... Да, мой другъ, она молилась, но только не нашему богу; она называла его Творцемъ вселенной, Прибѣжищемъ несчастныхъ, Искупителемъ. Свѣтлорусые волосы, опускаясь до самой земли, скрывали отъ меня лицо ея, и отъ-времени-до-времени тихія рыданія прерывали ея слова. Я стоялъ неподвижно, какъ истуканъ. Вдругъ дѣва приподняла голову, отбросила назадъ густые свои локоны... Ахъ, Стемидъ, что сталось тогда со мною!.. Ты знаешь, что изъ всѣхъ юныхъ дѣвъ кіевскихъ ни одна не казалась мнѣ прекрасною; а эта незнакомка!.. Но какъ описать тебѣ то неизъяснимое чувство любви, которое, какъ быстрый пламень, пролилось, закипѣло въ моихъ жилахъ! Это дѣвственное, прелестное чело, эти очи, исполненныя любви и кроткаго блаженства!.. О, никогда еще мой взоръ не встрѣчалъ столь дивной красоты! Какой-то тайный голосъ прошепталъ мнѣ: вотъ подруга, назначенная тебѣ самими небесами, вотъ та, которая просвѣтитъ твой разумъ! Я невольно сдѣлалъ шагъ впередъ. Услыхавъ шорохъ, она обернулась, вздрогнула, внезапный ужасъ изобразился на лицѣ ея, и прежде, чѣмъ я повторилъ мой вопросъ, она, какъ быстрая серна, исчезла изъ глазъ моихъ. Долго я не могъ опомниться. Вдругъ взоры мои остановились на голубомъ покрывалѣ: испуганная моимъ нечаяннымъ появленіемъ, дѣва забыла его на травѣ подлѣ самой могилы.—Вотъ оно! — продолжалъ Всеславъ, вынимая изъ-за пазухи голубую шелковую ѳату.—Я никогда съ нимъ не разстаюсь.

— Ого, — сказалъ Стемидъ, разсматривая покрывало,—да оно изъ греческой камки! Я видалъ такія же точно у гостей византійскихъ.

— Съ тѣхъ поръ,—продолжалъ Всеславъ,—я каждое утро ѣзжу по лѣсу, ищу эту безвѣстную дѣву, зову ее,—все напрасно: никто не откликается на мой

голосъ. Часто, обманутый отголоскомъ, я спѣшу въ ту сторону, гдѣ повторяются слова мои,—не нахожу никого, и мнѣ кажется иногда, что вдали какъ будто бы раздается насмѣшливый хохотъ.

— Ужъ не потѣшается ли надъ тобой какая-нибудь русалка?—прервалъ Стемидъ. — Правда, разсказываютъ, что у этихъ проказницъ волосы зеленые, а ты говорилъ о свѣтлорусыхъ локонахъ. Да и зачѣмъ носить русалкѣ покрывало изъ византійской ткани? Это должна быть какая-нибудь молодая кіевлянка... Но какъ она зашла одна въ этотъ дремучій лѣсъ? Послушай, Всеславъ, бывалъ ли ты послѣ на этой полянѣ, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ?

— Каждое утро. Тамъ только я нахожу какую-то отраду моимъ мученіямъ. Когда, послѣ тщетныхъ поисковъ, душа моя наполняется неизъяснимою тоскою, я спѣшу на эту поляну и на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ, точно такъ же, какъ она, преклоняю колѣна и начинаю молиться не богамъ нашимъ, но невѣдомому богу, которому она молилась; тому, кого она называла Искупителемъ. Не знаю, доступны ли до него мольбы мои, но всякій разъ скорбь моя мало-по-малу утихаетъ, и я съ новою надеждою возвращаюсь домой. Теперь ты знаешь все, Стемидъ!.. Оставь меня.

— Власть твоя, Всеславъ,—сказалъ Стемидъ, покачивая головою,—а тутъ замѣшалась нечистая сила. Что за радость таскаться каждое утро по болотамъ и дебрямъ для того, чтобъ отыскать какую-то лѣсную дѣвушку, которую ты путемъ и разсмотрѣть не успѣлъ? Добро, добро, прощай покамѣстъ! Я вижу, тебя такъ и подмываетъ. Ступай, шатайся по лѣсу! Да послушай: не равно набредешь какъ-нибудь на берлогу медвѣдя, такъ не вздумай съ нимъ одинъ схватиться, а скажи мнѣ,—вдвоемъ-то мы лучше повеселимся.

Оба молодые люди сѣли на коней: Стемидъ поворотилъ назадъ къ Кіеву, а Всеславъ поѣхалъ впередъ, придерживаясь лѣваго берега Почайны.

VI.

Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ рѣчка, осѣняемая съ обѣихъ сторонъ густыми липами, текла по каменистому дну глубокаго оврага, Всеславъ поворотилъ налѣво, въ самую средину лѣса. Борзый конь его съ трудомъ продирался сквозь частый кустарникъ: на каждомъ шагу заслоняли ему дорогу то кудрявый вѣтвистый дубъ, то развѣсистая береза; въ одномъ мѣстѣ душистая черемуха, склонясь сводомъ надъ дорогою, заставляла всадника нагибаться до сѣдельной луки; въ другомъ—кусты пестрой жимолости, переплетаясь межъ собою, застилали тропинку и принуждали его сворачивать въ сторону. Вскорѣ едва замѣтный слѣдъ, по коему онъ ѣхалъ, исчезъ совершенно. Всеславъ пріостановилъ коня, поглядѣлъ внимательно кругомъ и, замѣтивъ вдали, между частымъ лѣсомъ огромную вѣковую сосну, поворотилъ въ ту сторону; но едва конь его сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ началъ чутко озираться во всѣ стороны приподнялъ уши, захрапѣлъ и шарахнулся. Всеславъ, схватясь за рукоятку своего меча, кинулъ вокругъ себя зоркій взглядъ, и вдругъ ему показалось, что сквозь частыя вѣтви выглядываетъ уродливое лицо прохожаго, который такъ скоро исчезъ при появленіи Стемида.

— Эй, ты, товарищъ!..—закричалъ онъ.—Добрый человѣкъ, послушай!

Но, вмѣсто отвѣта, вблизи раздался шорохъ; потомъ, черезъ минуту, вдали захрустѣлъ сухой валежникъ, и все утихло. Подождавъ нѣсколько времени, Всеславъ пустился далѣе, проѣхалъ мимо высокой сосны и достигъ, наконецъ, опушки лѣса, который въ семъ мѣстѣ окружалъ обширную поляну.

На самой срединѣ сей поляны, подъ тѣнью нѣсколькихъ березъ, возвышалась, покрытая зеленымъ дерномъ, могила; надъ нею стоялъ деревянный крестъ, а подлѣ него—молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, похожемъ на греческій тюникъ. Тихій утренній вѣтерокъ игралъ

цвѣтнымъ ея покрываломъ; небрежно закинутое назадъ, оно то застилало ея длинные русые волосы, то обвивалось вокругъ гибкаго стана. Сложивъ крестъ-накрестъ руки, она смотрѣла задумчиво на могилу; крупныя слезы капали изъ полуоткрытыхъ глазъ ея, но прелестное лицо дѣвы было спокойно; на ея свѣтломъ челѣ изображалось какое-то тихое уныніе, но эта кроткая печаль не походила на наше буйное земное горе.

Услышавъ позади себя тихій шорохъ, она торопливо обернулась: подлѣ нея стоялъ Всеславъ.

— О, не убѣгай, побудь со мною! — прошепталъ онъ едва внятнымъ голосомъ, простирая къ ней свои руки.

Дѣвушка, которая отбѣжала уже нѣсколько шаговъ, остановилась и устремила свой робкій и недовѣрчивый взглядъ на трепещущаго юношу.

— Чего ты боишься?—продолжалъ Всеславъ умоляющимъ голосомъ.—И тебѣ ли бояться того, кто любитъ тебя болѣе своей жизни!

Удивленіе и страхъ изобразились на прекрасномъ лицѣ незнакомки. Она сдѣлала Всеславу знакъ не подходить ближе и продолжала смотрѣть на него молча.

— Ахъ, вымолви хотя одно слово! — сказалъ тихо Всеславъ.—Я уже слышалъ однажды твой голосъ, но ты говорила не со мною.

— Кто ты?—спросила, наконецъ, дѣвушка.—Я тебя не знаю.

— Я Всеславъ! — отвѣчалъ юноша, сдѣлавъ шагъ впередъ.

Дѣвушка вскрикнула отъ ужаса и пустилась бѣжать.

— Постой!—сказалъ съ отчаяніемъ юноша.—Постой, возьми хотя назадъ свое покрывало.

Незнакомка оглянулась и, увидѣвъ въ рукахъ Всеслава свое голубое покрывало, вскричала съ дѣтскою радостію:

— Такъ, это оно! Спасибо, добрый человѣкъ! Положи его здѣсь на траву.

— Но развѣ ты не можешь его взять изъ моихъ рукъ? — сказалъ Всеславъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Изъ твоихъ рукъ!—повторила незнакомка съ робостію.—Ты, кажется, не злой человѣкъ,—прибавила она, — помолчавъ нѣсколько времени, — но рѣчи твои такъ чудны... Я боюсь тебя.

— Меня?.. О, еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя, то вѣрно бы не стала бояться. Сколько разъ я приходилъ на эту поляну для того только, чтобъ взглянуть на то мѣсто, на которомъ ты стояла, и молиться тому, кому ты молилась.

— Такъ ты не язычникъ? Ахъ, какъ я рада!.. Подойди, подойди,—теперь я не боюсь тебя!

Всеславъ подошелъ къ дѣвушкѣ. — Вотъ твое покрывало! — сказалъ онъ. — Но если я вижу тебя въ послѣдній разъ, то не откажи мнѣ: оставь его у меня.

— У тебя?.. На что тебѣ мое покрывало? — спросила съ улыбкою незнакомка. — Развѣ ты дѣвушка?

— Я не разстался бы съ нимъ во всю жизнь мою: оно прикасалось къ тебѣ, ты носила его.

— Да, и я очень плакала, когда его потеряла; мнѣ подарила его матушка.

— А ты живешь вмѣстѣ съ матерью?

— Нѣтъ еще,—отвѣчала дѣвушка, покачавъ печально головою.

— Такъ вы живете розно? Гдѣ же она?

— Вотъ здѣсь!—шепнула тихо незнакомка, указывая на могилу.

— Такъ она похоронена здѣсь? И ты, вѣрно, приходишь сюда молиться ея праху?

— О, нѣтъ, я молюсь не ей, а за нее.

— Какому же ты молишься богу?

— Какому? Развѣ Онъ не одинъ?

— И ты знаешь его?

— А какъ же?

— Не его ли ты называла Искупителемъ?

— Да.

— Но кто же онъ?

— На небесахъ Онъ—Богъ нашъ, а на землѣ былъ сыномъ Той, Которую называютъ Пресвятою.

— А какъ зовутъ тебя?

— Я дѣвушка, дочь Алексѣя, который живетъ въ этомъ лѣсу; меня зовутъ Надеждою.

— Надеждою!—прервалъ съ удивленіемъ Всеславъ.

— Имена моихъ сестеръ еще лучше,—сказала съ простодушною улыбкою дѣвушка:—ихъ зовутъ Вѣрой и Любовью.

— Надежда, Вѣра и Любовь!—повторилъ Всеславъ, покачивая недовѣрчиво головою.—Ахъ, счастливъ тотъ, кто заключаетъ ихъ въ душѣ своей! Но развѣ это имена?.. Я вижу,—прибавилъ онъ печальнымъ голосомъ,—ты издѣваешься надо мною.

— О, нѣтъ, намъ дали эти имена въ Византіи. Прежде мы не такъ назывались: меня звали Всемилою, а сестеръ моихъ Премиславою и Свѣтланою; но эти имена языческія: ими грѣшно называться.

— Твоего отца зовутъ Алексѣемъ; но кто онъ такой?

Этотъ вопросъ смутилъ примѣтнымъ образомъ дѣвушку. Помолчавъ нѣсколько времени, она отвѣчала:

— Онъ былъ прежде воиномъ, а теперь кормится работою.

— Но для чего онъ живетъ въ этомъ дремучемъ лѣсу?

— Онъ рубитъ дрова и продаетъ ихъ кіевскимъ жителямъ.

— И ты живешь съ нимъ въ этой пустынѣ? Тебѣ, должно быть, очень скучно?

— Да, зимою мнѣ бываетъ скучно: кругомъ насъ воютъ волки, ревутъ медвѣди, и на меня иногда находитъ такой страхъ, что я во всю ночь заснуть не

могу; но въ землѣ Печенѣжской мнѣ было еще скучнѣе. Вотъ, когда мы жили въ Византіи, тамъ намъ было весело. Тамъ остались мои старшія сестры. Когда онѣ вышли замужъ, то отецъ мой пріѣхалъ сюда со мною и съ матушкою; она все тосковала, прошлаго года умерла, и теперь я живу съ нимъ одна-одинехонька, — промолвила Надежда, бросивъ грустный взглядъ на могилу.

— Но неужели ты никогда не бываешь въ Кіевѣ?— спросилъ Всеславъ.

— Иногда, по ночамъ, я вмѣстѣ съ батюшкою хожу туда молиться.

— Но по ночамъ всѣ храмы бываютъ заперты.

— О, нашъ храмъ запереть не можно, — сказала съ улыбкою дѣвушка:—въ немъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей. Да что ты меня объ этомъ разспрашиваешь? Если ты не язычникъ, то, вѣрно, приходилъ и самъ туда молиться.

— Да гдѣ же это?—спросилъ съ удивленіемъ Всеславъ.

— На высокомъ берегу Днѣпра, подлѣ Аскольдовой могилы.

Всеславъ отступилъ съ ужасомъ назадъ.

— Какъ?—вскричалъ онъ.—Ты говоришь о развалинахъ этого христіанскаго храма?

— Да. Батюшка сказывалъ мнѣ, что это была святая церковь во имя чудотворца Николая. Злой Святославъ разорилъ ее, но благодать Божія живетъ и среди ея развалинъ... Да что съ тобой сдѣлалось? Отчего ты такъ поблѣднѣлъ?

— Прощай! — прошепталъ глухимъ голосомъ Всеславъ.—Мы больше никогда съ тобой не увидимся.

— Такъ ты ужъ не хочешь приходить молиться на могилѣ моей матери?—сказала Надежда, потупивъ въ землю свои кроткіе голубые глаза.

— Нѣтъ! — вскричалъ съ отчаяніемъ юноша. — Я люблю тебя, а я не могу и не долженъ тебя любить: ты христіанка!

— Такъ чтожъ: мы должны любить и враговъ своихъ; а что я тебѣ сдѣлала?.. Я вижу теперь, что ты язычникъ, и мнѣ это очень жаль; но я не стану тебя за это ненавидѣть.

— Бѣдная дѣвушка!.. Еслибъ ты знала, кому ты поклоняешься!

— Я это знаю.

— А знаешь ли ты, о чемъ молятъ всѣ христіане того, кого они называютъ своимъ Искупителемъ?

— И это знаю; я не разъ слышала, какъ отецъ мой, преклонивъ колѣна, молилъ его, чтобъ Владиміръ, Великій Князь Кіевскій...

— О, не договаривай!.. Итакъ, Богомилъ не обманулъ меня... Прощай!..

Отойдя нѣсколько шаговъ, Всеславъ не могъ удержаться, чтобъ не взглянуть украдкою назадъ: дѣвушка стояла на прежнемъ мѣстѣ, и робкіе взоры ея слѣдовали за уходящимъ юношею. Замѣтивъ сіе невольное движеніе, она съ живостію сдѣлала шагъ впередъ, остановилась и, перебирая въ рукахъ своихъ голубое покрывало, сказала вполголоса:

— Прощай, Всеславъ!

Кто любилъ, тотъ пойметъ все отчаяніе несчастнаго юноши. Онъ слышалъ въ первый разъ имя свое въ устахъ той, чей образъ сливался со всѣми его надеждами. Онъ встрѣтилъ ее и долженъ былъ навсегда съ нею разстаться!,. Эта грусть, начертанная въ глубокихъ глазахъ ея, этотъ дѣвственный, исполненный унынія голосъ проникъ до глубины его сердца. Ахъ, какіе очаровательные, неземные звуки сравнятся въ голосомъ той, которую мы любимъ! Какой смертный приговоръ ужаснѣе послѣдняго «прости» для того, кто, разставаясь навѣки съ нею, не можетъ въ то же время разстаться и съ своею жизнію!

— Прости, Всеславъ!—повторила дѣвушка еще печальнѣе; въ глазахъ ея изобразилась какая-то нерѣшимость; казалось, она желала и боялась что-то сказать...—

Но ты забылъ, — промолвила она, наконецъ, тихимъ голосомъ:—возьми же назадъ мое покрывало.

— Твое покрывало?

— Да! — продолжала дѣвушка, потупивъ глаза.— Вѣдь мы уже больше никогда съ тобой не увидимся.

— Какъ, ты отдаешь мнѣ добровольно это покрывало—наслѣдіе твоей покойной матери?

— Я и сама не знаю, для чего это дѣлаю; я видѣла тебя сегодня въ первый разъ, а мнѣ не хочется, чтобъ ты скоро забылъ меня.

— Ахъ, Надежда, — вскричалъ съ горестію Всеславъ, подойдя къ дѣвушкѣ, — зачѣмъ ты христіанка, зачѣмъ ты молишься злому Чернобогу?..

— Кому?—спросила съ удивленіемъ дѣвушка.

— Ты называешь его другимъ именемъ, но это все равно. Мать Великаго Князя была моею второю матерью, онъ воспиталъ меня, и я долженъ ненавидѣть его враговъ.

— Но кто сказалъ тебѣ...

— О, я знаю это!.. Отецъ его разорялъ ваши храмы, онъ самъ презираетъ вѣру христіанскую, такъ вы должны его ненавидѣть. Но, можетъ-быть, ты не раздѣляешь злобные умыслы твоихъ единовѣрцевъ... Да, да, Надежда, когда они въ молитвахъ своихъ упоминаютъ имя Владиміра, ты не присоединяешь невинныя мольбы твои къ ихъ преступнымъ мольбамъ?

— Нѣтъ, я говорю также вмѣстѣ съ другими: «Господи, продли дни Владиміра, умягчи сердце его и просвѣти душу свѣтомъ истинныя Твоея вѣры!»

— Возможно ли? — вскричалъ Всеславъ. — Вы не клянете, а благословляете имя Великаго Князя?

— А какже?—Вѣдь онъ нашъ Государь.

— И вы не просите вашего Бога сгубить Владиміра?

— Сгубить Владиміра? Да развѣ можно Его просить объ этомъ?.. Нашъ Богъ спасаетъ людей, а губитъ ихъ врагъ Божій — діаволъ, да за то-то мы и должны его ненавидѣть.

— Но что же дѣлаете вы, когда сбираетесь по ночамъ на развалинахъ вашего храма?

— Мы поемъ славу Божію, молимся Искупителю, величаемъ Матерь Его, Пресвятую и Пречистую Дѣву.

— И вы ничего другого не дѣлаете?.. Вы не упиваетесь кровью невинныхъ младенцевъ?

— Ахъ, что ты говоришь, Всеславъ!—прервала съ ужасомъ дѣвушка.—Да проститъ Господь твое прегрѣшеніе! Развѣ мы дикіе звѣри?

— Итакъ, все, что я слышалъ объ ужасныхъ обрядахъ вѣры вашей, несправедливо? — вскричалъ Всеславъ.—О, какъ облегчила ты мое сердце! Я могу любить тебя, не оскорбляя моей совѣсти, могу назвать отца твоего моимъ отцомъ и благословлять вмѣстѣ съ нимъ имя Владиміра!

— Какъ,—вскричала съ радостію Надежда,—ты хочешь назвать батюшку отцомъ своимъ? Такъ ты желаешь сдѣлаться христіаниномъ?

— Христіаниномъ?.. — повторилъ съ невольнымъ содроганіемъ Всеславъ.

— А какъ же? Всѣ христіане называютъ его отцомъ своимъ. Вѣдь батюшка мой, — прибавила она вполголоса,—іерей.

— Іерей?

— Да, да! Онъ рукоположенъ въ Византіи, и если ты хочешь назвать его отцомъ, то долженъ сдѣлаться христіаниномъ.

— Нѣтъ, Надежда, я не хочу тебя обманывать,— сказалъ Всеславъ:—если все неправда, что разсказывали мнѣ о христіанахъ, то и тогда я не могу быть твоимъ единовѣрцемъ. Сколько разъ я слышалъ отъ Рохдая, Свѣторада, отъ мудраго Добрыни, отъ всѣхъ витязей княжескихъ, что вѣра христіанская не можетъ быть вѣрою храбрыхъ воиновъ; что Ольгу, какъ слабую жену, могли обольстить въ Византіи, но что сынъ ея, неустрашимый Стятославъ, ненавидѣлъ христіанъ, а внукъ, нашъ Великій Князь Владиміръ, презираетъ ихъ.

— Итакъ, ты хочешь остаться язычникомъ?—сказала печально дѣвушка.

— Да знаю ли я самъ, чего хочу!—вскричалъ съ горестію Всеславъ. — Мнѣ противно служеніе богамъ нашимъ, я горю желаніемъ узнать истиннаго Бога; но чему долженъ я вѣрить?.. Когда въ первый разъ я увидѣлъ тебя на могилѣ твоей матери... ты молилась, Надежда... Тогда, о, тогда какъ будто бы густое облако спало съ очей моихъ!.. «Вонъ она!» раздался въ душѣ моей тайный могучій голосъ. «Вотъ та, о которой тосковало твое земное сердце! Молись вмѣстѣ съ нею, и ты узнаешь Того, о Комъ тоскуетъ безсмертная душа твоя!» Но ты скрылась отъ глазъ моихъ, и вмѣстѣ съ тобою исчезло все; тотъ же непроницаемый мракъ охватилъ снова и обдалъ хладомъ мою душу. Ахъ, я походилъ на горькаго слѣпца, который прозрѣлъ на одно мгновеніе, увидѣлъ свои родныя поля, усѣянныя цвѣтами; взглянулъ на широкій Днѣпръ, на ясное солнышко, на всю красу и славу поднебесную,—и снова погрузился въ вѣчный мракъ. Сегодня ты не убѣгала меня, твой ласковый взглядъ, твои привѣтливыя рѣчи—все, даже твое имя, наполнило мою душу какимъ-то радостнымъ ожиданіемъ. «Она просвѣтитъ мой разумъ», думалъ я. «Ея богъ будетъ моимъ богомъ»... Но ты христіанка,—прибавилъ Всеславъ, покачавъ печально головою;—ты служишь богу, коему поклоняются коварные византійцы... Нѣтъ, нѣтъ! Рохдай говоритъ правду: не пристало честнымъ и храбрымъ витязямъ перенимать законъ и обычаи иноземныхъ торгашей. Да, Надежда, не можетъ статься, чтобъ вѣра, которой васъ учили эти хитрые, женоподобные греки, была истинною вѣрою.

— Ахъ, Всеславъ, Всеславъ!—сказала Надежда.—Душа твоя жаждетъ постигнуть славу Господа нашего, но тебя смущаетъ врагъ Божій. Я простая, неразумная дѣвушка: не мнѣ состязаться съ тобою о законѣ нашемъ; я умѣю только любить и вѣрить. Вотъ если бы ты побесѣдовалъ съ отцомъ моимъ...

— Да, Надежда, я желаю узнать твоего родителя, и если онъ захочетъ назвать меня своимъ сыномъ...

— Чу! Что это такое?—прервала дѣвушка.—Не звѣрь ли какой?

Въ близкомъ разстояніи послышался необычайный шорохъ, какой-то гулъ раздался по лѣсу, съ трескомъ ломались сучья, и мелкій лѣсъ, раздаваясь направо и налѣво, заколебался, какъ въ сильную бурю.

— Не бойся, Надежда, мой мечъ со мною! — сказалъ Всеславъ, вынимая его изъ ноженъ.

— Посмотри, посмотри!—шепнула дѣвушка, указывая на опушку лѣса.

Съ лѣвой стороны, шагахъ въ двадцати отъ нихъ, показался изъ-за кустовъ огромной величины медвѣдь; наклонивъ къ землѣ свою косматую голову, онъ стоналъ жалобнымъ голосомъ, ревѣлъ и старался вырвать лапами длинную стрѣлу, которою пробита была его шея. Всеславъ, обнаживъ мечъ, бросился къ нему навстрѣчу; но звѣрь, не дожидаясь его, побѣжалъ вкось черезъ поляну и скрылся въ противоположномъ лѣсу.

— Надежда!.. Надежда!—раздался въ то же время съ правой стороны громкій голосъ.

— Это отецъ мой! — вскричала съ ужасомъ дѣвушка.—Ахъ, Всеславъ, бѣги, спѣши къ нему на помощь!

Но прежде, чѣмъ Всеславъ добѣжалъ до опушки лѣса, сѣдой старикъ, весьма просто одѣтый, вышелъ на поляну. Надежда кинулась къ нему на шею.

— Слава Богу,—вскричала она,—ты не повстрѣчался съ медвѣдемъ! Ахъ, какъ я испугалась!

— Я шелъ за тобою,—сказалъ старикъ,—и вдругъ въ пяти шагахъ отъ меня пробѣжалъ этотъ дикій звѣрь. О, какъ слаба еще моя вѣра! — прибавилъ онъ, обнимая Надежду.—Я забылъ, что безъ воли Божіей и единый волосъ не утратится съ главы твоей!.. Я испугался за тебя, дочь моя!

Всеславъ, не замѣчаемый отцомъ Надежды, стоялъ

подлѣ него и смотрѣлъ съ какимъ-то благоговѣніемъ на величественный и вмѣстѣ кроткій видъ старца. Онъ былъ высокаго роста; какъ лунь, сѣдая борода его опускалась до самаго пояса; глубокая мудрость изображалась на открытомъ челѣ его, ясномъ и спокойномъ, какъ тихія осеннія небеса; а взоръ, исполненный доброты и простосердечія, казалось, высказывалъ все, что было на душѣ его.

— Я за себя не боялась, батюшка! — сказала Надежда, отвѣчая на ласки отца своего. — У меня былъ защитникъ.

— Защитникъ?—повторилъ старикъ, поглядѣвъ вокругъ себя. — Кто этотъ незнакомецъ? — продолжалъ онъ, увидя Всеслава.

— Его зовутъ Всеславомъ,—шепнула дѣвушка.

— Надежда,—сказалъ строгимъ голосомъ старикъ,— ты знаешь его имя, а отецъ твой слышитъ о немъ въ первый разъ!

— Не досадуй на дочь свою, добрый Алексѣй,— прервалъ Всеславъ, поклонясь ласково старику;—она сама въ первый разъ сегодня говорила со мною.

— А успѣла ужъ узнать твое имя и объявить, какъ зовутъ ея отца!

— Не сердись, батюшка! — сказала дѣвушка. — Еслибъ ты зналъ, какой онъ добрый человѣкъ! Онъ приходилъ сюда одинъ-одинехонекъ молиться на матушкиной могилѣ.

— Но развѣ онъ зналъ ее? — спросилъ съ удивленіемъ старикъ.

— Нѣтъ,—продолжала дѣвушка,—онъ приходилъ сюда только для того, чтобъ помолиться нашему Богу.

— Нашему Богу?.. Я знаю всѣхъ христіанъ, а не помню, чтобъ когда-нибудь видалъ этого юношу.

— Вотъ то-то и бѣда, что онъ язычникъ. Поговори съ нимъ, батюшка,—такъ, можетъ статься, и онъ сдѣлается христіаниномъ.

— Да, Алексѣй,—сказалъ Всеславъ,—дозволь мнѣ

иногда бесѣдовать съ тобою и съ твоею прекрасною дочерью.

— Съ моею дочерью!—повторилъ старикъ, и примѣтное неудовольствіе изобразилось на челѣ его. Онъ посмотрѣлъ молча на Надежду: весело и спокойно, какъ невинное дитя, кроткая дѣвушка глядѣла на отца своего. Онъ улыбнулся и обратилъ на Всеслава свой недовѣрчивый и испытующій взглядъ; ихъ взоры встрѣтились: благородный и откровенный видъ юноши разсѣялъ въ одно мгновеніе всѣ подозрѣнія отца Надежды. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ Всеслава:

— Какой нечаянный случай привелъ тебя на эту поляну, окруженную со всѣхъ сторонъ непроходимымъ лѣсомъ?

— Въ первый разъ это случилось нечаянно,—отвѣчалъ Всеславъ;—но послѣ я пріѣзжалъ сюда для того, чтобъ увидѣть дочь твою.

— Итакъ, ты сегодня не въ первый разъ ее видѣлъ?—спросилъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ старикъ.

— Я видѣлъ ее дней десять тому назадъ на этой же самой полянѣ,—продолжалъ Всеславъ;—но сегодня въ первый разъ говорилъ съ нею.

Старикъ снова призадумался.

— И ты желаешь,—сказалъ онъ, наконецъ, устремивъ проницательный взглядъ на юношу, — принять вѣру нашу?

— Нѣтъ, Алексѣй, я не хочу тебя обманывать: я отрокъ великокняжескій, и не могу быть христіаниномъ.

— Дай мнѣ свою руку, Всеславъ!—сказалъ съ привѣтливою улыбкою старикъ. — Я вижу, ты не обманщикъ, а честный и благородный юноша. Но скажи мнѣ: если ты не хочешь быть христіаниномъ, такъ что за утѣха тебѣ, отроку великокняжескому, вести знакомство и пріязнь съ простымъ дровосѣкомъ? Признайся, ты желаешь бесѣдовать не со мною, а съ моею дочерью?

— И съ тобою, Алексѣй! Ты былъ нѣкогда, такъ-же какъ я, витяземъ, видѣлъ много знаменитыхъ городовъ, людей иноземныхъ...

— Какъ?.. Надежда, — прервалъ почти суровымъ голосомъ старикъ,—ты сказала ему?

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ,—вскричала съ робостію дѣвушка,—я ему ничего не говорила, а только сказала, что ты былъ прежде воиномъ!

— Не опасайся ничего,—продолжалъ Всеславъ.— Если ты скрываешь свое имя...

— Мое истинное имя Алексѣй, — прервалъ старикъ.—Это имя дано мнѣ при второмъ моемъ рожденіи.

— При второмъ рожденіи?—повторилъ съ удивленіемъ юноша.

— Да, Всеславъ. Ты не понимаешь меня; но скажи, какъ назовешь ты самъ то мгновеніе, когда прозрѣвшій слѣпецъ увидитъ впервые свѣтъ, дотолѣ ему неизвѣстный? Не родился ли онъ снова? Не пріучается ли онъ, какъ малое дитя, узнавать понемногу, что лазурный, безпредѣльный шатеръ, раскинутый надъ его главою, сіе жилище Господа Бога нашего наречено небесами; что разсыпанныя по онымъ сверкающія искры, сіи безчисленные свѣтильники, горящіе предъ престоломъ Всевышняго, именуются звѣздами; что сіе пламенное, неугасимое горнило, льющее жизнь и свѣтъ на всю вселенную, называется солнцемъ? Скажи, не должно ли казаться сему слѣпцу, что онъ родился снова?

— Ахъ, Алексѣй,—вскричалъ съ горестію юноша,— и я такой же точно слѣпецъ: и моя душа тоскуетъ о свѣтѣ!

— Полно, такъ ли, Всеславъ?—прервалъ съ улыбкою старикъ. — Не привыкла ли она къ потемкамъ? Когда наше земное, скудельное тѣло обуяетъ лѣнь, такъ ему и дневной свѣтъ не взмилится; ночью спи да прохлаждайся, сколько хочешь; а днемъ надобно бодрствовать и работать. Вѣдь и душа-то наша под-

часъ не лучше тѣла; какъ полюбится ей дремать въ темнотѣ, такъ не вдругъ ее добудишься; да и будить-то надо съ опасеніемъ: не въ мѣру яркій свѣтъ не просвѣтитъ, а развѣ ослѣпитъ ее. Послушай, Всеславъ, ты, вѣрно, усталъ, и желаешь подкрѣпить себя пищею: ты привыкъ пировать въ чертогахъ княжескихъ, но если не погнушаешься нашей убогой трапезы, такъ милости прошу въ мою хижину. Да не погнѣвайся, молодецъ,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Всеславъ, принявъ съ благодарностію предложеніе Алексѣя, отвязалъ коня своего и, ведя его въ поводу, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ опушкѣ лѣса, которая опоясывала съ полуденной стороны поляну. Въ то же самое время на противоположной сторонѣ изъ-за деревьевъ показался человѣкъ необычайнаго роста, въ пестрой рубашкѣ, сверхъ которой накинуто было верхнее платье темнаго цвѣта. За его, украшеннымъ мѣдными бляхами, поясомъ заткнуто было нѣсколько стрѣлъ; изъ-за широкихъ плечъ виднѣлся длинный лукъ, а въ правой рукѣ своей онъ держалъ на перевѣсѣ толстую охотничью рогатину. Увидѣвъ Всеслава, который обернулся, чтобъ сказать что-то Надеждѣ, отставшей на нѣсколько шаговъ позади, колоссальный незнакомецъ указалъ на него пальцемъ и спросилъ вполголоса:

— Это онъ?

— Да, онъ!—отвѣчалъ кто-то шопотомъ, и изъ-за густого орѣшника высунулось безобразное лицо прохожаго, въ которомъ читатели наши, вѣроятно, давно уже узнали служителя верховнаго жреца, Торопку-Голована.

VII.

Едва замѣтный слѣдъ, по которому шелъ Всеславъ съ Алексѣемъ и его дочерью, довелъ ихъ въ нѣсколько минутъ до широкаго оврага. Опустясь по узенькой тропинкѣ на самое его дно, они пошли берегомъ не-

большого ручья, который то терялся среди мелкихъ кустовъ дикой черешни и колючаго терновника, то появлялся снова; въ одномъ мѣстѣ, выступая изъ береговъ своихъ, онъ разливался по низменному лугу; въ другомъ, извиваясь посреди большихъ деревьевъ, подмывалъ длинные корни дупловатой ивы или журчалъ подъ тѣнью высокаго клена. Дойдя до того мѣста, гдѣ ручей, покидая русло свое и разливаясь во всѣ стороны, составлялъ довольно обширный прудъ, Алексѣй остановился.

— Вотъ моя хижина!—сказалъ онъ Всеславу, указывая на противоположный скатъ оврага, который въ семъ мѣстѣ приличнѣе было бы назвать глубокою долиною.

Всеславъ поднялъ глаза и увидѣлъ небольшую избушку, обнесенную высокимъ и крѣпкимъ тыномъ. Тѣнистыя липы осѣняли ее съ трехъ сторонъ; нѣсколько повыше стояла другая хижина, гораздо менѣе первой; надъ ея кровлею возвышался деревянный крестъ, а внутри теплился слабый огонекъ. Перейдя черезъ ручей, по узкому мостику, настланному изъ необтесанныхъ бревенъ, они начали потихоньку взбираться на противоположный скатъ оврага.

— Надежда,—сказалъ старикъ, когда они подошли къ избушкѣ,—пока я буду бесѣдовать съ моимъ гостемъ, ступай и позаботься о нашей трапезѣ.

Дѣвушка побѣжала впередъ исполнить приказаніе отца, а старикъ и Всеславъ вошли въ хижину.

Въ небольшой, но чистой свѣтелкѣ, которая отдѣлялась низкими сѣнями отъ черной избы, стоялъ окруженный скамьями столъ; въ переднемъ углу, передъ двумя образами греческой живописи и мѣднымъ распятіемъ, горѣла лампада. Войдя въ свѣтлицу, старикъ поклонился святымъ иконамъ и, осѣнивъ трижды грудь свою знаменіемъ креста, сказалъ, обращаясь къ Всеславу:

— Да благословитъ тебя Господь, если ты безъ лести и лукавства, а съ чистымъ сердцемъ посѣтилъ

убогую хижину неимущаго! Сядь, отдохни, и да будетъ миръ съ тобою!

— Со мной! — сказалъ Всеславъ, покачавъ сомнительно головою; но въ то же время какая-то тишина и душевный миръ, не похожіе на наше земное обманчивое спокойствіе — это минутное усыпленіе страстей, всегда готовыхъ пробудиться, — наполнили кроткимъ веселіемъ его сердце. Онъ взглянулъ въ открытое окно хижины: свѣтлыя небеса, радостное щебетанье птичекъ, журчанье быстраго ручья, глубокая долина, зеленый, тѣнистый лѣсъ,—казалось, все повторяло ему вмѣстѣ со старцемъ: «Да будетъ миръ съ тобою!»

— О, какъ хорошо у тебя, мой отецъ!—сказалъ юноша, приложивъ руку къ успокоившейся груди своей.—Посмотри, какъ пестрѣютъ тамъ вдали, по берегу ручья, эти яркіе лазоревые цвѣты! Какой прохладой вѣетъ изъ этой долины! Какъ ясны здѣсь небеса! О, какъ хорошо у тебя!—повторилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Старикъ улыбнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—теперь все ожило и цвѣтетъ вокругъ моей хижины; но зимою, когда по лѣсу бушуетъ вѣтеръ, а вдоль оврага рыщутъ и воютъ голодные волки, не только моя дочь, но и я грѣшу передъ Господомъ, и мнѣ подчасъ становится скучно.

— Для чего же, Алексѣй,—спросилъ Всеславъ, садясь противъ старика,—ты живешь круглый годъ въ этомъ дремучемъ лѣсу? Ты могъ бы зимою переѣзжать на житье въ Кіевъ.

— И смотрѣть на богопротивныя жертвы, приносимыя богамъ вашимъ! — прервалъ старикъ. — Нѣтъ, Всеславъ! Я живу здѣсь одинъ съ моею дочерью, но мнѣ отраднѣе скучать въ этой пустынѣ и слышать отвратительный ревъ дикихъ звѣрей, чѣмъ веселиться въ вашемъ Кіевѣ и внимать буйнымъ пѣснямъ народа, который, въ слѣпотѣ своей, величаетъ богами бездушныхъ истукановъ.

— Но какое тебѣ дѣло, Алексѣй, въ кого вѣруютъ

кіевляне? Развѣ не вездѣ народъ имѣетъ своихъ собственныхъ боговъ? Варяги поклоняются Одену; западные славяне чтятъ Свѣтовида; въ Ретрѣ молятся богу Родегасту; греки, которыхъ вѣру исповѣдуешь и ты, имѣютъ также своего бога.

— Богъ одинъ, Всеславъ!—прервалъ кроткимъ голосомъ старикъ.—Всѣ народы называютъ по-своему дневное свѣтило, но развѣ не то же самое солнце, которое освѣщаетъ нашу землю, свѣтитъ и у варяговъ, и у западныхъ славянъ, и въ Ретрѣ, и въ Греціи? Развѣ не все повинуется единому закону, не все идетъ своею чередой? Не вездѣ ли мы родимся съ плачемъ и умираемъ въ скорбяхъ и болѣзняхъ; не вездѣ ли, проходя жизненнымъ путемъ, мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ же радости, одну и ту же печаль? Въ юности насъ борятъ страсти, въ старости подавляютъ злые недуги. Та же самая жизнь, которая двигаетъ и заставляетъ пресмыкаться во прахѣ ничтожнаго червяка, расширяетъ мощныя крылья поднебеснаго орла. Посмотри, какъ стройно текутъ по небесамъ воздушныя свѣтила! Обращаются ли рѣки когда-нибудь вспять; цвѣтутъ ли зимою деревья; не вездѣ ли день смѣняется ночью, а послѣ ночи наступаетъ новый день? И ты думаешь, Всеславъ, что не одна вседержавная десница, не одинъ Всемогущій Богъ хранитъ сіи предвѣчные законы, управляетъ вселенною и держитъ въ рукѣ Своей жребій всѣхъ царствъ и народовъ земныхъ? Что значитъ вашъ великій Кіевъ передъ гордою Византіею? Что сама Византія передъ древними Ѳивами, Персеполисомъ и Вавилономъ? Что всѣ сіи города, что вся земля наша въ сравненіи съ безпредѣльными небесами? А испытай посадить въ Кіевъ двухъ Великихъ Князей,—и ты увидишь тогда, сольются ли въ единую волю двѣ власти и два могущества, равныя между собою?

— Ахъ,—сказалъ Всеславъ,—тебѣ не нужно убѣждать меня въ этомъ: давно уже я не могу молиться богамъ нашимъ,—душа моя жаждетъ познать истиннаго Бога. Но кто Онъ, кто этотъ Непостижимый, и

почему я долженъ скорѣе вѣрить словамъ твоимъ, чѣмъ словамъ другого?

— Такъ ты желаешь познать истиннаго Бога?— спросилъ Алексѣй, устремивъ на юношу свой взоръ, исполненный надежды и веселія.

— О, Алексѣй! Я отдалъ бы за это жизнь мою; но, при одной мысли объ этомъ, смущается мой разумъ, сердце рвется, тоскуетъ, и я теряю всю надежду...

— Не унывай, Всеславъ!—прервалъ старикъ, положивъ ласково свою руку на плечо юноша.—«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся»,—сказалъ Тотъ, чьи слова не прейдутъ, какъ прейдетъ сей міръ, и всѣ живущіе въ ономъ. Но чтобъ найти, надобно искать, Всеславъ. Ты недоволенъ своею вѣрою, а старался ли ты узнавать, въ чемъ состоитъ вѣра другихъ народовъ? Желалъ ли ты просвѣтить твой разумъ, бесѣдуя съ людьми опытными и мудрыми?

— Нѣтъ, Алексѣй, я мало помышлялъ объ этомъ.

— Но неужели ты думаешь, что, пируя съ друзьями своими, потѣшаясь охотою или удальствомъ на пирушкахъ богатырскихъ, утопая среди забавъ и утѣхъ мірскихъ, ты постигнешь сіе великое таинство, сокрытое на небесахъ и чуждое всего земного? Еслибъ какой-нибудь сирота, узнавъ, что отецъ его, котораго онъ никогда не видалъ, живъ, но обитаетъ въ странѣ ему неизвѣстной: не оставилъ ли бы свой домъ и не пошелъ бы искать его по свѣту и разспрашивать всѣхъ о его жилищѣ, а сталъ бы только вздыхать и тосковать о немъ, лежа спокойно на своемъ роскошномъ ложѣ...

— О, я понимаю слова твои!—прервалъ юноша.— Ты называешь Его Отцомъ... Ахъ, никогда Богомилъ не говорилъ мнѣ ничего подобнаго: онъ училъ меня не любить боговъ, но бояться и трепетать ихъ.

— Одни преступные рабы и лукавые наемники не любятъ и боятся своего господина!—прервалъ съ сильнымъ чувствомъ старикъ.—Кто прилѣпился къ нему всею душою своею, тотъ не рабъ, не наемникъ, а домо-

чадецъ его. Да, Всеславъ! Тотъ, Кого мы называемъ Отцомъ и Господиномъ, желалъ, какъ кокошъ, собрать подъ крылья свои всѣхъ сыновъ земли; Онъ пришелъ не губить, а спасать людей; Онъ радуется раскаянію грѣшника и требуетъ любви его, а не богатыхъ даровъ и жертвъ, коими вы стараетесь задобрить боговъ вашихъ.

— Но о комъ ты говоришь, Алексѣй?—спросилъ съ удивленіемъ юноша.

— А вотъ послушай, Всеславъ! Далеко, очень далеко отсюда, близъ одного знаменитаго города, о которомъ, я думаю, ты никогда и не слыхивалъ, тому назадъ давнымъ-давно, родился дивный Младенецъ. Онъ былъ рода незнатнаго, явился на свѣтъ не въ чертогахъ княжескихъ, но подъ убогимъ кровомъ нищеты; Его колыбелью было не пышное ложе, но простыя деревянныя ясли. Первые, воздавшіе Ему должную честь, были не князья, не бояре, но бѣдные, неимущіе пастухи. Такъ принятъ Онъ былъ на землѣ, но не то происходило на небесахъ. Невиданная дотолѣ звѣзда явилась и потекла отъ востока, чтобъ остановиться надъ кровлею, подъ которою явился сей Младенецъ, и въ то же время незримые лики Ангеловъ Господнихъ воспѣли: «Слава въ вышнихъ Богу, землѣ миръ и человѣкамъ благоволеніе». Когда Онъ возмужалъ, то явился посреди народа и сталъ учить его; но ученіе Его не походило на мудрость человѣческую: не хитрымъ краснорѣчіемъ Онъ увлекалъ сердца народныя, — нѣтъ, Его слова были понятны для всѣхъ; Онъ говорилъ просто, и, слушая его, добрые становились добрѣе, а злые и надменные смущались, ибо Онъ видѣлъ глубину коварныхъ сердецъ ихъ. Онъ шелъ, и какъ плодотворная рѣка, выступая изъ береговъ своихъ, оживляетъ кругомъ изсохшія отъ зноя поля, такъ разливались свѣтъ и добро на пути Его. Онъ предпочиталъ нищаго богатому, смиреннаго раба властолюбивому господину и кающагося преступника надменному горделивцу, исполняющему законъ. Всѣ страждущіе, недужные, гони-

мые людьми, покинутые міромъ стекались къ Нему толпами. Однимъ Онъ возвращалъ здоровье, другихъ утѣшалъ и называлъ дѣтьми Своими. Онъ говорилъ проливающимъ слезы: «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся»; кроткимъ и смиреннымъ: «блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное»; любящимъ миръ и согласіе: «блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими». Милостивымъ обѣщалъ помилованіе, гонимымъ за правду—вѣчную награду на небесахъ. Онъ повторялъ безпрестанно: «любите другъ друга», и, поучая народъ, говорилъ: «любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ: да будете сынами Отца вашего Небеснаго, ибо Онъ велитъ восходить солнцу Своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ».

Въ продолженіе сего разсказа, Всеславъ, устремивъ нетерпѣливый взоръ на Алексѣя, едва переводилъ дыханіе; каждое слово старца повторялось въ душѣ его. Любить враговъ своихъ, предпочитать малыхъ и неимущихъ великимъ и богатымъ сего міра, — все это казалось столь необычайнымъ и столь дивнымъ Всеславу, что онъ не могъ удержаться, чтобъ не прервать слова старика.

— Ахъ, мой отецъ,—сказалъ онъ,—какъ счастлива страна, гдѣ родился сей добродѣтельный мужъ! О, вѣрно, народъ избралъ его въ цари свои?

— Нѣтъ, Всеславъ, ожесточенныя сердца не вняли гласу истины! И могли ли рабы буйныхъ страстей не возненавидѣть сіе Чадо Предвѣчнаго Свѣта? Безпорочный, Онъ возсталъ среди народовъ,—и обличенный порокъ закипѣлъ местію. Вся жизнь Его, какъ дневной свѣтъ для очей зловѣщаго дива [1]) была казнію и нестерпимымъ укоромъ для сихъ загрубѣлыхъ сыновъ тьмы и разврата. Образецъ всѣхъ добродѣтелей, непричастный ни единому изъ грѣховъ земныхъ, Онъ

---

1) Филинъ.

открывалъ свои объятія кающемуся грѣшнику, согрѣвалъ на груди своей злополучнаго и благословлялъ слёзы страждущихъ. Онъ былъ мудрѣйшимъ изъ людей, и, какъ простодушное дитя, любилъ окружать себя невинными младенцами. И Тотъ, Чья душа была исполнена состраданія къ бѣдствіямъ, другихъ, остался твердъ и непоколебимъ среди неизреченныхъ мукъ и терзаній...

— Какъ?!..—вскричалъ Всеславъ. — Сей добродѣтельный мужъ...

— Погибъ смертію преступника!—прервалъ старикъ.—Злые, надменные и лицемѣры возстали противъ Него толпою, оклеветали Праведника, и тьма восторжествовала надъ свѣтомъ. Но непродолжительно было торжество ея: изведенный на лобное мѣсто изъ града, гдѣ каждый шагъ Его былъ ознаменованъ добромъ, Онъ былъ преданъ поносной казни, посреди двухъ уличенныхъ разбойниковъ...

— Злодѣи! — вскричалъ съ ужасомъ юноша. — О, какъ должно было загремѣть проклятіе сего праведника и проклятіе Божіе надъ главами сихъ нечестивцевъ!

— Нѣтъ, Всеславъ! Онъ шелъ на сію вольную смерть, какъ кроткій агнецъ, какъ посредникъ между небомъ и землею, какъ очистительная жертва за беззаконія человѣковъ. Пригвожденный ко кресту, умирая смертію преступника, Онъ не проклиналъ, а благословлялъ убійцъ Своихъ, и послѣдними Его словами были слова милосердія.

— Благословлялъ убійцъ своихъ?! О, нѣтъ, мой отецъ! — вскричалъ Всеславъ, вскочивъ съ своего мѣста.—Ты издѣваешься надо мною. Нѣтъ, нѣтъ, невозможно; нельзя человѣку быть столь добродѣтельнымъ!

— А если Онъ,—продолжалъ Алексѣй,—во время Своей жизни единымъ словомъ исцѣлялъ разслабленныхъ; прикасался рукою—и слѣпой отъ рожденія прозрѣвалъ; говорилъ: «возстань!»—и мертвые возставали; если Онъ Самъ на третій день воскресъ изъ мертвыхъ и, окруженный славою, въ торжествѣ вознесся на небеса...

— Что ты говоришь, Алексѣй?..

— Да, Всеславъ,—продолжалъ старикъ, глядя пристально на юношу:—если этотъ Праведникъ... былъ Богъ?

— Богъ?!..—Повторилъ Всеславъ прерывающимся отъ сильнаго чувства голосомъ.

Онъ замолчалъ; щеки его пылали, грудь волновалась; убѣжденная, готовая принять въ себя небесную истину душа его боролась еще съ помыслами земными. Вдругъ взоры его заблистали, слезы брызнули изъ глазъ.

— Богъ Отецъ! — сказалъ онъ вполголоса. — Богъ любви и милосердія!.. Такъ, это Онъ!.. Это Тотъ, о Комъ скорбѣла душа моя!..

Лицо старца просіяло; слезы радости, слезы, коимъ завидуютъ сами Жители Небесные, полились изъ очей его.

— Благословенъ Господь!—воскликнулъ онъ, устремивъ ихъ къ небесамъ.—Лучъ свѣта Твоего проникъ въ душу сего прозрѣвшаго младенца!.. Онъ позналъ тебя, Непостижимый!.. О, взыграйте, Силы Небесныя, возрадуйся, Отецъ: еще единымъ чадомъ умножилось семейство Твое! Такъ, сынъ мой, — Сей Праведникъ былъ Богъ и Сей Богъ, Сей Царь славы есть истинный, и единый Господь нашъ!

— Но какъ зовутъ Его?—вскричалъ Всеславъ.—О, мой отецъ, скажи, наименуй мнѣ Того, предъ Кѣмъ я горю излить всю душу мою!

— Онъ Искупитель нашъ!—сказалъ Алексѣй кроткимъ голосомъ, исполненнымъ неизъяснимой любви.—Онъ кровію Своею омылъ первородный грѣхъ человѣка; Онъ сидитъ на небесахъ одесную Отца Своего; Онъ Сынъ и Слово Божіе... Его имя: Іисусъ Христосъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Яркіе лучи полуденнаго солнца проникали уже въ глубину дремучаго лѣса и горѣли въ свѣтлыхъ струяхъ Почайны, когда Всеславъ, возвращаясь въ Кіевъ, выѣхалъ опять на поляну, посреди которой возвышался могильный памятникъ. Онъ съ трудомъ удерживалъ коня своего: ретивый Соколъ рвался, прыгалъ и храпѣлъ отъ нетерпѣнія; но, повинуясь сильной рукѣ своего ѣздока, шелъ шагомъ. Та же самая задумчивость была замѣтна во взорахъ юноши, но она выражала не грусть, а тайное внутреннее блаженство — это мирное наслажденіе души, которое столь же мало походитъ на болтливое и нескромное людское веселье, какъ не сходенъ кровавый блескъ отъ пожарнаго зарева съ кроткимъ свѣтомъ полной луны. На глазахъ его блистали слезы, и въ то же время улыбка радости не слетала съ устъ его.

— Прощай, Всеславъ! — раздался позади юноши звонкій и пріятный голосъ.

Онъ обернулся: у самой опушки лѣса стояла Надежда.

— Пріѣзжай къ намъ скорѣе,—прибавила она, провожая его своимъ ласковымъ взглядомъ:—я здѣсь каждей день буду тебя дожидаться.

Всеславъ хотѣлъ остановить своего коня, но дѣвушка махнула рукою и скрылась въ лѣсу.

Болѣе получаса ѣхалъ онъ, погруженный въ какое-то бездѣйственное забвеніе; ничто не возмущало души его,—все прошедшее изгладилось изъ его памяти, онъ былъ такъ счастливъ, такъ спокоенъ! Какъ часто, бывало, прискорбная мысль, что онъ не знаетъ ни отца своего, ни матери, сокрушала его сердце, но теперь, о, теперь, онъ забылъ о сиротствѣ своемъ,—онъ былъ счастливъ и зналъ, кого долженъ благодарить за это.

Доѣхавъ до небольшого протока, который, пробираясь между болотъ, поросшихъ высокою и густою осокой, вливался въ Почайну, Всеславъ пустился внизъ по его теченію, къ тому мѣсту, гдѣ перекинутъ былъ черезъ него узенькій, бревенчатый мостикъ — единственная переправа черезъ сей ручей, коего топкіе берега, усѣянные опасными *окнами*, были не только не проходимы, но даже нерѣдко гибельны для проѣзжающихъ. Когда онъ сталъ приближаться къ переправѣ, то увидѣлъ какого-то прохожаго, который, завернувшись въ верхнее платье темнаго цвѣта, сидѣлъ на пенькѣ у самаго въѣзда на мостикъ.

— Эй, любезный,—вскричалъ Всеславъ,—посторонись!

Прохожій поднялъ голову и, взглянувъ пристально на Всеслава, сказалъ:

— Не торопись, молодецъ: тише ѣдешь, дальше будешь!

— Посторонись!—повторилъ Всеславъ.—Я запоздалъ и спѣшу въ Кіевъ.

— Дѣло, дѣло, молодецъ! — продолжалъ незнакомый, не трогаясь съ мѣста.—Ступай скорѣй, а не то господинъ твой, Великій Князь Владиміръ, разгнѣвается: вѣдь онъ не жалуетъ, чтобъ его холопы отлучались изъ Кіева.

— Ты ошибаешься, товарищъ,—сказалъ Всеславъ:—я не челядинецъ княжескій...

— А ближній его отрокъ? Знаю. Такъ что же? Отрокъ, гридня, челядинецъ, рабъ, какъ ни называй,— по мнѣ все равно. И ясный соколъ на привязи не стоитъ вольнаго коршуна.

— Послушай, товарищъ,—прервалъ Всеславъ,—я ничѣмъ тебя не обидѣлъ,— не обижай и меня, а посторонись и дай мнѣ проѣхать.

— Я и не думаю обижать тебя, а хотѣлъ бы кой о чемъ съ тобой перемолвить.

— Со мной? Мы, кажется, не знаемъ другъ друга,— такъ о чемъ намъ говорить?

— Ты не знаешь меня, да я-то тебя знаю. Послушай, Всеславъ,—продолжалъ незнакомецъ вставая,— сойди съ коня и отвѣчай на то, о чемъ я буду тебя спрашивать.

Юноша поглядѣлъ съ удивленіемъ на незнакомца. Его необычайный ростъ, грозное чело, дикій взоръ, исполненный мужества, а болѣе всего—обидный и повелительный голосъ, заставили Всеслава невольно ухватиться за рукоятку меча.

— Не трудись вынимать свой мечъ,—сказалъ хладнокровно незнакомый, замѣтивъ сіе движеніе:—еще не время, Всеславъ. Быть можетъ, ты скоро обнажишь его, но только не противъ меня. Да чтожъ ты не сходишь съ коня? Иль Владиміръ пріучилъ тебя, какъ любимаго своего выжлеца, рыскать подлѣ его стремени и повиноваться только его свисту?

— Но кто ты?—спросилъ Всеславъ.—Почему знаешь мое имя, чего отъ меня требуешь, и кто далъ тебѣ волю мнѣ приказывать?

— Кто далъ мнѣ эту волю? — повторилъ незнакомецъ съ какою-то чудною усмѣшкою. — А вотъ посмотримъ, совсѣмъ ли ты отвыкъ отъ имени того, кто не былъ твоимъ господиномъ, а могъ тебѣ приказывать. Слушай, Всеславъ: тотъ, кто далъ мнѣ эту волю, былъ нѣкогда отцомъ твоимъ!

— Моимъ отцомъ?—повторилъ юноша.

— Да!

Всеславъ спрыгнулъ съ коня и, схвативъ за руку незнакомца, вскричалъ съ живостію:

— Ты знаешь моего отца? Ахъ, скажи мнѣ!..

— Постой, постой, молодецъ,—отвѣчай прежде на мои вопросы! Ты круглый сирота, не правда ли? Не знаешь ни отца, ни матери?.. У тебя нѣтъ ни роду, ни племени?

— Да, я круглый, безпріютный сирота!—сказалъ съ горестію Всеславъ.—Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ онъ:— я былъ сиротою, когда не зналъ еще Небеснаго Отца моего, но теперь...

— Да рѣчь не объ этомъ отцѣ,—прервалъ съ нетерпѣніемъ незнакомый. — Этихъ отцовъ-то у насъ много, да мало они о насъ думаютъ. Скажи мнѣ, Всеславъ, когда ты былъ еще младенцемъ, то былъ призрѣнъ Великою Княгинею Ольгою, не правда ли?

— Да, меня воспитала премудрая Княгиня Ольга.

— Премудрая!.. Она была премудрою, когда обманула пословъ древлянскихъ и отомстила за смерть своего мужа, а не тогда, какъ поѣхала въ Византію для того, чтобъ пресмыкаться у ногъ иноземнаго царя и выплакать себѣ новую вѣру.

— Не говори ничего дурного о моей благодѣтельницѣ, — сказалъ съ твердостію Всеславъ, — или я не стану отвѣчать на твои вопросы.

— Добро, добро, дѣло не о томъ! На чьихъ остался ты рукахъ, когда умерла эта премудрая Ольга?

— Она поручила меня Малушѣ, матери нашего Великаго Князя Владиміра.

— И ты вмѣстѣ съ нею отправился въ Новгородъ?

— Да! Тамъ прошли первые годы моего дѣтства; тамъ возмужалъ я и узналъ, наконецъ, что у меня нѣтъ ни отца, ни матери.

Незнакомецъ устремилъ свои сверкающіе взоры на юношу.

— Еще одинъ вопросъ,—сказалъ онъ:—не помнишь ли ты, не слыхалъ ли отъ кого-нибудь, гдѣ нашли тебя, когда ты былъ еще груднымъ ребенкомъ?

— Со мной объ этомъ никогда не говорили; мнѣ помнится только, что однажды Малуша, бесѣдуя при мнѣ съ воеводой Претичемъ, промолвилась о какомъ-то сиротѣ, найденномъ въ дремучемъ лѣсу; но я не знаю, обо мнѣ ли она говорила?

— Итакъ, нѣтъ сомнѣнья,—прошепталъ вполголоса незнакомецъ,—это онъ!

Глаза его заблистали дикой радостью.

— Наконецъ, я нашелъ тебя! — продолжалъ онъ, глядя съ восторгомъ на удивленнаго юношу. — Такъ, это ты, послѣдняя отрасль злополучнаго племени, единый наслѣдникъ и славы, и бѣдствій твоихъ знаменитыхъ предковъ.

— Моихъ знаменитыхъ предковъ? — повторилъ съ удивленіемъ юноша.

— Всеславъ, Всеславъ! — продолжалъ незнакомый голосомъ, исполненнымъ унынія.—Было время, и твой древній родъ, какъ гордый. осанистый дубъ, красовался предъ всею землею Русскою; злодѣи подсѣкли его у самаго корня,—онъ палъ, и вѣтры буйные разметали по свѣту его изломанныя вѣтви!

— Но кто же я?

— Покамѣстъ—слуга и рабъ Владиміра,—сказалъ съ горькою усмѣшкою незнакомый.—Слуга и рабъ!..—повторилъ онъ.—Но погоди, Всеславъ: скорѣе свѣтлый Донъ покатитъ вспять серебряныя струи свои; скорѣе быстрый Днѣпръ потечетъ болотомъ въ землю Угорскую и станутъ мощнаго орла называть синицею, чѣмъ величать тебя слугою Владиміра, слугою этого презрѣннаго рабынича!..

— Перестань!—вскричалъ Всеславъ.—Я не дозволю тебѣ оскорблять при мнѣ Великаго Князя. Я не знаю, кто ты, а Владиміръ вспоилъ и вскормилъ меня; онъ мой Государь и благодѣтель!

— Правнукъ Олега—твой Государь и благодѣтель! Безумный, назовешь ли ты благодѣтелемъ своимъ злодѣя, который, предательски умертвивъ тебя, позаботился отправить тризну надъ твоею могилою?

— Я не понимаю тебя.

— А когда поймешь, то сердце твое обольется кровію. Но не здѣсь я долженъ открыть тебѣ эту тайну; не мнѣ принять твои клятвы, не мнѣ благословить тебя на великій подвигъ; Всеславъ, ты знаешь крутой берегъ Днѣпра, именуемый мѣстомъ Угорскимъ?

— Тамъ, гдѣ развалины христіанскаго храма?

— Да!—отвѣчалъ, нахмуривъ брови, незнакомый.— И теперь еще эти презрѣнные христіане сбираются по ночамъ на его развалинахъ.

— Ты напрасно обижаешь сихъ благочестивыхъ людей,—сказалъ Всеславъ.—Не должно порицать того, чего мы не знаемъ.

— Ого! Такъ ты за нихъ заступаешься? — прервалъ незнакомый. —Ну, чуяло мое сердце!.. Да неужели этотъ полоумный старикъ, у котораго ты сегодня провелъ все утро, успѣлъ уже соблазнить тебя? Да нѣтъ: ты молодецъ,—не можетъ статься! И захочешь ли ты изъ удалого витязя превратиться въ слабую жену; вмѣсто крови враговъ твоихъ, лить слезы и каяться, какъ малое дитя, въ твоихъ житейскихъ прегрѣшеніяхъ? Нѣтъ, нѣтъ! Не медовыя рѣчи старика, а развѣ голубые глаза его дочери очаровали твой разумъ. И если это такъ, то, по мнѣ, все равно: люби дочь и, чтобъ угодить отцу, поклоняйся вмѣстѣ съ нимъ кому ты хочешь; помни только, что ты рожденъ не для того, чтобъ плакать и каяться. Послушай, когда ты желаешь знать, кто были твои родители, то приходи сегодня, въ полночь, одинъ, на мѣсто Угорское: я стану тебя дожидаться. Мы будемъ только двое, и если отъ словъ моихъ не закипитъ кровь въ твоихъ жилахъ; если душа твоя не вспыхнетъ местію; если ты, какъ малодушный христіанинъ, заговоришь о милосердіи и прощеніи,—то найдется третій, и горе тебѣ, Всеславъ, когда не благословеніе, а проклятіе его раздастся и грянетъ надъ твоею головою. Прощай!

Сказавъ сіи слова, незнакомецъ перешелъ черезъ

мостъ и, поворотивъ въ сторону, исчезъ среди густого лѣса.

Давно уже затихло все кругомъ, замолкъ отдаленный шорохъ, и встревоженныя птицы усѣлись снова на древесныхъ вѣтвяхъ, а Всеславъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылся сей таинственный незнакомецъ. Какъ въ сильную бурю безчисленное множество горныхъ ключей, сливаясь въ одинъ ревущій, ничѣмъ непреодолимый потокъ, наводняютъ мирную долину, такъ точно тысяча новыхъ мыслей, новыхъ незнакомыхъ ощущеній нахлынули, ворвались и поглотили всю душу несчастнаго юноши. Давно ли она, чуждая всѣхъ житейскихъ помысловъ, свободно отдѣлялась отъ земли; а теперь снова закипѣли въ ней страсти. Слова незнакомца пробудили въ душѣ юноши дремавшія доселѣ чувства гордости и честолюбія. Всеславъ — не безызвѣстный сирота, не подкидышъ, а послѣдняя отрасль древняго рода, единый наслѣдникъ знаменитаго имени. Но кто были его предки?.. Какой долженъ свершить онъ подвигъ? Кто этотъ незнакомецъ, не скрывающій своей ненависти къ Владиміру? Кто этотъ третій, о коемъ намекалъ сей таинственный мужъ? Кому и въ чемъ онъ долженъ былъ клясться?.. Всеславъ терялся въ своихъ догадкахъ. Презрѣніе, съ коимъ говорилъ незнакомецъ объ Алексѣѣ, сравненіе христіанина съ малодушною женою и малымъ ребенкомъ возмутило также пробужденное самолюбіе юноши. Ахъ, свѣтъ, едва проникшій въ его душу, начиналъ уже слабѣть и меркнуть! Одинъ образъ Надежды, какъ ангелъ-хранитель, стоялъ еще межъ нимъ и тьмою, которая стремилась снова завладѣть своею добычею.

Переѣхавъ черезъ мостъ, Всеславъ далъ волю коню своему и черезъ полчаса, не встрѣтивъ никого, достигъ до конца лѣса. Онъ возвращался прежнею дорогою, но все уже приняло другой видъ: при солнечномъ восходѣ, подернутые утреннимъ туманомъ луга походили на обширныя озера, теперь они во всей

красѣ своей разстилались изумрудными коврами до самой подошвы высокихъ горъ кіевскихъ. Отлогіе берега Почайны усѣяны были стадами; народъ кипѣлъ въ предмѣстіяхъ, и шумныя толпы горожанъ, перегоняя одна другую, разсыпались по городскому Подолу; всѣ спѣшили праздновать въ чистомъ полѣ и подъ открытымъ небомъ день, посвященный Усладу—славянскому божеству веселій и пировъ.

Когда Всеславъ сталъ подъѣзжать къ предмѣстію, то повстрѣчался съ дворцовымъ ключникомъ Вышатою, съ которымъ мы познакомимъ въ двухъ словахъ нашихъ читателей. Этотъ Вышата былъ изъ числа тѣхъ сановниковъ, которыхъ Владиміръ презиралъ, но держалъ близъ себя, какъ людей, нужныхъ для его забавъ и увеселеній. Вышата, кромѣ почетнаго званія дворцоваго ключника, имѣлъ еще другія занятія. Мы не скажемъ теперь о нихъ ни слова, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе сей повѣсти сами читатели отгадаютъ, въ чемъ состояла главная должность сего хитраго и бездушнаго царедворца.

Еслибъ Всеславъ имѣлъ понятіе о баснословіи древнихъ грековъ, то, вѣроятно, принялъ бы толстаго ключника за весельчака Силена. Небольшая, похожая на осла, сивая лошаденка, на которой онъ ѣхалъ, изнемогая подъ тяжкою своею ношею, похлопывала печально ушами и съ трудомъ переставляла ноги; у сѣдельной луки была привязана огромная фляга; въ одной рукѣ онъ держалъ поводья, а въ другой предлинную хворостину, которая разгуливала безпрестанно по тощимъ бокамъ борзаго коня его. Всеславъ хотѣлъ, не останавливаясь, проѣхать мимо, но Вышата загородилъ ему дорогу и закричалъ охриплымъ голосомъ:

— О, гой ты еси, удалой молодецъ, постой, погоди, дай слово вымолвить!

— Здравствуй, Вышата! — сказалъ Всеславъ, стараясь проѣхать мимо.

— Да погоди, говорятъ тебѣ, — продолжалъ ключникъ, ставъ поперекъ дороги. — Куда торопишься?

Если къ товарищамъ, такъ еще успѣешь. Я было подбивалъ ихъ отпраздновать Усладовъ день за городомъ; да спесивы больно, — не хотятъ якшаться съ горожанами. Простѣнъ на этотъ разъ взялся угощать васъ всѣхъ, а я отпустилъ ему изъ княжескаго погреба медовъ всякихъ, да винца фляги двѣ.

— Прощай же!—прервалъ Всеславъ.—Я не хочу, чтобъ товарищи меня дожидались.

— Да вѣдь настоящая-то пирушка будетъ вечеромъ. Они прогуляютъ всю ночь, да и ты успѣешь досыта навеселиться. Потѣшайся, сколько хочешь, до полуночи.

— До полуночи?—повторилъ Всеславъ съ невольнымъ содроганіемъ.

— Ну да! Иль забылъ, гдѣ ты долженъ быть въ полночь?

— А развѣ ты знаешь, гдѣ я буду въ полночь?— вскричалъ съ ужасомъ Всеславъ.

— Что ты, молодецъ? — сказалъ Вышата, поглядѣвъ съ удивленіемъ на юношу. — Эко диво, что я знаю, когда твоя очередь стоять на стражѣ.

— На стражѣ? Гдѣ?

— Вѣстимо гдѣ! У дверей княжеской гридницы. Хорошъ ты, братъ. Ай да гуляка: забылъ свою очередь!

— Да, да, вспомнилъ!—прервалъ Всеславъ.—Но я никакъ не могу... Я попрошу кого-нибудь изъ моихъ товарищей.

— А что? Тебѣ, молодецъ, видно, некогда? — подхватилъ съ улыбкою ключникъ. — То-то же! Охъ, ты, смиренникъ!.. Да полно, братъ, прикидываться-то красною дѣвушкою, — знаемъ мы васъ! И чтожъ за бѣда, чего таиться? Быль молодцу не укоръ! А врядъ ли, Всеславъ, ты отдѣлаешься къ полуночи: очередь твою кто-нибудь справитъ, да товарищи не отпустятъ. Помнишь, въ прошломъ году, какъ стали выбирать, кому на вашемъ пиру представлять Услада, такъ безъ тебя дѣло не обошлось. Тогда тебя выбрали и теперь выберутъ

— А если я не хочу этого?

— Что ты, молодецъ! Да развѣ не вѣдаешь, что тотъ, кто отказывается отъ этой чести, оскорбляетъ не одного, а всѣхъ боговъ. Вотъ я знаю, что меня не выберутъ, такъ не хочу и пировать съ моими дворцовыми товарищами; погляжу лучше, какъ станутъ здѣсь на лугахъ веселиться горожане да посадскіе; а межъ тѣмъ и дочекъ ихъ повысмотрю. Что, братъ, Всеславъ,—продолжалъ ключникъ, понизивъ голосъ и покачивая печально головою,—плохо дѣло!..

— А что?—спросилъ съ безпокойствомъ юноша.— Развѣ нашъ Великій Князь?..

— Что день, то хуже! Ума не приложимъ! Эка притча какая!.. Не то здоровъ, не то боленъ. Сидитъ все, повѣсивъ голову, молчитъ и на свѣтъ бѣлый не смотритъ: ну, словно въ воду опущенный; все ему не по нраву. Вотъ хоть я, чего уже не дѣлаю, чтобъ поразвеселить его, нашего батюшку: ничто не въ угоду; а ужъ трудовъ-то моихъ сколько!..

— Да,—прервалъ Всеславъ, не будучи въ силахъ скрывать долѣе своего отвращенія, — что и говорить! И труды-то твои такіе почетные! Диво только, что у тебя до сихъ поръ голова цѣла, а плечамъ-то порядкомъ, чай, достается.

Ключникъ нахмурилъ брови; румяныя его щеки побѣлѣли отъ досады; онъ хотѣлъ что-то сказать, но Всеславъ пустился вскачь по дорогѣ и въѣхалъ въ предмѣстіе.

— Ахъ, ты, молокососъ!—вскричалъ Вышата, когда увѣрился, что княжескій отрокъ не можетъ ужъ слышать словъ его. — Смотри, пожалуй!.. Видишь, какой прыткій!.. Добро ты, разбойникъ! Развѣ только не заведешься никогда невѣстою, а то узнаешь, каково обижать княжескаго ключника Вышату. Э, да онъ говорилъ, что сегодня въ полночь... Ну, такъ и есть!.. Чему быть, кромѣ свиданья съ какой ни есть красавицей!.. Постой же, вотъ мы тебя сослѣдимъ, полуночникъ! И если твой сердечный дружокъ не отпра-

вится на житье въ Предиславино, такъ пусть я захлебнусь первымъ глоткомъ меда, который стану пить на твоей свадьбѣ!

II.

Послѣ яснаго дня наступилъ тихій вечеръ, и солнце уже закатилось, когда въ одной изъ многочисленныхъ пристроекъ дворца княжескаго, въ просторномъ и свѣтломъ теремѣ, собрались вокругъ накрытаго стола человѣкъ тридцать ратныхъ людей: отроковъ, гридней, сокольничихъ и другихъ ближнихъ слугъ Владиміровыхъ. Въ переднемъ концѣ стола оставлено было почетное мѣсто для того, кто долженъ былъ представлять Услада; по лѣвую его сторону величался, развалясь на скамьѣ, нашъ старый знакомецъ Фрелафъ; по правую—сидѣлъ Простѣнъ. Весь столъ былъ покрытъ яствами; янтарный медъ шипѣлъ въ высокихъ кубкахъ и выливался бѣлой пѣною чрезъ края глубокихъ братинъ; но пирующіе сидѣли и стояли молча, не принимались за роскошную трапезу, и на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе.

— Что за диковина?—сказалъ, наконецъ, Простѣнъ.—Да, что онъ, сквозь землю что ль провалился? Вотъ ужъ солнышко сѣло, а его все нѣтъ какъ нѣтъ.

— Да и Стемидъ еще не приходилъ, — сказалъ одинъ молодой сокольничій.

— Въ самомъ дѣлѣ,—прервалъ Фрелафъ, привставая и окинувъ взглядомъ все общество,—его, точно, нѣтъ. Я думалъ, что онъ сидитъ вонъ тамъ, на концѣ стола. А слыхали ли вы, братцы, поговорку,—продолжалъ онъ, выправляясь и разглаживая свои усы:—«семеро одного не ждутъ», а насъ человѣкъ тридцать,—такъ, кажется, намъ можно и двухъ не дожидаться.

— Ага, заговорилъ и ты, Фрелафъ!—сказалъ Остромиръ, одинъ изъ десятниковъ великокняжеской дружины.—А я ужъ думалъ, что у тебя языкъ отнялся: вѣдь ты помолчать не любишь.

— Да что, братецъ, хоть кого зло возьметъ. Чѣмъ мы хуже этого Всеслава?.. Мальчишка, усъ еще не пробился, а ломается, какъ будто нивѣсть кто! Изволь его дожидаться!

— Видно, что-нибудь задержало, — сказалъ Простѣнъ.—Какъ быть, подождемъ; ужъ если мы выбрали его въ Услады, такъ дѣлать нечего.

— Да что вамъ дался этотъ Всеславъ? — подхватилъ варягъ.—Молодцовъ что ль у насъ не стало? Наладили одно да одно: онъ, дескать, всѣхъ пригожѣе! Эко диво! Большая похвальба для нашего брата, витязя! Ужъ коли пошло на то, такъ вамъ бы лучше выбрать въ Услады какую-нибудь кіевскую молодицу, чѣмъ этого нѣженку, у котораго въ щекахъ дѣвичій румянецъ, а въ головѣ бабій разумъ!..

— Да въ рукахъ-то, братъ, у него не веретено,— прервалъ Простѣнъ.

— Веретено?—вскричалъ Фрелафъ.—Что за веретено?.. Какое веретено?

— Какое? Вѣстимо какое!.. Онъ только что съ лица-то и походитъ на красную дѣвушку, а въ ратномъ дѣлѣ такой молодецъ, что и сказать нельзя.

— Да, да!—возразилъ Фрелафъ, оправясь отъ своего замѣшательста. — У васъ все въ диковинку! Вотъ какъ у насъ, такъ этакими молодцами хоть море пруди. Не правда ли, Якунъ? — продолжалъ Фрелафъ, обращаясь къ одному варяжскому витязю.

— Нѣтъ, братецъ, — сказалъ Якунъ, — Всеславъ удалой дѣтина, и кабы онъ былъ нашъ братъ—варягъ, такъ я не постыдился бы идти подъ его стягомъ, даромъ что у меня усы ужъ сѣдѣютъ, а у него еще не показывались.

— Подъ его стягомъ! — повторилъ Фрелафъ. — Да по мнѣ лучше вѣкъ меча не вынимать изъ ноженъ...

— Не ровенъ мечъ, храбрый витязь Фрелафъ,— сказалъ кто-то позади варяга: — иной поневолѣ изъ ноженъ не вынешь,—стыдно показать.

Фрелафъ обернулся: позади его стоялъ Стемидъ.

— Такъ ли, товарищъ?—продолжалъ стремянный, ударивъ по плечу варяга. — Ну, чтожъ ты онѣмѣлъ? Небось, мы сошлись пировать, а не драться: такъ никто твоего меча не увидитъ. Что пугать понапрасну добрыхъ людей!

Огромные усы Фрелафа зашевелились; онъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ стиснулъ зубы, и красный носъ его запылалъ, какъ раскаленное желѣзо: неумолимый Стемидъ пораспахнулъ свой кафтанъ, и конецъ росписнаго веретена поразилъ взоры несчастнаго варяга.

— Насилу тебя дождались! —сказалъ Простѣнъ Стемиду.—Ну, что, Всеславъ?

— Сейчасъ будетъ. Онъ проситъ васъ не выбирать его въ Услады.

— Какъ такъ?

— Да вотъ и онъ: говорите съ нимъ сами.

— Что ты, братецъ? — вскричалъ Простѣнъ, идя навстрѣчу къ входящему Всеславу.—Неужели въ самомъ дѣлѣ ты не хочешь быть нашимъ Усладомъ?

— Мнѣ что-то нездоровится, —отвѣчалъ Всеславъ,— а вы, можетъ-быть, захотите пировать во всю ночь.

— Вѣстимо!—подхватилъ Остромиръ.—Пировать, такъ пировать! Вѣдь праздникъ-то Услада одинъ разъ въ году.

— Такъ увольте меня. Я готовъ съ вами теперь веселиться, но если дѣло пойдетъ за полночь...

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята,—подхватилъ Стемидъ:— не невольте его, онъ что-то прихварываетъ.

— Да вѣдь мы его выбрали,—сказалъ Простѣнъ.

— Такъ чтожъ, — продолжалъ Стемидъ, — развѣ нельзя выбрать другого? Ну, вотъ Фрелафъ, чѣмъ не Усладъ? И дородствомъ, и красотой, и удальствомъ — всѣмъ взялъ.

— Прошу помиловать,—сказалъ Фрелафъ:—я не русинъ и вашихъ повѣрьевъ не знаю.

— Да чего лучше,—прервалъ Остромиръ,—выберемте, товарищи, нашего хозяина.

— Въ самомъ дѣлѣ, — раздалось нѣсколько голосовъ,—выберемте Простѣна!

— Эхъ, братцы,—сказалъ хозяинъ,—есть помоложе меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, — зашумѣли всѣ гости, изъ которыхъ многіе давно уже проголодались, — выбираемъ тебя! Ну-ка, ребята, подымайте кубки!.. Въ честь нашего Услада!.. Да здравствуетъ!

— Инъ быть по-вашему!—сказалъ хозяинъ, занимая почетную скамью.

Всеславъ сѣлъ подлѣ него, а Стемидъ противъ Фрелафа. Это сосѣдство вовсе не нравилось варягу: онъ поглядывалъ съ безпокойствомъ кругомъ себя; но всѣ мѣста были заняты, и Фрелафъ долженъ былъ поневолѣ остаться тамъ, гдѣ сидѣлъ прежде.

Когда пирующіе опорожнили нѣсколько деревянныхъ чашъ съ яствами, и крѣпкій медъ поразрумянилъ ихъ лица, то молчаливая ихъ трапеза превратилась въ шумную бесѣду. Одинъ разсказывалъ про свое удальство сосѣдямъ, которые его не слушали; другой хвастался конемъ; третій увѣрялъ, что онъ въ послѣднюю войну душилъ ятвяговъ и радимичей, какъ мухъ; четвертый кричалъ, что его мечъ заржавѣлъ въ ножнахъ, и что пора Владиміру прогуляться въ Византію. Нѣсколько уже разъ Фрелафъ раскрывалъ свои краснорѣчивыя уста, чтобъ поразсказать, какъ онъ нанизывалъ на копье по десятку печенѣговъ; но всякій разъ насмѣшливая улыбка Стемида обдавала его холодомъ, и многоглаголивый языкъ несчастнаго варяга прилипалъ къ гортани. Вотъ уже вечерняя заря потухла, и во всѣхъ углахъ терема запылали яркіе свѣточи; прошло нѣсколько часовъ въ пированьи и веселыхъ разговорахъ, а Фрелафу не удалось ни разу вымолвить словечка ни о своемъ удальствѣ, ни о доблести своихъ знаменитыхъ предковъ. Стемидъ не спускалъ съ него глазъ, и конецъ проклятаго веретена, какъ голова ядовитаго змѣя, поминутно выглядывалъ изъ-подъ его кафтана. Съ горя онъ принимался за кубокъ и подли-

валъ въ него безпрестанно новаго меду. Вотъ, наконецъ, варягъ началъ поглядывать смѣлѣе, сталъ чаще разглаживать и закручивать свои рыжіе усы, и вдругъ, опорожнивъ однимъ духомъ цѣлую стопу меда, — закричалъ громкимъ голосомъ:

— Ахъ, вы, молодцы, молодцы, видно, удальство-то вамъ въ диковинку! Экъ вы расхвастались!.. Да полно, братъ Якунъ, разсказывать, какъ ты одинъ управился съ двадцатью ятвягами: вѣдь ты варягъ, такъ тебѣ и похваляться-то этимъ стыдно. Я самъ ихъ за одинъ пріемъ по сотнѣ душилъ, да ни слова объ этомъ не говорю. А ты что, Остромиръ, все толкуешь о медвѣдѣ? Удалось тебѣ какъ-то пропороть его рогатиной, да пришибить кистенемъ. Эко диво! Я не говорю о себѣ, а мой прадѣдъ Ингелотъ схватился однажды съ мѣдвѣдемъ-то бороться...

— И одолѣлъ?—спросилъ Простѣнъ.

— Вотъ диковинка! Одолѣть ничего: я это знаю по себѣ.

— Такъ чтожъ онъ сдѣлалъ?

— Что сдѣлалъ?.. Съ живого шкуру снялъ.

— И медвѣдь не пикнулъ?

— Ну, вотъ ужъ и не пикнулъ! Вѣстимо ревѣлъ, да не отревѣлся.

— Полно, братъ Фрелафъ, потѣшаться надъ нами,— сказалъ Остромиръ.

— Чтожъ, ты думаешь, я лгу? — продолжалъ варягъ.—Да у меня и теперь еще шкура-то цѣла; она вмѣстѣ съ мечомъ досталась мнѣ отъ прадѣда по наслѣдству. А знаете ли вы, ребята, что это былъ за мечъ такой? И теперь еще на моей родинѣ есть поговорка: «Не бойся ни моря бурнаго, ни грома небеснаго, а меча Ингелотова». Бывало, хотя два закаленые шелома надѣнь, какъ хвачу по маковкѣ, такъ до самаго пояса; а на мечѣ, повѣрите ли, братцы, ни зазубринки.

— Не знаю, какъ другіе, а я вѣрю, — прервалъ Стемидъ.—И не такіе мечи бываютъ. Хотите ли, то-

варищи, — промолвилъ онъ, опустивъ за пазуху свою правую руку,—я вамъ покажу такой диковинный мечъ, какого сродясь вы не видывали!

— Покажи, покажи!—закричали его сосѣди.

— А ты что, Фрелафъ,—продолжалъ Стемидъ,— иль не хочешь полюбоваться моимъ мечомъ-самосѣкомъ? То-то же, видно, боишься, что онъ почище будетъ того, которымъ твой прадѣдъ Ингелотъ сдиралъ шкуры съ живыхъ медвѣдей! Ну, что, братъ, показывать или нѣтъ?

— Чтожъ ты молчишь, Фрелафъ? — спросилъ Простѣнъ.—Что съ тобой сдѣлалось? Ужъ не подавился ли ты?.. Смотрите-ка, братцы, какъ онъ глаза выпучилъ!

— Ничего, пройдетъ! — подхватилъ Стемидъ, посмотрѣвъ съ насмѣшливою улыбкою на варяга, который бросалъ на него попеременно то гнѣвные, то умоляющіе взгляды. — Однакожъ, братцы, — продолжалъ, онъ, — прежде, чѣмъ я покажу эту диковинку, мнѣ должно вамъ разсказать, какъ она попалась мнѣ въ руки...

— Слушай, Стемидъ, — вскричалъ доведенный до отчаянія варягъ:—я терпѣливъ, но если ты въ самомъ дѣлѣ думаешь издѣваться надо мною!..

— Эге,—прервалъ стремянный, — ужъ не хочешь ли ты запугать меня? Такъ слушайте жъ, братцы: вчера, поздно вечеромъ...

— Вынимай свой мечъ! — заревѣлъ Фрелафъ, заикаясь отъ бѣшенства.

— Изволь! — сказалъ Стемидъ, выхвативъ изъ-за пазухи длинное расписное веретено.

Общій хохотъ загремѣлъ вдоль всего стола.

— Давайте поле молодцамъ! — закричалъ Остромиръ. — Да чуръ драться не на животъ, а на смерть.

— Эхъ, братъ Фрелафъ,—промолвилъ съ громкимъ смѣхомъ Якунъ,—проколетъ онъ тебя: ей, надѣнь свою броню булатную!

— Оставь его, Стемидъ!—сказалъ вполголоса Всеславъ.—Развѣ не видишь, что онъ хмеленъ?

— Что ты, братецъ! Теперь-то съ нимъ и подраться: въ другое время его ничѣмъ не подзадоришь. Ну, чтожъ ты, могучій богатырь, выходи!

— Выходи, Фрелафъ!—закричали всѣ гости.

Но бѣдный варягъ не въ силахъ былъ пошевелиться: тотъ же крѣпкій медъ, отъ котораго онъ чувствовалъ въ себѣ необычайную отвагу, подкосилъ ему ноги: онъ приподнялся со скамьи, закачался, ударился объ стѣну затылкомъ и сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

— Ты не стоишь, молокососъ,—сказалъ онъ, принимаясь за кубокъ,—чтобъ я маралъ о тебя мой булатный мечъ. Говори, говори!—продолжалъ онъ, выливъ большую часть меда на свои огромные усы.—Болтай, мальчишка, забавляй честную бесѣду!.. Да полно, братъ, двоиться-то! Знаемъ мы эти штуки! Вѣдь ты кудесникъ, гусляръ, скоморохъ!

— А что, въ самомъ дѣлѣ,—прервалъ Стемидъ,—не мѣшало бы намъ залучить сюда какого-нибудь гусляра; здѣсь некому насъ и позабавить: храбрый Фрелафъ скоро языкомъ не пошевелитъ, а изъ насъ никто и пѣсенки спѣть порядкомъ не умѣетъ. Э, постойте-ка!

Въ эту минуту на улицѣ запѣлъ кто-то звучнымъ и пріятнымъ голосомъ:

«Какъ у студенова у ключика гремучева,
Подъ разметистымъ кустомъ ракитовымъ,
Добрый молодецъ коня поилъ».

— Такъ точно, это онъ!—вскричалъ Стемидъ, выбѣгая вонъ изъ терема.—Погодите, товарищи,—будетъ и намъ потѣха!

— Въ кого еще онъ тамъ возрился?—пробормоталъ Фрелафъ.—Мальчишка! На кифарахъ бы [1]) ему играть, а не съ мечомъ ходить, проклятому зубоскалу!..

— И, Фрелафъ,—сказалъ Всеславъ,—не стыдно

---

[1]) Кифары—гусли.

ли тебѣ за шутку сердиться? Ну, чѣмъ онъ тебя обидѣлъ?

— Еще бы обидѣлъ!.. Нѣтъ, братъ, не досталось обижать орла приморскаго ни ясному соколу, ни бѣлому кречету; такъ этой ли воронѣ разнокрылой обидѣть меня, молодца! Дай-ка, братъ Простѣнъ, эту флягу съ виномъ!.. Не хочется только себя срамить, а то посажу на одну ладонь, да другой прихлопну,— такъ и поминай какъ звали!

— Ну, что, братецъ!—прервалъ Простѣнъ.—Нынче день Усладовъ: ссориться не должно.

— Да что мнѣ за дѣло до вашего Услада!—закричалъ Фрелафъ, расхрабрясь не на шутку.—Я и знать-то его не хочу! А ужъ коли на то пошло, такъ проучу же этого буянишку! Хотите ли, ребята, я сей же мигъ при васъ сверну ему шею, исковеркаю, въ бараній рогъ согну... узломъ завяжу... хотите ли?.. Ну, счастливъ ты,—продолжалъ вполголоса варягъ, увидя входящаго Стемида:—благодари боговъ, что мнѣ вставать-то не хочется... Подлей-ка мнѣ еще медку, Простѣнъ!.. Да погоди, погоди, разбойникъ!.. Не теперь, такъ завтра; не завтра, такъ когда-нибудь, а я ужъ съ тобой перевѣдаюсь!

— Ну, чтожъ ты? Войди! — закричалъ Стемидъ, обращаясь къ дверямъ.

Человѣкъ небольшого роста, въ смуромъ кафтанѣ, вошелъ въ теремъ и поклонился чинно на всѣ четыре стороны.

— Что это за Полканъ-богатырь? — вскричалъ съ громкимъ смѣхомъ Остромиръ.—Эка рожа!.. Ну, братъ, красивъ ты!

— И красныя дѣвушки то-же говорятъ, добрый молодецъ,—прервалъ вновь пришедшій, искрививъ ротъ и прищуривъ глаза.

— Прошу любить и жаловать!—сказалъ Стемидъ.— Этотъ парень задушевный мой пріятель. Хоть онъ и не въ такой чести, какъ нашъ вѣщій соловушко Будимировичъ, а пропоетъ и проиграетъ на кифарахъ, право,

не хуже его. Что хотите: сказочку ли сказать, пѣсенку ли сложить, — на все гораздъ. Да, чай, и вы слыхали о немъ: его зовутъ Торопомъ.

— Эка образина!—пробормоталъ Фрелафъ.—А голова-то, голова—словно добрый чанъ!

— Какова ни есть, молодецъ,—прервалъ Торопъ,—а покрѣпче твоей буйной головушки держится на плечахъ.

— Что, что? — заревѣлъ охриплымъ голосомъ варягъ.—Ахъ, ты, тмутараканскій болванъ! Да развѣ я пьянъ?..

— Полно, Фрелафъ, — сказалъ Простѣнъ, — пей и молчи! А ты, Торопъ, чего хочешь: вина или меду?

— И вина хлебнемъ, господинъ честной, и отъ меду не откажемся, — отвѣчалъ Торопъ съ низкимъ поклономъ. — Прикажи поднести, такъ мы станемъ пить, а хозяину слава. Веселаго пиру, молодцы, легкаго похмелья!—продолжалъ онъ, выпивая чару вина, которую подалъ ему одинъ изъ слугъ.—Вамъ бы веселиться, а намъ крошки подбирать!

— Такъ точно, — шепнулъ Всеславъ Стемиду,—я не ошибаюсь: это тотъ самый прохожій, который нынче повстрѣчался со мною въ лѣсу.

— Статься можетъ.

— Но почему онъ меня знаетъ?

— Э, братъ, да онъ такой пройдоха, что всю подноготную знаетъ. Ну-ка, Торопушка, повесели насъ!

— Что повелите, батюшка? Рады потѣшать вашу милость. Прикажите сказочку сказать, а тамъ пожалуй и пѣсенку спою. Да не въ угоду ли вамъ будетъ, я разскажу, что подѣлалось однажды съ добрымъ молодцемъ въ лѣсу, за горой Щековицею? Это было въ Русалкинъ день, давнымъ-давно, еще при князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ.

— Такъ это не сказка?—спросилъ Остромиръ.

— Какъ бы вамъ сказать, господа честные, да только не промолвиться?.. Сказка не сказка, быль не быль, а старухи говорятъ, что правда.

— Разсказывай, разсказывай!—закричали гости.

Торопъ откашлялся, расправилъ усы, погладилъ бороду и началъ:

— Не забывать бы добру-молодцу часъ полуночный, не ходить бы ему по лѣсу дремучему въ Русалкинъ день...

* * *

Какъ во славномъ городѣ во Кіевѣ, на луговой сторонѣ Днѣпра широкаго, въ высокомъ бѣлодубовомъ теремѣ, жилъ-былъ добрый молодецъ; былъ онъ родомъ дѣтище боярское, звался Звениславомъ, сыномъ Богорисовымъ. Не было у него ни отца, ни матери; но не тужилъ о сиротствѣ своемъ Звениславъ удалой; ему булатный мечъ былъ отцомъ роднымъ, а броня кольчужная — родною матерью. Всѣ красныя дѣвицы на удалого витязя заглядывались, любовались его русыми кудрями, дивились росту богатырскому и толковали межъ собою съ утра до вечера объ его удальствѣ и молодечествѣ.

Недалече отъ его терема, подлѣ озера Долобскаго, въ ветхой и убогой хижинѣ, жила, съ своею старою матерью, красна дѣвица-душа; ее звали Милосвѣтою. И такой красавицы сродясь никто не видывалъ: и станомъ, и походкою, и рѣчью ласковою, и привѣтливою усмѣшкою—всѣмъ взяла; а собой-то лебедь чистая, — и сказать нельзя! Что твой пушистый снѣгъ ея перси бѣлыя; что цвѣты весенніе ея алыя уста; а румянецъ-то въ щекахъ, какъ на чистыхъ небесахъ заря утренняя; а глаза-то съ длинными рѣсницами, словно звѣзды ясныя, сверкали изъ-подъ облачка. Всѣ молодцы посадскіе, всѣ гости богатые, всѣ витязи и бояре знатные вкругъ нея ухаживали: кто дарилъ ее золотой камкой; кто заморскимъ бисеромъ. Милосвѣта улыбалася: ни камки не брала, ни дорогого бисера; жила въ бѣдности со своею матерью и любила одного лишь добра молодца.

Кто же былъ ея сердечный другъ?.. Не скажу, такъ сами отгадаете: она любила Звенислава-молодца, а Звениславъ, вѣстимо, любилъ ее.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ прошло ужъ близко шести мѣсяцевъ, какъ Звениславъ называлъ Милосвѣту своею нареченною, а она величала его суженымъ своимъ. Однажды, бесѣдуя съ нею, онъ промолвился, что идетъ поохотиться въ дремучемъ лѣсу, за горою Щековицею. «Ахъ, мой сердечный другъ, — сказала Милосвѣта, склонивъ ласково головушку на его грудь широкую,—не покидай своей суженой, не ходи сегодня въ дремучій лѣсъ! Время много впереди, и завтра охотою натѣшишься. Иль ты позабылъ, что сегодня Русалкинъ день?» — «Такъ что же, моя радость?—отвѣчалъ Звениславъ. — Неужли-то я хохота русалокъ испугаюся, неужли сробѣю лѣшаго? Былъ бы со мною мой добрый мечъ, такъ я одинъ-одинехонекъ на всю силу нечистую пойду; не побоюсь ни злыхъ кикиморъ, ни Буки грознаго, ни хитрыхъ русалокъ, ни Бабы-Яги».

Напрасно умоляла Милосвѣта жениха своего, напрасно плакала и припадала къ его могучему плечу: онъ не сжалился на ея слезы, не потѣшилъ своего друга милаго,—видно, ужъ такъ на роду было ему написано.

«Ахъ, чуетъ мое сердце, чуетъ ретивое!—рыдала красная дѣвица, прощаясь съ своимъ суженымъ.—Не къ добру ты заупрямился, не миновать тебѣ бѣды! Я слыхала отъ старыхъ людей: кто въ этотъ день останется въ лѣсу до полуночи, тому не вернуться живому домой. Послушай, радость дней моихъ, мое солнышко ненаглядное! Я всю ночь не сойду съ тесоваго помоста, не закрою окна моего косятчатаго, — буду ждать тебя день, буду ждать другой, прожду и третій, а тамъ... ты знаешь въ Долобскомъ озерѣ черный омутъ: въ немъ дна не достаютъ, въ немъ сгибло много людей, а никого изъ него не вытаскивали!.. Обѣщай же мнѣ воротиться до полуночи». «Обѣщаю», — сказалъ Звениславъ и отправился въ путь-дороженьку.

Шелъ онъ часъ, шелъ другой, и вотъ передъ нимъ заповѣданный дубовый лѣсъ. Кругомъ все пусто и тихо; не слышно нигдѣ голоса людского, не видно нигдѣ слѣдовъ человѣческихъ; однѣ пташечки съ вѣтки на вѣтку перепархиваютъ, и шелеститъ вѣтерокъ между деревьями. Вотъ добраго молодца раздумье взяло. Ему объ этомъ лѣсѣ заповѣданномъ много койчего разсказывали, онъ зналъ, что одни кудесники не боялись въ немъ разгуливать, а всѣ люди добрые, и не въ Русалкинъ день, обходили его за версту. Да на бѣду день былъ жаркій, витязь усталъ, а отъ зеленой дубравы такъ и пышетъ прохладою; жажда его мучила, а вдали за деревьями, переливаясь по камушкамъ, журчитъ ручеекъ. Дѣлать было нечего! Удалой Звениславъ подумалъ, подумалъ, и пустился прямо въ средину лѣса. «То-то раздолье!» — сказалъ онъ, поглядывая вокругъ себя. И подлинно: всѣ сучья на деревьяхъ были усыпаны птицами, а звѣрей-то, звѣрей—сила необъятная! То въ два прыжка промелькнетъ мимо него ушастый заяцъ; то скокомъ и летомъ пронесется по лѣсу быстрый олень; то изъ-за куста выглянетъ, ощетинясь, сѣрый волкъ; тутъ хитрая лиса, притаясь въ травѣ, крадется ползкомъ къ беззаботной кукушечкѣ; тамъ черный вепрь роетъ землю вкругъ дуба и точитъ объ толстый пень его бѣлые клыки свои; словно всѣ звѣри лѣсовъ кіевскихъ собрались въ эту дубраву заповѣданную.

Вотъ Звениславъ изготовилъ свой тугой лукъ, натянулъ тетиву крѣпкую, и стрѣлы его каленыя засвистали по лѣсу. Охотится онъ часъ, охотится другой, а проку нѣтъ какъ нѣтъ. Бывало за словомъ перешибалъ онъ крыло у вертлявой ласточки, и стрѣлы его догоняли налету яснаго сокола; а теперь онѣ, какъ очарованныя, едва отъ тетивы отдѣлялися, или, взмывая кверху, обивали листья древесные и лѣниво падали у самыхъ ногъ его. Казалось, и звѣри и птицы потѣшалися надъ его неудачею: одни сновали и взадъ и впередъ, поглядывая смѣло на витязя; другія, безза-

ботно посвистывая, надъ его головою увивались; и всякій разъ, какъ онъ новую стрѣлу металъ, безобразный дивъ, перелетая съ дерева на дерево, принимался хохотать и ухать такимъ голосомъ назойливымъ, что вся кровь кипѣла въ добромъ молодцѣ отъ досады и нетерпѣнія. Но пуще всѣхъ надоѣлъ ему одинъ черноглазый олень: какъ нечистый духъ, онъ шнырялъ и вертѣлся вкругъ витязя: то подбѣжитъ къ нему на два шага, то отпрыгнетъ на десять. Пойдетъ ли Звениславъ направо, олень здѣсь-какъ-здѣсь; повернетъ ли налѣво, олень тутъ-какъ-тутъ. Нѣсколько разъ бросался онъ на него съ мечомъ въ рукахъ, но хитрый звѣрь увертывался, насмѣшливо рогами потряхивалъ и вызывалъ его на новый бой. «Постой же ты, проклятый оборотень!» вскричалъ, наконецъ, заскрипѣвъ зубами, добрый молодецъ. Онъ кладетъ на тетиву послѣднюю стрѣлу: она взвизгнула и вонзилась въ шею звѣриную; олень дрогнулъ, взвился на дыбы и помчался сквозь чащу деревьевъ и кустовъ, а витязь, вѣстимо, ударился бѣжать за нимъ.

Бѣжитъ онъ часъ, бѣжитъ другой: то звѣрь подлѣ него, то за версту, а вездѣ дорога скатертью: ни оврага, ни лощинки, ни холма, ни пригорочка. Вотъ олень добѣжалъ до частаго березняка, юркнулъ—и слѣдъ простылъ! Звениславъ за нимъ,—не тутъ-то было! Какъ будто бы деревья сдвинулись: проходу нѣтъ. Онъ глядь туда, сюда, и видитъ: подъ одною березою сидитъ дѣвица; она манитъ къ себѣ витязя и говоритъ ему голосомъ привѣтливымъ: «О, гой ты, добрый молодецъ, не покинь меня, сиротиночку, не откажись мнѣ службу сослужить: доведи меня до дому! Здѣсь дикихъ звѣрей тьма-тьмущая, и коли ты надо мною не сжалишься, такъ не быть мнѣ живою». «Изволь, красавица!» сказалъ Звениславъ удалой. Вдругъ дѣвица громко захохотала, подбѣжала къ витязю и схватила его за руку. «Пойдемъ, пойдемъ, добрый молодецъ!» говорила она, таща его за собою. «Мы напоимъ тебя медомъ сладкимъ, угостимъ крѣпкимъ виномъ; мы исто

пимъ для тебя баню теплую и распаримъ твои косточки. Пойдемъ, пойдемъ, добрый молодецъ!» Какъ обмороченный шелъ Звениславъ за дѣвицей: не пугался ея дикаго хохота, не дивился ея густымъ зеленымъ волосамъ; онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, а не видѣлъ, что идетъ съ русалкою: видно, боги ослѣпили горемычнаго!

Идутъ они дальше и дальше, сперва по узенькой тропиночкѣ, а тамъ широкою просѣкою; не шелохнетъ вѣтерокъ, а что-то воетъ по лѣсу; и вотъ стая коршуновъ потянулась вереницею: они почуяли добычу вѣрную и летятъ на сытный пиръ; вдругъ послышались вблизи хохотъ, пѣсни и ауканья; и вотъ широкая поляна, а на полѣ стоятъ чертоги изукрашенные, а вокругъ-то ихъ челядинцы и прислужники, какъ рои пчелиные, кишатъ; и слуги-то все диковинные, по травѣ идутъ, не выше травы: идутъ по лѣсу, съ лѣсомъ равны. Вотъ выходятъ изъ чертоговъ въ бѣлыхъ платьяхъ красны дѣвицы; онѣ съ пѣснями встрѣчаютъ витязя, берутъ его подъ руки, ведутъ въ теремъ свѣтлый и сажаютъ за дубовый столъ. Куда витязь ни оглянется, все вокругъ его диковинки заморскія: посрединѣ терема бьетъ серебрянымъ столбомъ ключъ живой воды, онъ вверху дробится въ капельки, и то крутымъ жемчугомъ книзу падаетъ, то разсыпается мелкимъ бисеромъ; изумруды, яхонты, какъ огни, горятъ на дѣвицахъ, и скамьи всѣ устланы златотканною багряницею, даже стѣны-то усыпаны самоцвѣтными каменьями. Позабылъ Звениславъ удалой часъ полуночный, позабылъ онъ свою суженую: и сладкій медъ, и крѣпкое вино, и напитки византійскіе, и пѣсни, пляски не даютъ добру молодцу опомниться. Онъ пьетъ и прохлаждается, къ краснымъ дѣвушкамъ ласкается, объ удальствѣ своемъ разсказываетъ; а солнышка давно въ поминѣ нѣтъ. Вотъ потухла и заря, а витязь пьетъ да потѣшается; вотъ близокъ урочный часъ. Подулъ вѣтеръ съ полуночи, завылъ, а витязь и усомъ не ведетъ. Вотъ громкій хохотъ раздался по

всему терему, а кругомъ-то по лѣсу и свистъ, и шумъ, и гамъ такой, что и сказать нельзя; а витязь пѣсню затянулъ. Нахлынули тучи, закрутила погода, грянулъ громъ... и вдругъ запѣлъ пѣтухъ...

Разсказчикъ остановился, поглядѣлъ вокругъ себя и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

Прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ и третій, а Звенислава нѣтъ-какъ-нѣтъ! Вотъ и лѣто прошло, а о добромъ молодцѣ ни слуху, ни вѣсточки. Однажды, въ осенній день, заплутались въ лѣсу два охотника; вотъ идутъ они большою поляною и глядь: подъ ракитовымъ кустомъ, разметавъ свои руки бѣлыя, растрепавъ свои кудри русыя, спитъ Звениславъ непробуднымъ сномъ; изъ крутыхъ ребръ его трава поросла, очи ясныя пескомъ засыпались.

Не забывать бы добру молодцу часъ полуночный, не ходить бы ему по лѣсу дремучему въ Русалкинъ день!

— Ну, знатная, братъ, сказка! Спасибо тебѣ!—сказалъ Простѣнъ. — Эй, ребята, поднесите-ка ему еще добрую красоулю вина!

— А съ невѣстой-то его что сдѣлалось?—спросилъ Остромиръ.

— А вотъ что, господинъ честной, старики разсказываютъ. Милосвѣта, не сходя съ помоста, трое сутокъ прождала своего суженаго; а тамъ пошла на озеро и кинулась въ черный омутъ. Говорятъ, съ той поры иногда по ночамъ Долобское озеро реветъ, какъ дикій звѣрь, и въ самую полночь изъ омута выходитъ дѣва въ бѣломъ покрывалѣ, садится на берегъ и воюетъ такъ, что земля дрожитъ. Разсказываютъ также,— прибавилъ Торопъ, кинувъ значительный взглядъ на Всеслава, — что будто бы она приговариваетъ: веселился бы ты, добрый молодецъ, да не забывалъ бы часъ полуночный!

Всеславъ невольно вздрогнулъ.

— Что ты, братъ?—сказалъ Стемидъ.—Тебя никакъ дрожь разбираетъ? Ужъ не лихоманка ли у тебя? Да выпей чего-нибудь!

— Въ самомъ дѣлѣ,—подхватилъ Простѣнъ,—ну, что ты за гость: сидишь какъ убитый, ни слова не вымолвишь, а въ вино-то и усовъ не обмочилъ.

— А гдѣ бы онъ ихъ взялъ?—пробормоталъ Фрелафъ, разглаживая свои рыжіе усы.—Не доросъ еще,—молоденекъ.

— А, гость нежданный!—закричалъ Простѣнъ, увидя входящаго ключника Вышату. — Милости просимъ. Поразодвинтесь-ка, братцы, дайте мѣсто дорогому гостю.

— Хлѣбъ да соль, добрые молодцы!—сказалъ Вышата, садясь подлѣ Стемида.—Ну, что подѣлываете? Всѣмъ ли довольны? Не подкатить ли къ вамъ еще боченокъ-другой медку?

— Давай сюда!—захрипѣлъ Фрелафъ.—Много ли только у тебя въ погребу-то, а за нами дѣло не станетъ.

— Полно, такъ ли?—прервалъ Вышата.—Не знаю какъ другіе, а въ тебя, Фрелафушка, я вижу, и воронкой ужъ не много нальешь. Ба, да что это? Такъ вы не Всеслава выбрали въ Услады.

— Самъ не захотѣлъ,—сказалъ Простѣнъ.

— Вотъ что! И то правда,—ему ужъ, чай, прискучило, да и кстати ли такому большому боярину вести съ вами бесѣду. Вѣдь онъ только и якшается что съ воеводами: съ Добрынею, съ Рахдаемъ, съ Соловьемъ Будимировичемъ. А вы что, ребята,—простые витязи!

Всеславъ поглядѣлъ съ презрѣніемъ на Вышату и не отвѣчалъ ни слова.

— Да гдѣ ты, дѣдушка, погулялъ сегодня?—спросилъ Остромиръ.

— Мало ли гдѣ! Былъ на Подолѣ, смотрѣлъ, какъ наши горожане веселились и пировали. Что, ребята, не старыя времена: подобрались всѣ кіевскія красавицы. Повѣрите ль, ни одного смазливаго личика не

видалъ... Э, Голованъ, и ты, братъ, здѣсь? Люблю за обычай: гдѣ есть что выпить да закусить, такъ молодецъ Торопка тутъ-какъ-тутъ. Послушай, любезный, ты вездѣ шатаешься,—не видалъ ли хоть ты какой-нибудь красоточки?.. Потѣшь, скажи! А то, право, горе беретъ! Неужели-то онѣ вовсе перевелись?

— Гдѣ намъ, государь, знать объ этомъ, — отвѣчалъ Торопъ, поклонясь въ поясъ:—мы люди темные. Вотъ твоя милость, дѣло другое: ты на томъ стоишь.

— А ты на чемъ стоишь, дурацкое чучело? Чтобъ чужого винца хлебнуть, да пѣсенку спѣть!

— Вѣстимо, батюшка.

— Такъ чтожъ ты молчишь? Затяни, да, смотри, повеселѣе!

— Э, братецъ,—вскричалъ Якунъ,—знаешь ли что? Мнѣ помнится, ты пѣвалъ препотѣшную пѣсенку про одного стараго срамца, котораго молодые ребята называли услужливымъ, а отцы и матери вчастую поколачивали.

— Да, да,—вскричалъ Стемидъ,—спой намъ эту пѣсню, а Вышата подтянетъ: говорятъ, у него голосъ презвонкій.

Ключникъ понаморщился.

— Неправда,—сказалъ онъ,—у меня вовсе нѣтъ голоса.

— Что ты, дѣдушка! — продолжалъ насмѣшникъ Стемидъ.—А помнишь, какъ близъ села Предиславина ты попался въ передѣлъ къ молодымъ горожанамъ, да какъ они приняли тебя въ двѣ дубины,—такъ ты поднялъ такой ревъ, что тебя за Днѣпромъ было слышно.

— Полно, Стемидушка! Ну, кто твоимъ сказкамъ повѣритъ? Вѣдь ужъ всѣ знаютъ, что коли ты примешься лгать, такъ съ тобой и грекъ не схватывайся.

— Ну, вотъ еще, запирайся! Да тебя и выручалъ-то Фрелафъ. Ей, Фрелафъ, вѣдь, кажется, при тебѣ въ прошломъ лѣтѣ поподчивали Вышату дубьемъ?.. Ну, помнишь, близъ села Предиславина, на Лыбеди?

— Неправда,—сказалъ варягъ,—ты лжешь: я ничего не помню!

— Ой-ли? Ну, братъ, коротка же у тебя память! Кажись, какъ бы забыть: вѣдь и тебѣ вмѣстѣ съ нимъ порядкомъ досталось.

— Что, что? — закричалъ варягъ. — Не вѣрьте, братцы, этому пострѣлу! Неправда,—одного Вышату поколотили, а я и меча изъ ноженъ не вынималъ!

Всѣ гости засмѣялись.

— Эхъ, Фрелафушка,—сказалъ ключникъ, стараясь скрыть свою досаду, — поменьше бы тебѣ пить: не знаешь самъ, что говоришь.

— Да полноте, ребята!—прервалъ Простѣнъ.—Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Ну-ка, Торопушка, спой намъ что-нибудь въ честь Услада, такъ и мы тебѣ подтянемъ.

— Да ужъ не поздно ли, господа честные? — сказалъ Торопъ, почесывая въ головѣ. — Мнѣ еще надо сегодня побывать на мѣстѣ Угорскомъ, — не близко отсюда. Если я и теперь пойду, — продолжалъ онъ, поглядѣвъ на Всеслава,—такъ врядъ ли добреду туда къ полуночи.

— Вотъ еще что вздумалъ! — вскричалъ Остромиръ.—Благо мы тебя заманили, а отсюда ужъ не выпустимъ.

— Да, да,—подхватилъ Простѣнъ,—оставайся съ нами! Вина и меду пей сколько хочешь; а потѣшишь насъ вдоволь, такъ мы тебѣ ногаты [1]) по двѣ, или по три съ брата дадимъ.

— Что дѣлать, молодцы,—видно быть по-вашему: не пойду сегодня! А если кому надо идти безотмѣнно такую даль, такъ мѣшкать нечего: поздненько становится.

— Куда ты, Всеславъ?—спросилъ Стемидъ своего пріятеля, который всталъ изъ-за стола.

— Мнѣ что-то нездоровится.

---

[1]) Мелкая монета.

— И подлинно: смотри, какъ ты поблѣднѣлъ; да и глаза-то у тебя вовсе не людскіе. Ступай, добро! Въ полночь я отправлюсь за тебя на стражу.

Всеславъ вышелъ вонъ изъ терема.

— Что онъ прихварываетъ что ль?—спросилъ Вышата стремяннаго.—Или ему скучно въ нашей бесѣдѣ?

— Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ что-то захилѣлъ.

— Такъ онъ пошелъ домой?

— А то куда же?

— Чтожъ онъ поворотилъ направо?—продолжалъ Вышата, смотря въ окно.—Вѣдь ему надо идти налѣво: направо-то дорога къ Днѣпру.

— Видно хочетъ прогуляться.

— Поздненько же онъ гуляетъ!—замѣтилъ съ лукавою усмѣшкою Вышата.—Прощайте-ка, ребятушки!—продолжалъ онъ, вставая. — Пора и мнѣ старику на боковую.

— Ступай, дѣдушка! — закричалъ Фрелафъ. — Да пришли намъ еще медку изъ княжескаго погреба. Что скупиться-то,—вѣдь не твое добро!

— Хорошо, хорошо!—сказалъ ключникъ, торопясь выдти изъ терема.

III.

Въ обыкновенный день давно бы уже всѣ жители кіевскіе покоились глубокимъ сномъ, и одинъ однообразный крикъ ночныхъ сторожей прерывалъ бы общее молчаніе; но въ праздникъ Услада, во многихъ домахъ, почти всю ночь проводили въ забавахъ и пированьи, и когда Всеславъ вышелъ на улицу, то въ рѣдкомъ домѣ не свѣтился еще огонекъ; вездѣ раздавались пѣсни и радостныя восклицанія; а въ теремѣ, гдѣ веселились его товарищи, загремѣлъ нескладный хоръ въ честь Услада и веселый припѣвъ:

«Чтобъ цѣлый годъ прожить безъ горя,
Станемъ пить въ Усладовъ день»

повторялся двадцатью различными голосами. Въ числѣ

ихъ легко можно было отличить охриплый басъ Фрелафа, который, желая доказать, что онъ владѣетъ еще языкомъ, ревѣлъ и вопилъ изо всей мочи.

Когда Всеславъ миновалъ урочище, извѣстное нынѣ подъ названіемъ *Крещатика,* то сцена совершенно перемѣнилась. По всему крутому берегу Днѣпра, до самаго мѣста Угорскаго, тянулись одни заборы, и только изрѣдка попадались рыбачьи хижины и обширные амбары для склада пойманной рыбы и привозимыхъ по Днѣпру товаровъ. Усѣянныя звѣздами небеса были такъ ясны, воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что, несмотря на отсутствіе луны, Всеславъ могъ безъ труда различать всѣ близкіе предметы. Внизу, у самыхъ ногъ его, разстилался черною лентою широкій Днѣпръ; тысячи яркихъ звѣздъ то тихо покачивались и трепетали на спокойныхъ волнахъ его, то играли и рѣзвились въ быстрыхъ струяхъ, когда полуночный вѣтерокъ наморщивалъ гладкую поверхность рѣки; вдали за Днѣпромъ шумѣло въ берегахъ своихъ Долобское озеро. Тутъ вспомнилъ Всеславъ разсказъ Торопа, и вдругъ что-то похожее на тихій отдаленный стонъ долетѣло до его слуха. По всѣмъ членамъ юноши пробѣжалъ невольный трепетъ; онъ сталъ прислушиваться: не реветъ ли озеро, не вопитъ ли на берегу его утопленница?.. Нѣтъ, это стонетъ филинъ и шепчетъ вѣтерокъ, пробираясь сквозь частый тростникъ топкихъ береговъ Долобскаго озера. Всеславъ идетъ далѣе. Вонъ вправо, позади его, на вершинѣ Кучинской горы бѣлѣются высокіе терема Богомилова дома; въ одномъ изъ нихъ мелькаетъ огонекъ: не спитъ еще верховный жрецъ Перуна! Вотъ встаетъ передъ нимъ, какъ грозный исполинъ съ поникшею главою, высокій песчаный утесъ; вотъ чернѣются развалины христіанскаго храма; вотъ и мѣсто Угорское, и кто-то, на самомъ краю утеса, стоитъ неподвижный и вперилъ свои очи въ земляную насыпь, поросшую густою травою. Надъ кѣмъ насыпанъ ты, древній курганъ? Кто тотъ, чьи кости покоятся въ тебѣ, уединенная могила?

Ахъ, онъ нѣкогда владѣлъ великимъ Кіевомъ; его удалая дружина пѣнила веслами широкій Днѣпръ, была грозою знаменитой Византіи: это могила храбраго и злополучнаго Аскольда.

Вотъ уже Всеславъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ ожидалъ его таинственный незнакомецъ. Какъ пойманная пташечка бьется и трепещетъ въ своей клѣткѣ, такъ билось и трепетало сердце въ груди юноши. Нетерпѣливое ожиданіе, надежда и какой-то страхъ, попеременно, то обдавали его холодомъ, то быстрымъ огнемъ протекали по его жиламъ. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ подлѣ того, кто знаетъ его родителей; еще нѣсколько минутъ, и безвѣстный сирота, бытьможетъ, назоветъ себя именемъ, которымъ гордится земля Русская. Въ ту самую минуту, какъ онъ поровнялся съ развалинами христіанскаго храма, послышался ему тихій шорохъ, потомъ раздались шаги многихъ людей, поспѣшно идущихъ. Онъ остановился.

До половины разрушенныя стѣны церкви сохранили еще въ двухъ или трехъ мѣстахъ остатки каменнаго свода; надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была нѣкогда Святая Святыхъ, можно было замѣтить недавнія поправки; но всѣ остальныя части зданія представляли видъ совершенно запустѣнія. Узкія, продолговатыя окна заглохли травою; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ, вѣроятно, находились паперть и входъ въ трапезу, вся стѣна лежала въ развалинахъ. Всеславу показалось, что какіе-то люди, какъ ночные тати, пробираясь украдкою вдоль стѣнъ церкви, исчезали одинъ послѣ другого посреди ея развалинъ; вдругъ блеснулъ внутри ихъ огонекъ, послышался невнятный шопотъ, и потомъ все утихло.

— Ты ли это, Всеславъ?—раздался близъ его знакомый голосъ.

Всеславъ вздрогнулъ,—передъ нимъ стоялъ незнакомый.

— Такъ это ты?—продолжалъ онъ.—А я начиналъ уже сомнѣваться. Ты шелъ какъ будто нехотя и вовсе не походилъ на человѣка, который спѣшитъ узнать,

кто были его родители. Всеславъ, меня смущаетъ мысль... что, если ты... Да и дикій звѣрь привыкаетъ къ своей цѣпи... Быть-можетъ, и тебѣ любо называться рабомъ Владиміра... Скажи, для чего ты шелъ такъ медленно и какъ будто бы колебался, — идти ли тебѣ ко мнѣ или нѣтъ?

— Я остановился здѣсь для того, что замѣтилъ людей въ этихъ развалинахъ.

— Какое тебѣ до нихъ дѣло?.. Не опасайся: они не помѣшаютъ нашей бесѣдѣ. Пойдемъ!

Всеславъ молча пошелъ вслѣдъ за незнакомымъ.

— Вотъ здѣсь, на этой могилѣ, ты узнаешь все, — сказалъ онъ, подойдя къ кургану; — но прежде, чѣмъ скажу, кто были твои родители, я долженъ открыть тебѣ, кто я. Мой дѣдъ былъ вѣрнымъ слугою и другомъ одного Князя, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ управлялъ сильнымъ народомъ. Сей мужественный и премудрый Князь былъ въ то же время и отцомъ своихъ подданныхъ. Правда царствовала въ судахъ, наемныя войска не угнетали народа, всѣ были счастливы. Когда сей знаменитый Государь покрывалъ Русское море своими судами и бранный крикъ его безстрашной дружины раздавался подъ стѣнами Византіи, младшій братъ его, во всемъ ему подобный, правилъ народомъ, и народъ не замѣчалъ отсутствія своего Государя. Въ то же самое время, на сѣверѣ, въ Великомъ Новгородѣ царствовалъ Олегъ, прадѣдъ вашего Владиміра. Какъ плотоядный звѣрь, онъ любилъ упиваться кровью беззащитныхъ народовъ; не терпѣлъ сосѣдей, если они не были его рабами, и мало-по-малу покорилъ всѣ окружныя страны. Сей злобный Князь ненавидѣлъ Государя, коему служилъ мой дѣдъ, потому только, что онъ одинъ не страшился его могущества и силы.

Теперь слушай, Всеславъ! Однажды, когда сей добродѣтельный Государь веселился съ меньшимъ братомъ и сонмомъ храбрыхъ витязей въ княжескихъ своихъ чертогахъ, вдругъ входитъ чужеземный вѣ-

стникъ и говоритъ, что прибыли на ладьяхъ варяжскіе купцы, посланные изъ Новгорода въ Грецію, и что имъ приказано отъ Олега повидаться съ обоими братьями и увѣрить ихъ въ дружбѣ и мирныхъ помыслахъ Великаго Князя Новгородскаго. Вотъ старшій братъ, котораго благородная душа не постигала измѣны и коварства, возрадовался и, отпустя съ честію вѣстника, сказалъ своему брату: «Я не страшусь могущества Олега; моя дружина удалая не сробѣетъ его рати многочисленной; скажу одно слово, и храбрые мои витязи заскачутъ по лѣсу, какъ сѣрые волки, разсыпятся стрѣлами по чистому полю и лягутъ всѣ костьми, ища себѣ чести, а своему князю славы. Но я уважаю великія доблести Государя земли Славянской, дивлюсь его браннымъ подвигамъ и цѣню, дороже злата византійскаго, его дружбу и привѣтъ ласковый. Братъ, почтимъ пословъ Олега, — поспѣшимъ къ нимъ навстрѣчу!»

И вотъ оба брата, въ сопровожденіи нѣсколькихъ витязей, отправились на берегъ рѣки, близъ котораго стояли многочисленныя ладьи купцовъ варяжскихъ, но едва они достигли пристани, какъ вдругъ сокрытые на ладьяхъ воины высыпали на берегъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Увидѣвъ сію гнусную измѣну, старшій братъ вскричалъ: «Нѣтъ, вы не посланные отъ князя Новгородскаго, а подлые разбойники! Храбрый Олегъ не можетъ быть измѣнникомъ!» —«Ты говоришь правду,—сказалъ одинъ изъ чужеземныхъ воиновъ:— Олегъ не измѣнникъ, а Государь твой: онъ не предаетъ, а наказываетъ строптиваго раба. Гляди: я Олегъ, а вотъ,—промолвилъ онъ,—указывая на стоявшаго подлѣ него юношу, вотъ Игорь, сынъ Рюриковъ!» Слова сіи были приговоромъ несчастнымъ братьямъ, и они пали мертвые къ стопамъ сего злодѣя!.. Ты ужасаешься, трепещешь, Всеславъ! — продолжалъ незнакомый. — Ты хватаешься за рукоятку меча своего!.. Славно, молодецъ, славно! Итакъ, кровь въ тебѣ заговорила!.. Всеславъ, эти злосчастные князья были Аскольдъ и

Диръ, а ты послѣдняя отрасль сего знаменитаго рода!

— Что ты говоришь?—вскричалъ Всеславъ.—Кто?.. Я?.. Безвѣстный сирота?..

— Да, ты!—продолжалъ незнакомецъ.—Ты сынъ Судиславы, родной внуки Аскольдовой!

— Но гдѣ же отецъ мой? Жива ли мать моя?

— Нѣтъ, Всеславъ, ты не найдешь и мѣста, гдѣ покоятся ихъ кости. Отецъ твой, варяжскій витязь, погибъ на бранномъ полѣ, а мать умерла далеко отъ своей родины. Но вотъ здѣсь, у ногъ твоихъ, сокрытъ прахъ неотомщеннаго и неоплаканнаго Аскольда. Да, Всеславъ,—это могила твоего прадѣда!

— Могила моего прадѣда! — повторилъ Всеславъ, преклонивъ колѣна. Нѣсколько минутъ продолжалось глубокое, торжественное молчаніе; незнакомый, сложивъ крестъ-на-крестъ руки, стоялъ съ поникнутою головою; а Всеславъ... о, Всеславъ не постигалъ самъ, что съ нимъ происходило! Бывало, при одной мысли объ отцѣ и матери, вся кровь кипѣла и волновалась въ его жилахъ; а теперь, когда онъ стоялъ надъ могилою своего прародителя, когда слышалъ имена отца своего и матери, сердце его безмолвствовало. Казалось, оно отвергало чувство, которымъ нѣкогда согрѣвалось, и, какъ будто бы покрытое ледяною корою, одервенѣло въ груди его. Несмотря на увѣренность, съ которою говорилъ незнакомый, какое-то невольное сомнѣніе проникло въ его душу.

— Но почему ты знаешь,—сказалъ онъ, вставая,— что я точно правнукъ сего злополучнаго Князя?

— Выслушай меня, и ты увидишь, могу ли я сомнѣваться. Изъ всѣхъ витязей, бывшихъ вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, одинъ дѣдъ мой успѣлъ пробиться сквозь толпу злодѣевъ; но было уже поздно: какъ бурный потокъ хлынули вслѣдъ за нимъ воины новгородскіе, и прежде чѣмъ войско и народъ успѣли вооружиться, Олегъ завладѣлъ всѣмъ городомъ. Запировала смерть по стогнамъ великаго Кіева и кровь по-

лилась рѣкою въ чертогахъ княжескихъ! Презирая тысячу смертей, мой дѣдъ успѣлъ спасти Брячиславу, одну изъ меньшихъ дочерей Аскольдовыхъ, и сокрыться вмѣстѣ съ нею въ землю Хорватскую. Онъ поклялся надъ мечомъ своимъ воздать зломъ за зло, кровью за кровь, и успокоить неотомщенныя тѣни князей Аскольда и Дира. Ни ему, ни сыну его не удалось исполнить сію клятву, и отецъ мой на смертномъ одрѣ завѣщалъ мнѣ кровавое наслѣдство... Я не стану разсказывать тебѣ о всѣхъ бѣдствіяхъ дочери Аскольда. Изгнанная изъ своей родины, преслѣдуемая повсюду убійцами, она не находила во всей землѣ Русской уголка, гдѣ могла бы спокойно преклонить главу свою, и умерла на чужой сторонѣ, въ глубокой старости, вдовою одного варяжскаго витязя, оставивъ на рукахъ моихъ своего внука, осиротѣвшаго еще въ младенчествѣ. Этотъ круглый сирота былъ ты, Всеславъ! Сгорая нетерпѣніемъ свершить обѣтъ, который тяготилъ мою душу, я отправился вмѣстѣ съ тобою въ Кіевъ и, скрываясь посреди дремучихъ лѣсовъ, его окружающихъ, выжидалъ случая свершить кровавую тризну, заповѣданную мнѣ отцомъ и дѣдомъ. Однажды... но что разсказывать объ этомъ!.. Святославъ остался живъ, а я, проклиная свою неудачу и преслѣдуемый его витязями, не успѣлъ спастись вмѣстѣ съ тобою, и ты попался въ руки враговъ твоихъ. Къ счастію, они не знали, что найденное ими въ дремучемъ лѣсу дитя — не сынъ простого разбойника, а правнукъ Аскольдовъ. Вскорѣ узналъ я, что ты живъ и воспитываешься въ чертогахъ княгини Ольги. Тутъ въ первый разъ мнѣ пришло на мысль дожидаться, пока ты подрастешь, чтобъ не только отомстить за смерть твоего прадѣда, но, если можно, возвратить тебѣ законное твое наслѣдіе... Когда не стало Святослава, то трое сыновей его раздѣлили межъ собой все Царство Русское: Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Владиміръ остался въ Новгородѣ, а Олегъ владѣлъ землею Древлянскою. Желая достигнуть вѣрнѣе исполненія моихъ намѣреній, я записался

сначала простымъ воиномъ въ дружину Ярополка; потомъ, отличенный воеводою его, Свенельдомъ, попалъ въ число приближенныхъ слугъ княжескихъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ его любимцевъ. О, какъ возрадовался духъ мой, какъ взыграло мое сердце, когда Ярополкъ, подстрекаемый Свенельдомъ, пошелъ войною на родного брата, Олега. «Рѣжьтесь, злодѣи»:—думалъ я,—«губите самихъ себя! И когда останется изъ васъ одинъ, послѣдній изъ всего ненавистнаго рода вашего, тогда,—да, тогда только наступитъ часъ мести, и одинъ ударъ сотретъ навсегда съ лица земли сіе поколѣніе гнусныхъ кровопійцъ и предателей!» Казалось, сами боги спѣшили оправдать мои надежды. Война двухъ братьевъ была непродолжительна: разбитый на-голову Олегъ погибъ близъ города Овруча, раздавленный въ бѣгствѣ собственными воинами; а Владиміръ, опасаясь подобной участи, бѣжалъ за море къ варягамъ. Два года Ярополкъ владѣлъ всею землею Русскою; два года братъ его Владиміръ жилъ у варяговъ, ходилъ вмѣстѣ съ ними громить земли отдаленнаго Запада, переплывалъ обширныя моря, изучился всей ратной хитрости сего воинственнаго народа, и вдругъ, предводительствуя многочисленною варяжскою дружиною, явился въ Новгородѣ, смѣнилъ посадниковъ Ярополковыхъ и велѣлъ сказать своему брату: «Вооружайся: иду на тебя!» Но малодушный Ярополкъ не рѣшился на битву и заперся въ Кіевѣ. Когда войска Владиміра, разливая повсюду смерть и опустошеніе, стали приближаться сему первопрестольному граду, я увѣрилъ Ярополка, что кіевляне готовы выдать его руками и всѣ единодушно желаютъ покориться Владиміру; онъ повѣрилъ словамъ моимъ и бѣжалъ изъ Кіева въ Родню — небольшой городокъ, стоящій при верховьяхъ Днѣпра. Покинутые своимъ Княземъ кіевляне поневолѣ покорились Владиміру, и, чтобъ сбылись всѣ мои надежды, мнѣ оставалось только уговорить Ярополка предаться добровольно въ руки его брата. Мнѣ извѣстно было безпредѣльное честолюбіе Владиміра; я зналъ, что тотъ,

кто умертвилъ отца и братьевъ жены своей, Рогнѣды, не испугается названія братоубійцы. Когда Ярополкъ, окруженный врагами, колебался и не зналъ, на что рѣшиться, одинъ изъ воеводъ его, по имени Варяжко, сказалъ. «Не ходи, Государь, къ брату: ты погибнешь, оставь на время родину и сбери войско въ землѣ Печенѣжской». Но я возсталъ противъ совѣта, возвеличилъ великодушіе Владиміра и обнадежилъ Ярополка, что братъ приметъ его съ распростертыми объятіями. Легковѣрный Князь, убѣжденный моими словами, отправился со мною въ Кіевъ. Я самъ ввелъ его въ жилище Владиміра; я тотъ, кто притворилъ двери терема, въ которомъ дожидался его не братъ, но двое наемныхъ убійцъ. Всеславъ, теперь ты знаешь, кто я?..

— Какъ,—вскричалъ съ ужасомъ юноша,—неужели ты?..

— Да, я тотъ самый, который былъ нѣкогда любимцемъ, наперсникомъ, другомъ и предателемъ Ярополка.

— Итакъ, ты...

— Не произноси этого имени,—прервалъ мрачнымъ голосомъ незнакомецъ,—оно проклято всѣми народами! Теперь я называюсь Веремидомъ: это имя отца твоего.

— Отца моего?—сказалъ юноша, отступая назадъ.— И ты называешься именемъ отца моего? — повторилъ онъ съ примѣтнымъ отвращеніемъ. — Нѣтъ, лучше остаться навсегда безроднымъ сиротою...—Всеславъ остановился.

— Ну, чтожъ, договаривай! — промолвилъ вполголоса незнакомый.—Не правда ли, что лучше остаться сиротою, чѣмъ называть именемъ отца своего злодѣя и предателя?

Юноша не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь?—продолжалъ незнакомецъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго чувства.—Ахъ, Всеславъ, Всеславъ! Пусть тѣ, коимъ не извѣстна тайная причина всѣхъ дѣлъ моихъ, называютъ меня злодѣемъ; но ты, которому я открылъ мою душу!.. Всеславъ, я

нянчилъ тебя на рукахъ моихъ; отецъ твой называлъ меня своимъ другомъ; чтобъ отомстить за смерть твоихъ державныхъ предковъ, чтобъ возвратить тебѣ законное твое наслѣдіе, я не побоялся прослыть гнуснымъ измѣнникомъ, опозорить мое имя и собрать на главу мою проклятія всей земли Русской. Для кого я переплывалъ бурныя моря, обошелъ всѣ обширныя Волжскія страны и блуждалъ среди степей Печенѣжскихъ? О комъ думалъ я, скитаясь по неприступнымъ Косожскимъ горамъ? Для кого пресмыкался, какъ подлый рабъ, у ногъ надменныхъ грековъ? Для кого отказался отъ всѣхъ радостей земныхъ? У меня нѣтъ ни дома, ни жены, ни дѣтей! Неблагодарный, не для тебя ли я сгубилъ всю жизнь мою?

Растроганный юноша молча протянулъ къ нему свою руку.

— Да, Всеславъ,—продолжалъ незнакомый, прижимая ее къ груди своей,—я не предатель, я вѣрный слуга законныхъ Князей Кіевскихъ; а называй меня предателемъ, злодѣемъ, презирай, гнушайся мною, но не измѣни только знаменитому роду, отъ коего ты происходишь; возсядь на отеческомъ столѣ своемъ, будь Княземъ великаго Кіева, и я съ радостію положу за тебя мою душу.

— Несчастный, что ты говоришь?—вскричалъ съ ужасомъ Всеславъ.—Мнѣ быть Княземъ великаго Кіева, мнѣ возстать противъ моего Государя?..

— Противъ твоего Государя?..—прервалъ съ горькою усмѣшкою незнакомый.—Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ,—вѣдь я было совсѣмъ и забылъ, что говорю съ рабомъ Владиміра. Однакожъ, знаешь ли что: если тебѣ пришла охота клясться ему въ вѣрности, такъ не отойти ли намъ подалѣе отъ этой могилы? Зачѣмъ тревожить кости твоего прадѣда!

— Но чего ты отъ меня хочешь?..

— Вѣстимо, чего!—продолжалъ тѣмъ же голосомъ незнакомый.—Я хочу, чтобъ ты служилъ попрежнему въ страхѣ и трепетѣ потомку того, кто истребилъ весь

родъ твой. Вѣдь я для того и не потаилъ отъ тебя, кто были твои предки, чтобъ тебѣ, правнуку Аскольда, веселѣе было держать стремя, когда Владиміръ, этотъ сынъ ключницы Малуши, садится на коня своего.

— Я не стыжусь служить моему благодѣтелю!— сказалъ юноша.

— Отвѣчай мнѣ, Всеславъ! Скажи, служилъ ли кто-нибудь рабомъ въ домѣ отцовъ своихъ? Называлъ ли кто-нибудь благодѣтелемъ того, кто, похитивъ наслѣдіе сироты, бросилъ ему, какъ голодному псу, кусокъ хлѣба, омоченный въ крови его предковъ?

— Нѣтъ,—вскричалъ Всеславъ,—я никогда не соглашусь съ тобою! Не Владиміръ ли пекся обо мнѣ въ моемъ младенчествѣ? Не онъ ли вспоилъ и вскормилъ меня?..

— Да, тебя, то-есть безроднаго сироту. Но если бы онъ узналъ, что ты правнукъ Аскольдовъ, точно такъ же, какъ ты знаешь теперь, что прадѣдъ его истребилъ весь родъ твой; еслибъ это подозрѣніе коснулось только души его, сказалъ ли бы онъ тогда: «Нѣтъ, я никогда не соглашусь умертвить Всеслава! Не онъ ли служилъ мнѣ вѣрою и правдою; не онъ ли проливалъ за меня кровь свою?..» Какъ ты думаешь, молодецъ, сказалъ ли бы это Владиміръ? Ну, чтожъ ты молчишь?.. Отвѣчай!

— Я не знаю,—промолвилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ юноша,—что сказалъ бы Владиміръ, но знаю, что долженъ дѣлать я.

— Ты знаешь, что долженъ дѣлать! — повторилъ почти съ презрѣніемъ незнакомый.—Ты, незрѣлое дитя, младенецъ, воспитанный слабою женою!.. Владиміръ научилъ тебя владѣть мечомъ; но могъ ли онъ, хотѣлъ ли возвысить твою душу, наполнить ее любовью къ твоимъ безвѣстнымъ предкамъ, пріучить съ младенчества ненавидѣть ихъ враговъ? Говорилъ ли онъ рабу своему, что сынъ, который не отомститъ за отца, не достоинъ наслѣдовать его имя; что зло за зло, кровь за кровь—есть единый непреложный законъ для всѣхъ

благородныхъ витязей? Всеславъ,—продолжалъ незнакомый, устремивъ на юношу взоръ, исполненный глубокаго прискорбія,—я свершу мой обѣтъ; но кто насыплетъ надъ сею убогою могилою высокій холмъ? Кто отправитъ достойную тризну надъ забытымъ прахомъ злополучнаго Аскольда?.. О, дитя несчастія, взлелѣянное на рукахъ моихъ! О, сынъ добродѣтельной Судиславы! Неужели разгнѣванные боги обрекли въ тебѣ одномъ на вѣчное рабство весь родъ Аскольдовъ?.. Неужели... страшусь и помыслить... Всеславъ, сынъ Веремидовъ, безстрашный на однѣхъ пирушкахъ богатырскихъ, не смѣетъ обнажить меча за правое дѣло, и, чтобъ прикрыть чѣмъ-нибудь свое малодушіе, говоритъ о благодарности, тогда какъ не благодарность, но подлый страхъ и робость наполняютъ его душу?

Голубыя очи юноши засверкали; онъ отступилъ назадъ и обнажилъ до половины свой мечъ; но почти въ то же самое мгновеніе, опустивъ его опять въ ножны, сказалъ:

— Я прощаю другу отца моего это обидное подозрѣніе; но еслибъ кто-нибудь другой...

— И всякій другой на моемъ мѣстѣ, — прервалъ незнакомый,—усомнился бы въ твоемъ мужествѣ. Кто, вмѣсто того, чтобъ отомстить за пролитую кровь своихъ предковъ, твердитъ о благодарности и милосердіи, тотъ не воинъ, а робкая жена или малодушный христіанинъ—это одно и то же. Послушай, Всеславъ, быть-можетъ, внимая рѣчамъ моимъ, ты думаешь: «Не безумный ли онъ? Что могутъ сдѣлать два человѣка, безъ сообщниковъ, безъ войска, возставая противъ могучаго владыки всей земли Русской?» Такъ знай же, Всеславъ, что, при одномъ извѣстіи о смерти Владиміра, многочисленныя полчища печенѣговъ ворвутся въ предѣлы кіевскіе; что Русское море покроется греческими кораблями; что храбрый косожскій князь Редедя, предводительствуя своими крылатыми полками, пронесется вихремъ чрезъ царство Тмутараканское и раскинетъ шатры свои въ заповѣданыхъ лугахъ кня-

женецкихъ, и что бранный крикъ сей безчисленной рати сольется въ одно общее восклицаніе: «Да погибнетъ сынъ Святослава и княжитъ въ великомъ Кіевѣ Всеславъ, правнукъ Аскольдовъ!»

Увлекающій жаръ, съ коимъ говорилъ незнакомый, огонь, который пылалъ въ глазахъ его, эти слова, исполненныя увѣренности и силы, поколебали, наконецъ, твердую рѣшимость юноши. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ:

— Веремидъ, ты напрасно обольщаешь себя ложною надеждою; еслибъ я и согласился возстать противъ Владиміра; еслибъ успѣхъ увѣнчалъ мое правое дѣло, то и тогда могу ли я быть Государемъ великаго Кіева? Что значитъ названіе Князя безъ любви народной? А возведенный въ сіе достоинство тобою, я сдѣлаюсь ненавистнымъ для всѣхъ кіевлянъ. Твое ужасное имя, неразлучное съ моимъ...

— Да оно-то и будетъ тебѣ вѣрнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію народной любви,—прервалъ съ живостію незнакомый.—Послушай, Всеславъ,—продолжалъ онъ вполголоса,—когда все будетъ кончено, когда, провозглашенный Княземъ Кіевскимъ, ты выйдешь на площадь предъ храмъ Перуновъ давать судъ по правдѣ своимъ подданнымъ, прикажи тогда привести меня предъ ясныя твои очи: я объявлю при всѣхъ настоящее мое имя, и ты вели казнить меня на лобномъ мѣстѣ, какъ подлаго предателя и злодѣя. О, вѣрь мнѣ, Всеславъ,—одно это уже навсегда привяжетъ къ тебѣ сердца всѣхъ кіевлянъ! Они любили Ярополка, и тотъ, кто отомститъ за смерть его, будетъ ихъ отцомъ и благодѣтелемъ.

— Какъ,—вскричалъ Всеславъ, внѣ себя отъ удивленія, — ты хочешь, чтобъ я, для утвержденія моей власти, предалъ тебя въ руки палача?..

— Чему же ты дивишься?.. — прервалъ хладнокровно незнакомый. — Да для чего же я и живу на этомъ свѣтѣ? Если только по приказанію твоему поведутъ меня на казнь, то будь спокоенъ, Всеславъ, —

мгновеніе, въ которое я преклоню на плаху главу мою, вознаградитъ меня за всѣ претерпѣнныя бѣдствія. О, какъ сладостно мнѣ будетъ умереть съ мыслію, что правнукъ Аскольда пируетъ за княжескимъ столомъ Владиміра; что я возвратилъ ему наслѣдіе отцовъ его и, предавъ себя позорной казни, свершилъ до конца мой земной подвигъ!

Въ эту самую минуту, что-то, похожее на глухой, однообразный топотъ, пронеслось по воздуху, и звуки какихъ-то невнятныхъ рѣчей слились съ тихимъ ропотомъ Днѣпра. Незнакомый сталъ прислушиваться; вдругъ взоры его помутились, поблѣднѣвшія губы задрожали, волосы стали дыбомъ.

— Такъ,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,— это вы, неоплаканныя, неотомщенныя тѣни! Это вашъ радостный и прискорбный ропотъ! Чу! Слышишь ли, какъ застучали кости въ истлѣвшемъ гробѣ твоего прадѣда? Слышишь ли этотъ глубокій подземный стонъ?.. Пробудись, о, пробудись, Аскольдъ! Твой правнукъ здѣсь, у твоей могилы... Часъ мщенья наступилъ... мечъ занесенъ!.. Гибель за гибель, кровь за кровь!..

— Отмщаяй отъ Господа обрящетъ отмщеніе...— раздался едва внятный шопотъ.

Всеславъ оглянулся: кругомъ не было никого, и только звуки тихихъ рѣчей отъ-времени-до-времени раздавались въ отдаленіи.

— Всеславъ!—продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ незнакомый.—Всеславъ, еще мгновеніе,—и будетъ поздно!.. Клянись надъ могилою твоего прародителя исполнить заповѣданное тебѣ отцомъ и матерью! Клянись въ непримиримой враждѣ къ Владиміру и всему его потомству!..

Всеславъ не отвѣчалъ ни слова; онъ смотрѣлъ пристально на развалины и, казалось, не слышалъ рѣчей Веремида.

— Ты молчишь?—вскричалъ незнакомый.—Ты колеблешься?.. Сынъ бездушный и недостойный потомокъ Аскольда!.. О, да будетъ проклятъ часъ, въ ко-

торый ты сталъ слугою Владиміра! Да будутъ прокляты воспитавшіе тебя подлымъ рабомъ! Да будутъ прокляты сами боги, ожесточившіе твое сердце!.. Да, я проклинаю ихъ!..

Въ эту самую минуту въ развалинахъ раздался тихій и согласный клиръ.

— Чу! Что это? — спросилъ вполголоса незнакомый.

— Развѣ не слышишь? — сказалъ Всеславъ. — Ты проклинаешь твоихъ боговъ, а они благословляютъ своего Господа: это христіане.

Незнакомый нахмурилъ свои густыя брови.

— Я и позабылъ,—сказалъ онъ,—что здѣсь сходбище этихъ бродягъ и нищихъ. Проклятые полуночники! Не слушай ихъ, Всеславъ!

Но Всеславъ, по какому-то безотчетному побужденію, сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ къ развалинамъ.

Вдругъ яркій лучъ свѣта блеснулъ въ одномъ изъ заглохшихъ травою оконъ разрушенной церкви, вся внутренность развалинъ освѣтилась,—и Всеславъ могъ безъ труда различить, посреди небольшой толпы богомольцевъ, стоящую на колѣняхъ дѣву въ голубомъ покрывалѣ.

— Это она!—вскричалъ юноша.

— О комъ ты говоришь?—спросилъ съ удивленіемъ незнакомый.

— Такъ, это она—это Надежда!

— Безумный! Куда ты?—сказалъ незнакомый, загораживая ему дорогу.

— Оставь меня! — вскричалъ юноша, отталкивая Веремида.

Онъ подбѣжалъ къ самому окну. Глубокое молчаніе царствовало внутри разореннаго храма, и одинъ только тихій голосъ іерея раздавался подъ ветхимъ сводомъ горняго мѣста: онъ молился о Великомъ Князѣ Кіевскомъ.

— Пойдемъ отсюда, — сказалъ глухимъ голосомъ незнакомый:—я не хочу долѣе осквернять мой слухъ

ихъ безумными мольбами. Подлые рабы: Владиміръ презираетъ и гонитъ ихъ, а они молятся о его здравіи!

— А я! — прервалъ съ живостію Всеславъ. — Я вскормленъ Владиміромъ; онъ не презираетъ, а любитъ меня; онъ не гонитель, а Государь и благодѣтель мой! И ты хочешь, чтобъ я возсталъ противъ него?.. Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Всеславъ!—вскричалъ грознымъ голосомъ незнакомый.

— Да, Веремидъ,—продолжалъ юноша,—когда Господь не судилъ мнѣ владѣть Кіевомъ по праву наслѣдства; когда попустилъ чуждому Государю завладѣть достояніемъ моихъ предковъ, то да будетъ Его святая воля! Не мнѣ возставать противъ судебъ Его; не мнѣ быть судьею Владиміра: одинъ Богъ караетъ вѣнценосцевъ. Слушай, Веремидъ: здѣсь, предъ храмомъ истиннаго Бога, я отказываюсь навсегда отъ правъ моихъ; не хочу участвовать въ твоихъ преступныхъ замыслахъ. Служить вѣрой и правдой моему благодѣтелю и быть сыномъ добродѣтельнаго Алексѣя—вотъ все, чего жаждетъ душа моя!

— Какъ, ты хочешь лучше остаться безвѣстнымъ сиротою?..

— Да!.. Если я не могу назваться правнукомъ Аскольда безъ того, чтобъ не измѣнить чести и добродѣтели, то съ радостію остаюсь безроднымъ сиротою, котораго Государь, Великій Князь Владиміръ почтилъ названіемъ своего отрока.

Неподвижный какъ истуканъ, блѣдный какъ смерть, стоялъ незнакомый противъ Всеслава; устремивъ свои пылающіе взоры на юношу, онъ, казалось, готовъ былъ однимъ взглядомъ превратить его въ пепелъ. Нѣсколько разъ невнятный, глухой ропотъ вырывался изъ груди его; проклятія, угрозы, слова мщенія и гибели тѣснились на полуоткрытыхъ устахъ его, и судорожная дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ. Наконецъ, онъ побѣдилъ сей первый порывъ своей неукротимой души;

на лицѣ его изобразилось не спокойствіе, но какое-то холодное, мертвое равнодушіе.

— Ну, чтожъ, вѣрный слуга Владиміра,—сказалъ онъ съ улыбкою, исполненною презрѣнія,—о чемъ ты задумался? Иль ты не хочешь выслужиться предъ твоимъ господиномъ?.. Выдавай меня руками своему Государю и благодѣтелю; влеки на позорную казнь! Но, можетъ-быть, ты боишься меча моего? — продолжалъ незнакомый, бросивъ его на землю. — Такъ вотъ онъ, у ногъ твоихъ! Иль нѣтъ,—я и безъ оружія тебѣ не подъ силу! Ступай, бѣги, приведи сюда Владиміровыхъ воиновъ: я обѣщаю тебѣ не сойти съ этого мѣста. Только послушай, Всеславъ: если не скоро найдутъ палача, возьмись ужъ ты сослужить и эту почетную службу! Да смотри, молодецъ, не осрамись! Стыдно будетъ тебѣ, воспитаннику Владиміра, если рука твоя дрогнетъ, когда я, кладя мою голову на плаху, скажу тебѣ: «Ну, чтожъ, правнукъ Аскольдовъ, чего ты медлишь? Не томи вѣрнаго слугу твоего прадѣда! Потѣшай своего господина; упивайся вмѣстѣ съ нимъ кровью того, кто называлъ родителя твоего другомъ, кто былъ самъ вторымъ отцомъ твоимъ!»

— Я не ищу головы твоей,—сказалъ твердымъ голосомъ Всеславъ;—даю тебѣ семь дней сроку, чтобы удалиться навсегда отъ предѣловъ кіевскихъ; но знай, что по истеченіи сего времени, я открою все Владиміру, — и тогда пеняй на себя, если ничто уже не укроетъ тебя отъ его поисковъ. Прощай!

Сказавъ сіи слова, Всеславъ пошелъ скорыми шагами вдоль стѣны церкви и скрылся посреди ея развалинъ...

Нѣсколько минутъ стоялъ незнакомый молча на одномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ,—прошепталъ онъ наконецъ,—нѣтъ, этого я не ожидалъ! Злополучный родъ! Итакъ, не истощилась еще надъ тобою вся злоба враждебныхъ небесъ!.. Эти подлые рабы грековъ... да, они: этотъ Алексѣй и дочь его — они развратили сердце сего неопытнаго

юноши!.. Христіане, христіане!—продолжалъ незнакомый, заскрежетавъ зубами. — Ты правъ, Богомилъ: смерть всѣмъ христіанамъ! Пусть гибнутъ всѣ: и старики, и жены, и малыя дѣти!.. Лицемѣры!.. Этотъ ребенокъ любитъ Надежду... Быть-можетъ, она, наставленная отцомъ своимъ, успѣла уже подавить въ душѣ его всѣ благородные помыслы; быть-можетъ, онъ уже христіанинъ!.. О, ты счастливъ, Веремидъ!.. Ты не знаешь своего позора, ты не видишь, какъ сынъ твой лобызаетъ руку какого-нибудь презрѣннаго чернеца... преклоняетъ колѣна передъ изображеніемъ чуждаго бога, и помышляетъ не о чести своей, не о славѣ своихъ предковъ, но о постѣ, молитвѣ и покаяніи!.. Вотъ еще одинъ изъ этихъ развратителей!—прибавилъ вполголоса незнакомый, подымая свой мечъ.

Въ самомъ дѣлѣ кто-то, пробираясь тайкомъ вдоль развалинъ, остановился шагахъ въ десяти отъ незнакомаго и спрятался за толстый дубъ, подъ тѣнью котораго замѣтны были остатки двухъ или трехъ надгробныхъ камней.

— Но чего онъ хочетъ? — продолжалъ незнакомый.—Зачѣмъ прячется за этимъ дубомъ?.. Мнѣ кажется, онъ смотритъ на меня... Кто ты?—вскричалъ онъ, подбѣжавъ къ сему любопытному прохожему и схвативъ его за воротъ.—Зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ?.. Какъ зачѣмъ?..—сказалъ испуганнымъ голосомъ прохожій, стараясь вырваться изъ рукъ незнакомаго.

— Ты бездѣльникъ!

— Что ты, что ты, молодецъ!

— За кѣмъ ты здѣсь присматриваешь?

— Ни за кѣмъ; право, ни за кѣмъ! Да пусти меня!

— Ты лжешь!.. Кого тебѣ надобно?

— Никого; ей-же-ей никого!

— Ты христіанинъ?

— Кто, я!..—отвѣчалъ запинаясь прохожій.—То-есть я?..

— Ну, да!

— Христіанинъ, христіанинъ!..

— Итакъ, я не ошибся!—сказалъ грознымъ голосомъ незнакомый. — Ты изъ числа этихъ развратителей?..

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ честной, я солгалъ, я не христіанинъ! Чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти, право, не христіанинъ!

— Но мнѣ кажется... Неужели?.. Этотъ голосъ... Говори, кто ты?

— Я?.. Не погнѣвайся, молодецъ: я княжескій ключникъ...

— Вышата?—прервалъ съ живостію незнакомый.

— Нѣтъ, нѣтъ, не Вышата... Право, не Вышата!.. Да пусти меня!

— Ты опять солгалъ; но не бойся и посмотри на меня хорошенько: мы старые пріятели...

— Какъ такъ?..

— Да неужели ты забылъ того, къ кому присылалъ тебя Владиміръ, когда братъ его княжилъ въ великомъ Кіевѣ? Вотъ я такъ помню, какъ ты уговаривалъ его любимаго воеводу выдать руками Ярополка; какъ сулилъ ему и милость княжескую, и богатыя помѣстья, дарилъ серебромъ и золотомъ...

— Котораго онъ не взялъ? — подхватилъ ключникъ.—Какъ забыть такую диковинку!.. Ахъ, батюшки-свѣты! Неужели-то въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, такъ и есть... такъ, такъ, это ты!.. А я думалъ, что тебя, сердечнаго, давно уже и въ живыхъ нѣтъ.

— Чтожъ дѣлать, братъ: живучъ! А, чай, вашему Князю куда бы хотѣлось...

— Что ты, что ты, молодецъ?.. Да знаешь ли, что тебя вездѣ отыскивали?..

— Я думаю.

— И когда нигдѣ не нашли, такъ нашъ Государь Великій Князь больно призадумался.

— Вотъ что!

— Право, такъ! Да еслибъ ты къ нему явился, такъ онъ осыпалъ бы тебя дарами.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ты былъ бы у него первымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, братъ Вышата,—предателей награждаютъ не честью, а золотомъ; а ужъ ты знаешь, что я до него не охотникъ. Я измѣнилъ Ярополку для того, что хотѣлъ услужить Владиміру, а не пришелъ просить награды за тѣмъ, чтобъ сберечь на плечахъ голову. Вѣдь живую-то улику никто не любитъ... Да что объ этомъ говорить!.. Скажи-ка мнѣ, старый пріятель, правда ли, что ты въ большой милости у Князя Владиміра?

— Да, Государь меня жалуетъ,—сказалъ Вышата, поглаживая съ важностію свою бороду.

— Правда ли, что, кромѣ княжескаго погреба, у тебя есть на рукахъ кой-что еще другое?

Вышата улыбнулся съ довольнымъ видомъ.

— Такъ это правда?.. Ну, братъ, поздравляю! Да знаешь ли что: это препочетная служба.

— Эхъ, любезный, кто и говоритъ: почетъ великъ, да проку мало.

— Какъ такъ?

— Да такъ, — худыя времена, пріятель. Бывало, нашъ Государь любилъ позабавиться; а теперь не только на другихъ прочихъ, да и на Рогнѣду прекрасную глядѣть не хочетъ. Что ты будешь дѣлать? А на ту бѣду и красавицы-то всѣ перевелись въ Кіевѣ Говорятъ, будто бы въ Греціи ихъ много; ужъ не съѣздить ли мнѣ въ Византію?

— Зачѣмъ такъ далеко?—прервалъ незнакомый.— Постой-ка, да, точно такъ: она молода, прекрасна.. Послушай, Вышата, я не вытерпѣлъ, чтобъ не побывать еще хоть разъ тайкомъ на моей родимой сторонѣ, но дней черезъ пять отправлюсь совсѣмъ на житье въ Византію.

— И не побываешь у Великаго Князя?..

— А зачѣмъ? Развѣ для того, чтобы напомнить ему о братѣ?.. Нѣтъ, Вышата, этимъ его не развеселишь. Я совѣтую и тебѣ не говорить обо мнѣ ни слова,

пусть знаешь ты одинъ, что я былъ на моей родинѣ и простился навсегда съ Кіевомъ. Но прежде моего отъѣзда, такъ и быть,—сослужу еще службу Владиміру и выкуплю тебя изъ бѣды.

— Чу! Что это?—прервалъ Вышата.

Тихіе голоса запѣли снова въ развалинахъ.

— Опять! — сказалъ съ досадою незнакомый. — Уйдемъ отсюда, Вышата! Погоди, авось мы приложимъ тебѣ голову къ плечамъ!

— А развѣ ты замѣтилъ гдѣ-нибудь?..

— Да, да! — прервалъ Веремидъ, уводя съ собою ключника.—Ужъ не Рогнѣдѣ чета! Мало ли гдѣ я бывалъ, а такой красавицы сродясь не видывалъ!

— Ой-ли?.. Да гдѣ же она?

— А вотъ пойдемъ, прогуляемся по берегу Днѣпра, такъ я тебѣ все разскажу.

Незнакомый и Вышата спустились по крутой тропинкѣ съ утеса и, пройдя нѣсколько шаговъ по песчаной косѣ, скрылись за рыбачьи хижины, которыми въ семъ мѣстѣ усѣянъ былъ берегъ Днѣпра.

IV.

Рано по-утру, на другой день послѣ Усладова праздника, въ одной изъ частей Кіева, прилегающихъ къ Подолу, двое горожанъ сидѣли на завалинѣ подлѣ воротъ небольшой хижины. Одинъ изъ нихъ сѣдой старикъ съ румянымъ и здоровымъ лицомъ, другой въ самыхъ цвѣтущихъ годахъ жизни, но блѣдный, худой и, повидимому, изнуренный болѣзнію или тяжкою душевною скорбію.

— Каковъ-то ловъ будетъ сегодня, — сказалъ старикъ, посматривая на облачныя небеса;—а вчера Господь благословилъ труды наши: на меня одного досталось два осетра, да полсорока стерлядей; и сегодня по-утру всѣ съ рукъ сошли, и всѣ почти забрали для верховнаго жреца Богомила. Видно, онъ пиръ какой затѣваетъ. А ты сбылъ ли свой товаръ, Дулебушка?

— Какой товаръ? — спросилъ молодой человѣкъ, продолжая смотрѣть задумчиво въ ту сторону, гдѣ синѣлся вдали дремучій боръ, коимъ поросли живописные берега Лыбеди.

— Вѣстимо, какой! Вѣдь мы тебя рыбой не задѣлили.

— Я позабылъ ее на берегу,—отвѣчалъ Дулебъ.— Что это, дѣдушка,—продолжалъ онъ,—виднѣется тамъ вдали? Вѣдь это село Предиславино?..

— Эхъ, дитятко, не хорошо!—прервалъ старикъ, покачивая головою.—Стыдно и грѣшно презирать даръ Божій, а и того грѣшнѣе—предаваться отчаянію и не радѣть ни о тѣлѣ, ни о душѣ своей. Скажи-ка Дулебушка, почему ты вчера въ полночь не былъ на молитвѣ, вмѣстѣ со всѣми православными?

— Виноватъ, дѣдушка,—я былъ далеко, позамѣшкался, и какъ пришелъ, такъ не засталъ уже никого.

— Да гдѣ же ты былъ?

— На Лыбеди.

Старикъ поглядѣлъ съ состраданіемъ на Дулеба и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:

— А зачѣмъ ты былъ на Лыбеди?

— Зачѣмъ?.. — повторилъ молодой человѣкъ. — А Богъ вѣсть зачѣмъ. Я почти всю ночь проходилъ кругомъ села Предиславина; смотрѣлъ издалека на княжескія палаты. Въ одномъ теремѣ свѣтился огонекъ: «Можетъ статься», думалъ я, «въ немъ сидитъ моя Любашенька!» Въ другомъ, у открытаго окна, кто-то распѣвалъ заунывныя пѣсенки: «О комъ воркуешь ты, горлинка сизокрылая?» говорилъ я, прислушиваясь. «Не о твоемъ ли горемычномъ голубчикѣ?» Ахъ, дѣдушка, дѣдушка, мнѣ казалось, что я слышу голосъ моей Любашеньки!.. Касаточка ты моя... сердечная!.. Бывало, и ты пѣвала веселыя пѣсенки; бывало, и я въ круглый годъ слезинки не выроню!

Дулебъ закрылъ лицо руками и замолчалъ.

— Послушайся меня,—сказалъ старикъ:—не, ходи на Лыбедь. — Вѣдь что прошло, того не воротишь.

Подумай-ка хорошенько: развѣ твоя Любаша не могла умереть!

— Тогда бы, дѣдушка, я сталъ ходить на ея могилу.

— Эй, дитятко, дитятко, не сносить тебѣ головы! Ну, если замѣтятъ, что ты шатаешься по ночамъ вокругъ села Предиславина?

— Такъ чтожъ? Меня убьютъ?.. Дай-то, Господи,— одинъ бы ужъ конецъ! Вѣдь я христіанинъ, и самъ на себя рукъ не наложу, а жить мнѣ становится куда тошно; видитъ Богъ, тошно, дѣдушка!

— Полно, парень, что ты: иль не хочешь и на томъ свѣтѣ увидаться съ твоею Любашею? Вѣдь отчаяніе смертный грѣхъ, дитятко! Спроси-ка объ этомъ у отца Алексѣя... Ахъ, батюшки, свѣты,—да я и позабылъ, окаянный!.. Полно, еще живъ ли онъ, нашъ кормилецъ?

— Какъ, дѣдушка, что ты говоришь?

— Такъ ты не знаешь, что вчера было?.. Еще служба у насъ не совсѣмъ отошла, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, цѣлая ватага княжескихъ воиновъ, да все-то пьяные, шасть къ намъ въ гости!.. Вотъ мы, кто куда попалъ; а отецъ-то Алексѣй не только не хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ нами, а пошелъ еще навстрѣчу къ этимъ буянамъ уговаривать ихъ, да пріостановить, чтобъ дать намъ всѣмъ убраться по-добру по-здорову. Сходилъ бы ты сегодня къ нему, Дулебъ, да провѣдалъ: здоровъ ли онъ, нашъ батюшка?.. А наврядъ: если эти разбойники и не до смерти его прибили, то ужъ вѣрно изувѣчили.

Дулебъ приподнялся съ заналины.

— Погоди-ка, — продолжалъ старикъ, — зайди прежде къ сосѣду нашему, Ѳеодору... Ты знаешь, гдѣ онъ живетъ? Вонъ видишь домъ, съ высокимъ-то помостомъ на четырехъ столбахъ?.. Чай, онъ нынче чѣмъ-свѣтъ ходилъ провѣдать отца Алексѣя. Вотъ, Дулебушка, христіанинъ-то, — не намъ грѣшнымъ чета! Говорятъ, и денно, и нощно стоитъ на молитвѣ.

Постой-ка, постой! Что это такое?.. Посмотри, никакъ у воротъ его стоятъ воины?.. Ахти, батюшки! Ну, такъ и есть,—съ копьями... въ кольчугахъ... Да это никакъ храмовая стража!.. Что за притча такая?.. Ужъ не взъѣлся ли на него за что-нибудь жрецъ Перуновъ, Богомилъ?.. Избави, Господи!.. Я слышалъ, что онъ на него давнымъ-давно зубы грызетъ...

Говоря сіи слова, старикъ вмѣстѣ съ Дулебомъ пошли къ высокому бревенчатому дому, подлѣ котораго стояли на стражѣ два воина.

— Добраго здоровья, господа честные! — сказалъ старикъ, поклонясь низенько ратнымъ людямъ и идя въ ворота.

— Прочь! — закричалъ грубымъ голосомъ одинъ изъ воиновъ.

— Что такъ, молодецъ?

— Не велѣно входить.

— А выходить можно?

— Нѣтъ!

— А не знаете ли, господа честные, ради чего отданъ этотъ приказъ?

— Узнаешь, какъ придутъ за хозяиномъ... Да проходи, добро,—мы съ вашею братьею растабарывать-то не больно любимъ.

— Дулебушка, — сказалъ вполголоса старикъ, — побѣжимъ на площадь къ княжескому двору: не узнаемъ ли тамъ чего-нибудь.

Какъ въ ненастную погоду реветъ и бушуетъ широкій Днѣпръ, такъ волновался и шумѣлъ народъ вокругъ Перунова капища и высокихъ чертоговъ княжескихъ. Вся площадь, покрытая густыми толпами любопытныхъ, походила на обширное торжище. Византійскіе гости и богатые купцы кіевскіе раскидывали шатры и выставляли на показъ свои заморскіе дорогіе товары. Торгующіе напитками и съѣстными припасами строили на скорую руку лубочные балаганы; въ одномъ мѣстѣ выкачены были бочки съ медомъ; въ другомъ, за деревянными прилавками, стояли

огромныя кади съ *олуемъ* [1]); по обѣимъ сторонамъ главнаго притвора Перуновой божницы расположена была многочисленная стража; храмовые прислужники и жрецы суетились внутри капища,—однимъ словомъ, все возвѣщало наступленіе необыкновеннаго торжества, причина котораго была еще не извѣстна народу.

На одной изъ ступеней широкаго крыльца, ведущаго въ любимый княжескій теремъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, прекрасной и благородной наружности. Одежда его была изъ дорогой греческой камки. Онъ держалъ въ одной рукѣ музыкальный инструментъ, похожій на лютню или ручную четырехструнную арфу, и смотрѣлъ задумчиво на волнующійся народъ; но, казалось, не замѣчалъ и даже не видѣлъ окружающихъ его предметовъ; онъ носился мыслію по синему морю, омывающему крутые берега угрюмой Норвегіи; взлѣзалъ на утесистыя скалы и прислушивался къ шуму горныхъ потоковъ своей родины.

Плѣненный Владиміромъ, который въ одинъ изъ своихъ морскихъ походовъ съ варягами приставалъ къ западнымъ берегамъ Норвегіи, онъ не жилъ, а чахнулъ на чужой сторонѣ. Напрасно Великій Князь осыпалъ его дарами: съ каждымъ днемъ взоры несчастнаго пѣвца становились мрачнѣе и мрачнѣе; изрѣдка только блистали они огнемъ вдохновенія, и живыя струны его молчали по цѣлымъ днямъ. Вѣщій скальдъ Фенкалъ былъ любимцемъ Владиміра: онъ ѣлъ со стола Государева, одѣвался съ плеча его, раздѣлялъ всѣ его забавы и потѣхи молодецкія; ему завидовали бояре знатные и витязи знаменитые; а бѣдный пѣвецъ сохнулъ отъ печали и не зналъ веселыхъ дней. Ему было душно въ позлащенныхъ чертогахъ княжескихъ; онъ тосковалъ о мрачныхъ небесахъ своей отчизны, о своихъ неприступныхъ горахъ, о непроходимыхъ дебряхъ, объ обширныхъ озерахъ и даже о своей тѣсной хижинѣ. Тамъ, свободный сынъ дикой Скандинавіи, онъ

---

[1]) Родъ нынѣшняго пива или крѣпкой браги.

пѣлъ, когда желалъ, а здѣсь, отторгнутый отъ своей родины, невольникъ и собственность Владиміра, онъ повиновался не вдохновенію, но волѣ того, кто называлъ его рабомъ своимъ. Бывало, мощный голосъ его сливался съ воемъ полуночныхъ бурь: онъ пѣлъ о славѣ древнихъ нормандскихъ витязей; а теперь, тихій и унылый, онъ выражалъ одну тоску и скорбь.

Человѣкъ пять варяжскихъ воиновъ подошли къ Фенкалу.

— О чемъ ты призадумался, соловушко великокняжескій? — спросилъ одинъ изъ нихъ, ударивъ его по плечу.

Пѣвецъ, взглянувъ на воина, кивнулъ ему ласково головою, но не отвѣчалъ ни слова.

— Ужъ не тоскуешь ли о свѣтло-голубыхъ очахъ какой-нибудь красавицы? — продолжалъ съ улыбкою воинъ.

— Да, Якунъ,—отвѣчалъ пѣвецъ,—я тоскую объ одной красавицѣ; да только она не походитъ на вашихъ бѣлолицыхъ дѣвушекъ. Она непривѣтлива, угрюмо выглядываетъ изъ-за моря синяго, любитъ слушать, какъ воетъ вѣтеръ между горъ и ревутъ бури среди лѣсовъ дремучихъ...

— Ай, ай, ай!.. Что ты говоришь? Да какъ зовутъ эту суровую красотку?

— У нея много именъ, товарищъ; а я просто называю ее моею отчизною.

— Вотъ что! Такъ ты все еще грустишь по своей родимой сторонѣ? Эхъ, Фенкалъ, Фенкалъ! Кому другому, а тебѣ какъ пожаловаться: ужъ твое ли житье не житье? Кабы нашему брату было во всемъ такое довольство, такъ я бы и охъ не молвилъ.

— Но ты не плѣнникъ, а слуга Владиміра, и оставилъ охотно свою родину.

— И, Фенкалъ, не объ охотѣ рѣчь: было бы только житье-то привольное... Да что объ этомъ толковать! Скажи-ка лучше, братъ, не знаешь ли ты, что сегодня за праздникъ такой? Посмотри, народъ такъ и

кишитъ вокругъ храма, и торгаши всѣ выползли на площадь; а бочекъ-то съ медомъ, бочекъ!.. Ужъ не хочетъ ли Владиміръ задать пиръ во весь міръ?

— Не знаю, — сказалъ Фенкалъ, посматривая задумчиво вокругъ себя.

— А не худо бы со вчерашняго-то опохмелиться,— продолжалъ Якунъ: — у меня что-то и теперь въ головѣ шумитъ. Ну, братъ Фенкалъ, натѣшились мы вчера!.. То-то была попойка! Фрелафъ такъ натянулся, что подъ-конецъ вовсе съ ума спятилъ; всю ночь проговорилъ о какомъ-то оборотнѣ, съ которымъ, дня три тому назадъ, дрался не на животъ, а на смерть. Онъ клялся, что видѣлъ его вчера между насъ, что хотѣлъ схватить за воротъ, но что чародѣй ударился оземь, обернулся въ сѣраго волка, да и былъ таковъ.

— Охота тебѣ слушать этого пустомелю! — прервалъ одинъ изъ воиновъ.—А кто у васъ былъ вчера Усладомъ? Ужъ не опять ли Всеславъ?

— Его было выбрали, — подхватилъ другой, — да самъ отказался. Такой сталъ спесивый, что и приступу нѣтъ! Мальчишка вовсе зазнался! Кабы вы знали, ребята, какъ онъ разобидѣлъ вчера нашего товарища Икмора!.. Ну, если бы онъ былъ не княжескій отрокъ, дали бы мы ему себя знать!.. Эхъ, не прежніе годы! Да смѣли ли, бывало, русины задѣвать нашего брата, варяга!.. Бывало, бьешь ихъ сколько душѣ угодно, а они лишь только кланяются. Нѣтъ, ребята, отжили мы наше времячко!

— Да,—прервалъ Якунъ,—бывало, берешь на торгу что хочешь, а теперь за все про все плати.

— А не заплатишь, такъ потащутъ тебя къ городскому вирнику. Что и говорить,—туго пришлось жить нашему брату!

— Да не дразни пожалуйста!—продолжалъ Якунъ.— Дѣлать-то нечего: плетью обуха не перешибешь. Послушай-ка Фенкалъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ скальду,—развесели хоть ты насъ; что тебѣ стоитъ,—

потѣшь, спой что-нибудь, а мы послушаемъ твоихъ пѣсенъ.

— Моихъ пѣсенъ!—повторилъ Фенкалъ съ горькою усмѣшкою.—Ахъ, я давно уже пою одну только пѣсню! Она люба мнѣ, эта пѣсня; да не знаю, полюбится ли вамъ, товарищи?—промолвилъ онъ, принимаясь за свою арфу.

Какъ безсильный ропотъ умирающаго тихо потрясаетъ воздухъ, когда послѣдній вздохъ вылетаетъ изъ груди его, такъ застонали струны подъ вѣщими перстами скальда. Устремивъ неподвижный взоръ на черныя тучи, которыми подернута была вся сѣверная сторона небосклона, онъ запѣлъ унылымъ и сладкозвучнымъ голосомъ:

«Гдѣ вы, глубокія долины,
Родныя горы и поля,
Лѣса дремучіе, и море,
И тихій кровъ моихъ отцовъ?

***

Увижу ли тебя, о, Бергенъ—
Страна и славы и пѣвцовъ,
Отчизна витязей могучихъ,
Свободныхъ Сѣвера дѣтей?

***

Давно ль и ты, Фенкалъ, былъ воленъ,
Какъ наши дикіе орлы,
Какъ легкій вѣтеръ полуночный,
Свободно вѣющій средь горъ?..

***

Давно ль подъ сосной вѣковою
Пѣвецъ съ родными пировалъ,
Иль на верху скалы прибрежной
Гремѣлъ его могучій гласъ?

***

Онъ пѣлъ,—и бури умолкали,
Дремало море въ берегахъ,
И не шумѣлъ потокъ гремучій,
И вѣтеръ буйный засыпалъ;

***

И дѣвы Сканіи младыя
Толпилися вокругъ пѣвца,
И старцы мудрые внимали
Его и пѣснямъ и рѣчамъ»...

Фенкалъ остановился; тихо зазвучали струны, и скальдъ повторилъ трепещущимъ голосомъ:

«Гдѣ вы, глубокія долины,
Родныя горы и поля,
Лѣса дремучіе, и море,
И тихій кровъ моихъ отцовъ?»

Съ каждымъ стихомъ голосъ его слабѣлъ, дрожащіе пальцы съ трудомъ пробѣгали по звучнымъ струнамъ; напрасно Фенкалъ старался заглушить рыданія въ стѣсненной груди; напрасно глоталъ свои слезы: онѣ прорвались и хлынули рѣкою изъ потупленныхъ очей его. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Вдругъ вѣщій скальдъ поднялъ поникшее чело свое, оттряхнулъ назадъ густыя кудри и ударилъ снова по струнамъ. Слезы не текли ужъ по блѣднымъ щекамъ его, но какая-то мрачная безнадежность изобразилась въ его мутныхъ и дикихъ взорахъ; онъ запѣлъ:

«Нѣтъ, нѣтъ, пѣвецъ, ужъ не увидитъ
Свою родимую страну,
И дѣва горъ возненавидитъ
Раба, живущаго въ плѣну!..

***

Въ плѣну!.. О, радости святыя,
Надежды всѣ... всему конецъ!
Порвитесь, струны золотыя,
Умолкни навсегда, пѣвецъ!»

Фенкалъ замолчалъ. Тихо затрепетали струны, и послѣдній звукъ ихъ замеръ подъ онѣмѣвшею рукою пѣвца.

— Хорошо, Фенкалъ,—сказалъ Якунъ,—хорошо; да только ты этимъ пѣніемъ никого не развеселишь. Вотъ однажды ты пѣлъ въ гридницѣ великокняжеской о подвигахъ твоихъ предковъ; я стоялъ тогда на стражѣ у дверей,—какъ теперь помню, у меня подъ конецъ твоей пѣсни такъ молодецкая кровь въ жилахъ разыгралась, что я чуть-чуть было не вцѣпился въ волосы моему товарищу; ну хоть съ кѣмъ-нибудь, да только бы подраться. Вотъ это пѣніе!

— Нѣтъ, Якунъ,—прервалъ скальдъ,—ты не знаешь

моихъ пѣсенъ и не слыхалъ моего голоса. Иль ты думаешь, что соловушко въ клѣткѣ поетъ и тѣмъ же голосомъ и о томъ же, о чемъ пѣвалъ въ густой дубравѣ, перепархивая по волѣ съ вѣтки на вѣтку и перелетая на свободѣ изъ одной рощи въ другую? Нѣтъ, товарищъ, чтобъ оживить дѣла моихъ предковъ; чтобъ вызвать ихъ изъ чертоговъ Одена и заставить отряхнуть могильный прахъ вѣковъ съ туманныхъ одеждъ ихъ; чтобъ раздуть потухшій пламень въ одервенѣлыхъ сердцахъ вашихъ, напомнить вамъ о славѣ покинутой вами отчизны,—о, для этого не нужны вѣщему скальду ни богатыя одежды, ни золотые кубки съ виномъ византійскимъ: ему надобно подышать воздухомъ своей родины, посидѣть на могильномъ курганѣ отцовъ своихъ, поспорить съ бурями на родныхъ моряхъ, искупаться въ утреннемъ туманѣ на вершинахъ снѣжныхъ горъ и, возвратясь подъ тихій кровъ свой, сказать: «я дома!»

— Да развѣ у тебя здѣсь нѣтъ дома?—прервалъ Якунъ.—Развѣ Государь Великій Князь не пожаловалъ тебѣ высокимъ хоромомъ на Днѣпрѣ, съ двумя теремами, съ усадьбою и съ такимъ богатымъ помѣстьемъ, какого, вѣрно, всѣ твои предки и во снѣ не видывали?

Фенкалъ поглядѣлъ съ сожалѣніемъ на варяга, и, не отвѣчая ни слова, облокотился задумчиво на свою арфу.

Въ числѣ слушателей, которые окружали пѣвца, шагахъ въ пяти отъ него, стоялъ высокій мужчина, въ грубой, но опрятной одеждѣ; онъ не походилъ на простого гражданина: длинный ножъ, заткнутый за его поясомъ, колчанъ со стрѣлами, высокій лукъ, на который онъ опирался, а болѣе всего, неустрашимый и воинственный видъ, отличали его отъ толпы мирныхъ горожанъ, кои, не смѣя подойти поближе къ скальду, тѣснились вокругъ стѣнъ храма и слушали его издалека. Этотъ высокій мужчина, замѣтивъ, что Якунъ и другіе варяжскіе воины, разговаривая межъ собою, поотдалились отъ Фенкала, подошелъ къ нему и сказалъ вполголоса:

— Не погнѣвайся, добрый молодецъ, если я попрошу тебя спѣть еще разъ эту пѣсенку: она мнѣ пришлась больно по сердцу.

— А развѣ и ты также тоскуешь о своей родинѣ?—спросилъ Фенкалъ, взглянувъ съ участіемъ на незнакомца.

— О родинѣ!—повторилъ съ мрачнымъ видомъ высокій мужчина.—Нѣтъ, Фенкалъ, моя доля хуже твоей: тебѣ хоть есть о чемъ потосковать, а мнѣ и поплакать-то не о чемъ!

— Какъ,—вскричалъ пѣвецъ,—да развѣ у тебя вовсе нѣтъ отечества?

— Будетъ, можетъ статься, а теперь... Да не обо мнѣ рѣчь. Послушай, Фенкалъ, я видѣлъ тебя года два тому назадъ: куда ты съ тѣхъ поръ перемѣнился! Ты былъ тогда веселъ, румянъ, здоровъ и красовался какъ маковъ цвѣтъ на зеленомъ лугу!

— Я надѣялся тогда, что Владиміръ возьметъ за меня выкупъ.

— Надѣялся! Плохо же ты его знаешь. Нѣтъ, молодецъ,—попадись только въ лапы къ этому медвѣдю, а ужъ живой изъ нихъ не вырвешься! Ему нѣтъ нужды, что ты зачахнешь на чужой сторонѣ, что у тебя остались на родинѣ, быть-можетъ, отецъ и мать, жена и дѣти,—какое ему до этого дѣло! Былъ бы при немъ скоморохъ, чтобы забавлять его, когда онъ распотѣшится съ своими витязями.

— Скоморохъ!—повторилъ съ негодованіемъ Фенкалъ.

— Да неужли ты думаешь,—продолжалъ хладнокровно незнакомый, — что Владиміръ отличаетъ тебя отъ прочихъ гусляровъ, которыми набиты его княжескіе чертоги? Нѣтъ, Фенкалъ, на твоей родинѣ и князья и витязи знаменитые чтятъ, какъ равныхъ себѣ, и братаются съ вѣщими скальдами, а здѣсь ихъ кормятъ только посытнѣе другихъ челядинцевъ. Вѣдь для Владиміра, что борзый конь, что рѣзвый песъ, что голосистый пѣвецъ,—все едино! У него краспвыхъ коней

кормятъ ярою пшеничею; на рѣзвыхъ псовъ надѣваютъ серебряные ошейники; а на вашу братью, пѣвцовъ, кафтаны изъ дорогой камки,—вотъ и все тутъ. Правда, Владиміръ до сихъ поръ еще ни конямъ своимъ, ни псамъ помѣстьевъ не раздавалъ; да почему знать, авось придетъ и ихъ чередъ.

Блѣдныя щеки Фенкала вспыхнули; онъ схватилъ за руку незнакомца и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Ты правду говоришь, товарищъ! Пѣвецъ, который охотою согласится служить Владиміру, недостоинъ называться скальдомъ, точно такъ же какъ и тотъ, который, попавъ къ нему въ неволю, утѣшится, промѣняетъ свою хижину на его позлащенные чертоги и не умретъ отъ тоски по своей родинѣ.

— Умереть-то всегда успѣешь,—прервалъ незнакомый:—руки на себя не подымутся, такъ въ Днѣпрѣ есть омуты. Да ужъ это послѣднее дѣло: надобно прежде не въ томъ, такъ въ другомъ удачи попытать. Правда, уйти-то отсюда трудненько; вишь какъ этотъ чужехватъ Владиміръ локти-то поразодвинулъ: куда ни погляди, все его да его. Родина твоя, какъ я слыхалъ, больно далеко отсюда: говорятъ, по самый край земли,—такъ и безъ погони не скоро туда доберешься; а теперь какъ разошлютъ во всѣ стороны гонцовъ, да велятъ о тебѣ кличъ кликнуть, такъ, вѣстимо дѣло, не дойдешь до дому.

— О, я не сомнѣваюсь,—прервалъ Фенкалъ,—одна только смерть избавитъ меня отъ сего ненавистнаго рабства.

— И я тоже думаю: конечно, смерть, да только чья?

— Какъ чья?

— Ну да! Неужли-то тебѣ и въ голову не приходило: что если умрешь не ты, а Владиміръ?..

— Владиміръ?—повторилъ съ удивленіемъ скальдъ.

— А что?.. Ужъ не думаешь ли ты, что онъ два вѣка проживетъ?

— Но онъ еще въ самой силѣ и порѣ своей...

— Да развѣ только одни старики умираютъ!.. Слыхалъ ли ты, Фенкалъ, о прежнихъ кіевскихъ Князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ?

— Слыхалъ.

— Такъ знаешь, чай, что и они были въ самой силѣ и порѣ, когда отправились на житье къ своимъ предкамъ.

— Но ихъ умертвилъ предательски Олегъ.

— А развѣ правнука-то его убить никто не можетъ?

— Что ты говоришь?—вскричалъ съ примѣтнымъ испугомъ Фенкалъ.

— Ничего. Эка диковинка, подумаешь!—продолжалъ спокойно незнакомый.—Добро бы кто-нибудь рода знаменитаго, а то рабыничъ, сынъ ключницы Малуши, прибралъ къ рукамъ всю землю Русскую, да и въ усъ себѣ не дуетъ: попиваетъ съ своими витязями, да потѣшается пѣснями знаменитаго скальда Фенкала, который, живя въ неволѣ, позабылъ и то, что люди не всегда своею смертію умираютъ. То-то и есть,—видно, золоченыя-то цѣпи таскать не тяжело!.. Да что изъ пустого-то въ порожнее пересыпать! Прощай, молодецъ, и такъ я съ тобой заболтался! Видишь, народъ сбирается вокругъ княжескихъ палатъ: можетъ статься, Владиміръ сегодня хоть въ окно выглянетъ, такъ мнѣ хочется вмѣстѣ съ другими крикнуть: «Да здравствуетъ наше красное солнышко, нашъ батюшка Великій Князь!»

— Постой!—вскричалъ Фенкалъ.—Скажи мнѣ...

— Что тебѣ сказать? Русскую поговорку что ль?.. Изволь: «глупый свистнетъ, а умный смыслитъ». Прощай, добро!

Сказавъ сіи послѣднія слова, незнакомый подошелъ къ толпѣ варяжскихъ воиновъ, которые, тѣснясь вокругъ одного изъ своихъ товарищей, казалось, слушали его съ большимъ вниманіемъ.

— Да, полно, такъ ли, Икморъ?—говорилъ Якунъ.— Отъ кого ты это слышалъ?

— Отъ жреца Лютобора,—ему какъ не знать. Вотъ до чего мы дожили, товарищи! Еслибъ на родинѣ узнали, что мы, разиня ротъ, смотримъ, какъ надъ нами здѣсь ругаются, и не смѣемъ рукъ отвести, — такъ и жены-то бы наши сгорѣли отъ стыда. Слыхано ли дѣло: приносить въ жертву природнаго варяга! Да развѣ мы за тѣмъ покинули наши домы, чтобъ эта козлиная борода, Богомилъ, выбиралъ изъ насъ, какъ изъ стада барановъ, любую жертву? Да и кому же: добро бы нашему богу Одену, а то какому-то деревянному болвану съ золотыми усами [1]), передъ которымъ и шапки-то снять не хочется.

— А я слышалъ о сынѣ какого-то Ѳеодора,—прервалъ одинъ изъ воиновъ.

— Экій ты, братецъ! — подхватилъ Икморъ. — Да вѣдь этотъ Ѳеодоръ былъ нашимъ десятникомъ; онъ природный варягъ и прежде не такъ назывался.

— Э, знаю, знаю!—закричалъ Якунъ.—Да онъ ужъ года два не служитъ въ нашей дружинѣ.

— Такъ чтожъ? Развѣ только тотъ и варягъ, кто не скидаетъ шелома, да мерзнетъ по зимамъ у дверей великокняжескихъ? Эхъ, братцы, дали мы волю этимъ русинамъ! Глядите-ка, сколько ихъ высыпало на площадь, а все вѣдь за тѣмъ, чтобъ надъ нами смѣяться: чай, всѣ ужъ знаютъ, что сегодня приносятъ въ жертву варяга. Вотъ ужъ, ничего не видя, смотрите, какъ этотъ долговязый, глядя на насъ, ухмыляется. Чему ты зубы-то скалишь?—продолжалъ Икморъ, обращаясь къ незнакомому, который, завернувшись въ свою верхнюю одежду, стоялъ позади варяжскихъ воиновъ и улыбался, слушая ихъ разговоръ.—Экій лѣшій проклятый! Надъ кѣмъ ты смѣешься?

— Да не погнѣвайтесь, господа честные, — надъ вами,—отвѣчалъ спокойно незнакомый.

— Какъ надъ нами?.. Ахъ, ты, неотесанный бол-

---

[1]) Истуканъ Перунъ былъ деревянный, голову имѣлъ серебряную, а усы золотые (лѣтопись Нестора).

ванъ! — вскричалъ Икморъ. — Да къ рожѣ ли тебѣ смѣяться надъ варяжскими витязями?

— А какъ же не смѣяться-то!.. — сказалъ хладнокровно незнакомый.—О чемъ вы сошлись горевать?.. Эхъ, молодцы, молодцы,- «снявши голову, о волосахъ не плачутъ». Вольно жъ вамъ было сглуповать, да отпустить въ Византію вашихъ товарищей. Много ли васъ теперь осталось? Ребятишки кіевскіе шапками закидаютъ. Нѣтъ, господа, Владиміръ-то себѣ на умѣ: смекнулъ, что съ вами ладу не будетъ, если онъ не разсуетъ васъ по разнымъ мѣстамъ. То-то и есть! Говорятъ: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ»; а поглядишь, — такъ и варяги-то не дальше нашего видятъ.

— А что, братцы, — сказалъ Якунъ, — вѣдь этотъ пострѣлъ дѣло говоритъ: кабы мы сами не сплоховали... Да кто ты таковъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомому, —и откуда родомъ?

— Не бойтесь, — я не здѣшній; со мной говорите смѣло: въ доносъ не пойду.

— Да ты никакъ ратный человѣкъ? — спросилъ одинъ изъ воиновъ.

— Вотъ то-то и есть! Кому другому, а мнѣ какъ не пожалѣть о васъ? Храбрые варяжскіе витязи, сподвижники Святослава, живутъ въ такомъ загонѣ!.. И то ли еще будетъ, — погодите! Теперь вы все какъ будто бы по охотѣ служите; а придетъ время, ста нете служить изъ-подъ палки.

— Изъ-подъ палки! — вскричалъ съ негодованіемъ Икморъ.

— Да не погнѣвайтесь! И теперь у васъ старшими-то все русины; вотъ еще годокъ-другой, такъ и десятника ни одного изъ варяговъ не будетъ.

— Клянусь Геллою,—прервалъ Икморъ,—я лучше соглашусь умереть!..

— И, полно, молодецъ,—привыкнешь! Да что вы толкуете, товарищи? Чтобъ съ вами Владиміръ ни дѣлалъ, а случись съ нимъ какая невзгода, такъ вы первые за него грудью станете.

— И не хочешь, а станешь! — сказалъ Якунъ. — Дѣлать нечего: если ужъ мы ему служимъ...

— А зачѣмъ же вы ему служите, коли онъ вамъ не любъ?

— Зачѣмъ? Да куда же намъ дѣваться? Чтобъ не вернуться съ пустыми руками домой, такъ надобно же какому-нибудь Государю служить.

— Такъ чтожъ? Развѣ Владиміръ одинъ роду княжескаго на бѣлой Руси? Иль не промыслите себѣ Князя по сердцу? Эхъ, братцы, братцы, была бы только у васъ охота, а за Княземъ дѣло не станетъ.

Испуганные симъ неожиданнымъ предложеніемъ, варяги, поглядѣвъ робко вокругъ себя, устремили удивленные взоры на незнакомаго, который, облокотясь на свой лукъ, смотрѣлъ на нихъ спокойно и какъ будто бы не замѣчалъ ихъ удивленія.

— Смотри-ка, Дулебушка, — сказалъ одинъ сѣдой старикъ молодому дѣтинѣ, съ которымъ онъ уже нѣсколько времени стоялъ въ двухъ шагахъ отъ толпы воиновъ: — никакъ это тотъ самый разбойникъ, что третьяго дня, помнишь, у пристани подъѣзжалъ къ намъ въ челнокѣ? И рѣчи тѣ же самыя! Тогда онъ хотѣлъ помутить насъ, а теперь смущаетъ ратныхъ людей противъ Великаго Князя. Ужъ въ самомъ дѣлѣ, не ятвяги ли его подослали?.. Да чтожъ онъ это, проклятый, средь бѣла дня, на площади?.. Иль на него управы нѣтъ?.. Эй, молодцы!—продолжалъ старикъ, подойдя къ большой толпѣ гражданъ, посреди которой блистали стальные шеломы кіевскихъ воиновъ. Потерпите ли вы, чтобъ кто ни есть смущалъ народъ и говорилъ непригожія рѣчи о нашемъ Государѣ? Вонъ видите этого высокаго мужчину? Онъ поноситъ Великаго Князя Владиміра.

— Кто?.. Гдѣ?..—раздались голоса изъ толпы.

— Ну, вотъ, что стоитъ съ варягами.

Нѣсколько русскихъ воиновъ и множество гражданъ кинулись толпою къ варягамъ. Услышавъ шумные крики, незнакомый обернулся и устремилъ свой

мрачный, но спокойный взоръ на приближающуюся толпу.

— Вотъ онъ! — вскричалъ старикъ, указывая на него пальцемъ.—Хватайте его, ребята!

Незнакомый нахмурилъ брови и взялся за рукоятку своего ножа.

— Убирайся покуда цѣлъ!—шепнулъ Якунъ, выходя впередъ и заслоняя его собою.

Незнакомый опустилъ руку и, подобравъ свое верхнее платье, пошелъ скорыми шагами внизъ по улицѣ, ведущей къ Подолу.

— Держите его, держите!.. Это разбойникъ!.. Печенѣгъ!—загремѣли сотни голосовъ. Вся площадь взволновалась; тысячи любопытныхъ и зѣвакъ бросились къ тому мѣсту, гдѣ раздавались крики бѣгущихъ за незнакомымъ; въ одну минуту они были смяты, разлучены другъ отъ друга, смѣшались съ общею толпою и потеряли изъ виду, за кѣмъ гнались.

— Да что такое?.. Куда бѣгутъ?.. Кого ловятъ?— шумѣлъ народъ, давя другъ друга.

— Держите его, держите!—кричалъ, запыхавшись, толстый купецъ.

— Кого держать?—спросилъ плечистый посадскій, стараясь опередить его на бѣгу.

— Не знаю! — отвѣчалъ первый, падая и продолжая кричать:—Держите его, держите!

И вся толпа повторяла съ ужаснымъ крикомъ:

— Держите, ловите!.. Онъ плѣнный печенѣгъ!.. Разбойникъ!.. Воръ!.. Онъ ограбилъ храмъ!.. Зарѣзалъ боярина!.. Держите его, держите!

Пользуясь симъ общимъ смятеніемъ, незнакомый пробирался спокойно къ рѣкѣ. Онъ шелъ по самому краю оврага, или, лучше сказать, глубокой рытвины; промытая весеннею водою, она съ половины горы тянулась до самаго Днѣпра, и мѣстами была не шире двухъ саженъ, но почти вездѣ вдвое глубже. Въ ту самую минуту, какъ незнакомый начиналъ уже надѣяться, что онъ внѣ всякой опасности, человѣкъ пять

кіевлянъ показались вверху улицы; увидѣвъ его, они закричали.

— Держите, ловите его!

Онъ удвоилъ шаги, но въ то же самое время навстрѣчу къ нему вышли изъ переулка старинные наши знакомцы Стемидъ и Фрелафъ. Послѣдній, услыша крикъ бѣгущихъ гражданъ, заслонилъ дорогу незнакомцу; но лишь только взоры ихъ встрѣтились, варягъ поблѣднѣлъ, отскочилъ назадъ и вскричалъ съ ужасомъ:

— Это онъ!

— Чтожъ ты, Фрелафъ? — закричалъ Стемидъ. — Держи его!

— Держи его!—повторили граждане, подбѣгая къ незнакомому.

— Ага, разбойникъ, — сказалъ Фрелафъ, отступя еще шага два,—попался! Хватайте его, братцы, хватайте! Да скрутите хорошенько!

Но незнакомый, кинувъ быстрый взглядъ на глубокое дно рытвины, которая отдѣляла его отъ другой стороны улицы, подался нѣсколько назадъ, и съ одного скачка перелетѣлъ на противоположную сторону.

— Береги свой булатный мечъ, храбрый витязь Фрелафъ!—закричалъ онъ, скрываясь за угломъ узкаго переулка, который, изгибаясь по скату горы, примыкалъ къ густому кустарнику, растущему въ семъ мѣстѣ на берегу Днѣпра.

— Ахъ, онъ пострѣлъ!—вскричалъ одинъ изъ гражданъ.—Ушелъ какъ ушелъ, проклятый!

— Эхъ, Фрелафъ,—сказалъ Стемидъ, — и придержать-то его не умѣлъ! Что, руки, чай, отнялись?

— Да, да, ты бы его остановилъ! — прервалъ варягъ.—Нѣтъ, Стемидъ, съ нимъ на силу не много возьмешь. Вѣдь это тотъ самый...

— Ага, такъ вотъ что!..

— Видѣлъ ли ты, какъ онъ перемахнулъ черезъ оврагъ? Посмотри-ка, саженей до трехъ будетъ, а онъ словно черезъ лужу перешагнулъ. Ну-ка, ты, молодецъ, попытайся перепрыгнуть!

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Стемидъ, поглядѣвъ съ удивленіемъ на глубокую рытвину; — ай да скачекъ!

— То-то же! Я тебѣ говорю, что онъ кудесникъ.

— Не знаю, братъ, кудесникъ ли онъ, а, чай, кулакъ у него тяжелъ! Какъ ты думаешь?

— Почему я знаю: я съ нимъ на кулакахъ не дрался.

— Эй, Фрелафъ, полно, такъ ли?.. Да что вы за нимъ гнались, зачѣмъ?—спросилъ Стемидъ, обращаясь къ горожанамъ, которые, посматривая другъ на друга, стояли въ недоумѣніи на краю рытвины.

— Зачѣмъ?—повторилъ одинъ изъ нихъ.—Вѣстимо зачѣмъ, господинъ честной: чтобъ задержать.

— Да что онъ сдѣлалъ?

— А кто его знаетъ?

— Такъ чтожъ вы за нимъ бѣжали?

— Какъ что? Аль не слышишь? Вонъ и теперь еще кричатъ на площади: «держи его!»

— Онъ разбойникъ! — сказалъ одинъ молодой дѣтина.

— Нѣтъ,—прервалъ другой:—бѣглый печенѣгъ.

— Неправда,—подхватилъ третій:—ятвягъ!

— Да что у васъ тамъ на площади дѣлается?— спросилъ Фрелафъ.

— Слышь ты, какой-то праздникъ; народу видимоневидимо!

— Да что тамъ празднуютъ?

— А кто ихъ вѣдаетъ! Веселье, знать, какое; бочекъ-то съ медомъ выкачено, бочекъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ? — вскричалъ Фрелафъ. — Пойдемъ, Стемидъ, на площадь: тамъ лучше все узнаемъ. Отъ этихъ сѣрокафтанниковъ толку не добьешься.

— Да, да!—заговорили межъ собой вполголоса горожане, смотря вслѣдъ за уходящими Стемидомъ и Фрелафомъ.—Слышь ты, сѣрокафтанники!.. А ты-то что,—бояринъ что ль какой!.. Экъ чуфарится! Велико дѣло: надѣлъ желѣзную шапку, да лба не уставитъ! Не

путемъ вы завеличались, господа ратные люди!.. Много васъ этакихъ таскаются по Кіеву-то!.. Видишь,—сѣрокафтанники!.. Охъ, вы, бѣлоручки!..

V.

Не шумѣли и не волновались уже толпы народныя, когда Стемидъ и Фрелафъ вышли на площадь. Всѣ наблюдали глубокое молчаніе, и, тѣснясь вокругъ капища Перунова, ожидали съ нетерпѣніемъ появленія верховнаго жреца Богомила. Главныя двери капища были отворены и по обѣимъ сторонамъ оныхъ стояли храмовые прислужники въ праздничныхъ одеждахъ. Вотъ показались наверху расписного крыльца Владиміровыхъ чертоговъ бояре, витязи и приближенные слуги великокняжескіе; они шли чинно, другъ за другомъ и, сойдя на площадь, стали рядомъ у самаго входа въ божницу.

— Ого,—сказалъ Стемидъ,—да праздникъ-те не на шутку!.. Посмотри, Фрелафъ, всѣ вышли: воевода Добрыня, бояринъ Ставръ, Тугаринъ Змѣевичъ... Янъ Ушмовичъ... любимый баянъ княжескій Соловей Будиміровичъ... Что это и Рохдай идетъ вмѣстѣ съ вашимъ воеводою Свѣторадомъ? Ну, видно большое будетъ торжество! Молодецъ Рохдай попить любитъ, а не часто въ храмъ заглядываетъ; да и съ Богомиломъ-то онъ не больно ладитъ. Я помню, однажды, за почетнымъ столомъ у Великаго Князя, онъ чуть въ бороду не вцѣпился.

— Да что это,—прервалъ Фрелафъ,—никакъ онъ прихрамываетъ?

— Да, братъ; на послѣдней игрушкѣ богатырской, Всеславъ задѣлъ его порядкомъ по ногѣ, — видно еще не оправился. Э, да гдѣ же Всеславъ? Вонъ идутъ позади все княжескіе отроки, а его нѣтъ.

— Чай, ушелъ нарочно и шатается гдѣ-нибудь по лѣсу. Впередъ-то его не пустятъ, а пристало ли идти *позади* бояръ и витязей такому знаменитому сановнику?..

Да что о немъ толковать! Погляди-ка, Стемидъ, никакъ вонъ тамъ, съ лѣвой стороны храма, стоятъ въ кучкѣ всѣ мои товарищи; ну, такъ и есть: Якунъ... Икморъ... Туръ... Руальтъ... Пойти и мнѣ туда.

— Полно, Фрелафъ, не ходи! Отсюда намъ будетъ и слышнѣе и виднѣе... Да тише, тише: вотъ никакъ и Богомилъ выходитъ изъ храма!

Опираясь на плечо любимца своего, Лютобора, первосвященникъ Перуновъ вышелъ на широкій помостъ главнаго притвора. Онъ поклонился ласково на всѣ четыре стороны и, окинувъ бѣглымъ взглядомъ многолюдныя толпы народа, покрывавшія площадь, началъ говорить громкимъ голосомъ:

— Бояре мудрые, храбрые витязи, сановники Великаго Князя Владиміра Святославича и вы всѣ сущіе подъ рукою его, люди ратные и граждане кіевскіе, послушайте рѣчей моихъ. Вотъ ужъ около мѣсяца, какъ нашъ кормилецъ, Государь Великій Князь, одержимъ злымъ недугомъ: безвѣстная тоска пала на его сердце ретивое. Онъ не пьетъ и не веселится со своими домочадцами, ему бѣлый свѣтъ опостылѣлъ и стали нелюбы всѣ прежнія игрушки и потѣхи великокняжескія. Я вопрошалъ всемощнаго Перуна и вотъ что онъ отвѣтствовалъ мнѣ, представъ очамъ моимъ въ сонномъ видѣніи: «Богомилъ, возвѣсти всему народу, что мѣра терпѣнія моего исполнилась! Неблагодарные кіевляне давно уже перестали усердствовать богамъ своимъ; многіе изъ нихъ принимаютъ нечестивый законъ греческій; съ каждымъ днемъ жертвы, приносимыя мнѣ и другимъ богамъ, становятся скуднѣе; но всего болѣе раздражаетъ и гнѣвитъ меня ихъ непочтеніе къ тебѣ, верховному жрецу моему. Гдѣ богатые дары, коими осыпали жрецовъ Перуна благочестивые предки нынѣшнихъ кіевлянъ? Гдѣ обширныя помѣстья и отчины, коими владѣли твои предмѣстники? Я попустилъ тоскѣ овладѣть душою вашего Великаго Князя, и горе кіевлянамъ, если они не поспѣшатъ меня умилостивить. Но да вѣдаютъ они, что не кровь безсло-

весныхъ жертвъ, а кровь человѣческая можетъ только утолить гнѣвъ мой!» Такъ вѣщалъ всемогущій Перунъ и, скрываясь отъ очей моихъ средь грознаго пламени, онъ назвалъ по имени жертву, ему угодную: это — единственный сынъ кіевскаго гражданина, Ѳеодора, бывшаго нѣкогда десятникомъ варяжской дружины.

Богомилъ замолчалъ; тихій шопотъ, какъ отдаленный гулъ волнующагося моря, пробѣжалъ по площади, и вдругъ громкій голосъ раздался по лѣвой сторонѣ храма:

— Нельзя приносить варяга въ жертву русскимъ богамъ!

— Нельзя, нельзя!—загремѣли многіе голоса.—Мы не допустимъ... не дозволимъ... умремъ всѣ до единаго!.. Никто не смѣй обижать варяговъ!..

— Какъ? Что?—заговорили межъ собой кіевляне.—Почему такъ?.. За что?.. Да чѣмъ лучше насъ эти пришлецы?..

И глухой ропотъ, усиливаясь поминутно, превратился въ общій оглушающій крикъ.

— Да исполнится воля боговъ! — раздавались тысячи голосовъ.—Давайте сюда варяга! Гдѣ онъ?.. Варяга, варяга!—повторяли неистовымъ голосомъ русскіе воины и весь народъ.

Верховный жрецъ махнулъ рукою; Лютоборъ сошелъ съ помоста и, окруженный многочисленною стражею, вышелъ на площадь; народъ разступился, и, пропустя жреца, хлынулъ вслѣдъ за нимъ необозримою толпою. Черезъ нѣсколько минутъ большая часть площади опустѣла. Варяги, видя свое безсиліе, молча и со стыдомъ стали понемногу расходиться, и вскорѣ осталось на площади только человѣкъ двадцать самыхъ задорныхъ воиновъ; они продолжали шумѣть межъ собою и клялись, что скорѣе рѣшатся умереть, чѣмъ снести такое посрамленіе.

— Что, братъ Фрелафъ,—сказалъ Стемидъ,—видно не прежнія времена? Бывало, какъ твои товарищи примутся шумѣть, такъ и Великій Князь не скоро ихъ

уйметъ; а теперь, что взяли,—и слушать-то ихъ не хотятъ!

— Да кто съ этимъ глупымъ народомъ уладитъ?— прервалъ Фрелафъ.—Ты себѣ хоть тресни, а онъ все свое оретъ. Конечно, если бы дѣло дошло до мечей, такъ эти бы крикуны мигомъ язычекъ прикусили.

— Ой ли? Такъ что же твои товарищи-то зѣваютъ?

— И, братецъ, ну какой варягъ захочетъ руки марать объ этихъ скотовъ?

— И то правда, Фрелафъ,—что съ ними связываться: руки-то объ нихъ замараешь, а тамъ, глядишь, они же тебѣ бока отломаютъ. Да чтожъ мы здѣсь стоимъ? Пойдемъ за народомъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается.

— Пожалуй, пойдемъ.

Пройдя всю площадь, Стемидъ и Фрелафъ пустились по улицѣ, ведущей къ Подолу. Во всю длину оной кипѣли безчисленныя волны народа. То продираясь съ трудомъ сквозь густую толпу, которая, стѣснясь на поворотѣ, перерѣзывала, какъ стѣною, широкую улицу, то увлекаемые народнымъ потокомъ, Стемидъ и Фрелафъ достигли, наконецъ, того мѣста, гдѣ начинался обширный посадъ по отлогому скату горы, прилегающей къ Подолу.

Шагахъ въ двадцати отъ нихъ, городовая стража, расположась полукружіемъ передъ однимъ высокимъ домомъ, удерживала напирающій народъ, который, прорываясь сквозь двойную цѣпь воиновъ, кричалъ, ревѣлъ, бѣсновался и, осыпая ругательствами варяговъ, повторялъ тысячу разъ имя Ѳеодора.

— Пойдемъ назадъ,—сказалъ Фрелафъ, поглядывая робко вокругъ себя.

— И, полно, братецъ,—отвѣчалъ Стемидъ, таща за руку Фрелафа,—посмотримъ поближе!

— Чего смотрѣть, пойдемъ! Видишь, какъ эти дурачье разъорались.

— Ага, такъ вотъ что?.. Ты опасаешься, чтобъ

эти крикуны не догадались, что ты варягъ?.. Небось,— я тебя не выдамъ.

— Смотрите-ка, ребята!—закричалъ одинъ гигантскаго роста мясникъ, поглядывая черезъ головы тѣхъ, кои стояли впереди.—Вишь какой: кругомъ заперся и княжескаго приказа не слушаетъ!.. Ахъ, онъ, разбойникъ, варягъ!

— Да они всѣ на одну стать,—подхватилъ другой.—Эхъ, братцы, передушить бы ихъ всѣхъ разомъ, такъ и концы въ воду! Да куда они подѣвались?.. То-то и есть: догадливы, проклятые, — всѣ на площади остались!

— Пусти, братецъ,—сказалъ вполголоса Фрелафъ,— мнѣ, право, некогда, да что-то и нездоровится.

— А что, чай, лихоманка трясетъ?.. Ага, Фрелафъ, видно, здѣсь не на пирушкѣ? Что, братъ, боишься?

— Боюсь?.. Вотъ вздоръ какой!

— Да отчего же ты дрожишь, какъ осиновый листъ?

— Отъ досады, братецъ; или ты думаешь, что мнѣ весело слышать, какъ они ругаютъ варяговъ? Что въ самомъ дѣлѣ, долго ли до бѣды? Ну, какъ я и самъ разгорячусь?

— Небось, они тебя какъ-разъ остудятъ: вѣдь Днѣпръ отсюда близехонько. Ну, ну, ступай, добро, храбрый витязь! Смотри только, обойди огородами, а то пойдешь безъ меня по улицѣ, да какъ въ самомъ дѣлѣ осерчаешь, такъ и унять-то добраго молодца будетъ некому. Я вѣдь тебя знаю: примешься крошить народъ—бѣда: живой души не оставишь въ Кіевѣ!.. Ахъ, онъ, пострѣлъ! — продолжалъ Стемидъ, глядя вслѣдъ за уходящимъ варягомъ.—Экъ началъ шагать— по косой сажени... Ну, легокъ онъ на ногу... Посторонитесь-ка, ребята!..

Расталкивая направо и налѣво народъ, Стемидъ съ большимъ трудомъ пробрался, наконецъ, до самой стражи. Узнавъ стремянного великокняжескаго, ратные люди пораздвинулись; и когда онъ вышелъ впередъ, то увидѣлъ, что жрецъ Лютоборъ и человѣкъ

пять воиновъ стучатся въ дубовыя двери высокихъ бревенчатыхъ хоромъ, болѣе похожихъ на огромную *вышку*, чѣмъ на обыкновенный домъ. Верхній его ярусъ съ широкимъ помостомъ, или открытою площадкою, построенъ былъ навѣсомъ, выдавался сажени на двѣ впередъ, и всею своею тяжестью лежалъ на двухъ столбахъ, кои поддерживали не только его, но и все зданіе, ветхое, подмытое водою и готовое рухнуться отъ перваго сильнаго потрясенія.

— По приказу верховнаго жреца Перуна,—кричалъ Лютоборъ,—по волѣ Великаго Князя Владиміра, отоприте!

— Отоприте, иль худо будетъ!—повторяли воины, стуча въ двери своими желѣзными булавами.

Ихъ сильные удары потрясали все зданіе, но толстыя дубовыя двери не подавались; внутри дома все было тихо и безмолвно, какъ въ могилѣ.

— Да, полно, дома ли онъ?—спросилъ Лютоборъ воиновъ, стоящихъ на стражѣ у дверей.

— Какъ же,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—онъ недавно выходилъ на верхній помостъ.

— Но нѣтъ ли другого выхода?

— Есть; да тамъ поставлена также стража.

— Не отпираетъ, такъ двери вонъ!—сказалъ начальникъ стражи.—Что съ нимъ торговаться-то! Эй, ребята, бревно!

— Бревно! Давайте бревно!—закричалъ народъ.

Человѣкъ двадцать гражданъ бросились по домамъ и явились черезъ минуту, неся тяжелый вязовый брусъ, приготовленный для начатаго вблизи строенія. Воины отодвинулись; народъ, раскачавъ бревно со всего размаха, ударилъ имъ въ двери.

— Ага, подаются!—закричалъ Лютоборъ.—Ну-ка, ребята, еще!

Со второго удара дверь соскочила съ петель, и въ то же время внутри дома раздался громкій трескъ.

— Вотъ-те разъ!—сказалъ одинъ изъ воиновъ, пере-

ступя черезъ порогъ.—Потолокъ въ сѣняхъ-то обвалился... Ого, смотрите-ка, и лѣстница рухнула!.. Эва, какъ завалило; а пыль-то какая, пыль!.. Ну, доставай ихъ теперь!

Въ самомъ дѣлѣ, развалившійся потолокъ и лѣстница дѣлали всякій доступъ къ верхнимъ отдѣленіямъ дома невозможнымъ. Лютоборъ бѣсился, народъ шумѣлъ; но вдругъ всѣ взоры обратились кверху.

— Вотъ онъ, вотъ онъ!—раздались безчисленные крики, и Ѳеодоръ, въ бѣлой простой одеждѣ, съ распущенными по плечамъ власами, показался на краю высокаго помоста. Онъ держалъ за руку прекраснаго отрока, который, посмотрѣвъ съ дѣтскимъ любопытствомъ на необозримыя толпы народа, окружавшія ихъ домъ, робко прижался къ отцу своему.

Душевное величіе, изображавшееся на спокойномъ челѣ Ѳеодора, его кроткій и свѣтлый взоръ, необычайная красота отрока, ихъ бѣлыя одежды, тихо взвиваемыя вѣтромъ—все пробудило въ душѣ Стемида чувства, дотолѣ ему вовсе незнакомыя. Царство свѣта и царство тьмы, во всей разительной противоположности своей, представились его взорамъ: внизу, это безобразное смѣшеніе лицъ, выражающихъ холодное, звѣрское любопытство и какую-то безотчетную жажду крови; это дикое, безпокойное волненіе народа; эти отвратительные крики; а вверху, надъ головами сего буйнаго скопища, два существа, обреченныя смерти, но спокойныя, кроткія и смиренно покоряющіяся волѣ своего Господа. Полуразрушенный помостъ, служащій имъ подножіемъ, былъ выше всѣхъ окружающихъ его зданій; онъ выдавался впередъ и какъ будто бы висѣлъ на воздухѣ. Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ стояли на самомъ краю его, и отдѣленные отъ земли, облитые лазурью небесъ, казалось, они, какъ два свѣтлые херувима, парили надъ главами неистовыхъ убійцъ своихъ. Ихъ нечаянное появленіе произвело хотя минутное, но сильное впечатлѣніе на народъ; громкія восклицанія прекратились, и все замолкло вокругъ дома. Пользуясь

сею кратковременною тишиною, Θеодоръ простеръ свою руку и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Чего вы требуете отъ меня, граждане кіевскіе?

— Выдай намъ твоего сына, — вскричалъ Лютоборъ:—онъ назначенъ богами въ жертву всемогущему Перуну. Не медли исполнить волю боговъ и приказъ твоего Государя!

— Государь Великій Князь,—отвѣчалъ Θеодоръ,— воленъ снять главу съ плечъ моихъ и умертвить сына; но ни я, ни сынъ мой не принесутся въ жертву бѣсамъ, коихъ вы называете богами вашими.

— Умолкни, богохульникъ! — завопилъ съ яростію Лютоборъ. — Какъ дерзаешь ты поносить боговъ нашихъ?

— Да, — прервалъ Θеодоръ, — Господь, Которому мы служимъ, Господь, Котораго исповѣдуемъ, не посрамитъ вѣрныхъ чадъ своихъ. Часы нашей жизни изотчены, и Ангелъ смерти паритъ уже надъ главами нашими, но не возвеселятся враги Господни, не возрадуется царство тьмы—отчизна боговъ вашихъ! Да, сограждане, кровь христіанина не прольется въ нечестивомъ капищѣ, гдѣ вы приносите богопротивныя жертвы не создавшему сей міръ, но мятежному рабу Его—сатанѣ, низверженному съ небесъ и запечатлѣнному вѣчнымъ проклятіемъ и гнѣвомъ Божіимъ.

— Да замолчишь ли ты, змѣя, — вскричалъ Лютоборъ, заскрежетавъ зубами. — Эй, ребята, лѣстницу! Проворнѣй!.. Чтожъ вы стоите?.. Иль этотъ чародѣй васъ обморочилъ?.. Давайте скорѣй лѣстницу!.. Да что вы за одно что ль съ нимъ?..

Но напрасно кричалъ и бѣсновался Лютоборъ: и воины, и народъ, и даже прислужники храмовые, изумленные рѣчами Θеодора, не трогались съ мѣста, чтобъ исполнить приказаніе жреца.

— Сограждане, — продолжалъ Θеодоръ громкимъ голосомъ, заглушающимъ сиповатый крикъ Лютобора,— внемлите рѣчамъ умирающаго, внемлите гласу истины! Кому поклоняетесь вы, ослѣпленные кіевляне? Кого

нарицаете безсмертными богами вашими? Кто сей всемогущій Перунъ, передъ коимъ вы преклоняете колѣна?.. Безчувственный деревянный истуканъ! Вы сами видите и не хотите разумѣть истины. Неужели Господь, сотворивый всяческая, Господь, хранящій жизнь вашу, проливающій на васъ и свѣтъ и теплоту, былъ нѣкогда бездушнымъ деревомъ, растущимъ въ лѣсахъ вашихъ? И Тотъ, Кто создалъ и землю, и небеса, и солнце, и луну, и звѣзды, неужели созданъ Самъ руками вашими? Кіевляне, не всегда ли пригрѣвало васъ солнце и Господь ниспосылалъ на васъ свой дождь небесный; а давно ли сооружена божница Перунова? Отвѣтствуйте, граждане кіевскіе: не передъ вами ли, не въ глазахъ ли вашихъ сдѣланъ кумиръ, которому вы поклоняетесь?

Тихій ропотъ пробѣжалъ по народной толпѣ; сомнѣніе и страхъ изображались на всѣхъ лицахъ: одни молчали, другіе шопотомъ повторяли слова Ѳеодора; но тѣ, которые были посмышленѣе, заговорили громко межъ собою.

— А что, братцы, — сказалъ одинъ купецъ, — и впрямь, давно ли стоитъ у насъ этотъ Перунъ? Вѣдь дѣды наши и отцы жили же безъ него.

— Вѣстимо!—прервалъ другой.—Да я помню, какъ этотъ пріѣзжій грекъ и золотые усы-то ему отливалъ. Досужъ былъ, проклятый... а ужъ плутъ какой!

— Эко диво!—подхватилъ веселой наружности молодой дѣтина. — Чай, знаете вотъ этого древодѣла — Чурилу Пучеглазаго, что на площади живетъ: онъ при мнѣ и ноги-то ему стругалъ.

— То-то, парень, — промолвилъ одинъ осанистый гражданинъ,—и въ самомъ дѣлѣ, ужъ, полно, богъ ли онъ?

— Такъ-то вы меня слушаетесь? — закричалъ воинамъ жрецъ Лютоборъ, который, задыхаясь отъ бѣшенства, не могъ нѣсколько минутъ промолвить ни слова. — Добро вы, неслухи, я донесу обо всемъ Богомилу!.. Давайте лѣстницу!.. Я самъ вырву языкъ у

этого богохульника!.. Не слушайте его, кіевляне!.. — продолжалъ онъ, обращаясь къ народу.—И знаете ли вы, безумные, что съ вами будетъ, если вы повѣрите этому крамольнику?.. Знаете ли, что померкнетъ солнце; по всей землѣ будетъ засуха; сдѣлается потопъ, трусъ; во всемъ Кіевѣ не останется камня на камнѣ; всѣ рѣки изсякнутъ; Днѣпръ потечетъ вспять, и печенѣги уведутъ въ неволю женъ и дѣтей вашихъ!.. Да кричите громче!—шепнулъ жрецъ, толкая воиновъ.—Кричите, что есть мочи: онъ опять хочетъ говорить!.. Добрые люди, граждане, не слушайте его!.. Онъ чародѣй, кудесникъ!.. Онъ поклоняется Чернобогу!..

— Да, да, онъ чародѣй и кудесникъ! — завопили воины и слуги жреца.

— Эхъ, братцы, — сказалъ вполголоса начальникъ стражи, — худо дѣло! Смотрите-ка, народъ молчитъ; одинъ бы ужъ конецъ! Да пропадай онъ совсѣмъ: не хочетъ сойти, такъ пусть слетитъ. Ну-ка, ребята, рубите столбы!

— Да, да,—подхватилъ Лютоборъ,—рубите столбы!

Въ одну минуту острыя сѣкиры заблистали въ рукахъ воиновъ, и столбы, на коихъ держалось все зданіе, заколебались.

— Остановитесь!—раздался знакомый Стемиду голосъ.—Пропустите, дайте мѣсто!.. Гонецъ отъ Великаго Князя!—зашумѣлъ народъ.

— Посторонитесь, братцы, посторонитесь!.. — И Всеславъ, покрытый пылью и пòтомъ, выбѣжалъ изъ толпы.

— Государь Великій Князь, — сказалъ онъ Лютобору,—приказалъ остановиться жертвоприношеніемъ.

— Берегись, берегись! — проговорилъ торопливо Стемидъ, схвативъ его за руку и оттащивъ къ сторонѣ.

Одинъ изъ подрубленныхъ столбовъ рухнулъ.

— Назадъ!—вскричалъ начальникъ стражи.

Воины кинулись въ сторону, а народъ съ громкимъ крикомъ отхлынулъ отъ дома.

— Боже мой,—сказалъ Всеславъ,—глядя съ содроганіемъ на разрушающійся домъ,—они погибли!

Верхній ярусъ зданія, потерявъ одну изъ подпоръ своихъ, подался на лѣвую сторону, и помостъ, на которомъ стояли христіане, готовые принять вѣнцы мученическіе, отдѣлясь отъ стѣны, повисъ па послѣднемъ, до половины подрубленномъ, столбѣ.

— Именемъ Великаго Князя, — закричалъ Всеславъ, — спасите сихъ несчастныхъ!.. Лѣстницу, скорѣй лѣстницу!

— Да,—сказалъ вполголоса начальникъ стражи, — не хочешь ли самъ сунуться. Дальше, товарищи, дальше!

Вдругъ послѣдній столбъ, нагнетаемый осѣвшимъ зданіемъ, погнулся; нѣсколько бревенъ изъ передней стѣны нижняго яруса, не выдержавъ сильнаго напора, сдвинулись съ своихъ мѣстъ, и весь домъ покачнулся впередъ. Народъ молчалъ; на всѣхъ лицахъ изображались страхъ и какое-то нетерпѣливое, смѣшанное съ ужасомъ, ожиданіе; одинъ Ѳеодоръ казался спокойнымъ, уста его безмолвствовали; но по тихому движенію губъ, можно было отгадать, что онъ молился. Въ ту минуту, какъ зданіе снова поколебалось, спокойный и тихій взоръ его встрѣтился съ потухшимъ взоромъ сына: весь ужасъ смерти изображался на блѣдномъ лицѣ отрока. Ѳеодоръ затрепеталъ.

— Сынъ мой, сынъ мой! — прошепталъ онъ прерывающимся голосомъ; глаза его наполнились слезами; онъ устремилъ ихъ къ небесамъ, и вдругъ они заблистали необычайнымъ огнемъ: неизъяснимый восторгъ и веселіе разлились по всѣмъ чертамъ лица его. — Сынъ мой,—сказалъ онъ торопливо,—смотри, смотри! Онъ грядетъ съ востока... Онъ простираетъ къ намъ свои объятія... О, Искупитель!—воскликнулъ Ѳеодоръ, прижавъ къ груди своей Іоанна. — Се азъ и чадо мое! — И въ то-же самое мгновеніе пламенный лучъ солнца, прорѣзавъ густыя тучи, облилъ яркимъ свѣтомъ просіявшія лица отца и сына.

— Глядите-ка, братцы, — закричалъ одинъ изъ гражданъ, — чему они такъ обрадовались?.. Ну, и послѣдній столбъ... Дальше, ребята, дальше!

Погнувшійся столбъ съ трескомъ разсѣлся на-двое; высокое зданіе заколебалось... рухнуло; густое облако пыли обхватило его со всѣхъ сторонъ, и все исчезло.

— Пойдемте, товарищи! — сказалъ начальникъ стражи.—Да и тебѣ, Лютоборъ, здѣсь дѣлать нечего: видно, вамъ не пировать сегодня.

— Постойте, — вскричалъ Всеславъ; — надобно посмотрѣть: быть-можетъ, они еще живы!..

— Это не наше дѣло! — прервалъ грубымъ голосомъ начальникъ стражи.—На это есть люди у городского вирника. Ну, что стали? Ступайте, ребята!

Всеславъ съ Стемидомъ, при помощи нѣсколькихъ сострадательныхъ гражданъ, съ большимъ трудомъ разрыли лежавшія безпорядочною грудою бревна, перекладины и кирпичи.

— Вотъ они! — вскричалъ Стемидъ. — Подъ этимъ брусомъ... оба вмѣстѣ... обнявшись...

— Ну, что?—спросилъ боязливо Всеславъ, подбѣгая къ Стемиду.

— Да что, братецъ, ужъ имъ не пособишь; бѣдные! И то хорошо: не долго мучились. Посмотри-ка: у обоихъ головы раздавлены!..

— Молитесь за насъ, грѣшныхъ, угодники Божіи, Ѳеодоръ и Іоаннъ! — сказалъ кто-то тихимъ голосомъ.

Всеславъ обернулся: подлѣ него съ поникшею главою стоялъ Алексѣй. Онъ молился, и крупныя слезы, катясь по блѣднымъ щекамъ старика, упадали на изувѣченныя тѣла святыхъ мучениковъ Христовыхъ.

VI.

Солнце еще не показывалось, но легкія, прозрачныя облака рдѣлись на востокѣ; звѣзды тухнули одна послѣ другой, и утренняя заря разливалась огненнымъ заревомъ по небосклону. Ночь была бурная; вдали, на

западѣ, исчезающія тучи тянулись черною грядою; отъ-времени-до-времени сверкала еще молнія, но громъ едва былъ слышенъ, и послѣднія дождевыя капли, перепадая съ листа на листъ, шумѣли по дремучему лѣсу дикихъ береговъ Почайны.

На небольшой луговинѣ, усѣянной полевыми цвѣтами, подъ навѣсомъ густого дуба, замѣтна была свѣжая насыпь; подлѣ нея, прислонясь къ дереву, стоялъ сѣдой старикъ; казалось, онъ отдыхалъ послѣ тяжкаго труда. У ногъ его лежалъ желѣзный заступъ.

— Здорово, Алексѣй! — сказалъ небольшого роста дѣтина, выходя изъ лѣса и приподымая свою огромную шапку съ овчиннымъ околышемъ.

— Здравствуй, Торопъ? — отвѣчалъ ласково старикъ.—Что такъ рано?.. Куда идешь?

— Да все тебя искалъ, дѣдушка! Днемъ-то отлучаться мнѣ изъ городу подчасъ нельзя: такъ я еще съ полуночи вышелъ изъ Кіева; дома тебя не засталъ, и когда бы дочка твоя не сказала мнѣ, что ты здѣсь, за Песочнымъ оврагомъ, такъ я бы все утро даромъ прошатался по лѣсу. Ну, раненько же вы съ ней встаете!

— Мы вѣдь не горожане, Торопъ: и ложимся и встаемъ вмѣстѣ съ солнышкомъ.

— А я думалъ, что вы еще спите. Подошелъ къ избушкѣ, глядь,—Надежда, какъ встрепанная, сидитъ у дверей, да разодѣта какъ!.. Иль она дожидается когонибудь?

— Жениха своего.

— Какъ, дѣдушка,—такъ ты ужъ ее просваталъ?.. За кого?

— За того, кто пришелся ей по сердцу. Да зачѣмъ ты искалъ меня, Торопушка, что тебѣ надобно?

— Мнѣ покамѣстъ ничего. А вотъ, изволишь видѣть,—продолжалъ Торопъ, понизя голосъ,—мой господинъ хочетъ поговорить съ тобою.

— Богомилъ?

— Нѣтъ, у Богомила я только на время въ услугѣ; я говорю тебѣ о настоящемъ, притоманномъ моемъ

господинѣ. Смотри, дѣдушка, не разсерди его: онъ что-то и такъ на тебя зубы грызетъ.

— Но кто же твой господинъ, и за что онъ на меня сердится?

— Кто мой господинъ?—повторилъ, почесывая въ головѣ, Торопъ.—Какъ бы тебѣ сказать?.. Его зовутъ теперь Веремидомъ; а за что онъ на тебя злится, не вѣдаю: онъ самъ тебѣ скажетъ.

— Когда же онъ хочетъ со мною повидаться?

— А кто его знаетъ! Онъ сказалъ мнѣ вчера: «Торопъ, я долженъ непремѣнно поговорить съ этимъ старикомъ, что живетъ въ лѣсу за Почайною; и если онъ не перестанетъ мнѣ все вопреки дѣлать, то»... Тутъ онъ что-то пробормоталъ про себя, да такъ страшно на меня взглянулъ, что у меня душа подъ пятку ушла. Вотъ я и подумалъ: пойду, скажу Алексѣю, чтобъ онъ поберегся, да ни въ чемъ ему не перечилъ. Вѣдь мой господинъ... охъ, дѣдушка, съ нимъ шутки плохія!

— Я не знаю, кто твой господинъ,—отвѣчалъ спокойно Алексѣй,—и не вѣдаю, чѣмъ могъ его прогнѣвить; но если бы онъ былъ и Великимъ Княземъ Кіевскимъ, да захотѣлъ отъ меня лести и неправды, такъ я и тогда бы, въ угоду его, не сталъ кривить душою.

— Ну, вотъ еще,—Великимъ Княземъ! Полно, дѣдушка, гдѣ нашему брату заѣдаться съ Великимъ Княземъ! Вѣдь у насъ съ тобой по одной только головѣ на плечахъ.

— Голова ничего, Торопъ,—была бы только душа цѣла; а въ душѣ-то воленъ одинъ Господь.

— Толкуй себѣ! И мы знаемъ, что въ душѣ вольны одни безсмертные боги; да вѣдь и голова-то у насъ не чужая: какъ станутъ до нея добираться, такъ, небось, и ты испугаешься. Вотъ посмотри-ка на это деревцо: теперь оно стоитъ прямехонько—стрѣла стрѣлою; а, чай, сегодня ночью, какъ вѣтерокъ разыгрался по лѣсу, гнулось въ три погибели и не разъ припадало къ матушкѣ сырой землѣ. Придетъ бѣда, согнешься и ты

— Передъ неправдою... никогда, Торопушка!

— Ой ли?.. Ну, Алексѣй, борода у тебя сѣдая, а умъ-то, видно, молодой. Я слыхалъ отъ богатыхъ людей, что и они ничего не боятся; да и то иная рѣчь: богатому подчасъ и самъ Великій Князь поклонится, а знатные-то бояре и вчастую. Ужъ, полно, не богатъ ли и ты? Постой-ка, дѣдушка,—что это?.. Ого, да ты что-то здѣсь копалъ... Ну, такъ и есть!.. Ни свѣтъ, ни заря?.. И впрямь не кладъ ли какой зарывалъ?

— Ты не ошибся, Торопъ. Я зарылъ здѣсь безцѣнное сокровище: это могила двухъ праведниковъ.

— Сирѣчь добрыхъ людей?.. Э, ужъ не тѣхъ ли, что третьяго дня хотѣли принести въ жертву?

— Тѣхъ самыхъ.

— Доброе дѣло, Алексѣй! Кабы не ты, такъ, можетъ статься, они, сердечные, и теперь не были бы преданы землѣ. Да не родня ли ты имъ?

— Да, они называли меня отцомъ своимъ.

— Какъ такъ? А я думалъ, что у тебя дѣтей всего-на̀-всего одна дочка.

— Нѣтъ, Торопъ, всѣ христіане мои дѣти.

— Такъ они были христіане? Вотъ что!.. То-то Богомилъ такъ на нихъ взъѣлся. Ужъ онъ бѣсился, бѣсился, когда ему пришли сказать, что Великій Князь отмѣняетъ жертвоприношеніе; да ну-ка съ сердцовъ колотить всѣхъ своихъ челядинцевъ. Досталось бы и мнѣ на орѣхи, кабы я не догадался и не запѣлъ любимой его пѣсенки:

«Какъ идетъ нашъ верховный жрецъ,
Нашъ родимый батюшка:
Онъ идетъ въ Копыревъ конецъ,
Выступаетъ гоголемъ;
А за нимъ-то весь народъ—
Словно пчелки всѣ за маткою»...

Вотъ онъ немного и стихъ: стукнулъ меня раза два по маковкѣ, да на томъ и съѣхалъ. Вѣдь правду-матку сказать, онъ только худо насъ кормитъ, а жить съ нимъ можно. Да я вдесятеро больше боюсь настоящаго моего господина: когда не сердитъ — болтай съ нимъ;

что хочешь, а коли осерчаетъ—ну, бѣда да и только! Успѣлъ увернуться—живъ, не успѣлъ—прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ! Ужъ куда крутъ! Что и говорить,—ему служить, не малину ѣсть?

— Такъ зачѣмъ же ты ему служишь?

— Зачѣмъ? Да вѣдь и отецъ мой ему служилъ, и дѣдушка служилъ его батюшкѣ; мы испоконъ-вѣку коренные слуги его роду и племени. А ужъ когда и дѣды мои и прадѣды ѣли хлѣбъ-соль его пращуровъ, такъ мнѣ и подавно не приходится его покинуть; худо ли при немъ, хорошо ли, а дѣлать нечего,—куда онъ, туда и я... Эге, смотри-ка: вонъ ужъ и солнышко всходитъ,—экъ я съ тобой заболтался. Прощай, добро!.. Да пожалуйста не ершись съ моимъ бояриномъ: тише ѣдешь, дальше будешь, дѣдушка. Прощай.

— Постой!—загремѣлъ въ кустахъ грозный голосъ, и незнакомый вошелъ на поляну.—Зачѣмъ ты здѣсь?—продолжалъ онъ, подойдя къ Торопу.—Что у тебя за свиданье съ этимъ старикомъ?.. Ну, чтожъ ты молчишь?.. Отвѣчай!

— Не гнѣвайся, бояринъ! — сказалъ съ низкимъ поклономъ Торопъ.—Помнишь, я тебѣ сказывалъ, что обѣщалъ купить веретено дочери этого добраго человѣка? Я сегодня затѣмъ къ ней и заходилъ, да вотъ поразговорился кой о чемъ съ ея батюшкою.

— Ты черезъ-чуръ любишь болтать!—прервалъ незнакомый.—Добро, останься здѣсь: ты мнѣ надобенъ.

Торопъ поклонился и, наблюдая почтительное молчаніе, отошелъ къ сторонѣ.

Незнакомый не говорилъ ни слова; онъ стоялъ противъ Алексѣя и, устремивъ на него свой угрюмый взглядъ, казалось, разсматривалъ его съ большимъ вниманіемъ. Алексѣй, облокотясь на заступъ, также молчалъ. Сначала онъ глядѣлъ спокойно на незнакомаго; но вдругъ свѣтлые взоры его помрачились, и что-то похожее на ужасъ и отвращеніе изобразилось на лицѣ его.

— Чего ты отъ меня желаешь?—спросилъ онъ, на-

сказалъ, не ласковымъ и кроткимъ своимъ голосомъ, но съ примѣтнымъ негодованіемъ.

— Ай, ай, ай! Чудо!—сказалъ про себя Торопъ, поглядывая боязливо на своего господина.

— Молчи, старикъ!—прервалъ незнакомый.—Не я, а ты долженъ отвѣчать на мои вопросы.

— Такъ спрашивай.

— У тебя есть дочь?

— Есть.

— Ее зовутъ Надеждою?

— Да.

— Ты христіанинъ?

— Да.

Въ продолженіе сего отрывистаго разговора, незнакомый не переставалъ смотрѣть пристально на Алексѣя, прислушивался съ безпокойствомъ къ его голосу, и мало-по-малу какъ будто бы воспоминаніе о чемъ-то непріятномъ покрыло морщинами высокое чело его.

— Какое сходство!—прошепталъ онъ.—Этотъ голосъ... этотъ взглядъ... Да нѣтъ, не можетъ статься! Какъ зовутъ тебя, старикъ?

— Алексѣемъ.

— Послушай, Алексѣй: я хочу дать тебѣ полезный совѣтъ.

— Спасибо. Но я ужъ старъ, и знаю по опыту, что не всѣ совѣты полезны. Иной совѣтуетъ для того, чтобъ вѣрнѣй погубить легковѣрнаго, который полагается на его совѣсть.

Незнакомый посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Алексѣя и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

— Нѣтъ, я не губить хочу тебя, а спасти отъ гибели. Ты знаешь княжескаго отрока Всеслава?

— Знаю.

— Но знаешь ли ты, кто этотъ Всеславъ?

— Онъ добрый юноша и женихъ моей дочери.

— Твоей дочери?—повторилъ насмѣшливо незнакомый.—Дочери простого дровосѣка! Посмотримъ, стоите

ли вы оба этой чести? Слушай, старикъ: если ты станешь исполнять всѣ мои совѣты, то дочь твоя будетъ женою Всеслава; но страшись и помыслить!..

— Мнѣ страшиться?—прервалъ твердымъ голосомъ Алексѣй, кинувъ презрительный взглядъ на незнакомаго:—Мнѣ нечего страшиться: я не измѣнникъ и не предатель.

Незнакомый вздрогнулъ и схватился за рукоятку своего меча; его посинѣвшія губы дрожали, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, какъ молнія изъ-за черныхъ тучъ, засверкали его грозныя очи.

— Видишь ли,—продолжалъ спокойно Алексѣй,—я слабый старикъ, безъ оружія, кругомъ дремучій лѣсъ, мы одни съ тобою; но я вѣрую въ Господа истины, вѣрую, что безъ воли Его ничтожна вся воля земная. Совѣсть моя чиста, и я не боюсь тебя, цареубійца!

— Это онъ!—вскричалъ съ ужасомъ незнакомый.—Торопъ, оставь насъ однихъ!.. Ступай!—продолжалъ онъ громовымъ голосомъ, замѣтивъ, что служитель не спѣшитъ исполнить его приказанія.

Торопъ сошелъ съ поляны и спрятался за густой орѣховый кустъ, изъ-за котораго онъ могъ слышать и видѣть все, что происходило на лугу.

— Варяжко,—сказалъ незнакомый, подойдя ближе къ старику: — такъ это ты? О, теперь я ничего не опасаюсь: мы вѣрно поймемъ другъ друга.

— Мы! — повторилъ Алексѣй. — Боже правосудный,—прошепталъ онъ, смотря съ горестію и состраданіемъ на незнакомца, — до какой степени можетъ ожесточиться сердце человѣческое!.. Итакъ, послѣдняя искра совѣсти потухла въ душѣ твоей?.. Злодѣй, ты узналъ меня: такъ чего же ты отъ меня хочешь?

— Я хочу подать тебѣ мою руку и сказать: Варяжко, забудемъ прошедшее! Я не могу перемѣнить того, что было, не могу возвратить жизни Ярополку; но настоящее и будущее въ волѣ нашей, и я готовъ загладить мое преступленіе.

— Загладить твое преступленіе?—сказалъ Алексѣй, поглядѣвъ недовѣрчиво на незнакомаго.—Нѣтъ,—продолжалъ онъ, покачавъ печально головою! — въ этихъ кичливыхъ взорахъ, на этомъ надменномъ челѣ я не вижу и признаковъ раскаянія.

— Раскаянія!.. И, Варяжко, что проку въ этой безплодной добродѣтели слабыхъ душъ? Пусть плачутъ и раскаиваются жены наши; но мы... нѣтъ, вѣрный слуга злополучнаго Князя Кіевскаго, нѣтъ, не слезъ требуетъ неотомщенная тѣнь Ярополка: она жаждетъ крови!..

— Крови?—прервалъ Алексѣй.—Дикій звѣрь, иль не довольно еще ты упился кровью человѣческою?

— Да, Варяжко, Владиміръ долженъ погибнуть!

— Безумный, тебѣ ли мстить за смерть Ярополка? Не ты ли самъ предалъ его въ руки Владиміра? И неужели ты думаешь загладить твое преступленіе, содѣлавшись вторично цареубійцею?

Незнакомый поглядѣлъ съ удивленіемъ на Алексѣя.

— Старикъ,—сказалъ онъ,—не обманулся ли я? Ты ли тотъ неустрашимый воинъ, тотъ вѣрный слуга своего Государя, этотъ Варяжко, кипящій местью?.. Я знаю, онъ клялся отомстить за смерть своего Государя, и, вѣрно, не забылъ своей клятвы.

— Господь не принимаетъ беззаконныхъ клятвъ,— отвѣчалъ громкимъ голосомъ Алексѣй; — Ему одному принадлежитъ мщеніе; Онъ одинъ совершенно правосуденъ, ибо Онъ одинъ видитъ глубину сердецъ нашихъ.

— Господь! Господь!.. Полно, Варяжко, говори это глупцамъ, которые вѣрятъ всему, что имъ разсказываютъ. Если этотъ Господь, коего кіевляне именуютъ Перуномъ, а ты называешь по-своему, живетъ въ самомъ дѣлѣ на небесахъ, такъ какое ему дѣло до земли? Вотъ когда бы ты мнѣ сказалъ, что Владиміръ былъ благодѣтелемъ твоимъ, кормилъ, поилъ тебя; что онъ любитъ вѣру, которую ты исповѣдуешь; или, по крайней мѣрѣ, что онъ человѣкъ добродѣтельный,—о,

тогда бы я не подивился рѣчамъ твоимъ, но пока Владиміръ живъ, ты долженъ скрывать истинное свое имя: онъ умертвилъ твоего друга и Государя, онъ лишилъ тебя всего... И осмѣлишься ли ты назвать добродѣтельнымъ злодѣя, обагреннаго кровію своихъ ближнихъ? Какъ христіанинъ, ты долженъ ненавидѣть Владиміра: онъ презираетъ твой законъ. Давно ли двое единовѣрцевъ твоихъ погибли по его приказу?.. И если прекрасная дочь твоя живетъ еще съ тобою, то благодари за это не Владиміра, а дремучій лѣсъ, въ которомъ она скрывается.

— Не мнѣ судить дѣла Великаго Князя Кіевскаго,— отвѣчалъ Алексѣй. — И знаю ли я, ничтожный червь земли, что тотъ самый Владиміръ, который ненавидитъ теперь христіанъ, не предназначенъ отъ Господа посѣять благія сѣмена вѣры, просвѣтить всю землю Русскую и мощною рукою своею низвергнуть идоловъ, коимъ поклоняются ослѣпленные народы. Я христіанинъ, я могу и долженъ умолять Спасителя просвѣтить разумъ и смягчить сердце Владиміра; готовъ нетрепетно исповѣдывать предъ нимъ моего Господа; называть правду правдою, зло зломъ, и говорить вслухъ и предъ лицомъ его о томъ, о чемъ шепчутъ про себя его хулители; но никогда не возстану противъ того, кто свыше избранъ во владыки народа русскаго. Враждующій противъ своего Государя, враждуетъ противъ самихъ Небесъ: ибо «нѣсть власти, аще не отъ Господа».

— Варяжко,—прервалъ съ нетерпѣніемъ незнакомый, — не истощай напрасно твоего краснорѣчія: я пришелъ говорить съ тобою о дѣлѣ, и не слушать твои христіанскія поученія. Я знаю самъ, какъ долженъ поступить, и не требую твоей помощи; но не потерплю также, чтобъ ты мѣшалъ исполненію моихъ намѣреній. Послушай: ты хочешь выдать свою дочь за Всеслава; но знаешь ли ты дивную судьбу сего юноши?..

— Я знаю все,—сказалъ спокойно Алексѣй.

— Какъ?—вскричалъ незнакомый.

— Всеславъ—мой сынъ духовный и не имѣетъ отъ меня ничего тайнаго.

— Ничего?

— Да. Я знаю все: онъ послѣдняя отрасль древнихъ Князей Кіевскихъ, онъ правнукъ Аскольдовъ; но перстъ Божій коснулся души его: онъ смирился предъ Тѣмъ, Кто могъ единымъ словомъ потрясть вселенную и не произнесъ его для спасенія земной своей жизни. И ты напрасно ласкаешь себя преступною надеждою: Всеславъ не возстанетъ противъ своего Государя и благодѣтеля,—онъ христіанинъ.

— Итакъ, сбылись мои опасенія,—вскричалъ незнакомый:—ты обольстилъ сего неопытнаго юношу! О, да будутъ прокляты медоточивыя уста твои, коварный старикъ!.. Какъ, правнукъ Аскольда не отомститъ за смерть своего прадѣда?.. Онъ отречется отъ своего наслѣдія, не возсядетъ на отческомъ столѣ своемъ?..

— Нѣтъ,—прервалъ Алексѣй,—Всеславъ не посрамитъ святое имя христіанина: онъ не будетъ убійцею второго отца своего и не предастъ на расхищеніе и гибель родной страны, для того, чтобъ утолить жажду крови, которая пожираетъ внутренность твою, звѣрь плотоядный!

— Старикъ,—вскричалъ незнакомый, блѣднѣя отъ бѣшенства, — берегись пробудить во мнѣ эту жажду крови! Еще одно слово!..

— Такъ слушай же!—сказалъ Алексѣй твердымъ голосомъ. — Ты можешь умертвить меня; но пока сердце бьется въ груди христіанина, пока смерть не наложила еще вѣчной нѣмоты на уста его, — онъ не перестанетъ возвѣщать истину и обличать порокъ. Служитель алтарей, я не обнажу меча на пролитіе крови человѣческой, но вотъ поле битвы, на которомъ, сильный вѣрою въ Господа, я посмѣиваюсь угрозамъ буйныхъ, и стану смѣло противъ тебя, надменный сынъ погибели! Чего желаешь ты? Низвергнуть Владиміра, открыть свободный путь врагамъ въ

сердце Россіи? Наводнить безчисленными полчищами печенѣговъ мирныя поля наши? Уступить косогамъ богатую область Тмутараканскую и, устилая родную землю трупами несчастныхъ кіевлянъ, возвести симъ кровавымъ путемъ на царство безвѣстнаго юношу?..

— Который будетъ вторымъ отцомъ своего народа,—прервалъ незнакомый.

— Нѣтъ,—продолжалъ Алексѣй, — не кормилецъ тотъ земли Русской, кто предаетъ ее во власть враговъ! Владыка силенъ любовью своихъ подданныхъ, и горе имъ, если онъ долженъ прибѣгать подъ защиту иноплеменныхъ. Тогда только блаженствуетъ страна, когда царь и народъ, какъ душа и тѣло, нераздѣльны межъ собою. И неужели ты думаешь, что призванные тобою печенѣги, истребивъ войско Владиміра, удовольствуются временною данью и удалятся спокойно отъ предѣловъ нашихъ? О, нѣтъ! Ты знаешь самъ, что эти хищные звѣри покроютъ пепломъ всю землю Русскую; уведутъ въ неволю женъ и дѣтей нашихъ; запрудятъ широкій Днѣпръ трупами беззащитныхъ поселянъ, и до тѣхъ поръ не покинутъ Кіева, пока развалины его не порастутъ травою. Несчастный, иль не довольно еще ты собралъ проклятій на главу свою? Ты нѣкогда любилъ отечество, ты съ гордостію называлъ себя русскимъ! Подумай, что готовишь ты для своей родины?.. Если печенѣги не разорятъ до конца Кіева, то пощадятъ ли его сосѣдніе народы? Не слетятся ли надъ его трупомъ, какъ алчные коршуны, ятвяги, радимичи, литва и хорваты? Отвѣтствуй мнѣ: спасетъ ли тогда неопытный юноша отъ рабства и вѣчной гибели, растерзанное врагами, смутами и междоусобіемъ, злосчастное Царство Русское?

Какъ уличенный въ преступленіи злодѣй стоитъ съ поникшею главою передъ своимъ неподкупнымъ судилищемъ, такъ, мрачный и безмолвный, стоялъ незнакомый противъ Алексѣя. Подавленный истиною словъ его, онъ не смѣлъ поднять взоровъ и остановить ихъ

на величественномъ и спокойномъ челѣ сего вѣрнаго слуги Божія.

— Ты молчишь?—продолжалъ Алексѣй.—Ты колеблешься?.. О, не искушай долготерпѣнія Божія!.. Не умножай числа твоихъ беззаконій!.. И почему ты знаешь, несчастный, въ чью грудь направитъ Господь твой мечъ, изощренный на погибель Владиміра? Почему ты знаешь, что тотъ самый, для котораго ты идешь на новое цареубійство, не падетъ подъ его ударами?.. Предоставь Тому, Кому извѣстны всѣ сокровенные наши помыслы, и казнить и миловать. Я заклинаю тебя Его святымъ именемъ, умоляю тебя именемъ твоей родины, откажись, о, откажись отъ преступныхъ твоихъ замысловъ!

— Откажись!—повторилъ мрачнымъ голосомъ незнакомый.—Да для чего же я останусь жить на этомъ свѣтѣ? Круглый безпріютный сирота, я отрекся отъ родины; загубилъ всю жизнь мою для того, чтобъ возвратить законное наслѣдіе правнуку Аскольда; я родился, взросъ, живу неразлучно съ этою мыслію; она не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью; эта мысль была для меня отцомъ и матерью, семьей, родными, всѣмъ, — и ты хочешь!.. Да!.. Тебѣ легко говорить, старикъ: у тебя есть дочь, друзья, ты не одинъ въ этомъ мирѣ, а я...

— Ты!—прервалъ съ живостію Алексѣй.—О, нѣтъ, нѣтъ, ты не будешь сиротою: скажи одно слово, и я назову тебя братомъ; Всеславъ и Надежда будутъ дѣтьми твоими; я стану день и ночь молить Господа, да просвѣтитъ и успокоитъ Онъ твою душу; мы составимъ одно семейство; любовь дѣтей усладитъ остатокъ дней твоихъ; они будутъ любить тебя столько же... нѣтъ, болѣе, чѣмъ меня; чтить волю твою, покоить въ старости, и ты, примирившись съ Небесами и своею совѣстію, заснешь спокойно вѣчнымъ сномъ посреди своего семейства.

— Прочь, прочь, соблазнитель, оставь меня!—вскричалъ незнакомый.—Онъ закрылъ руками лицо свое.—

Семья, дѣти!..—прошепталъ онъ едва слышнымъ голосомъ.—О, зачѣмъ я родился на этомъ свѣтѣ!.. Нѣтъ, старикъ!—продолжалъ онъ, устремивъ на Алексѣя неподвижный и сверкающій взоръ.—Нѣтъ, я пойду до конца путемъ, мною избраннымъ; я хочу свершить обѣщанное мною на могилѣ отца и дѣда: или я исполнялъ доселѣ долгъ мой и долженъ исполнить его до конца; или все сдѣланное мною было преступленіемъ, и тогда... О, Варяжко, довольно уже и прошедшаго, чтобъ не примирить меня никогда съ самимъ собою. Совѣсть, совѣсть!..—прибавилъ незнакомый, прижавъ крѣпко правую руку къ груди своей.—Неужели я слышу твой голосъ?.. Молчи, о, молчи, злодѣйка!.. Ты спала до сихъ поръ, такъ не пробуждайся во-вѣки!.. Варяжко, прежде, чѣмъ я разстанусь съ тобою, ты долженъ мнѣ поклясться твоимъ Богомъ, что тайна, которую открылъ тебѣ сей безразсудный юноша, и все то, что ты слышалъ отъ меня, умретъ вмѣстѣ съ тобою!

— Я не хочу быть клятвопреступникомъ,—сказалъ Алексѣй, смотря смѣло на незнакомаго,—и не обѣщаю тебѣ хранить этой тайны.

— Несчастный, что ты говоришь?..

— Да, я свершилъ долгъ христіанина,—продолжалъ спокойно Алексѣй;—теперь мнѣ остается исполнить то, что повелѣваетъ моя совѣсть и долгъ каждаго русскаго. Или ты сей же часъ отречешься отъ крамольныхъ твоихъ замысловъ, или завтра же Владиміръ узнаетъ все!

— Завтра!—прошепталъ глухимъ голосомъ незнакомый.—Завтра!..—повторилъ онъ.—Да знаешь ли ты, что для тебя нѣтъ уже завтрашняго дня... Безумный, ты могъ бы обмануть меня; но теперь... старикъ, ты произнесъ твой смертный приговоръ!

— Онъ произнесенъ еще со дня моего рожденія,—прервалъ съ кротостію Алексѣй.—Днемъ позже, днемъ ранѣе...

— Въ послѣдній разъ, Варяжко, клянись, или ничто

въ мірѣ не спасетъ тебя!.. Клянись!—повторилъ ужаснымъ голосомъ незнакомый.

— Да,—сказалъ съ твердостію Алексѣй,—я клянусь исполнить все сказанное мною, и умру, если Господь пожелаетъ призвать меня къ себѣ; но знай, неистовый убійца, что ни ты, ни всѣ живущіе на землѣ не властны сократить или продлить единымъ мгновеніемъ число дней, опредѣленныхъ для земного моего испытанія; и я еще разъ повторяю тебѣ: если Господь Богъ не допуститъ тебя быть моимъ убійцею, то завтра же Владиміръ узнаетъ все. Прощай!

Сказавъ сіи слова, Алексѣй пошелъ тихими шагами по тропинкѣ, ведущей въ глубину лѣса. Обнаживъ до половины свой мечъ, незнакомый сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ; но вдругъ остановился: руки его дрожали; обезображенное судорожными движеніями лицо то пылало, то покрывалось смертною блѣдностію.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—не могу: рука моя не подымается на этого старика! О, еслибъ онъ сталъ защищаться, еслибъ, по крайней мѣрѣ, старался спасти себя... но это безтрепетное спокойствіе, эта кротость, самоотверженіе... Варяжко!.. Варяжко, ты побѣдилъ меня!.. Меня!—повторилъ незнакомый послѣ минутнаго молчанія.—Какъ, тотъ, кто не побоялся прослыть предателемъ, не дрогнулъ, поднимая руку на своего благодѣтеля, уступитъ презрѣнному христіанину, признаетъ побѣдителемъ своимъ полоумнаго старика?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Ненавистный Варяжко, ты всегда, какъ враждебный духъ, препятствовалъ моимъ намѣреніямъ; вездѣ, какъ неугомонная совѣсть, становился между мной и судьбой моею! Иль ты, или я, но одинъ изъ насъ долженъ погибнуть!.. Да, да,—продолжалъ незнакомый,—этотъ міръ тѣсенъ для насъ обоихъ!..

Онъ замолчалъ. Съ полминуты еще продолжалъ онъ бороться съ самимъ собою, и вдругъ, заскрежетавъ зубами, какъ пробужденный отъ тяжкаго сна, какъ будто бы подвигнутый какою-то чуждою, непреодолимою волею, ринулся вихремъ вслѣдъ за уходящимъ Алексѣемъ.

Торопъ, который во все время дрожалъ какъ листъ, прижавшись за орѣховымъ кустомъ, несмотря на всѣ старанія свои, не могъ подслушать, о чемъ говорилъ его господинъ съ Алексѣемъ; но всякій разъ, когда на лицѣ незнакомаго изображался гнѣвъ, сердце его замирало.

— Прибьетъ онъ его, бѣднягу!—шепталъ про себя Торопъ.—Долго ли до бѣды? Какъ дастъ ему раза... Да и онъ-то какой!.. Экій назойливый старичишка! Смотри пожалуй: такъ и лѣзетъ на драку!.. Усидитъ ли голова на плечахъ, а ужъ быть ему безъ бороды!.. Ухъ, батюшки, насилу разошлись!—промолвилъ онъ, наконецъ, вздохнувъ свободнѣе.—Ай да Алексѣй!.. Ну, исполать ему,—ушелъ цѣлехонекъ! Э, да куда это кинулся бояринъ?.. За нимъ!.. Такъ и есть!—продолжалъ Торопъ, выходя на поляну.—Повернулъ направо... къ оврагу... Охъ, плохо дѣло!.. Догонитъ онъ его... да схватится съ нимъ опять... Чу!.. Что это?

Вдругъ шагахъ въ двадцати отъ поляны, среди густого лѣса, раздался пронзительный вопль.

— Охти!—вскричалъ Торопъ.—Чуяло мое сердце: заколотитъ онъ его до смерти!.. Еще!.. Ахъ, какъ онъ стонетъ, сердечный!

Тихо повторилъ отголосокъ еще одинъ слабый, болѣзненный вопль, и въ то же самое время отдаленный и послѣдній ударъ грома прокатился по лѣсу; потомъ настала мертвая тишина. Вотъ послышались скорые шаги идущаго, и незнакомый, озираясь поминутно назадъ и блѣдный, какъ мертвецъ, выбѣжалъ на поляну.

— Это ты, Торопъ? — сказалъ онъ. — Пойдемъ отсюда... Иль нѣтъ: ступай скорѣй на Почайну, къ мосту... быть-можетъ, они пошли другою дорогою...

— Кто, бояринъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я самъ пойду къ нимъ навстрѣчу; а ты ступай ко мнѣ и дожидайся...

— Да мнѣ пора въ Кіевъ, бояринъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ: а если Богомилъ меня спроситъ?

— Ты ужъ болѣе ему не служишь. Постой! — продолжалъ незнакомый, кинувъ вокругъ себя дикій взглядъ.—Чу!.. Опять!.. Неужели этотъ старикъ такъ живучъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, это стонетъ филинъ.

— Бояринъ, бояринъ! — сказалъ съ ужасомъ Торопъ.—Посмотри-ка: ты весь въ крови!

— Молчи!—закричалъ незнакомый. — Молчи, Торопъ!—повторилъ онъ шопотомъ, посматривая на свои окровавленныя руки.—Пойдемъ скорѣй отсюда!

VII.

Мы просимъ читателей нашихъ припомнить описанный въ первой части сей повѣсти оврагъ, или глубокую долину, надъ которою построена была хижина Алексѣя. Восходящее солнце еще не показывалось изъ-за частаго лѣса, коимъ поросла сторона ея, противоположная хижинѣ; длинныя тѣни деревьевъ, устилая крутой скатъ оврага, тянулись до самаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались и синія небеса, и перелетныя дымчатыя облачка, и веселая хижина Алексѣя, и радостныя лица Всеслава и Надежды, которые сидѣли другъ подлѣ друга на широкой скамьѣ у дверей хижины.

Кто никогда весною, послѣ бурной ночи, не встрѣчалъ восходящаго солнца въ дикомъ лѣсу или чистомъ полѣ; кто не упивался этимъ свѣжимъ животворнымъ воздухомъ, который, какъ юная жизнь, проливается по всѣмъ жиламъ нашимъ,—тотъ не имѣетъ никакого понятія объ одномъ изъ величайшихъ наслажденій, коими столь богата роскошная природа, въ первобытной простотѣ своей, и такъ бѣдна, когда затѣйливое искусство людей подчиняетъ ее какимъ-то однообразнымъ законамъ: подкрашиваетъ, стрижетъ и, какъ на холстѣ писаную картину, вставляетъ въ тѣсныя золотыя рамы. То, что представлялось взорамъ и обворожало всѣ чувства Всеслава и Надежды, вовсе не по-

ходило на оранжерейную природу нашихъ загородныхъ деревьевъ, съ ихъ опрятными рощами, укутанными дорожками и подкошенными лугами. Передъ ними, на противоположной сторонѣ оврага, зеленѣлся дремучій лѣсъ; толстая ясень, высокій кленъ, прямая какъ стрѣла береза, темнолиственный дубъ, кудрявая рябина, душистая липа и благовонная черемуха, перемѣшанные между собою и растущіе по уступамъ отлогой горы, образовали безпредѣльный зеленый амфитеатръ. Внизу, изгибаясь по изумрудной муравѣ, быстрый ручей вливался въ свѣтлый прудъ. По влажнымъ берегамъ его, какъ узорчатыя коймы, пестрѣлись бѣлые ландыши, желтые ноготки и голубые колокольчики. Тысячи лѣсныхъ птицъ, отряхая съ своихъ крыльевъ дождевыя капли, вились надъ вершинами деревьевъ и спѣшили обсушиться на солнышкѣ. Все кипѣло жизнію. Быстрокрылый веретенникъ кружился на одномъ мѣстѣ; неугомонный дудакъ гукалъ, опустивъ свой длинный носъ въ болото; отъ-времени-до-времени раздавался пронзительный голосъ иволги; испещренная всѣми радужными цвѣтами красавица соя перелетала съ вѣтки на вѣтку; дятелъ долбилъ своимъ крѣпкимъ клювомъ деревья, и заунывная кукушечка, какъ будто бы прислушиваясь къ звонкимъ пѣснямъ соловья, умолкала всякій разъ, когда сей вѣщій баянъ лѣсовъ русскихъ, воспѣтый нашимъ Крыловымъ,

«На тысячу ладовъ тянулъ, переливался,
И мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался».

— О, какъ хорошъ, какъ прекрасенъ Божій свѣтъ!— сказала тихимъ голосомъ Надежда, опустя безпечно свою голову на плечо Всеслава. — Не правда ли, мой суженый? — продолжала она, глядя съ обворожительною улыбкою на юношу.—Да чтожъ ты все смотришь на меня?

— А на чтожъ мнѣ и смотрѣть, какъ не на тебя, мой безцѣнный, милый другъ! — шепнулъ Всеславъ, прижимая ее къ груди своей.

— Какъ на что?.. Видишь ли тамъ, на зеленомъ лугу, словно снѣжокъ, бѣлѣются ландыши?

— Ты въ сто разъ бѣлѣе ихъ, моя ненаглядная.

— А вонъ посмотри тамъ, за ручьемъ, какіе яркіе малиновые цвѣты!

— Твои алыя уста милѣе ихъ.

— А этотъ зеленый лѣсъ, какъ пышетъ отъ него прохладою!.. А эти свѣтлыя лазурныя небеса...

— Они темнѣе твоихъ голубыхъ очей, моя суженая?

— Да полно меня хвалить, Всеславъ,—мнѣ, право, стыдно!

— Ты краснѣешь?.. Краснѣй, краснѣй, моя радость! О, какъ ты хороша, Надежда!—вскричалъ Всеславъ, глядя съ восторгомъ на свою невѣсту. — Во всемъ Кіевѣ, въ цѣломъ свѣтѣ, нѣтъ краше тебя! И когда мои товарищи тебя увидятъ...

— Ахъ, нѣтъ, Всеславъ, не показывай меня никому.

— Такъ ты не хочешь, чтобъ другіе тобою любовались?

— А на что? Коли я хороша для тебя, мой суженый, такъ какое мнѣ дѣло до другихъ.

— И ты не желаешь, чтобъ всѣ знали, какъ ты пригожа?

— Всѣ! А что мнѣ до всѣхъ? Была бы только Надежда люба тебѣ, мой другъ, такъ другіе думай, что хочешь, — мнѣ и горюшка мало. Да что это батюшка нейдетъ?—прибавила она, вставая со скамьи и смотря вверхъ противъ теченія ручья.—Вотъ ужъ солнышко показалось: онъ всегда объ эту пору завтракаетъ.

— Видно, не кончилъ еще своего дѣла.

Надежда покачала печально головою и призадумалась.

— Что ты, моя радость,—спросилъ заботливо Всеславъ, сажая опять подлѣ себя Надежду, — что съ тобою?

— Не знаю; мнѣ что-то вдругъ стало такъ грустно. Я вспомнила матушку... Такъ-то и она, бывало, дожидалась его, сердечная; а теперь...

— Что ты, что ты, Надежда? Ты поблѣднѣла... Ты плачешь!..

— Ахъ, да́, мой милый другъ, какая-то грусть и тоска... О, не покидай меня, Всеславъ... не покидай бѣдную, безпріютную сироту!.. У меня нѣтъ матери, и если батюшка...

— Полно, не грѣши, Надежда!.. Богъ милостивъ: Онъ, вѣрно, сохранитъ отъ всякой бѣды отца нашего.

— А развѣ Господь не можетъ призвать его къ себѣ?

— Да отчего ты это думаешь?

— Я и сама не знаю; но мнѣ вдругъ пришло въ голову, что матушка такъ давно уже его дожидается.

— Дожидается?.. Гдѣ?..

— Вотъ тамъ, мой другъ!.. — сказала Надежда, поднявъ кверху наполненные слезами глаза свои. — Посмотри, Всеславъ, посмотри! — продолжала она съ живостію. — Видишь ли тамъ, высоко, очень высоко, бѣлаго голубя?

— Вижу, вижу!.. Почти подъ самыми облаками!.. Смотри-ка: онъ какъ звѣздочка золотая свѣтится отъ солнца.

— Какъ чудно!.. — шепнула Надежда, продолжая смотрѣть на голубка. — Кажется, какъ будто бы онъ все на одномъ мѣстѣ, словно дожидается кого-нибудь... Постой, — вотъ зашевелился... опускается къ намъ... Ахъ, какъ шибко онъ летитъ!..

Въ эту самую минуту, другой, бѣлый, какъ снѣгъ, голубь съ быстротою молніи пронесся такъ близко подлѣ Надежды, что тихій вѣтерокъ отъ его крыльевъ взвѣялъ кверху ея русые локоны; въ то-же самое мгновеніе отдаленный и послѣдній ударъ грома долетѣлъ до ихъ слуха и, повторяемый отголоскомъ, зарокоталъ по лѣсу.

Два голубка слетѣлись, радостно затрепетали своими крылышками, понеслись все выше, выше, и, наконецъ, исчезли за облаками.

— Улетѣли! — сказала Надежда съ тихимъ вздо-

хомъ, который, казалось, облегчилъ ея сердце.—Ужъ какъ же имъ должно быть весело!.. О, зачѣмъ и мы не можемъ летать, какъ эти голуби, мой милый? Мы поднялись бы съ тобою, какъ они, туда, за облака; полюбовались бы на ясное солнышко, посмотрѣли бы, хотя издалека, на славу Божію.

— А тамъ,—прервалъ Всеславъ,—мы полетѣли бы съ тобой туда, гдѣ вѣчная весна; гдѣ всегда зеленѣютъ деревья и листья никогда не опадаютъ; гдѣ круглый годъ всѣ поля усыпаны цвѣтами благовонными, и каждый день тихій вѣтерокъ навѣваетъ прохладу въ полдень и затихаетъ къ вечеру.

— Да полно, — есть ли такая земля, Всеславъ? — сказала Надежда. — Я слыхала, что краше царства Византійскаго нѣтъ страны подъ солнцемъ, а и тамъ не всегда весна бываетъ.

— Нѣтъ, милый другъ, — великъ и пространенъ Божій свѣтъ и много есть въ немъ всякихъ земель. Когда я жилъ съ великимъ Княземъ Владиміромъ въ странѣ Варяжской, то одинъ старый витязь мнѣ разсказывалъ, что, годовъ тридцать тому назадъ, онъ отправленъ былъ съ посольствомъ отъ царя своего Свенона къ какому-то владыкѣ Локлинскому. Долго они плавали по разнымъ морямъ; вотъ въ половинѣ второго мѣсяца показались высокіе берега Локлинской земли; но въ то-же самое время подулъ сильный вѣтеръ, поднялась неслыханная буря и понесло ихъ на западъ. Дня черезъ два вѣтеръ перемѣнился, но забушевалъ еще пуще прежняго и вынесъ ихъ корабль въ такое обширное море, что они, проѣхавъ дней двадцать, никакой земли не видали. Наконецъ, пристали они къ одной неизвѣстной странѣ. По счету ихъ, время было зимнее; какъ же они удивились, когда вышли на берегъ: поля и холмы зеленѣлись, въ лѣсахъ пѣли птицы, деревья осыпаны были плодами, и время стояло такое теплое, какъ у насъ подъ конецъ весны. Они узнали, что греки называютъ эту землю Иверіею, что въ этой землѣ зимы не бываетъ и снѣгу никогда не

видывали, и что тамъ во всемъ такое довольство, что хоть рукъ ни къ чему не прикладывай, а съ утра до вечера ѣшь, веселись и прохлаждайся. Пуще всего имъ полюбился тамъ одинъ дивный плодъ: онъ какъ золото горитъ на солнышкѣ, благовоннѣе всѣхъ цвѣтовъ земныхъ, а ужъ сладокъ такъ, что и сказать нельзя. Старый витязь, разсказывая мнѣ объ этомъ, всегда прибавлялъ, что онъ бывалъ и въ Византіи, и во многихъ другихъ земляхъ, а привольнѣй страны сродясь нигдѣ не видывалъ.

— Такъ и ты, Всеславъ, побывалъ на чужой сторонѣ!—сказала Надежда, выслушавъ разсказъ своего жениха.—Ты жилъ въ землѣ Варяжской? Разскажи-ка мнѣ, что это за земля такая? Далеко она отсюда?

— Да, не близко, мой другъ! Все надо идти на полночь: пройти все Царство Русское, черезъ землю кривичей, до самаго Великаго Новгорода; а тамъ идти лѣсами дремучими и сыпучими песками вплоть до моря Варяжскаго; а ужъ за этимъ-то моремъ и начнется ихъ земля.

— А за ихъ землею что еще?

— За ихъ землею лукоморье.

— А за лукоморьемъ-то что?

— Ужъ Богъ вѣсть что; видно, самый край земли. Старики говорятъ, что по дорогѣ къ лукоморью стоятъ сплошныя горы каменныя до самыхъ небесъ; что за этими горами и денно и нощно слышенъ кличъ и говоръ; что какіе-то люди все трудятся и отъ незапамятныхъ годовъ просѣкаютъ эти горы, но до сихъ поръ не могли еще прорубить и малаго окошечка; а кто эти люди, какъ они живутъ, какъ прозываются, откуда взялись,—объ этомъ и старики даже не разсказываютъ. Есть только повѣрье, что когда они просѣкутъ каменныя горы, то хлынетъ оттуда море-океанъ и потопитъ всю землю Варяжскую.

— Вотъ что!.. Ну, а земля-то Варяжская лучше что ль нашей?

— И, нѣтъ, Надежда: горы, озера да болота не-

проходимыя; а холода-то по зимамъ — не нашимъ чета!

— Бѣдные, то-то, чай, они намъ завидуютъ?

— Не больно завидуютъ. Послушай ихъ, такъ они свою землю ни на какую другую не промѣняютъ.

— Такъ отчего же этимъ варягамъ не сидится дома, и они по всему бѣлому свѣту шатаются?

— Народъ-то они удалой, Надежда! Тотъ у нихъ и молодецъ, кто побывалъ на чужихъ земляхъ, на кровавыхъ пирахъ понатѣшился, прославилъ имя варяжское и воротился домой съ богатою добычею. У нихъ своего ничего нѣтъ, земля ихъ бѣдная; а посмотрѣла бы ты, какъ разукрашены ихъ жены и дѣвы молодыя! Чего у нихъ нѣтъ: и монисты самоцвѣтныя, и бисеръ дорогой, и жемчугъ, и гривны золотыя!

— А что, Всеславъ,—шепнула Надежда, положивъ ласково свою руку на плечо юноши, — правда ли, я слыхала, что варяжскія дѣвушки пригожи собой и привѣтливы со всѣми чужеземцами?

— Да, Надежда, онѣ ласковѣе нашихъ кіевлянокъ, не бѣгаютъ отъ ратныхъ людей, любятъ съ ними рѣчь вести о ихъ дальнихъ походахъ и битвахъ знаменитыхъ, и даже многія изъ нихъ не отстаютъ въ удальствѣ отъ мужей своихъ и братьевъ. Вотъ Минвана, дочь Геральда, стараго витязя, у котораго я жилъ въ дому, не разъ обнажала мечъ и билась, какъ неустрашимый воинъ, подлѣ отца своего. Бывало, какъ одѣнется витяземъ, да застегнетъ на груди броню булатную, такъ и въ голову не придетъ, что она дѣвушка. Когда же скинетъ свой шеломъ, и ея русые кудри разсыплются по бѣлымъ плечамъ, а на алыхъ устахъ заиграетъ улыбка привѣтливая,—о, какъ начнутъ тогда толпиться вокругъ нея всѣ варяжскіе юноши; какъ спѣшатъ вѣщіе скальды потѣшать ее пѣснями; какъ радуется тотъ, на кого она взглянетъ весело! Кого назоветъ по имени, тотъ не побоится десяти враговъ; а кому скажетъ слово ласковое, тотъ готовъ одинъ идти тысячу.

— Вотъ что!—прервала Надежда, потупивъ свои голубые глаза.—Такъ, видно, это Минвана очень пригожа собою?

— Да, Надежда, красота ея славна по всему Поморью! и, бывало, не проходило дня, чтобъ за нее не сватались удалые воины, знаменитые витязи и даже князья варяжскіе.

— И она никого изъ нихъ не выбрала?

— Никого. Минвана предпочитала всѣмъ женихамъ своимъ одного чужеземца. Этотъ чужеземецъ былъ я, Надежда!

— Ты?..—прервала съ живостію дѣвушка, и рука ея тихо спустилась внизъ съ плеча юноши.—Ты? повторила она, перебирая въ рукахъ конецъ своего голубого покрывала. — Такъ зачѣмъ же ты на ней не женился?

— Затѣмъ, что я давно уже любилъ другую.

— Другую?..

— Да, мой другъ! Я не зналъ ея, но кроткій небесный ея образъ не покидалъ меня ни днемъ ни ночью; она, какъ невидимый Ангелъ-хранитель, о которомъ мнѣ говорилъ отецъ твой, была всегда со мною; она одна казалась мнѣ прекрасною. О, какъ тосковало по ней мое сердце! «Найду ли я тебя когда-нибудь, говорилъ я, проливая слезы. Гдѣ ты? Ты, которую я не умѣю назвать по имени!».. Да, мой другъ; я не зналъ еще тогда, что ее зовутъ Надеждою. Когда Минвана открылась мнѣ въ любви своей, я отвѣчалъ ей, что ищу не товарища въ битвахъ, но скромной подруги; что русскій любитъ защищать кроткую и боязливую супругу, а не дѣлиться съ нею славою на полѣ чести. Еслибъ ты посмотрѣла, Надежда, что сталось тогда съ этою надменною дѣвою; какъ обезобразилъ гнѣвъ прекрасныя черты лица ея; какъ запылали местію ея дикіе взоры!.. Нѣтъ, мой другъ, ничто въ мірѣ не можетъ быть отвратительнѣе лица молодой дѣвушки, когда оно выражаетъ не скромность, не доброту, а неистовый гнѣвъ и мщеніе! Когда я вспомню эту гнѣв-

ную Минвану, ея охриплый отъ бѣшенства голосъ, и погляжу на тебя, моя кроткая Надежда... о, во сколько разъ ты ея прекраснѣе! Заговоришь ли ты — словно горлинка застонетъ, улыбнешься — словно солнышко проглянетъ!.. Да посмотри на меня, радость дней моихъ! — продолжалъ Всеславъ, глядя съ восторгомъ на свою невѣсту. — О, промолви хоть одно словечко, ненаглядная моя! Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

Надежда не отвѣчала ничего, но рука ея лежала снова на плечѣ юноши, и когда ихъ взоры встрѣтились, Всеславъ прочелъ въ голубыхъ очахъ ея такую безпредѣльную любовь, что сердце его сжалось отъ какого-то ужаснаго предчувствія. Ахъ, бѣдный юноша не смѣлъ вѣрить своему счастію: онъ пугался этого неизъяснимаго блаженства; ему казалось, что въ здѣшнемъ мірѣ нельзя быть столь благополучнымъ. И кто не испыталъ на себѣ самомъ сей горькой истины? Кого не заставало горе съ полною чашею въ рукахъ? Мы веселимся съ друзьями, упиваемся нашимъ минутнымъ блаженствомъ,—а бѣда тутъ-какъ-тутъ; не видимъ конца нашему счастію,—а бѣда стучится подъ окномъ.

— Что это батюшка нейдетъ!—сказала, помолчавъ нѣсколько времени, Надежда.

— Если это тебя тревожитъ, мой другъ,—прервалъ Всеславъ,—такъ пойдемъ къ нему навстрѣчу.

— Нѣтъ, ступай лучше одинъ, а то неравно мы съ нимъ разойдемся. Я подожду здѣсь, да, смотри, не уходи далеко отсюда.

Всеславъ простился съ Надеждою, сошелъ въ долину и пустился вверхъ противъ теченія ручья, по извѣстной уже намъ тропинкѣ.

Долго стояла Надежда на одномъ мѣстѣ; взоры ея провожали уходящаго Всеслава. Вотъ онъ перешелъ черезъ бревенчатый мостикъ; то скрывался за деревьями, то появлялся снова, когда тропинка извивалась по лугу, и вмѣстѣ съ нею исчезалъ опять посреди частаго кустарника. Вотъ еще разъ мелькнулъ онъ въ промежуткѣ двухъ вѣтвистыхъ ивъ, поворотилъ въ сторону и скрылся

за утесистымъ берегомъ оврага, который въ семъ мѣстѣ, загибаясь налѣво, принималъ совсѣмъ другое направленіе. Въ ту самую минуту, какъ Надежда, потерявъ изъ виду жениха своего, обернулась, чтобъ взойти въ хижину, раздался шорохъ позади липъ, которыя окружали ее съ трехъ сторонъ, и сквозь частыя вѣтви мелькнуло лицо, обросшее густою бородою.

— Это ты, Торопъ? — сказала дѣвушка. — Нѣтъ, нѣтъ, это не онъ!—продолжала она, смотря съ безпокойствомъ на лысую голову старика, который, выглядывая изъ-за деревьевъ, разсматривалъ ее съ какою-то странною улыбкою.

— Добраго здоровья, красная дѣвица!—сказалъ старикъ, выходя наружу и продолжая смотрѣть на Надежду съ такимъ наглымъ видомъ, что щеки ея вспыхнули отъ стыда и замѣшательства.

— Что тебѣ надобно, дѣдушка?—спросила она робкимъ голосомъ.

— Погоди, внучка,—скажу, такъ узнаешь.

— Ты, вѣрно, пришелъ къ батюшкѣ?—Да его нѣтъ дома.

— Что мнѣ въ твоемъ батюшкѣ? у меня есть дѣльце до тебя, моя красоточка!

— До меня?.. Да кто ты такой? Я тебя не знаю.

— Кабы знала, такъ давно бы ужъ не жила въ этомъ захолустьѣ. Ну, правду же мнѣ сказали: хороша ты собою! И лицомъ, и станомъ, — всѣмъ взяла. Да постой, постой! — продолжалъ старикъ, схвативъ за руку Надежду, которая хотѣла уйти въ хижину. Куда ты, лебедь бѣлая? Дай перемолвить съ тобою словечко!

— Пусти меня,—кричала дѣвушка, пусти!—Я не хочу говорить съ тобою.

— И, полно, моя касаточка! Что такъ разгнѣвалась! Скажи-ка мнѣ: ты знаешь княжескаго отрока Всеслава?

— Онъ женихъ мой. А ты его знаешь?

— Какъ же,—мы съ нимъ большіе пріятели. Ну, жаль мнѣ его!.. Э, да дѣтина молодой: погорюетъ денекъ, погорюетъ другой, а тамъ—глядишь, на третій, какъ съ гуся вода!

— Что ты говоришь,—вскричала съ ужасомъ Надежда.

— А то, моя пѣночка голосистая, что не всѣ суженые женятся на своихъ невѣстахъ. Послушай-ка, красная дѣвица, я принесъ тебѣ радостную вѣсточку; слухъ о твоей красотѣ достигъ до ушей нашего Великаго Князя, и онъ приказалъ представить тебя передъ ясныя очи.

— Милосердый Боже!..

— Что, моя красавица, не вѣрится!.. Да небось, я отведу тебя сейчасъ на Лыбедь, въ село Предиславино.

— Въ село Предиславино!—вскричала Надежда, стараясь вырваться изъ рукъ старика. — Нѣтъ, нѣтъ, я лучше соглашусь умереть!

— Что ты, дурочка! Теперь-то тебѣ и пожить! Да полно рваться-то! Э, да какая брыкливая! Эй, молодцы!

Человѣкъ десять воиновъ выскочили изъ-за деревьевъ.

— Ну-ка, ребята,—продолжалъ старикъ.—Нейдетъ сама, такъ понесите ее. Да бережненько!.. Тише, тише,—не зашибите!.. Вотъ такъ!

Два воина, несмотря на сопротивленіе Надежды, подняли ее на руки и понесли въ лѣсъ.

— Всеславъ, Всеславъ!—кричала Надежда.

«Всеславъ!» повторялъ отголосокъ, и все умолкло

— Да полно кричать-то, лебедка, — сказалъ одинъ изъ воиновъ,—осипнешь!

— Не тронь ее!—прервалъ старикъ, идя позади съ остальными воинами.—Пускай себѣ тѣшится!

— Батюшка, батюшка, гдѣ ты?

— [illegible] такъ, мой свѣтъ,—громче, громче! Кричи [illegible] [illegible]чо: какъ надсядешься, такъ сама

— Всеславъ, Всеславъ, спаси меня! — продолжала кричать Надежда.

Но Всеславъ былъ далеко. Не встрѣтивъ нигдѣ Алексѣя, онъ продолжалъ искать его по лѣсу и доходилъ до самаго берега Почайны. Около часу прошло въ безполезныхъ поискахъ и Всеславъ, увѣрясь, наконецъ, что онъ съ нимъ разошелся, рѣшился воротиться въ хижину. Когда онъ вышелъ на поляну, на которой возвышалась свѣжая могила угодниковъ Божіихъ Ѳеодора и Іоанна, ему послышался близкій шумъ; казалось, довольно многолюдная толпа людей шла по лѣсу. Всеславъ остановился. Съ каждою минутою шорохъ становился слышнѣе, и даже нѣсколько отрывистыхъ рѣчей долетѣли до его слуха. Вдругъ пронесся по воздуху тихій стонъ; Всеславъ содрогнулся: этотъ жалобный вопль проникъ до глубины его сердца.

— Всеславъ, Всеславъ!—раздался слабый, умирающій голосъ.

Вся кровь застыла въ жилахъ юноши.

— Праведный Боже!.. Это она!.. Это голосъ Надежды!..

Какъ молнія засверкалъ въ рукѣ его обнаженный мечъ; онъ кинулся въ ту сторону, гдѣ раздавался крикъ, и въ тоже время двое воиновъ, неся на рукахъ полумертвую Надежду, показались на полянѣ.

— Стойте, злодѣи!—воскликнулъ Всеславъ, подбѣжавъ къ воинамъ.

Испуганные нечаяннымъ его появленіемъ, они остановились и выпустили изъ рукъ дѣвушку.

— Это ты, мой суженый!—воскликнула Надежда, бросившись въ объятія Всеслава.

Одинъ изъ воиновъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Прочь, разбойникъ! — сказалъ юноша, обнявъ лѣвою рукою свою невѣсту. — Еще одинъ шагъ, — и кости твои истлѣютъ на этомъ мѣстѣ!

— Потише, молодецъ, потише, не горячись! — заговорилъ насмѣшливымъ голосомъ старикъ, выходя съ остальными воинами на поляну.

— Вышата!—вскричалъ съ ужасомъ Всеславъ.

— Ахъ, ты, заливная головушка! — продолжалъ ключникъ.—Ужъ тотчасъ и драться! Вложи въ ножны свой мечъ, храбрый витязь, да ступай, куда идешь, и не мѣшай сановнику великокняжескому исполнить приказъ твоего Государя.

— Какъ? Неужели Великій Князь!..

— Да, по волѣ Великаго Князя Владиміра, я долженъ отвести эту дѣвушку на Лыбедь, въ село Предиславино. Оставь ее!.. Ну, чтожъ ты, молодецъ, иль не слышешь?

— Праведный Боже!.. Злодѣй, да знаешь ли, что она моя невѣста?

— Добро, сыщешь другую! Да полно же, мнѣ некогда съ тобою разговаривать; отцѣпись отъ нея!

— Чтобъ я выдалъ тебѣ мою суженую!..

— Не выдашь волею, такъ возьму насильно.

— Вышата,—сказалъ Всеславъ умоляющимъ голосомъ,—не погуби меня навѣки! Я знаю, ты можешь спасти насъ обоихъ... О, вѣрь мнѣ, во всю жизнь я не забуду твоего благодѣянія!

— Ага — прервалъ ключникъ, поглядывая насмѣшливо на Всеслава.—Что, братъ,—видно, спесь-то поспала? Какъ пришла нужда до Вышаты, такъ, небось, заговорилъ другимъ голосомъ! А помнишь, въ Усладовъ день не хотѣлъ и словечка со мною перемолвить? То-то же, любезный, не глумиться бы тебѣ надъ тѣмъ, кто тебя старѣе!

— О, будь великодушенъ: не помни зла, и если я оскорбилъ тебя, то клянусь, что буду впредь уважать всѣ слова твои и чтить тебя, какъ отца родного!..

— Въ самомъ дѣлѣ?—прервалъ Вышата.—Да что ты очень что ль ее любишь?

— Больше всего на свѣтѣ!

Лукавый старикъ призадумался; потомъ, поглядѣвъ съ состраданіемъ на Всеслава, сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, молодецъ!.. Оно, конечно, можно

бы... Ну, ну, такъ и быть!.. Счастливъ ты, что человѣкъ-то я не злой!..

Глаза юноши заблистали радостію.

— Добрый Вышата, — вскричалъ онъ,—повѣрь, я никогда не забуду!..

— Хорошо, хорошо, — не нажить бы только мнѣ самому бѣды... Вѣдь она уже теперь и для тебя и для всѣхъ завѣтная: не должно бы и близко-то къ ней никого подпускать... Ну, да дѣлать нечего: разжалобилъ ты меня, молодецъ! Добро, добро, такъ и быть, — обнимитесь ужъ въ послѣдній разъ!

— Какъ?—вскричалъ Всеславъ.

— А что, не хочешь? На вольнаго воля. Что стали, ребята,—не ночевать же намъ здѣсь!

Воины приблизились къ Всеславу; Надежда вскрикнула и крѣпко прижалась къ груди его.

— Презрѣнный старикъ,—сказалъ Всеславъ, закипѣвъ гнѣвомъ,—такъ-то ты издѣваешься надъ моимъ отчаяніемъ? Пойдемъ, Надежда, и первый, кто осмѣлится!..

— Эге!..—прервалъ Вышата.—Такъ ты вздумалъ бунтовать!.. Эй, молодцы, чтожъ вы зѣваете!.. Неужели этотъ молокососъ будетъ надъ нами смѣяться? Берите дѣвушку, и если онъ только руку занесетъ; такъ хватайте его самого!

Воины бросились на Всеслава и одинъ изъ нихъ схватилъ за руку Надежду.

— Прочь! — вскричалъ Всеславъ, махнулъ мечомъ и воинъ съ разрубленною головою упалъ на землю.

Но въ то же время товарищи его окружили со всѣхъ сторонъ жениха Надежды, который, держа ее на одной рукѣ, не могъ свободно защищаться. Его схватили сзади, обезоружили и повалили наземь.

— Свяжите его хорошенько,—кричалъ Вышата:—вотъ вамъ мой поясъ; да туже, чтобъ и пальцемъ не могъ пошевелить!.. Ахъ, онъ, сорви-голова! Ахъ, онъ,

разбойникъ!.. Поднять руку на сановника великокняжескаго, убить старшаго десятника дворцовой стражи!.. Ого, братъ, посмотримъ, какъ ты теперь раздѣлаешься? Ну, молодецъ, надоѣло, видно, тебѣ носить голову на плечахъ!.. Ребята, ступайте скорѣе съ дѣвушкою: я пойду съ вами; а вы несите убитаго товарища къ городскому вирнику, да буяна-то оттащите къ нему! Я самъ доложу обо всемъ Государю Великому Князю.

Сказавъ сіи слова, Вышата отправился по тропинкѣ, ведущей къ Почайнѣ, вмѣстѣ съ воинами, которые несли на рукахъ лишенную всѣхъ чувствъ Надежду. Два воина, поднявъ тѣло убитаго десятника, пошли вслѣдъ за ними, а двое остались съ Всеславомъ.

Какъ безчувственный, неодушевленный истуканъ, молчалъ несчастный юноша, когда воины, связавъ его, подняли на ноги. Его неподвижные взоры были устремлены въ ту сторону, гдѣ скрылся Вышата; сквозь сжатыя уста его съ трудомъ вырывалось стѣсненное дыханіе. Чувство настоящаго бѣдствія, память прошедшаго, столь близкаго блаженства, гнѣвъ Великаго Князя, неминуемая смерть подъ позорною сѣкирою палача—все это казалось ему какимъ-то непонятнымъ, темнымъ сновидѣніемъ. Разсудокъ его безмолвствовалъ; онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ какого-то могильнаго холода, который, вмѣстѣ съ кровью, струился по его жиламъ. Всеславъ слушалъ и не могъ понять, чего требовали отъ него воины, которые повторяли ему нѣсколько разъ, чтобъ онъ шелъ вмѣстѣ съ ними, и только тогда передвигалъ машинально ноги, когда они его тащили за собою.

Они не сошли еще съ поляны, какъ вдругъ что-то свистнуло мимо ушей Всеслава, и одинъ изъ воиновъ повалился мертвый на землю, другой выхватилъ до половины свой мечъ, но рука его замерла на рукояткѣ: пробитый навылетъ стрѣлою, онъ съ глухимъ стономъ упалъ подлѣ своего товарища. На опушкѣ лѣса показался незнакомый; онъ подбѣжалъ къ Всеславу и пере-

рѣзалъ ножомъ ременный поясъ, коимъ были связаны его руки.

— Ты свободенъ, — сказалъ онъ; — но враги твои близко,—пойдемъ со мною!

Подобно лишенному разсудка, который безотчетно повинуется своему вожатому, Всеславъ, не отвѣчая ни слова, не изъявивъ ни радости, ни удивленія, пошелъ вслѣдъ за незнакомымъ. Пройдя черезъ всю поляну, они вошли въ густой лѣсъ, растущій по крутому скату песочнаго оврага. Незнакомый, замѣтивъ, что Всеславъ начинаетъ отставать, взялъ его за руку.

— Ты нездоровъ,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ пристально на юношу: — твои руки холодны, какъ ледъ.

Всеславъ молчалъ.

— Я вижу, ты еще не можешь опомниться. Да, еслибъ я не успѣлъ тебя выручить сегодня, то спать бы тебѣ завтра въ сырой землѣ...—Куда, куда, молодецъ?—продолжалъ незнакомый, увидѣвъ, что Всеславъ повернулъ по тропинкѣ, ведущей къ жилищу Алексѣя.—Постой,—вскричалъ онъ, устремивъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ свои взоры на густой орѣховый кустъ, мимо котораго проходилъ Всеславъ, — ты не туда идешь: наша дорога направо.

— Направо?—повторилъ юноша, остановясь и глядя съ удивленіемъ вокругъ себя.—Да куда же мы идемъ?.. Что со мною было?.. Это ты, Веремидъ??

— Да, это я: твой другъ, твой вѣрный слуга... Ты долженъ теперь жить со мной.

— Съ тобою?.. А Надежда?.. А Алексѣй?.. А Государь, которому я служу?..

— Приди въ себя, Всеславъ! Иль ты позабылъ, что Владиміръ похитилъ твою невѣсту, что ты убійца, что въ Кіевѣ ждетъ тебя позорная казнь, что теперь во всемъ Царствѣ Русскомъ нѣтъ уголка, который ты могъ бы назвать своимъ, и что ты можешь преклонить твою голову только на плаху, изготовленную для тебя твоимъ вторымъ отцомъ и благодѣтелемъ.

— Праведный Боже!—вскричалъ Всеславъ, закрывъ руками лицо свое.—Такъ это былъ не сонъ? Надежда, Надежда!

— Скажи одно слово, и Надежда будетъ опять твоею.

— Одно слово?

— Да! Слушай, Всеславъ: или твоя невѣста изсохнетъ въ слезахъ, а ты умрешь на лобномъ мѣстѣ, и надъ твоею презрѣнною могилою возляжетъ вѣчное проклятіе державныхъ предковъ; или ты, какъ достойный правнукъ Аскольда, отомстишь за смерть его, будешь владыкою великаго Кіева и супругомъ Надежды!. И то и другое въ твоей волѣ,—избирай.

— Чего ты хочешь отъ меня, соблазнитель?—вскричалъ Влеславъ отчаяннымъ голосомъ. — О, еслибъ я могъ заглушить голосъ моей совѣсти, забыть слова Алексѣя?.. Владиміръ, Владиміръ, какой злой духъ подвигнулъ тебя разлучить меня съ Надеждой! О, кто вразумитъ меня?.. Кто удержитъ теперь мою руку?.. Гдѣ ты, чьи слова, какъ роса небесная, прохладили бы пламень, пожирающій мою душу? Гдѣ ты, наставникъ, отецъ мой?.. О, Алексѣй, гдѣ ты?

— Вотъ онъ!—сказалъ незнакомый, раздвигая вѣтви орѣховаго куста.

— Творецъ Небесный!—воскликнулъ юноша, оцѣпенѣвъ отъ ужаса. — Алексѣй!.. Онъ мертвъ! Какой извергъ поднялъ руку на сего праведника?..

— Твой Государь и благодѣтель,—сказалъ хладнокровно незнакомый.

— Какъ? Алексѣй...

— Умерщвленъ по приказу Владиміра.

О, это уже было слишкомъ! Глаза юноши помутились, смертная блѣдность покрыла лицо, и онъ упалъ безъ чувствъ подлѣ окровавленнаго трупа отца Надежды.

Незнакомый наклонился, приложилъ руку къ груди Всеслава: сердце его билось.

— Теперь ты мой! — прошепталъ онъ тихимъ го-

лосомъ, и дикій восторгъ, напоминающій веселье сатаны, когда погибшій предаетъ ему навѣки свою душу, заблисталъ въ сверкающихъ взорахъ цареубійцы.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

— Гдѣ я?.. Какая темнота!.. О, какой холодъ!..— прошепталъ Всеславъ, приподымаясь съ широкой скамьи, устланной свѣжею травою. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя; нѣсколько времени глаза его не могли привыкнуть къ слабому свѣту, который, падая сверху сквозь узкую трещину, не вполнѣ освѣщалъ окружавшіе его предметы. Мало-по-малу они стали отдѣляться одинъ отъ другого, принимать опредѣленный образъ, и Всеславъ могъ, наконецъ, удовлетворить своему любопытству. Земляныя стѣны, которыя сходились низкимъ сводомъ надъ его главою, образовали довольно обширный четвероугольный покой; вдали, въ концѣ длиннаго и узкаго ущелья, сквозь обросшее кустарникомъ отверстіе, виднѣлись синія небеса. Скамья, на которой онъ лежалъ, стояла въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ одной изъ боковыхъ стѣнъ; въ противоположной стѣнѣ, Всеславъ, хотя съ трудомъ, но разсмотрѣлъ подобную же впадину, въ глубинѣ которой бѣлѣлась низкая дверь, вѣроятно, ведущая въ другое подземелье.

— Гдѣ я?—повторилъ онъ, садясь на скамью.

Въ одномъ темномъ углу кто-то зашевелился и сказалъ съ примѣтнымъ участіемъ:

— Ну, что, бояринъ, проснулся?

— Кто говоритъ со мною?—спросилъ Всеславъ.

— Я, вѣрный слуга твоего друга,—отвѣчалъ небольшой дѣтина, въ смуромъ кафтанѣ, подходя къ Всеславу.

Яркій лучъ солнца, проникнувъ сквозь расщелину, освѣтилъ лицо его, и Всеславъ, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:

— Я гдѣ-то тебя видѣлъ... Такъ точно... ты тотъ самый прохожій...

— Который однажды въ этомъ лѣсу надоѣлъ тебѣ разспросами, а въ Усладовъ день, у Простѣна, поразсказалъ для тебя сказочку... Ну да; насилу ты меня узналъ!

— Тебя зовутъ Торопомъ, и ты, кажется, слуга верховнаго жреца Богомила?

— Да, былъ его слугою, а теперь служу опять прежнему моему господину.

— Скажи-же мнѣ, Торопъ, гдѣ я?

— Какъ гдѣ? Да развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ!

— Сердечный, экъ ему память-то отшибло! Да неужели ты забылъ, какъ третьяго дня?..

— Третьяго дня... я ничего не помню.

— Какъ? Таки вовсе ничего?

— Постой!.. Мнѣ кажется... да нѣтъ!.. Скажи мнѣ прежде, гдѣ я?

— Пожалуй, бояринъ. Только какъ бы тебѣ сказать? Этимъ вертепомъ владѣетъ теперъ мой господинъ, а настоящій-то его хозяинъ — баринъ большой, да только вѣкъ бы его не видать и никогда бы съ нимъ не встрѣчаться.

— Я не понимаю тебя.

— А вотъ изволишь видѣть: говорятъ, что это подземелье вырыто подъ древнимъ капищемъ Чернобога, которое построили кудесники и кіевскія вѣдьмы еще во время Щека, Хорива и сестры ихъ Лыбеди; все это мѣсто слыветъ въ народѣ Чортовымъ Городищемъ, и его такъ боятся, что врядъ ли во всемъ Кіевѣ

найдется такой молодецъ, который подошелъ бы къ нему за версту, да и дорогу-то къ нему, чай, никто не знаетъ. Я и самъ дрожкой дрожалъ, когда мнѣ въ первый разъ пришлось здѣсь ночевать. Что дѣлать,— воля господская: прикажетъ и лѣшаго за рога схватить, такъ схватишь. А ужъ натерпѣлся же я страху! Бывало, въ самую полночь, сберутся, проклятые, вотъ тутъ, надъ нами, да какъ подымутъ возню: такъ, вѣришь ли, бояринъ,—волосы дыбомъ станутъ: то начнутъ выть, словно голодные волки; то заохаютъ и застонутъ, какъ сычи; а я забьюсь куда-нибудь въ уголокъ, да дохнуть не смѣю. Однажды только, да и то подъ хмелькомъ, нелегкая дернула меня подмоститься и поглядѣть въ эту трещину; да лишь только просунулъ голову, какъ вдругъ одинъ пребольшущій нетопырь, видно, оборотень какой, какъ хватитъ меня крыломъ по лбу!.. Ухъ, батюшки, и теперь морозъ по кожѣ подираетъ, а тогда!.. Какъ еще живъ остался?.. Грохнулся затылкомъ оземь, да вплоть до утра пролежалъ безъ памяти. Но ты никакъ меня не слушаешь, бояринъ?—прибавилъ Торопъ, поглядѣвъ на Всеслава, продолжавшаго смотрѣть вокругъ себя съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, который старается что-то припомнить.

Всеславъ не отвѣчалъ ни слова и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Подземелье... капище Чернобога... Но для чего я здѣсь?

— Вотъ ужъ этого и я путемъ не знаю. Третьяго дня по-утру мой господинъ принесъ тебя сюда; ты былъ вовсе безъ памяти, и когда подумаю, какъ онъ тебя дотащилъ, такъ надивоваться не могу! Сюда вкарабкаться и безъ этакой ноши не всякому подъ-силу; то ужъ нечего: подлинно, бояринъ мой чудо-богатырь! Ты долго не приходилъ въ себя, а какъ пришелъ, такъ занесъ такую околесную, что мы тотчасъ догадались, что у тебя огневка [1]). Мой господинъ на все

[1]) Горячка.

гораздъ: онъ напоилъ тебя какимъ-то зельемъ. Вотъ на другой день стало тебѣ полегче, и ты какъ будто бы дѣло заговорилъ: Всего-то я слышать не могъ: вы бесѣдовали межъ собой вполголоса, а знаю только, что подъ конецъ поладили. Ты сказалъ: «Ну, такъ и быть, пусть будетъ по-твоему». Вотъ баринъ обрадовался такъ, какъ будто бы ты его озолотилъ, и пошли у васъ межъ собой толки; а тамъ онъ простился съ тобою и сказалъ, что дня три или четыре будетъ въ отлучкѣ, для какихъ-то переговоровъ съ греками, которые дожидаются его за днѣпровскимъ порогомъ Неясытемъ. Онъ наказалъ мнѣ быть при тебѣ неотлучно и поить каждый день снадобьемъ, которое нарочно для тебя изготовилъ. На другой день, когда мы остались одни, ты все что-то шепталъ съ самимъ собою, раза три принимался говорить: «Нѣтъ, нѣтъ, не я буду виною пролитой крови... Онъ самъ расторгъ узы, которыми я былъ связанъ... онъ убійца Алексѣя... похититель Надежды... онъ врагъ мой!» Я пытался было спрашивать, о комъ ты говоришь, но ты не хотѣлъ меня и слушать. Это бы еще ничего, да вдругъ вчера попалась тебѣ на глаза какая-то серебряная вещица, которая виситъ у тебя на шеѣ... Батюшки мои!.. Какъ пошло тебя коверкать! То начнешь бить себя въ грудь, то примешься плакать, то закричишь: «Отецъ мой, отецъ мой! Нѣтъ, я не забуду словъ твоихъ!» Ужъ ты метался, метался изъ стороны въ сторону! То говорилъ: «Что мнѣ дѣлать?» то кричалъ: «Я знаю, что долженъ дѣлать!» А коли знаешь, думалъ я самъ про себя, такъ чтожъ ты этакъ развозился? Ужъ не опять ли огневка?.. Гляжу, такъ и есть: разгорѣлся, глаза помутились, — ну, бѣда да и только! Ты-жъ опять занесъ такую дичь, что и сказать нельзя: началъ цѣловать эту завѣтную вещь, которая виситъ у тебя на шеѣ; заговорилъ о какомъ то Искупителѣ, о страданіи, о покорности... Ну, вотъ хоть убей, до сихъ поръ ничего не понимаю! Какъ ты немного поуходился, я подалъ тебѣ напиться зелья;

ты выпилъ, прилегъ на скамью, забылся и проспалъ до сегодняшняго утра. Ну, вспомнилъ ли теперь?

Всеславъ не отвѣчалъ ни слова; закрывъ руками лицо, онъ плакалъ какъ малое дитя; но слезы не облегчали его горести: она возрастала съ каждою минутою, и бѣдный юноша, задыхаясь отъ вздоховъ и стенаній, въ совершенномъ изнеможеніи упалъ снова на болѣзненное свое ложе.

— Да полно надрываться-то, бояринъ, — сказалъ Торопъ, глядя съ состраданіемъ на Всеслава.—Вѣстимо дѣло, грустно схоронить отца и мать, а и того тошнѣе разстаться навсегда съ своею невѣстою, да что толку-то плакать: слезами горю не пособишь. Вотъ кабы я зналъ, куда умчали эту бѣдняжку, такъ постарался бы какъ-нибудь...

— Что ты говоришь?..—прервалъ Всеславъ, приподымаясь съ живостію.

— Да, бояринъ, еслибъ я зналъ, гдѣ она теперь, такъ авось бы что-нибудь о ней провѣдалъ; а можетъ статься, и вѣсточку отъ нея къ тебѣ бы принесъ.

— Она теперь... такъ точно! Я помню, злодѣй Вышата говорилъ о селѣ Предиславинѣ.

— Что на Лыбеди? Знаю: я не разъ тамъ бывалъ.

— Ты?

— Да, я, бояринъ! Вѣдь нашего брата-весельчака куда не пустятъ? Гдѣ пѣсенку споешь, гдѣ сказочку разскажешь. Вотъ если бы я такой же былъ молодецъ и красавецъ, какъ ты, такъ меня бы и близко не подпустили ни къ Берестову, ни къ Вышегороду, ни къ селу Предиславину; а то позабавить-то я позабавлю, а глаза ни у кого на меня не разгорятся.

— И ты надѣешься?..

— И очень надѣюсь. Трудненько только будетъ узнать, въ которомъ терему живетъ твоя суженая: вѣдь ихъ настроено, настроено! Да авось: не тотъ, такъ другой проболтается. Теперь же и не такъ строго, какъ бывало прежде: вѣдь Владиміръ давно уже не заѣзжалъ повеселиться въ село Предиславино. Гово

рятъ даже, что онъ и въ Берестово заглянуть не хочетъ, и давно бы распустилъ всѣхъ этихъ затворницъ, еслибъ ему не натолковалъ Богомилъ и другіе сановники, что непригоже для его чести великокняжеской оставить при себѣ одну только сожительницу и жить съ нею въ брачномъ союзѣ, какъ простому гражданину кіевскому; что стыдно и зазорно знаменитому Владыкѣ всей земли Русской держать на своемъ хлѣбѣ менѣе женъ, чѣмъ какому-нибудь кагану печенѣжскому или косожскому князику. А пуще-то всѣхъ мудритъ ключникъ Вышата; да только не сдобровать же ему: попадется онъ когда-нибудь въ передѣлъ къ мужьямъ и женихамъ, которые по ночамъ около Берестова, Предиславина и Вышегорода, какъ голодные волки, рыщутъ. Вотъ, этакъ съ недѣлю назадъ, я былъ на Лыбеди и забавлялъ пѣснями прислужницъ княгини Рогнѣды; онѣ продержали меня до самой полуночи. Вотъ какъ я пошелъ домой, такъ повстрѣчался съ однимъ парнемъ, который всякую ночь бродитъ кругомъ села Предиславина. Его зовутъ Дулебомъ. У него такъ же, какъ и у тебя, бояринъ, Вышата подтибрилъ невѣсту. Ну, нечего сказать: сродясь не видывалъ такого страшнаго лица! Ни дать, ни взять мертвецъ: видно, горько жить; да не сладко же будетъ и Вышатѣ, если онъ наткнется на него подъ вечерокъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ...

— Скажи мнѣ, Торопъ, — прервалъ Всеславъ, — когда же ты пойдешь на Лыбедь?

— За мной бы дѣло не стало, да мнѣ не велѣно отъ тебя отлучаться.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ.

— Что ты, что ты, бояринъ! да развѣ ты нашъ братъ? Тебя знаютъ всѣ ратные люди, — долго ли до бѣды? Ты убилъ десятника дружины великокняжеской, обнажилъ мечъ противъ его сановника; тебя вездѣ ищутъ, и первый воинъ, который съ тобою повстрѣчается, схватитъ тебя за воротъ.

— *Но если* мы пойдемъ ночью?..

— Такъ что же будетъ прибыли? Ночью и меня въ село Предиславино не впустятъ. Нѣтъ, бояринъ, подождемъ лучше, какъ воротится мой господинъ.

— Послушай, Торопъ, если ты сегодня же не отправишься на Лыбедь, такъ я пойду туда одинъ. Ты видишь,—продолжалъ Всеславъ вставая,—что я почти здоровъ.

— Какой здоровъ! Смотри-ка, насилу на ногахъ стоишь.

— Неправда! Я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ дойти до села Предиславина, и еслибъ это стоило мнѣ жизни..

— Вотъ то-то и бѣда, бояринъ: умереть-то умрешь, а невѣсты своей все-таки не увидишь.

— Все-равно: если и не увижу своей суженой, то, по крайней мѣрѣ, умру подлѣ того мѣста, гдѣ она живетъ!—сказалъ Всеславъ, выходя вонъ изъ пещеры.

— Куда ты?—закричалъ Торопъ.—Постой, постой, бояринъ.

Но, видя, что упрямый юноша не слушаетъ его словъ, онъ побѣжалъ вслѣдъ за нимъ, и успѣлъ остановить его въ ту самую минуту, когда онъ, дойдя до конца ущелья, занесъ уже ногу, чтобъ сдѣлать шагъ впередъ.

— Что это ты?..—продолжалъ кричать Торопъ, не выпуская изъ рукъ Всеслава.—Да вѣдь здѣсь вовсе ходу нѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, Всеславъ стоялъ на краю почти бездонной пропасти. Кустарникъ, коимъ поросло узкое отверстіе, помѣшалъ ему разсмотрѣть съ перваго взгляда всю опасность его положенія. У самаго входа въ пещеру начинался утесистый обрывъ горы; онъ опускался прямою стѣною до дна глубокаго оврага, въ которомъ небольшой протокъ, пробираясь между камышей и высокой осоки, исчезалъ посреди топкаго болота.

— Что ты это, бояринъ?..—повторилъ Торопъ прерывающимся отъ ужаса голосомъ.—Да кабы ты еще

разъ шагнулъ, такъ и поминай тебя какъ звали. Да не гляди внизъ, а не то у тебя въ глазахъ помутится.

— Но вѣрно же есть какая-нибудь тропинка?—сказалъ Всеславъ, поглядѣвъ внимательно вокругъ себя.

— Какая тропинка! Да здѣсь не только человѣкъ, и векша не спустится.

— Ты лжешь. Посмотри, вонъ тамъ, подлѣ этого куста... Такъ точно,—тутъ кто-нибудь сходилъ: кустъ измятъ, и вотъ лежитъ подлѣ него шапка.

— Она ужъ недѣли три, какъ тутъ лежитъ,—сказалъ Торопъ.—Сердечный, и крикнуть не успѣлъ!

— О комъ ты говоришь?—спросилъ съ удивленіемъ Всеславъ.

— А кто его знаетъ, какой-то прохожій: видно, заплутался, да и зашелъ сюда, только не съ этой стороны. Знать, господинъ мой побоялся, что этотъ незваный гость разскажетъ о немъ въ Кіевѣ, да еще, можетъ статься, другихъ гостей съ собой наведетъ; такъ онъ подумалъ, да и выпроводилъ его въ эти двери.

— Возможно ли? И твой господинъ рѣшился...

— Чтожъ дѣлать, бояринъ: своя рубашка къ тѣлу ближе! Даромъ мой господинъ и цыпленка не обидитъ! Ну, а ужъ если надобно, такъ долго думать не станетъ.

— Но какъ же зашелъ сюда этотъ прохожій? Поэтому есть другой входъ!

— Вѣстимо, есть: вѣдь и ты не на крыльяхъ сюда залетѣлъ.

— Гдѣ же онъ?.. Покажи мнѣ скорѣе!..

— Показать-то покажу, бояринъ: да ужъ если ты неотмѣнно хочешь провѣдать сегодня же о твоей суженой, такъ лучше отправлюсь я, а ты оставайся здѣсь. Да, сдѣлай милость, не подходи безъ меня къ этому омуту: хоть ты и храбришься, а все еще слабъ; долго ли до бѣды, — какъ разъ голова пойдетъ кругомъ, а поддержать тебя будетъ некому.

Возвратясь въ пещеру, Торопъ отперъ дверь, которую Всеславъ замѣтилъ, еще лежа на своей скамьѣ, и они оба, пройдя нѣсколько шаговъ извилистымъ и

темнымъ ущельемъ, подошли къ крутой лѣстницѣ, высѣченной въ каменистомъ кряжѣ горы. Поднявшись съ трудомъ по сей каменной стремянкѣ, они вышли на довольно обширную площадку, покрытую развалинами древняго капища, посреди которыхъ возвышался уцѣлѣвшій жертвенникъ, грубо сложенный изъ неотесанныхъ дикихъ камней. Всеславъ кинулъ вокругъ себя любопытный взглядъ: въ нѣкоторомъ разстояніи, кругомъ, дремучій лѣсъ; съ одной стороны глубокій оврагъ, о которомъ мы уже говорили; съ—другой непроходимыя дебри, толстыя колоды, поросшія мхомъ; кучи валежника, и, какъ зеленое море, обширная трясина, усѣянная окнами. Едва замѣтная тропинка, начинаясь отъ развалинъ, вилась среди мелкаго кустарника, внизъ по скату горы до самаго болота.

— Ну, что, видишь ли, бояринъ,—сказалъ Торопъ,—что тебѣ отсюда выходить не должно? Здѣсь ты можешь прожить хоть сто лѣтъ, такъ все-таки объ этомъ никто не провѣдаетъ. Да и кому придетъ въ голову, что въ этомъ чортовомъ гнѣздѣ можетъ жить кто-нибудь, кромѣ злого чародѣя? А если бы и вздумали искать тебя здѣсь, такъ прежде надо построить мостъ черезъ эту трясину,—другого ходу нѣтъ; а чтобъ пройти и не увязнуть по уши въ болотѣ, такъ надобно его знать, какъ свою ладонь: въ иномъ мѣстѣ тащиться нога за ногу, какъ по жердочкѣ, а въ другомъ скакать съ кочки на кочку, съ пенька на пенекъ, и идти въ припрыжку, какъ воробей.

— Ступай же скорѣй, Торопъ!—прервалъ Всеславъ.—И если ты хочешь, чтобъ я самъ не пустился на удачу черезъ это болото, то приходи непремѣнно сегодня назадъ.

— Нѣтъ, бояринъ, коли я и вовсе не вернусь, такъ ты дождись моего господина и одинъ по болоту не ходи. Я знаю, ты не трусливаго десятка; да вѣдь трясина-то не печенѣгъ: какъ всосетъ тебя по уши, такъ отъ нея мечомъ не отмашешься. Если безъ меня ты захочешь перекусить, поищи на полкѣ, надъ скамьею;

тамъ все есть: хлѣбъ, толокно, провѣсная рыба и цѣлый жбанъ меду.

— Послушай, Торопъ, когда ты увидишь Надежду, скажи ей, что безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ опыстылѣлъ; что я рѣшился умереть, или выручить ее изъ неволи...

— Зачѣмъ умирать! Авось и безъ того выручимъ. Да что впередъ загадывать: что будетъ то будетъ; а ужъ Торопка Голованъ послужитъ тебѣ, бояринъ. Добро, добро, прощай! До села Предиславина отсюда не близко, а солнышко высоко.

Торопъ запахнулъ полы своего кафтана, подтянулъ кушакъ и, запѣвъ вполголоса:

«Какъ по рѣчкѣ, по Черторіи,
Разгулялись красны дѣвицы»

пустился по тропинкѣ, ведущей къ болоту.

Долго стоялъ Всеславъ, не сходя съ мѣста; ни на одну минуту взоры его не покидали уходящаго Торопа. Когда онъ, спустясь съ горы, сталъ пробираться по болоту, Всеславъ, удвоивъ вниманіе, наблюдалъ за всѣми его движеніями, замѣчалъ всѣ обходы, слѣдовалъ за нимъ по излучистымъ тропамъ и какъ будто бы затверживалъ наизусть всѣ шаги его. Пройдя благополучно черезъ опасную трясину, Торопъ пріостановился на минуту, чтобъ отдохнуть, и, увидѣвъ Всеслава, закричалъ ему:

— Эй, бояринъ, чтожъ ты все стоишь на-виду?.. Если ты не сойдешь внизъ, такъ я назадъ вернусь.

Всеславъ махнулъ ему, въ знакъ согласія, рукою и, вздохнувъ отъ глубины сердца, исполненнаго страха и надежды, спустился опять по крутой каменной лѣстницѣ въ свой подземный покой.

Мы оставимъ на время Всеслава одного съ его сладостными воспоминаніями, нетерпѣливымъ ожиданіемъ и хотя слабою, но утѣшительною надеждою, что, при помощи Торопа, ему удастся, можетъ-быть, и въ этой жизни увидѣться еще разъ со своею невѣстою.

Около часу шелъ Торопъ дремучимъ лѣсомъ, распѣвая то веселыя, то заунывныя пѣсенки. Пройдя мимо урочища, извѣстнаго подъ названіемъ *Желань*, онъ сталъ подыматься на гору Щековицу, и когда поровнялся съ открытымъ мѣстомъ, на которомъ и понынѣ еще показываютъ могилу Олега, то увидѣлъ идущихъ къ нему навстрѣчу человѣкъ десять воиновъ, впереди которыхъ гордо выступалъ старый нашъ знакомецъ Фрелафъ.

— Постойте, молодцы,—сказалъ варягъ, обращаясь къ своей командѣ,—спросимте у этого прохожаго. Эй, ты, сѣрокафтанникъ, — продолжалъ онъ, махнувъ Торопу,—поди сюда!

Торопъ подошелъ къ воинамъ.

— Шапку долой, болванъ! — закричалъ грознымъ голосомъ Фрелафъ. — Иль не видишь, съ кѣмъ говоришь?.. Э, да это ты, пѣвунъ?

— Я, ваша милость!—отвѣчалъ Торопъ съ низкимъ поклономъ.—По добру ли, по здорову, господинъ витязь? Что такъ рано?.. Куда держишь путь-дороженьку?

— Это не твое дѣло. А скажи-ка лучше мнѣ, ты зачѣмъ такъ рано шатаешься по лѣсу?

— Заходилъ къ знакомому дровосѣку.

— Такъ у тебя есть и знакомые въ этомъ лѣсу? Чего же лучше, братцы,—продолжалъ Фрелафъ, относясь къ воинамъ, — вотъ намъ и проводникъ: онъ, вѣрно, всѣ тропинки наизусть знаетъ. Ну-ка, Голованъ, поворачивай назадъ, да смотри, выводи насъ по всему лѣсу; а чтобъ не скучно было ходить, такъ разсказывай намъ сказки.

— Пожалуй, добрый молодецъ, рады веселить вашу милость, — сказалъ Торопъ, почесывая въ головѣ.—Да вотъ что, мнѣ теперь некогда: меня дожидаются въ другомъ мѣстѣ.

— Пускай себѣ дожидаются.

— И если не приду, такъ станутъ бранить.

— Добро,—побранятъ да перестанутъ.

— Ну, право, господинъ витязь, некогда; ей же ей, некогда! И радъ бы потѣшить твою милость, да вотъ-те Перунъ...

— Ахъ, ты, дурацкая образина! Смотри, пожалуй... еще спорить!.. Ну, ну, ступай! А не то, знаешь, какъ вашей братіи ноги-то подымаютъ?

— Не гнѣвайся, господинъ Фрелафъ! — сказалъ съ покорнымъ видомъ Торопъ. — Изволь, пойду! Я вѣдь люблю знаться съ людьми ратными, — вы народъ веселый: и сами любите выпить и другимъ поднести. Ну, куда же вамъ надобно?

— Ступай теперь прямо; да смотри, не заведи насъ въ какое-нибудь болото. Впередъ, ребята!

— Дозволь спросить, — сказалъ Торопъ, пройдя нѣсколько времени молча подлѣ Фрелафа: — что это вамъ вздумалось бродить по лѣсу?.. Иль кого ищете?..

— Знавалъ ли ты Всеслава, ну, вотъ того, что былъ княжескимъ отрокомъ?

— Какъ не знать!.. Да развѣ ужъ онъ не служитъ при Государѣ Великомъ Князѣ?

— Такъ ты ничего не знаешь?

— Нѣтъ, ничего.

— Надѣлалъ онъ дѣлъ! Я всегда говорилъ, что въ этомъ мальчишкѣ проку не будетъ.

— Да что онъ сдѣлалъ?

— Такъ, ничего: убилъ десятника Звенислава, да чуть самому Вышатѣ шею не свернулъ: Вышатѣ — любимому сановнику Великаго Князя! Шутка?

— Какая шутка! Ахъ, онъ разбойникъ!

— Отданъ строгій приказъ, во что-бъ ни стало найти его живого или мертваго. Мнѣ велѣно съ этими молодцами обшарить здѣшній лѣсъ, и если мы его сослѣдимъ, и онъ задумаетъ барахтаться, такъ тутъ ему и конецъ! Вѣдь Ингеллотовъ мечъ шутить не любитъ! — прибавилъ варягъ, ударивъ съ гордымъ видомъ по рукояткѣ своего меча.

— Такъ вотъ что! — сказалъ Торопъ. — Постойте.

ка!.. Ага, то-то онъ такимъ вихремъ мимо меня и промчался, да какъ же погонялъ своего удалого коня!..

— Гдѣ?.. Когда?..—прервалъ Фрелафъ.

— Третьяго дня, по ту сторону Кіева, за горой Хоревицею. Ну, коли онъ и теперь все такъ же скачетъ, да побѣжалъ къ печенѣгамъ, такъ не видать вамъ его, какъ ушей своихъ.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ ушелъ къ печенѣгамъ?

— Со страстей, молодецъ, убѣжишь и за тридевять земель, въ тридесятое государство; а сробѣть-то есть чего: вѣдь на плахѣ умирать, — не съ друзьями пировать.

— Такъ чтожъ мы станемъ искать-то: пустого мѣста?—сказалъ одинъ изъ воиновъ.

— И вѣдомо,—подхватилъ Торопъ.—Ступайте-ка лучше по домамъ, молодцы.

— Да полно,—правда ли, что онъ ушелъ къ печенѣгамъ?

— Къ печенѣгамъ или грекамъ, въ Византію или въ Атель, — куда бы ни ушелъ, да здѣсь-то его навѣрное нѣтъ. Кой чортъ велитъ ему остаться подлѣ Кіева? Да и къ кому бы онъ здѣсь пріютился? Я слышалъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени.

— Да, да,—прервалъ Фрелафъ,—онъ какой-то подкидышъ, а ужъ чванился такъ, какъ будто бы княжескаго рода. Ну, братцы, домой, такъ домой! А ты, Торопъ, ступай съ нами.

— Куда, молодецъ?

— Къ городскому вирнику.

— А, разумѣю: онъ спроситъ, зачѣмъ ты такъ скоро воротился, и если ты меня на лицо не представишь, такъ онъ твоимъ рѣчамъ вѣры на дастъ.

— Какъ вѣры не дастъ?

— Да такъ же! Скажетъ, что ты побоялся ловить Всеслава, который живой въ руки не дастся.

— Побоялся!..

— И выдумалъ эту отговорку для того только, чтобъ передъ нимъ оправдаться.

— Передъ кѣмъ?.. Передъ городскимъ вирникомъ? Стану я передъ нимъ оправдываться!.. Да что онъ мнѣ за указъ?

— Указъ, не указъ, а если не возьмешь меня съ собою, такъ онъ тебѣ не повѣритъ.

— Не повѣритъ? Мнѣ, Фрелафу?.. Сыну Руслава, внуку Руальда? Посмотрѣлъ бы я!.. Не повѣритъ! Такъ убирайся же, я пойду безъ тебя, и если онъ только поморщится... Постой, постой!—продолжалъ варягъ, схвативъ за руку Торопа.—Конечно, мнѣ до вашего вирника и дѣла нѣтъ, но все-таки... Да что это тебя такъ подмываетъ,—куда ты спѣшишь?

— На Лыбедь, въ село Предиславино.

— На Лыбедь? Зачѣмъ?

— Вѣстимо, зачѣмъ, господинъ честной. Гдѣ-жъ нашему брату и попѣть пѣсенокъ, какъ не тамъ, гдѣ до нихъ много охотницъ.

— Да развѣ тебя туда пускаютъ.

— А какъ же! Да я и сегодня по приказу ключника Вышаты иду въ село Предиславино. Вѣдь надобно же чѣмъ-нибудь повеселить красныхъ дѣвушекъ. Прежде бывало самъ Великій Князь со своими боярами и витязями по цѣлымъ суткамъ у нихъ пируетъ, а теперь давнымъ-давно и дорожка-то къ селу Предиславину заглохла травою.

— Смотри пожалуй: этакого урода пускаютъ въ село Предиславино, а нашъ братъ—молодецъ не смѣй и заглянуть туда, гдѣ прохлаждается какой-нибудь Торопка Голованъ!

— Э-эхъ, господинъ витязь! Да вѣдь за то-то тебя дальше воротъ и не пустятъ, что ты молодецъ.

— Оно такъ, — прервалъ Фрелафъ, закручивая съ довольнымъ видомъ свои рыжіе усы,—а взглянулъ бы я на этихъ затворницъ.

— Эге, какъ солнышко-то высоко! — сказалъ Торопъ.—Скоро жарко будетъ, а до села Предиславина

еще не близко. Пожалуйста не держи меня, молодѣцъ!

— Ну, если ты идешь туда по приказу Вышаты, такъ ступай себѣ.

— Счастливо оставаться, господа воины!

Торопъ, опасаясь, чтобъ его снова не воротили, шелъ такъ скоро, что въ нѣсколько минутъ потерялъ совсѣмъ изъ виду Фрелафа и его товарищей. Миновавъ урочище, называемое *Дорожичъ*, онъ вышелъ на берегъ рѣчки Лыбеди, и чрезъ полчаса, въ концѣ широкой просѣки, перерѣзывающей на-двое тѣнистую дубовую рощу, открылись передъ нимъ расписные верхи высокихъ теремовъ села Предиславина.

Село Предиславино, находившееся, по нѣкоторымъ догадкамъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ переправа черезъ Лыбедь, по дорогѣ къ Василькову, было однимъ изъ потѣшныхъ дворцовъ Великаго Князя Владиміра. Но какъ въ то же самое время сей загородный домъ имѣлъ одинаковое назначеніе съ роскошными тюрьмами, которыя именуются на востокѣ гаремами, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ обнесенъ твердою стѣною, то-есть высокимъ деревяннымъ тыномъ; ибо и въ позднѣйшія времена бо́льшая часть городскихъ стѣнъ и укрѣпленій дѣлалась изъ толстыхъ бревенъ. Продолжая основываться на догадкахъ, можно также полагать, что къ главному зданію, опредѣленному для временнаго пребыванія Князя и пировъ, которые онъ такъ часто давалъ своимъ приближеннымъ витязямъ, примыкались многочисленныя пристройки, съ обыкновенными въ тогдашнее время теремами, вышками и крытыми переходами. Нетрудно отгадать, что сіи постройки служили жилищемъ для русскихъ, а можетъ-быть и чужеземныхъ красавицъ, коихъ участь была, вѣроятно, нимало не завиднѣе участи одалисокъ Турецкаго Султана, Персидскаго Шаха и безчисленныхъ наложницъ Великаго Могола, обширнымъ гаремамъ котораго дивился нѣкогда весь Индостанъ. Это однѣ догадки; но романистъ не историкъ: ему

дозволено принимать догадки за истину и говорить о предметахъ, можетъ-быть никогда не существовавшихъ, съ такою же точно положительностію, съ какою говоритъ лѣтописецъ о современныхъ ему происшествіяхъ, коихъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Къ наружной сторонѣ бревенчатой стѣны, окружавшей сей потѣшный дворъ Владиміра, близъ главныхъ воротъ, у которыхъ стояли двое безсмѣнныхъ часовыхъ, пристроена была низенькая изба съ двумя волоковыми окнами; въ ней помѣщалась стража, охранявшая сіе, недоступное для многихъ, жилище отторгнутыхъ отъ семействъ несчастныхъ кіевлянокъ и захваченныхъ въ плѣнъ у сосѣднихъ народовъ красныхъ дѣвушекъ, навсегда погибшихъ для ихъ милой родины. Вся внутренность сей караульни состояла изъ одной обширной комнаты. Длинныя лавки, большой столъ, поставленный на самой рединѣ земляного пола, безобразная печь и широкія полати составляли, вмѣстѣ съ повѣшенными по стѣнамъ мечами, щитами и шеломами, все украшеніе сего покоя. Человѣкъ десять воиновъ лежали передъ избою на завалинѣ; почти столько же, сидя внутри ея, за столомъ, попивали въ круговую крѣпкую брагу, которая въ огромной деревянной чашѣ стояла посреди стола. Желѣзный ковшъ, прицѣпленный ручкою къ одному изъ краевъ чаши, какъ причаленный къ берегу корабль, колыхался и плавалъ на семъ пивномъ морѣ. Онъ служилъ по очереди для всѣхъ; но чаще другихъ снималъ его съ якоря одинъ усатый воинъ. Еслибъ онъ не былъ вооруженъ длиннымъ скандинавскимъ мечомъ и не лежала бы подлѣ него на скамьѣ двухсторонная боевая сѣкира, то и тогда, по гордой его осанкѣ, не трудно было бы узнать въ немъ варяга. Одинъ онъ не скинулъ шелома и не повѣсилъ на стѣну своего оружія; одинъ онъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ пировавшихъ воиновъ, а сидѣлъ насупившись и, хватаясь поминутно за ковшъ, казалось, хотѣлъ не веселиться, а запить или какое-нибудь горе, или нестерпимую досаду.

— Ну, Якунъ,—сказалъ одинъ молодой и видный собою воинъ, обращаясь къ молчаливому варягу,—помогай тебѣ Усладъ: никакъ за десятымъ ковшомъ полѣзъ!

— Я считаю головы непріятелей на ратномъ полѣ,—отвѣчалъ отрывисто Якунъ,—а не ковши, когда бражничаю за столомъ.

— Пусть такъ, да вотъ, изволишь видѣть, ты не хочешь считать, а намъ скоро и считать нечего будетъ. Посмотри, ужъ въ чашкѣ-то дно видно.

— Спросимъ, такъ еще принесутъ.

— Да, кабы Вышата былъ здѣсь; а то безъ него ничего не добьешься.

— Не добьешься?—повторилъ варягъ.—Посмотрѣлъ бы я!.. Когда меня, десятника варяжской дружины, заставили, какъ подлаго грека, караулить женъ, такъ давай мнѣ все, чего я ни спрошу.

— Не кстати ты, господинъ десятникъ, больно развеличался,—прервалъ одинъ старый воинъ съ сѣдыми усами.—Ты варягъ, такъ чтожъ?.. Когда ужъ ты служишь нашему Великому Князю, такъ служи ему такъ, какъ онъ велитъ, а не такъ, какъ тебѣ самому хочется.

— Эхъ, братъ Лютъ,—сказалъ Якунъ,—ты самъ посѣдѣлъ въ бояхъ, такъ неужли и тебѣ не обидно стоять на стражѣ у воротъ этого бабьяго города?

— Да чѣмъ мнѣ обижаться-то? Я караулю вороты, а что за воротами, того и знать не хочу.

— Да бывало ли когда-нибудь,—продолжалъ Якунъ,—чтобъ наряжали сюда на стражу варяговъ? За чтожъ этотъ Свѣторадъ, котораго намъ велѣно признавать нашимъ воеводою, послалъ сюда меня, старшаго десятника варяжской дружины?

— Да развѣ ты не знаешь, что ты здѣсь заурядъ, и если бы нашъ десятникъ Звениславъ былъ живъ..

— А за что его убилъ Всеславъ?—спросилъ молодой воинъ.

— За что?—подхватилъ Якунъ.—А за то, чтобы я убилъ не одного, а сотню десятниковъ, да и самому

Вышатѣ-то шею бы свернулъ. У Всеслава отняли невѣсту.

— Э, такъ вотъ что! — сказалъ старый воинъ.— Куда жъ ее, сердечную, засадили? Въ Брестово что ль?

— Нѣтъ; говорятъ, что она здѣсь.

— А Всеславъ-то куда дѣвался?

— Кто его знаетъ: или спрятался гдѣ-нибудь въ лѣсу, иль ушелъ къ печенѣгамъ, а можетъ статься и къ намъ въ Поморье, — вѣдь такому удалому витязю вездѣ будутъ рады. Мнѣ сказывалъ Вышата, что его было схватили и руки связали назадъ...

— Такъ какъ же онъ вырвался?—прервалъ молодой воинъ.

— Въ томъ-то и дѣло: и онъ и два воина, которые его вели, сгинули да пропали. Видно, плохо былъ связанъ. А что онъ одинъ съ двумя справился, такъ это не диво: такой молодчина, какъ онъ, и четверыхъ уберетъ.

— Добраго здоровья, храбрые витязи! — сказалъ Торопъ, входя въ избу.

— А, Торопка-Голованъ!—закричали воины.—Милости просимъ!

— Садись, братъ, — сказалъ старый воинъ, — да выпей-ка съ нами ковшикъ-другой бражки.

— Благодарствуемъ, господинъ Лютъ! — отвѣчалъ Торопъ, принимаясь за ковшъ.—Пожалуй выпьемъ,— у меня жъ отъ ходьбы совсѣмъ въ горлѣ пересохло.

— Откуда ты идешь?—спросилъ Якунъ.

— Я былъ въ лѣсу, на Почайнѣ.

— На Почайнѣ? Не повстрѣчался ли ты тамъ съ Фрелафомъ?

— Какъ же! Мы встрѣтились съ нимъ близъ Олеговой могилы; и кабы не я, такъ пришлось бы ему съ товарищами прошататься дня два даромъ въ лѣсу Ихъ послали ловить Всеслава, а онъ ужъ, чай, теперь на Дону. Я еще третьяго дня видѣлъ, какъ онъ проскакалъ по дорогѣ къ Бѣлой Вежѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Якунъ.—Ну, отъ

сердца отлегло! Жаль было бы, еслибъ такой молодецъ умеръ на плахѣ.

— А пришлось бы умирать!—подхватилъ старый воинъ. — Я слышалъ, что Государь Великій Князь больно изволилъ разгнѣваться, и когда ему сказали, что Всеславъ ушелъ, то чуть въ сердцахъ не поколотилъ самого Вышату. Э, да какъ легокъ на поминѣ!— продолжалъ сѣдой воинъ, поглядѣвъ въ окно.—Посмотрите-ка, никакъ это онъ на своемъ сивомъ конѣ сюда тащится.

— Точно, онъ!—сказалъ Торопъ. — Да только не тащится, а, кажись, рысью бѣжитъ... какой рысью, вскачь!.. Эхъ, какъ онъ свою сивку-бурку по бокамъ-то хлещетъ!.. Видно, спѣшное дѣло, коли его милость изволитъ такъ гарцовать въ чистомъ полѣ!.. Вотъ и подъѣхалъ... О, да какимъ молодцомъ соскочилъ съ коня!.. Смотри пожалуй, — какъ будто бы лѣтъ двадцать съ плечъ свалилось... Ну, не даромъ же это!

— Добрыя вѣсти, молодцы!—вскричалъ Вышата, входя въ избу.—Добрыя вѣсти!

— Что, что такое? — спросилъ Якунъ, который одинъ не всталъ съ своего мѣста, когда ключникъ вошелъ.—Ужъ не война ли съ греками?

— За что намъ съ ними воевать?

— Такъ не прибавили ли жалованья варяжской дружинѣ? Давно бы пора!

— Полно, братъ Якунъ,—будетъ съ васъ и того, что даютъ. Вѣдь каждый варягъ получаетъ изъ великокняжеской казны...

— Да, только что впятеро противъ нашего брата, кіевскаго ратника,—прервалъ сѣдой воинъ.

— Нѣтъ, молодцы,—продолжалъ Вышата,—не о томъ рѣчь.—Мы уговорили Великаго Князя показаться народу. Сегодня онъ выѣдетъ поохотиться на Лыбедь и, можетъ-быть, заѣдетъ сюда. А, Торопъ, ты здѣсь?

— Какъ же, бояринъ! — отвѣчалъ Торопъ, поклонясь въ поясъ.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Да соскучился, батюшка: давно не видѣлъ вашей милости.

— Спасибо, братъ! — сказалъ Вышата, устремивъ проницательный взглядъ на Торопа.—А мнѣ бы и въ голову не пришло, что ты меня такъ любишь. Пойдемъ что-ль со мной въ княжескіе чертоги: не худо посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. А вамъ, молодцы, не надобно ли чего-нибудь? Что это,—да вы никакъ тянете простую брагу?

— Да ужъ почти всю и вытянули,—сказалъ молодой воинъ.

— Постойте, дѣтушки, — я вамъ пришлю меду крѣпкаго, да флягу добраго вина. Сегодня надо всѣмъ веселиться: наше красное солнышко опять взошло.

— А мы его вспрыснемъ, дѣдушка, — прервалъ Якунъ, — присылай только скорѣй винца; да смотри, не греческаго: что въ немъ—вода водою.

— Хорошо, хорошо, ребята, — пришлю! Чуръ только не забывать поговорку: «пей, да дѣло разумѣй!» Если Великій Князь сюда пожалуетъ, а вы примете его лежа...

— Лежа! — повторилъ сѣдой воинъ. — Да что мы бабы что ль?.. Нѣтъ, господинъ ключникъ! Не знаю, какъ варяги, а мы, русины, хмелю не боимся.

— Про тебя кто и говоритъ, Лютъ,—прервалъ съ улыбкою Вышата:—ты выпьешь цѣлую сорокоушку вина, а пройдешь по жердочкѣ. Пойдемъ, Торопъ!

Вышата, приказавъ одному изъ слугъ, которые вышли встрѣтить его за воротами, прибрать своего сиваго коня, пролѣзъ вмѣстѣ съ Торопомъ узенькою калиткою на широкій дворъ или, лучше сказать, лугъ, посреди котораго возвышались огромные деревянные чертоги княжескіе, срубленные изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Съ перваго взгляда ихъ можно было почесть за безпорядочную кучу большихъ избъ, наставленныхъ одна на другую и соединенныхъ межъ собой досчатыми сѣнями и переходами, похожими на старинныя церковныя паперти. Главное строеніе,

или собственно дворецъ, занимаемый Великимъ Княземъ, былъ основанъ на каменныхъ сводахъ, въ коихъ помѣщались подвалы и погреба, и состоялъ изъ обширнаго равносторонняго зданія, надъ которымъ возвышалось другое, одинаковой съ нимъ формы, но гораздо менѣе; надъ симъ вторымъ ярусомъ надстроенъ былъ еще третій, съ соблюденіемъ постепеннаго уменьшенія въ размѣрѣ, и все зданіе оканчивалось небольшою четырехъ-угольною *вышкою*, съ крутою и остроконечною кровлею. Съ правой стороны, посредствомъ крытаго перехода, соединялся съ симъ главнымъ корпусомъ двухъ-этажный теремъ знаменитой Рогнѣды. Злополучная участь сей дочери Рогвольда, бывшей нѣкогда невѣстою несчастнаго Ярополка, ея совершенное сиротство, ужасный бракъ, заключенный съ нею Владиміромъ на окровавленныхъ трупахъ отца и братьевъ— все возбуждало къ ней состраданіе кіевлянъ, и выразительное прозваніе Гореславы, данное ей современниками, доказываетъ, что сія прекрасная Княжна Полоцкая была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Съ лѣвой стороны къ главному зданію примыкала одноэтажная длинная связь, раздѣленная на множество отдѣльныхъ свѣтелокъ; она украшалась также нѣсколькими теремами и широкими помостами. На нихъ выходили иногда красныя дѣвушки подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, попѣть заунывныя пѣсенки и поглядѣть, хотя издалека, на Кіевъ, отъ котораго отдѣляли ихъ и высокія стѣны, и непреклонная воля того, чьи желанія были закономъ для всѣхъ, и кто самъ не признавалъ надъ собой никакого закона. Позади дворца, передъ обширнымъ огородомъ, засаженнымъ тѣнистыми деревьями, тянулся цѣлый рядъ высокихъ избъ и клѣтей: въ нихъ жили прислужницы, помѣщались поварни, бани и другія принадлежности двора великокняжескаго.

Взойдя по широкому наружному крыльцу съ тяжелымъ навѣсомъ, который поддерживали деревянные столбы, похожіе своею формою на нынѣшнія кегли

или шахматы, Вышата и Торопъ вошли въ просторный и свѣтлый покой. Посреди него стояли длинные дубовые столы, а кругомъ скамьи, покрытыя звѣриными кожами. Стальныя латы съ золотою и серебряною насѣчкою; кольчуги, досчатыя брони изъ желѣзныхъ пластинъ, скрѣпленныхъ кольцами; кожаные, съ большими металлическими бляхами, нагрудники, называемые зерцалами; остроконечные шеломы, круглые щиты, мечи, широкіе засапожники съ красивыми рукоятками; богатая конская сбруя, бердыши, кистени, рогатины, легкія копья, называемыя сулицами; тулы и колчаны со стрѣлами, развѣшанные хотя не трофеями, но съ нѣкоторымъ вкусомъ, украшали голыя стѣны сей гридницы великокняжеской. По угламъ стояли на полкахъ: кубки, братины, турьи, то-есть воловьи рога, обдѣланные серебромъ, чары, кружки и другая столовая посуда; большая часть оной была изъ простыхъ металловъ, ибо золото и серебро, украшавшее впослѣдствіи съ такимъ избыткомъ роскошные пиры Великихъ Князей Московскихъ, было еще рѣдко въ нашемъ отечествѣ и почти вездѣ, исключая одной Византіи, семъ средоточіи всемірной торговли тогдашняго времени.

Вышата, отдавъ нѣсколько приказаній окружавшимъ его служителямъ, спросилъ съ веселымъ видомъ Торопа, давно ли онъ выучился лгать?

— Какъ такъ?—сказалъ Торопъ, взглянувъ съ удивленіемъ на ключника.—Въ чемъ же я солгалъ передъ твоею милостію?

— Передо мною ни въ чемъ; да я повстрѣчался съ Фрелафомъ. Какъ же ты сказалъ ему, что идешь въ село Предиславино по моему приказу?

— Виноватъ, бояринъ: я не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться, — вѣдь онъ тащилъ меня къ городскому вирнику!

— Вотъ что!—прервалъ Вышата простодушнымъ голосомъ.—Такъ, видно, когда онъ бралъ тебя въ про-*водники*, ты также, чтобъ отъ него отвязаться, ска-

залъ, что онъ будетъ понапрасну искать Всеслава, и что этотъ разбойникъ третьяго дня проскакалъ мимо тебя по дорогѣ къ Бѣлой Вежѣ.

— Нѣтъ, господинъ Вышата, это истинная правда.

— Гмъ, гмъ! — промычалъ ключникъ, поглаживая свою длинную бороду.—Эхъ, Торопушка,—промолвилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — его ли ты, полно, видѣлъ?

— Помилуй, бояринъ — да развѣ я не знаю Всеслава. Вѣдь это тотъ, что былъ княжескимъ отрокомъ?

— Да, Торопушка, тотъ самый. Говорятъ, что онъ былъ съ вашею братьею, простыми людьми, очень ласковъ и привѣтливъ; чай, и ты любилъ его?

— Кто?.. Я, бояринъ?

— Да, ты.

— Ого, — подумалъ сказочникъ, вотъ онъ до чего добирается! Ну, Торопушка, держи ухо востро!—Какъ бы сказать твоей милости,—продолжалъ онъ вслухъ:— не любить мнѣ его не за что, и добромъ-то нечѣмъ вспомянуть: я отъ него сродясь и одного рубанца [1]) не видывалъ. Ономнясь, въ Усладовъ день, я до самой полуночи потѣшалъ вашихъ молодцовъ, онъ также слушалъ мои сказки; а какъ заговорили другіе, что надобно сложиться, да дать мнѣ за труды ногаты по двѣ съ брата, такъ онъ и тягу. Я и тогда еще подумалъ: красивъ ты, молодецъ, и дороденъ, а не слыхать тебѣ моихъ пѣсенокъ. Не знаю также, привѣтливъ ли онъ былъ съ нашею братьею, а я не только не слыхалъ отъ него ласковаго слова, да и голоса-то его не знаю. И то сказать, мы за этимъ не гоняемся: кто богатъ, да тароватъ, наши пѣсни слушаетъ, да казны своей не жалѣетъ,—тотъ до насъ и ласковъ; а кто ласковъ, того и любимъ.

— Хорошо, хорошо!—прервалъ Вышата.—Скажи-ка мнѣ теперь, когда третьяго дня онъ проскакалъ

---

[1]) Рубанецъ, или рѣзань, самая мелкая монета тогдашняго времени.

мимо тебя, не въ замѣту ли тебѣ было, на какомъ конѣ?

— На какомъ конѣ?.. Постой, бояринъ, дай припомнить... Да, да... точно такъ: на борзомъ ворономъ конѣ.

— Безъ всякихъ примѣтъ?

— Нѣтъ, кажется,—съ бѣлой на лбу отмѣтиною!

— Ну, такъ и есть: это Соколъ, любимый его конь.

— Подлинно соколъ! Какъ Всеславъ поровнялся со мною, такъ онъ взвился кверху, ни дать ни взять, какъ птица.

— Эко диво, подумаешь!—сказалъ Вышата, смотря пристально на Торопа.—По твоимъ словамъ, онъ точно уѣхалъ на Соколѣ, а на самомъ-то дѣлѣ, его вороной конь остался дома, и слуга Всеслава показалъ въ допросѣ, что господинъ его дней шесть и въ конюшню-то не входилъ.

— Такъ чтожъ, бояринъ? Развѣ въ Кіевѣ только и вороныхъ, что этотъ Соколъ? Были бы только деньги, а за конями дѣло не станетъ.

— И то правда! Ты говоришь, что онъ проскакалъ по дорогѣ къ Бѣлой Вежѣ: такъ поэтому вы повстрѣчались по ту сторону Днѣпра?

— Да, бояринъ.

— По ту сторону Днѣпра?—повторилъ Вышата.— Ну, диковинка! Чай и ты знаешь, что теперь по всему Днѣпру нигдѣ нѣтъ броду: дѣло весеннее; такъ какъ же это онъ перебрался на ту сторону? Вѣдь на переправѣ-то стоитъ безсмѣнная стража.

— Видно, какъ-нибудь просмотрѣли, бояринъ.

— Видно, что такъ. Экіе зѣваки, подумаешь! Коли ты, Торопушка, не только узналъ Всеслава въ лицо, да и на конѣ-то бѣлую отмѣтину разсмотрѣлъ,—такъ, вѣстимо, что повстрѣчался съ нимъ не ночью, не въ сумерки, а среди бѣла дня.

— Да, бояринъ: вотъ этакъ передъ солнечнымъ закатомъ.

— То-то и есть. Какъ же они, проклятые, стоятъ на томъ, что онъ не проѣзжалъ?

— Э, знаешь ли что, бояринъ? Не переѣхалъ ли онъ черезъ Днѣпръ въ челнокѣ? Вѣдь коня-то онъ могъ добыть на той ужъ сторонѣ.

— А что ты думаешь? И впрямь.

— Точно, бояринъ! Когда я шелъ послѣ по берегу Днѣпра, то недалеко отъ устья Черторіи, замѣтилъ пустой челнокъ, который прибило теченіемъ къ песчаной косѣ. «Видно, какъ ни есть отвязался», подумалъ я; «и, чай, хозяинъ-то его теперь ищетъ, ищетъ!»

— Ну, Торопушка, исполать тебѣ: какой ты зоркій, все видишь. Видно, въ самомъ дѣлѣ Всеславъ ушелъ; да только если онъ бѣжалъ къ печенѣгамъ, такъ скоро намъ въ руки попадется: по этой дорогѣ разосланы вездѣ гонцы, — небось не уйдетъ! Вотъ, кабы онъ спрятался здѣсь въ лѣсу за Почайною, такъ его бы во все лѣто не поймали. Говорятъ, въ этомъ лѣсу есть такія непроходимыя дебри, что и приступу къ нимъ нѣтъ. Вчера мнѣ разсказывалъ одинъ дровосѣкъ, что въ самой срединѣ лѣса есть какая то-гора; по одну ея сторону глубокій оврагъ, а по другую непроходимое болото; что на этой горѣ видны развалины древняго капища, и что это мѣсто, которое слыветъ въ народѣ Чортовымъ Городищемъ, больно нечисто.

— И я слышалъ объ этомъ, бояринъ, — прервалъ Торопъ.

— Тотъ же дровосѣкъ, — прервалъ Вышата, не слушая Торопа и смотря на него пристально,—разсказывалъ мнѣ, что въ тотъ самый день, когда разбойникъ Всеславъ убилъ Звенислава и пропалъ безъ вѣсти съ двумя воинами, которые его вели, онъ забрелъ ненарокомъ въ это захолустье, и видѣлъ издалека, что по Чортову Городищу расхаживаютъ двое лѣшихъ: одинъ превысокій, а другой росту небольшого и въ овчинной шапкѣ—вотъ точно такой, какъ у тебя. Я было сначала повѣрилъ этому дровосѣку, да овчинная-то шапка меня съ толку сбила. Зачѣмъ лѣшему ходить въ шапкѣ?

Какъ ты думаешь, Торопушка,—промолвилъ Вышата,—полно, лѣшихъ ли онъ видѣлъ?

— У страха глаза велики, бояринъ! Чай, этотъ дровосѣкъ какъ спохватился, что зашелъ не въ доброе мѣсто, такъ ему со страстей и пеньки-то всѣ стали казаться лѣшими.

— И то не диво; да дѣло не о томъ. Ты кстати пришелъ, Торопушка. Знаешь ли что? Вѣдь мамушка Буслаевна о тебѣ встосковалась,—ты давно къ ней не заходилъ. Вотъ прошлый разъ, какъ ты забавлялъ сказками Рогнѣдиныхъ дѣвушекъ...

— Не однѣми сказками, ваша милость,—прервалъ съ нѣкоторою гордостію Торопъ,—мы и пѣсенку спѣть умѣемъ.

— Знаю, Торопушка, знаю! Ты на все гораздъ! Потѣшь ужъ сегодня Буслаевну: она старуха добрая. Эй, послушай, — продолжалъ Вышата, подозвавъ къ себѣ одного изъ слугъ,—отведи этого дѣтину въ красный теремъ. Буслаевна ужъ теперь живетъ не тамъ, гдѣ прежде...—промолвилъ ключникъ, обращаясь снова къ Торопу.—Иль нѣтъ!.. Ступайте-ка лучше на поварню. Ты, чай, проголодался, любезный. Какъ пообѣдаешь, да выпьешь красоули двѣ медку, такъ и разсказывать-то будетъ веселѣе; а ты у меня смотри, угощай его хорошенько! Ну, прощай покамѣстъ! Ступайте, ребята!

— Счастливо оставаться, бояринъ! — сказалъ Торопъ, выходя вонъ изъ гридницы вмѣстѣ съ служителемъ, который также, какъ и всѣ его товарищи, былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и очень некрасивъ собою.

Вышата, оставшись одинъ съ толпою служителей, прошелъ нѣсколько разъ молча взадъ и впередъ по гридницѣ; потомъ сѣлъ на скамью и, обращаясь къ одному изъ слугъ, котораго можно было назвать олицетвореннымъ совершенствомъ человѣческаго безобразія, сказалъ:

— Эй, ты, красавецъ, поди-ка сюда!

Служитель, отдѣляясь отъ толпы, подошелъ къ Вышатѣ.

— Кой прахъ, — продолжалъ онъ, смотря на него съ невольнымъ отвращеніемъ, — пора бы, кажется, мнѣ къ тебѣ приглядѣться; каждый день вижу, а все не могу привыкнуть. Ну, братъ Садко, никакъ ужъ ты черезъ-чуръ дуренъ.

И подлинно, уродливый Торопка-Голованъ показался бы при этомъ служителѣ идеаломъ красоты. Представьте себѣ на двухъ кривыхъ ногахъ, изъ которыхъ одна была короче другой, не туловище, но два остроконечные горба, а надъ ними широкое, раздавленное лицо, съ одной стороны смугло-желтое, съ другой ярко-багроваго цвѣта; узкій плѣшивый лобъ, широкій отвислый подбородокъ, козлиную, почти красную бороду; ротъ до ушей, уши до плечъ; одинъ глазъ кривой, другой косой, и носъ, который, расширяясь къ концу, походилъ на огромную грушу.

— И то сказать, — продолжалъ Вышата, — намъ здѣсь красавцевъ не надобно; да ты же парень сметливый, досужій и, говорятъ, терпѣть не можешь красныхъ дѣвушекъ.

— А за что мнѣ ихъ любить, ваша милость? — пропищалъ сиповатымъ дискантомъ Садко. — Вѣдь есть пословица: «сердце сердцу вѣсть подаетъ». И власть твоя, бояринъ, еслибъ ты хотѣлъ меня послушаться и поменьше давать воли этимъ змѣямъ подколоднымъ, такъ дѣло-то было бы лучше. У меня не стали бы онѣ сидѣть на помостахъ, да бѣгать въ огородъ и лепетать по-сорочьи со встрѣчнымъ и поперечнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ: онѣ живутъ въ теплыхъ свѣтлицахъ, ихъ наряжаютъ, какъ куколокъ; кормятъ до отвалу, — такъ чего жъ имъ? Сидѣли бы лѣтомъ на скамьяхъ, а зимою на лежанкахъ; а за двери и носу бы не смѣли показывать. Какъ хочешь, бояринъ, а ты вовсе ихъ перебаловалъ.

— И, что ты, Садко! Чѣмъ же я ихъ балую?

— Чѣмъ? Да хоть этотъ пострѣлъ Торопка-Голо-

ванъ! Ну, слѣдъ ли ему ходить сюда и потѣшать ихъ своими безпутными пѣснями? Долго ли до бѣды?

— Чего же ты боишься?

— Помилуй, какъ чего? Вѣдь этотъ Голованъ дѣтина молодой, да и собой-то смазливъ.

— Кто?.. Торопъ? — прервалъ съ громкимъ хохотомъ Вышата.

-- Смѣйся, смѣйся, бояринъ! А чѣмъ же онъ дуренъ собою? Дѣтина хоть куда.

— Добро, добро! Скажи-ка мнѣ лучше, удалось ли тебѣ провѣдать, ради кого шатается здѣсь по ночамъ одинъ молодой парень, котораго до сихъ поръ вы, глупые ротозѣи, и поймать-то не могли.

— Что же дѣлать, бояринъ! Мы ужъ не разъ думали, не мерещится ли намъ? Бывало, подмѣтимъ, подкрадемся, въ обходъ обойдемъ, ну,601 cослѣдимъ, какъ краснаго звѣря... Хвать,—анъ не тутъ-то было: сгинетъ, да пропадетъ, словно сквозь землю провалится! Сегодня, какъ всѣ еще спали, ранехонько по-утру, я пошелъ на рѣку за водою; глядь, этакъ шагахъ въ двадцати отъ стѣны, противъ рѣшетчатаго терема, стоитъ дѣтина; я притаился за кустомъ, смотрю: никакъ нашъ полуночникъ. Такъ и есть. Вотъ онъ постоялъ, постоялъ, да какъ вдругъ учнетъ кобениться: то подыметъ одну руку, то другую; я глядь на рѣшетчатый теремъ, и тамъ кто-то помахиваетъ бѣлымъ платомъ. Вотъ этотъ дѣтина поднялъ кверху два пальца, потомъ скривилъ голову на сторону, подперъ ее рукою, зажмурилъ глаза, а тамъ помахалъ, помахалъ еще руками, да и былъ таковъ!

— Ну, а въ теремѣ-то кто былъ?

— Погоди, бояринъ, все разскажу. Я бросилъ кувшинъ съ водою, чтобъ поскорѣй добѣжать до дому, кинулся въ рѣшетчатый теремъ, и лишь только взобрался на первую лѣстницу, какъ вдругъ,—пырь мнѣ въ глаза, проклятая! Чуть-чуть съ ногъ не сшибла!..

— Да кто же? Говори скорѣй!

— Да вотъ эта плакса-то Любаша?

— Ого!..—прервалъ Вышата. — Теперь знаю, кто этотъ полуночникъ. Такъ и есть, — это озорникъ Дулебка. Мало ли съ нимъ и такъ возни-то было, —такой сорви-голова, что и сказать нельзя. Я помню, затесался прямехонько на княжескій дворъ; да ужъ и пугнули же его оттуда! Ты говоришь, онъ поднялъ кверху два пальца, а тамъ приложилъ голову къ рукѣ и зажмурилъ глаза... Что бъ это такое было?.. Э, э, постой!.. На вторую ночь, какъ всѣ заснутъ... вотъ что! Ахъ, онъ, разбойникъ!.. Слушай-те, ребята: сегодня намъ некогда его ловить, а завтра съ вечера засядьте-ка по кустамъ, кругомъ огорода, да чуръ не прокараулить милаго дружка! Смотрите, дурачье, хоть этотъ разъ не упустите его изъ рукъ.

— Слушаемъ, бояринъ. А съ этой озорницей иль расправы никакой не будетъ?

— Небось, придетъ всему чередъ! Сегодня только засадимъ ее въ свѣтлицу, да двери на запоръ.

— Не прикажешь ли, бояринъ, я и двери и окна наглухо заколочу? Что, въ самомъ дѣлѣ, не задохнется.

— Добро, добро! Скажи-ка мнѣ лучше, нашелся ли серебряный кубокъ, который на прошлой недѣлѣ сгинулъ да пропалъ изъ поставца?

— Нѣтъ, господинъ Вышата. Ужъ мы искали, искали; всѣ мышьи норки обшарили; видно, кто-нибудь да спроказилъ.

— А на кого ты думаешь?

— Въ чужую душу не влѣзешь, бояринъ. Коли дозволишь, такъ завтра я схожу къ одной знакомой старушкѣ, она живетъ близъ Берестова, а ужъ такая досужая, что всю подноготную знаетъ. Авось она мнѣ скажетъ, гдѣ искать нашей пропажи.

— Ну, хорошо, сходи къ ней; да позовите-ка ко мнѣ Буслаевну... Иль нѣтъ, — продолжалъ ключникъ, выходя изъ гридницы,—я самъ къ ней зайду. Сегодня, можетъ статься, Государь Великій Князь заѣдетъ сюда съ поля отдохнуть да попировать съ могучими своими

богатырями и удалыми витязями, — такъ вы у меня смотрите, чтобъ все было прибрано, чисто и въ порядкѣ; чтобъ пылинки нигдѣ не было! Слышите-ль, ребята?

III.

— Ну, братъ, правду ли я сказалъ давеча нашему велемудрому господину ключнику Вышатѣ, что не слѣдъ пускать сюда всякую челядь? Слышишь, какъ расшумѣлись на заднемъ дворѣ? Словно въ Усладовъ день хмельныя посадскія бабы. Экъ они орутъ, проклятые!

Такъ говорилъ ненавистникъ всякаго веселья, безобразный Садко, подходя съ однимъ изъ своихъ товарищей къ службамъ, которыя, составляя задній дворъ княжескихъ палатъ, примыкали къ обширному огороду. Въ самомъ дѣлѣ, село Предиславино, какъ мрачная и безмолвная темница, давно уже не оглашалось кликами радости и веселія, которые раздавались въ эту минуту въ *застольной* дворцовыхъ служителей, биткомъ набитой холопами, стряпухами и всѣмъ рабочимъ народомъ села Предиславина. Но кто возбуждалъ сіи радостныя восклицанія; отчего подымался по временамъ громкій хохотъ; отчего и сѣдые старики и угрюмыя старушки ухмылялись, а молодыя работницы умирали со смѣху?.. Торопка-Голованъ пообѣдалъ и, выпивъ чары двѣ крѣпкаго вина, попѣвалъ пѣсни удалыя и разсказывалъ свои потѣшныя сказочки.

Онъ сидѣлъ за столомъ; кругомъ него тѣснилось сорокъ слушателей. Тѣ, которые были отъ него подалѣе, стояли на скамьяхъ, чтобъ видѣть черезъ головы другихъ лицо разсказчика, коего ужимки, кривлянья и выразительная пантомима возбуждали, болѣе самихъ разсказовъ и пѣсенъ, веселость всей толпы.

— Эхъ, вы, удалые молодцы съ просѣдью!—говорилъ Торопъ, посматривая на пожилыхъ служителей, которые, разиня рты, слушали его розсказни. Есть про васъ у меня сказочка: ее старики былью зовутъ, а въ

Великомъ Новгородѣ кто назоветъ ее небылицею, тотъ береги свою буйную головушку и въ народъ не показывайся! Мнѣ разсказывалъ ее ученый котъ, а лиса подсказывала. Слушайте же мою быль, люди добрые, и молодицы, и красныя дѣвицы; а ты, бабушка,—промолвилъ Торопъ, обращаясь къ одной семидесятилѣтней старухѣ,—на молодца не заглядывайся! Слушать-то мои сказки, слушай, а исподтишка мнѣ не подмигивай!

Общій хохотъ прогремѣлъ по застольной, а старушка, засмѣясь вмѣстѣ съ другими, закашлялась и проговорила ухмыляясь:

— Ахъ, ты, озорникъ, озорникъ, пострѣлъ бы тебя взялъ! Да этакъ съ тобой животики надорвешь.

Торопъ, помолчавъ съ полминуты, насладясь вполнѣ успѣхомъ своей затѣйливой шуточки, продолжалъ:

— Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки; отъ молодецкаго посвиста, отъ богатырскаго поѣзда; а это, братцы, не сказка, а присказка, а сказка впереди. Слушайте!

— Какъ во славномъ городѣ Словенскѣ, близъ озера *Ильмера*, на крутомъ берёгу рѣки *Мутной*, жилъ былъ сильный, могучій Князь Словенъ. Онъ громилъ всѣ страны полночныя, воевалъ Біармію и обладалъ землею Ижорскою. Ему платили дань и чудь бѣлоглазая и весь безсапожная, и присылали дары изъ богатой Кареліи. Вотъ онъ жилъ, да поживалъ, и прижилъ съ женою своею Шалоною двухъ сыновей. Старшаго звали Волховомъ, и когда онъ подросъ и выровнялся, то стали ему низки чертоги родительскіе, и не было ему дверей ни для входа, ни для выхода. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и выросъ съ сосну добрую. Вотъ, однажды, не спросясь у батюшки, не простясь со своею матерью, онъ ушелъ въ лукоморье дальнее; и когда обучился тамъ всякому чародѣйству, то, воротясь назадъ, построилъ себѣ городокъ близъ урочища Перыньи и засѣлъ въ этомъ городѣ, какъ на перепутьи дикій звѣрь. Не было проѣзда конному, не было про-

хода пѣшему; а на рѣкѣ *Мутной*, которую прозвали съ тѣхъ поръ Волховомъ, ни одна лодочка не показывалась. Сынъ княженецкій, въ образѣ змѣя, скрывался въ глубокихъ омутахъ, топилъ суда и пожиралъ бѣдныхъ плавателей; ну, словомъ, такого чародѣя лютаго не видно было ни на Руси, ни въ странѣ Югорской. А слыхали ли вы, братцы, объ этой поганой сторонѣ? Тамъ живутъ люди самоѣды; злыхъ кудесниковъ несмѣтное число; всѣ старухи въ Ягу-Бабу вѣруютъ, и такъ же, какъ она, по осеннимъ ночамъ, безъ коней и безъ упряжи, разъѣзжаютъ и катаются въ ступахъ по лѣсу. Тамъ же, на рѣкѣ Сосвѣ, живутъ люди одноглазые, кривоногіе, горбатые, вотъ ни дать ни взять такіе же красавцы, какъ этотъ молодецъ,—промолвилъ Торопъ, указывая на Садко, который, продравшись сквозь толпу, подошелъ къ столу.

Громче прежняго поднялся хохотъ въ застольной.

— Экій заноза парень, подумаешь! — сказалъ одинъ изъ служителей, умирая со смѣху. — Нѣтъ, нѣтъ, да и царапъ! А все до тебя добирается, Садко!

— До меня? Ахъ, онъ проклятый гудочникъ! Смотри, братъ, чтобы до твоей спины не добрался!

— До моей спины добраться не трудно, любезный! — возразилъ спокойно Торопъ. — Гуляй по ней, какъ по чистому полю. Вотъ до твоей, такъ и самъ чортъ не доберется: вишь у тебя и спереди и сзади какія засѣки.

Общій смѣхъ удвоился; а Садко, задрожавъ отъ бѣшенства, протянулъ руку чрезъ столъ, чтобъ схватить за воротъ Торопа.

— Полно, что ты! — вскричалъ Торопъ, отодвигаясь.—Иль хочешь побороться въ одноручку? Пожалуй! Только чуръ стоять на обѣихъ ногахъ, а то бой будетъ неровный.

— Чему обрадовались, дурачье?—зашипѣлъ, какъ змѣй, безобразный служитель, посмотрѣвъ вокругъ себя. — Что зубы-то оскалили? А ты, пѣвунъ, полно здѣсь балясничать: ступай-ка со мною!

— Куда?

— Еще спрашиваешь! Иди, куда велятъ.

— Не скажешь, такъ не пойду: мнѣ и здѣсь хорошо.

— Вышата приказалъ мнѣ отвести тебя въ красный теремъ, къ бабушкѣ Буслаевнѣ. Ну, слышалъ?

— Слышалъ. Вотъ это дѣло другое. Что его милость прикажетъ, то и дѣлаю. Прощайте, добрые люди. Когда ни есть на просторѣ доскажу вамъ мою быль, а теперь спасибо за угощенье! Счастливо оставаться, красныя дѣвушки! Прощенья просимъ, бабушка! Смотри, впередъ при людяхъ мнѣ не подмигивай! Ну, чтожъ, господинъ Садко, пойдемъ что ль?.. Да двигайся же, мое красное солнышко съ изъянчикомъ!

— Молчи, скоморохъ! Говори съ тѣмъ, кто тебя слушаетъ,—проборморталъ сквозь зубы Садко, выходя съ Торопомъ вонъ изъ застольной.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Торопъ насвистывалъ пѣсню, а Садко поглядывалъ исподлобья, и здоровый глазъ его сверкалъ, какъ раскаленное желѣзо. Когда они поровнялись съ главнымъ дворцовымъ корпусомъ, то онъ, пріостановясь, сказалъ:

— Да чтожъ ты, въ самомъ дѣлѣ, разсвистался, неучъ? Что ты, собакъ что ль скликаешь?

— Да, молодецъ: я посвистываю, чтобъ ты не отставалъ.

— Послушай, балясникъ, — если я разсержусь не на шутку...

— Такъ чтожъ?

— А то, что ты у меня какъ разъ язычекъ прикусишь.

— Полно пѣтушиться-то, любезный! Ужъ коли я не шарахнулся отъ тебя, когда увидѣлъ въ первый разъ, такъ теперь и подавно того не испугаюсь. Хоть ты и похожъ на воронье пугало, да я-то не ворона.

— А что? Чай, соколъ?

— Куда намъ! Наше дѣло пѣть про ясныхъ соко-

ловъ, удалыхъ русскихъ витязей, а подчасъ пошутить надъ какимъ-нибудь сычемъ, когда онъ черезчуръ расхорохорится... Да вотъ никакъ и двери въ красный теремъ,—продолжалъ Торопъ, остановясь у небольшого зданія, которое примыкало съ лѣвой стороны къ главному корпусу.

Садко, а за нимъ Торопъ, вошли въ просторныя сѣни, въ которыхъ двое противоположныхъ дверей вели въ нижнія отдѣленія; а прямо, по внутренней стѣнѣ, подымалась почти стойкомъ крутая лѣстница. Хромоногій Садко, пробормотавъ нѣсколько проклятій и ругательствъ, началъ бокомъ взбираться по ней вверхъ, держась обѣими руками за деревянный поручень. Торопъ шелъ позади.

— Ну, ну, добрый молодецъ, — говорилъ онъ,— шагай, смѣлѣй! Да не держись такъ крѣпко! Упадешь — не бѣда: не кверху полетишь!.. Эхъ, братъ, да ты бы шелъ на одной ногѣ: другая-то тебѣ мѣшаетъ!.. Что, любезный, задохнулся?.. То-то и есть,— навьюченъ ты больно: смотри, какую вязанку на спинѣ тащишь! Напрасно ты ее внизу не оставилъ!

Садко посматривалъ какъ дикій звѣрь на Торопа, пыхтѣлъ и не отвѣчалъ ни слова на его насмѣшки. Пройдя ступеней тридцать, они остановились у толстыхъ дубовыхъ дверей. Садко постучался.

— Кто тутъ? — спросилъ женскій старушечій голосъ.

— Я, мамушка!—закричалъ Торопъ.

— А, красное мое солнышко! Милости просимъ!— сказала старуха лѣтъ пятидесяти-пяти, отворяя дверь

— По-добру ли, по-здорову, мамушка Буслаевна?— сказалъ Торопъ, поклонясь низехонько старухѣ и входя вмѣстѣ со своимъ провожатымъ въ свѣтлицу.

— Живется покамѣстъ, Торопушка! Послушай, Садко: поблагодарствуй отъ меня господина ключника за то, что онъ изволилъ прислать ко мнѣ моего дружка милаго, моего голосистаго соловушку, моего...

— Слушаю, мамушка! — прервалъ Садко, нахму-

ривъ брови. — Я доложу его милости, что отвелъ къ тебѣ этого побродягу-гудочника. Счастливо оставаться!

— Не гнѣвайся на него, мой сизый голубчикъ!— сказала Буслаевна, когда Садко вышелъ вонъ. — Ужъ онъ родомъ такой: хоть кого облаетъ. Ну, что, Торопушка, не правда ли, что этотъ покой лучше того, въ которомъ я жила прежде?

— Правда, мамушка, правда: и свѣтло и весело!— отвѣчалъ Торопъ, посмотрѣвъ вокругъ себя. — Два красныя окна, печь съ лежанкою, скамьи широкія; а кровать-то какая знатная—съ пологомъ! Ну, свѣтелка! Только не поменьше ли она прежней-то? Вѣдь это стѣна?

— Нѣтъ, дитятко! Это такъ, забрано досками. Тутъ мой чуланчикъ,—продолжала Буслаевна, порастворивъ дверь, которую Торопъ сначала не замѣтилъ;—въ немъ стоятъ, вонъ видишь, скрынки, ларцы, всякая всячина...

— А это никакъ выходъ въ другія сѣни?

— Нѣтъ, Торопушка, — отвѣчала Буслаевна, притворяя дверь,—это поставецъ съ моею посуденкою.

— А эта дверь куда?—спросилъ Торопъ.

— Въ другую свѣтелку. Тутъ живетъ теперь одна гостья, которая недавно къ намъ пожаловала.

— Гостья? Откуда, мамушка?

— Не издалека, Торопушка. Э, да знаешь ли что? Не позвать ли намъ ее? Авось твои пѣсенки развеселятъ эту горемычную.

— А что, развѣ она грустить о чемъ-нибудь?

— Да такъ-то грустить, что и сказать нельзя! И день и ночь охаетъ да стонетъ, — только и слышу. Повѣришь ли, — на меня тоску нагнала. Стану уговаривать: куда-те,—и слушать не хочетъ! А ужъ плачетъ, плачетъ, какъ рѣка льется.

— Да о чемъ это она, сердечная, такъ надрывается?

— Кто ее знаетъ? То поминаетъ объ отцѣ, то о какомъ-то женихѣ; иногда примется молиться, только не по-нашему. Ужъ она причитаетъ, причитаетъ,—и

какихъ-то святыхъ угодниковъ, и какую-то пречистую дѣву. Какъ я ни слушаю, а въ толкъ не возьму. Только всякій разъ, какъ начнетъ молиться, у меня отъ сердца отляжетъ: знаю, что послѣ этого часика два дастъ мнѣ вздохнуть; уймется плакать, какъ будто бы ни въ чемъ не бывала; а тамъ, глядишь, опять за слезы; да какъ расходится, такъ бѣги вонъ изъ свѣтлицы. Попытайся-ка, Торопушка, распотѣшить эту заунывную пташечку; вѣдь ты на это гораздъ. Бывало, мнѣ иногда на старости сгрустнется, а какъ ты придешь, да примешься сказки разсказывать иль затянешь плясовую, такъ я...

— Такъ ты, мамушка,—прервалъ Торопъ,—хоть сама плясать, такъ впору?..

— А что ты думаешь? Право, такъ. Смотри же, мой соловушко, не ударь себя лицомъ въ грязь!

— Постараюсь, мамушка.

Буслаевна отодвинула желѣзную задвижку, которою была заперта дверь въ другую свѣтлицу, и сказала ласковымъ голосомъ:

— Поди сюда, моя красоточка!.. Да полно плакать-то! Погоди, авось мы тебя развеселимъ... Ступай, небось!

Въ дверяхъ показалась дѣвушка въ голубомъ покрывалѣ, и прежде чѣмъ она успѣла вскрикнуть отъ радости и удивленія, Торопъ, къ которому Буслаевна стояла спиною, подалъ ей знакъ, чтобъ она молчала.

— Ну, вотъ видишь ли,—продолжала Буслаевна,—лишь только взглянула на этого дѣтину, такъ ужъ тебѣ стало веселѣе. То ли еще будетъ! Дай ему развернуться: вѣдь такого балагура, какъ онъ, во всемъ Кіевѣ не отыщешь. Садись-ка, свѣтикъ мой; садись-ка и ты, Торопушка, да спой намъ что-нибудь.

— Изволь, мамушка, споемъ, — сказалъ Торопъ, садясь на скамью противъ Надежды.—И если ты, красная дѣвица,—имя и отчество твое не вѣдаю,—до удалыхъ пѣсенъ охотница, такъ авось мое мурлыканье придетъ тебѣ по-сердцу.

Бѣдная дѣвушка не смѣла приподнять своихъ потупленныхъ глазъ; она чувствовала, что въ нихъ легко можно было прочитать всѣ тайные ея помыслы: ея радость, страхъ, нетерпѣливое ожиданіе и надежду.

— Ну, чтожъ, Торопушка,—сказала Буслаевна,—о чемъ задумался!

— А вотъ сейчасъ, мамушка; авось, эта пѣсенка развеселитъ твою заунывную красавицу.

Торопъ откашлялся и началъ:

«Ты не плачь, не плачь, моя голубушка!
Не слези твое лицо бѣлое:
Не загибъ, не пропалъ твой сердечный другъ»...

— И, полно! — прервала Буслаевна. — Что это за пѣсня? Да отъ нея тоска возьметъ. Не правда ли, моя красавица?

— Нѣтъ, мамушка, — отвѣчала тихимъ голосомъ Надежда, стараясь скрывать свою радость, — пѣсня хороша.

— Да изволь, Буслаевна,— сказалъ Торопъ,— за этимъ дѣло не станетъ, споемъ и другую:

«Взгоревалась бѣла горлинка,
Взворковалась о своемъ дружочкѣ,
О своемъ дружочкѣ,
Сизомъ голубочкѣ.
Что-то съ нимъ подѣялось?
Не попался ль въ когти онъ
Къ чернокрылымъ коршунамъ?
Не пришибъ ли его
Мощнымъ крыломъ
Поднебесный орелъ?
Не воркуй, не горюй,
Моя горлинка!
Ты не плачь, не тоскуй,
Красна дѣвица!..»

— Эхъ, нѣтъ, Торопушка, — прервала опять Буслаевна,—да это все на тотъ же ладъ. Послушай-ка! Мнѣ Вышата сказывалъ, что ты въ послѣдній разъ въ Рогнѣдиномъ теремѣ спѣлъ ему какую-то прелюбезную пѣсенку. Ну-ка, мой соловушко, спой намъ ее!

— Пожалуй, мамушка. Дай только припомнить... да, да!.. Ну, слушай же, да только слушай всю. Вѣдь пѣсня безъ конца, что человѣкъ безъ ногъ: и хорошъ и пригожъ, а все назовешь калѣкою... Кой прахъ, вовсе начало запамятовалъ!

Торопъ призадумался; поглаживалъ свой широкій лобъ, запѣвалъ потихоньку на разные голоса, топалъ ногою отъ нетерпѣнія и вдругъ вскричалъ съ радостію:

— А, вспомнилъ, вспомнилъ! Только смотри, Буслаевна, не мѣшай; а не то я вовсе пѣть не стану. Ну, слушайте!

«Ужъ какъ вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ,
Пробираясь по лѣсу;
По кусточкамъ онъ шумитъ,
По листочкамъ шелеститъ,
По лужайкамъ перепархиваетъ!
То запышетъ онъ прохладою,
То засвищетъ соловьемъ.
Онъ несетъ къ дѣвицѣ вѣсточку
Отъ сердечнаго дружка;
Онъ ей шепчетъ на-ухо:
«Тяжко, тяжко было молодцу,
Да товарищъ выручилъ.
Ты не бойся, моя радость!
Не грусти, моя краса!
Не найдутъ меня злодѣи,
Не отыщутъ мой пріютъ.

***

За долами, за горами,
За глубокими оврагами,
Съ вѣрнымъ другомъ и товарищемъ
Я отъ нихъ скрываюся.
И туда, гдѣ мы живемъ,
Нѣтъ проходу, ни дороженьки,
Нѣтъ ни слѣда, ни тропиночки;
Все заглохло быліемъ
И травою поросло.
Не свиваетъ тамъ гнѣзда
И могучій орелъ;
Не взлетаютъ къ намъ туда
Стаи ясныхъ соколовъ;
И хоть близко отъ тебя,
А какъ будто бы живу
Я за тридевять земель.

***

Ты не бойся, моя радость!
Не грусти, моя краса!
Не найдутъ меня злодѣи,
Не отыщутъ мой пріютъ!»

Торопъ пересталъ пѣть и, взглянувъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ на перегородку, сказалъ:

— Что это, Буслаевна? Ужъ нѣтъ ли кого въ этомъ чуланчикѣ?

— И, что ты, свѣтикъ! Кому тамъ быть?

— Мнѣ послышалось, что тамъ скрипнули дверью.

— Какою дверью?

— Не знаю, мамушка; только, власть твоя, насъ кто-то подслушивалъ.

— Ужъ не котъ ли мой проказитъ?—сказала Буслаевна, вставая.—Ну, такъ и есть!—продолжала она, взглянувъ за перегородку. — Брысь ты, проклятый!.. Экъ онъ къ поставцу-то подбирается!.. Вотъ я тебя!.. Брысь!

— Ну, мамушка,—прервалъ Торопъ,—видно, твой котъ ученый, и лапы-то у него не хуже рукъ. Дверцы въ твой поставецъ были заперты; а теперь, смотри-ка, крючекъ вынутъ изъ пробоя и онѣ только-что притворены. Ну, нечего сказать, диковинный котъ!

— Ахъ, ты, балагуръ, балагуръ!—промолвила Буслаевна, стараясь улыбаться. — Чего не выдумаетъ? Ужъ будто бы мой котъ снялъ крючекъ съ пробоя. Что и говорить,—смышленъ-то онъ смышленъ; а ужъ озорникъ какой: чуть что плохо лежитъ, такъ и его! Ономнясь полпирога у меня съѣлъ; а третьяго дня...

Тутъ Буслаевна принялась разсказывать, какъ этотъ котъ заѣлъ двухъ цыплятъ и задушилъ ея лучшаго пѣтуха.

— Охъ, этотъ котъ!..—прошепталъ про себя Торопъ.—Ужъ полно, не этотъ ли?—прибавилъ онъ, увидя входящаго Вышату.

— Здорово, Буслаевна!—сказалъ ключникъ.—Ба, и ты здѣсь, моя заунывная пташечка?.. Ну, что, поразвеселилъ ли васъ этотъ пострѣлъ Торопка-Голованъ?

Тебя, моя красоточка и спрашивать нечего: стоитъ взглянуть. Ай да, Торопушка! Молодецъ! Смотри, пожалуй, да она веселехонька! Видно, зналъ, чѣмъ распотѣшить, коли эта горюнья унялась плакать!

— Да онъ лишь только началъ,—сказала старуха,— и спѣлъ намъ первую пѣсенку.

— Не равна пѣсня, Буслаевна; одна хороша, такъ стоитъ десяти. Ужъ какъ же я радъ, моя красоточка,— продолжалъ Вышата, обращаясь къ Надеждѣ,—что ты стала повеселѣе. Сегодня Государь Великій Князь пожалуетъ къ намъ сюда въ гости и проживетъ дня три, а статься можетъ, и болѣе. Ты и въ слезахъ бы ему приглянулась, а теперь совсѣмъ его заполонишь.

Смертная блѣдность покрыла лицо Надежды.

— Какъ,—сказала она трепещущимъ голосомъ,— вы покажете меня Великому Князю?

— А ты думала, что мы станемъ тебя отъ него прятать?.. Ахъ, ты, моя простота, простота! Да развѣ тебя затѣмъ сюда привезли, чтобъ никому не показывать? Нѣтъ, моя радость: клады въ землю закапываютъ, да только не такіе!

— Милосердый Боже! — воскликнула Надежда, закрывъ руками лицо свое.

— Что ты, что ты, дитятко?—сказала Буслаевна.— Да въ умѣ ли ты?.. Плакать о томъ, что тебя хотятъ показать Великому Князю!

— Полно, моя лапушка! — прервалъ Вышата. — Почему ты знаешь: ну, какъ въ самомъ дѣлѣ ты придешь посердцу нашему Государю и онъ удостоитъ наименовать тебя своею супругою?.. Если прикажутъ называть тебя нашею Великою Княгинею...

— О, я не хочу ничего! — проговорила Надежда, всхлипывая.—Матушка, матушка, возьми меня къ себѣ!

— Послушай, моя красавица,—сказалъ Вышата,— если ты хочешь, такъ мы и матушку твою сюда перевеземъ; скажи только, гдѣ она.

— Она! повторила Надежда, устремивъ кверху *глаза* свои. — О, она тамъ, гдѣ нѣтъ ни горести, ни

плача, ни страданій; гдѣ никто не помѣшаетъ мнѣ любить Всеслава; гдѣ вашъ Государь и бѣдный поселянинъ равны между собою...

Вышата отступилъ назадъ съ ужасомъ.

— Тсъ!.. Тише, тише! Что ты!—прошепталъ онъ, посматривая вокругъ себя. — Ахъ, ты, безумная! Да какъ языкъ у тебя поворотился вымолвить такую хулу на нашего Государя?.. Ахъ, ты, дѣвка неразумная!.. Чему ты ее учишь, Буслаевна?.. Слыхано ли дѣло: равнять Великаго Князя Владиміра, господина всѣхъ господъ, владыку всѣхъ владыкъ, наше солнце ясное... Ухъ, какъ вспомню, такъ и обдастъ всего холодомъ!.. Ну, какъ она ляпнетъ это передъ его свѣтлымъ лицомъ?.. А ты что, старая корга... чего ты смотришь?.. За что тебя хлѣбомъ кормятъ? Да знаешь ли ты, еслибъ у тебя и три головы было, такъ и тутъ ни одной не останется?

— Да помилуй, отецъ родной! — завопила Буслаевна. — Что же прикажешь мнѣ дѣлать съ этою неповитою дурою? Ужъ я ли ей не толкую? Да что проку-то: что ни говори, все какъ къ стѣнѣ горохъ!

— Говори ей съ утра до вечера, что не только ей, но даже какой-нибудь греческой царевнѣ и честь и слава приглянуться Великому Князю Кіевскому.

— Говорю, батюшка, говорю!

— Тверди ей безпрестанно, что она должна не плакать, а радоваться.

— Твержу, мой отецъ, твержу!

— А ты, нравная дѣвчонка,—продолжалъ Вышата, обращаясь къ Надеждѣ,—коли ты не уймешься реветь и дерзнешь впередъ говорить такія непригожія рѣчи о нашемъ Государѣ, такъ я упрячу тебя, моя голубушка, знаешь куда? На поварню, или въ прачешную! Не хочешь быть сама барыней, такъ я сдѣлаю тебя холопкою.

— О, господинъ Вышата,—вскричала съ живостію Надежда, схвативъ его за руку,—будь милостивъ!

— Ага, голубушка! То-то же!—прервалъ Вышата съ довольнымъ видомъ.

— Да, будь моимъ благодѣтелемъ! — продолжала Надежда. — Исполни свое обѣщаніе: сошли меня куда хочешь, заставь служить кому угодно... Я знаю разныя рукодѣлья, умѣю вышивать шелками и золотомъ: я буду дѣлать все, что мнѣ прикажутъ; стану работать съ утра до вечера; прясть по ночамъ; сдѣлаюсь рабою рабынь твоихъ, — только не показывай меня Владиміру!.. О, будь великодушенъ,—не откажи мнѣ въ этомъ, и я вѣчно стану молить за тебя Богу!

Въ глазахъ Надежды блисталъ необыкновенный огонь, ея щеки пылали. Вышата посмотрѣлъ съ удивленіемъ на бѣдную дѣвушку: казалось, онъ не хотѣлъ вѣрить словамъ ея; но, наконецъ, поневолѣ убѣжденный истиною, которая выражалась въ ея умоляющихъ взорахъ, въ ея трепещущемъ голосѣ, во всѣхъ чертахъ лица ея, онъ сказалъ про себя, продолжая смотрѣть на Надежду:

— Нѣтъ, нѣтъ, она не шутитъ... Чтожъ это такое?.. Ужъ не бредитъ ли она?.. Буслаевна, уложика ее спать; да напой чѣмъ-нибудь горяченькимъ... Ну, добро, добро, моя лебедь бѣлая,—мы поговоримъ объ этомъ послѣ!.. Эхъ, бѣдненькая, смотри, какъ у нея лицо-то разгорѣлось!.. Успокойся, отдохни, моя касаточка, а то пожалуй, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ захвораешь. Пойдемъ, Торопъ.

Ключникъ вышелъ вмѣстѣ съ Торопомъ изъ свѣтлицы и, спускаясь по крутой лѣстницѣ, продолжалъ шептать про себя:

— Да, да, она точно не въ своемъ разумѣ... Дочь простого дровосѣка... бѣдная дѣвка... Я же ей сказалъ, что, можетъ статься, она будетъ супругою Великаго Князя... Да другая бы на ея мѣстѣ отъ радости земли подъ собой не почуяла...

Когда они вышли на дворъ, то Вышата, повернувъ направо, пошелъ прямо къ одной большой

избѣ, которая была построена въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ всѣхъ прочихъ зданій.

— Послушай-ка, любезный, — сказалъ онъ, обращаясь къ Торопу, который шелъ позади его, — не припомнишь ли, какую пѣсню ты пѣлъ въ послѣдній разъ въ Рогнѣдиномъ теремѣ?.. Ну, знаешь, вотъ та, что мнѣ такъ полюбилась?..

— Тебѣ, бояринъ?.. Постой!.. Какая бишь это?..

— Да вотъ та самая, которую ты послѣ этого пѣлъ у меня на дому.

— А, да, да... вспомнилъ!

«Высота ли, высота поднебесная»...

— И, нѣтъ, Торопушка! Мнѣ помнится, она начинается вотъ такъ:

«Ужъ какъ вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ,
Пробираясь по лѣсу»...

— Ой, ой, ой!—подумалъ Торопъ,—худо дѣло!

— Прелюбезная пѣсенка!—продолжалъ Вышата.— Какъ бишь въ ней?.. Постой-ка!

«Тяжко, тяжко было молодцу:
Да товарищъ выручилъ»...

Не помню только, называютъ ли въ пѣснѣ по имени этого товарища; да вотъ погоди, ты опять мнѣ ее споешь. А что, Торопушка, кажись, въ этой же пѣснѣ поется:

«И туда, гдѣ мы живемъ,
Нѣтъ проходу, ни дороженьки,
Нѣтъ ни слѣда,
Ни тропиночки»...

— Да, бояринъ,—отвѣчалъ Торопъ, оправясь отъ перваго замѣшательства, — и покойный мой дѣдушка такъ пѣвалъ эту пѣсню.

— Твой дѣдушка? Вотъ что! А я думалъ, что ты самъ ее сложилъ.

— Куда мнѣ! будетъ съ меня и того, что чужія пѣсни пою. Только воля твоя, бояринъ,—я эту пѣсню передъ тобой никогда не пѣвалъ.

— И, что ты, Торопушка! Да не самъ ли ты сейчасъ сказывалъ Буслаевнѣ...

— Ну, да, бояринъ, — чтобъ какъ-нибудь отъ нея отвязаться; пристала какъ съ ножомъ къ горлу: Спой намъ ту пѣсенку, что хвалилъ его милость, господинъ Вышата; спой да спой! А голосъ-то такой мудреный— съ раскатами, да съ вычурами; а у меня сегодня въ горлѣ словно клинъ стоитъ,—всю ночь не могъ откашляться.

— Ну, братъ Торопъ,—прервалъ съ насмѣшливою улыбкою Вышата, — умень ты! Что и говорить, — за словомъ въ карманъ не полѣзешь, и поговорокъ много знаешь; а, знать, одному позабылъ.

— Какую, бояринъ?

— А вотъ какую: «какъ лисѣ ни хитровать, а западни не миновать». Ступай-ка, любезный, ступай, добро!—прибавилъ ключникъ, вталкивая Торопа въ растворенныя двери избы, къ которой они подошли.

— Охъ, плохо дѣло!—подумалъ Торопъ, входя въ обширный покой, едва освѣщаемый двумя узкими окнами съ толстыми желѣзными рѣшетками. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя: по стѣнамъ были развѣшаны такія украшенія, кто бѣднаго Торопа морозомъ подрало по кожѣ. Въ самой срединѣ потолка ввинчено было кольцо, а въ кольцѣ продѣта веревка; человѣкъ пять служителей толпились въ одномъ углу; впереди всѣхъ стоялъ уродъ Садко; онъ смотритъ на Торопа и ухмыляется. «Охъ, плохо дѣло!».

— Ну, мое дитятко милое, — сказалъ Вышата, садясь на скамью,—не все сказки разсказывать: поговоримъ-ка теперь дѣло. Мнѣ надо кой о чемъ тебя распросить; а ты смотри, любезный, не вертись, не бормочи, не отнѣкивайся; а отвѣчай правду, ладно, чинно и безъ запинки.

— Что прикажешь, бояринъ?—сказалъ Торопъ.—Я радъ на все отвѣчать.

— То-то же, голубчикъ! Скажешь правду, не

узнаешь лиха; станешь запираться, да какъ заяцъ по сугробу петли кидать, такъ и самъ въ петлю попадешься. Ну, говори же, да говори безъ утайки: гдѣ Всеславъ?

— Не знаю, бояринъ!..

— Не знаешь?.. Эй, ребята, захлестните-ка петлю на веревкѣ!.. Да надежна ли она?

— Небось, бояринъ, хоть кого сдержитъ! — пропищалъ безобразный Садко.

— Такъ ты подлинно не знаешь, — продолжалъ Вышата,—гдѣ теперь бывшій великокняжескій отрокъ Всеславъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— И, полно прикидываться, голубчикъ! Давно ли ты пѣлъ, что онъ теперь

«За горами, за долами,
За глубокими оврагами»...

— Да вѣдь это пѣсня, бояринъ...

— И хоть близко отсюда,—продолжалъ Вышата, не слушая Торопа,—а какъ будто бы живетъ за тридевять земель.

— За тридевять, не за тридевять, бояринъ; а если онъ въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ къ печенѣгамъ...

— До печенѣговъ далеко, Торопушка; можно и поближе спрятаться. Послушай, Голованъ, не губи самъ себя! Ты парень умный,—неужли-то въ самомъ дѣлѣ ты думаешь, что отдѣлаешься отъ меня однѣми балясами? Добро бы еще ты былъ, какъ прежде, въ услуженіи у верховнаго жреца Богомила; а теперь какая за тебя заступа? Ты, не сказавъ добраго слова, далъ отъ него тягу: такъ онъ же мнѣ спасибо скажетъ, если я тебя хоть живого въ гробъ заколочу. Эхъ, Торопушка, не дури! Самъ далъ маху, такъ и пеняй на себя; а сказки-то мнѣ не разсказывай. Ну, говори же, гдѣ Всеславъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Не знаешь, такъ я тебѣ скажу: онъ теперь въ

лѣсу за Почайною, да только одинъ; а лѣшій-то въ овчинной шапкѣ теперь съ нами. Ну, не такъ ли?

— Не знаю, бояринъ! Я и въ толкъ не возьму, что изволишь говорить.

— Эге, братъ! Такъ ты, видно, упрямаго десятка? Да я и самъ человѣкъ не больно сговорчивый. Эй, ребята, накиньте-ка ему петлю на шею!

— Постойте, братцы!—сказалъ Садко.—Не гнѣвайся, бояринъ, а позволь мнѣ слово вымолвить?

— Ну, говори!

— Вотъ изволишь видѣть: или этотъ скоморохъ обманываетъ твою милость, или говоритъ правду. Если онъ точно знаетъ, гдѣ Всеславъ, да запирается, такъ повѣсить его мало; если же онъ доподлинно этого не вѣдаетъ, такъ за что же мы его повѣсимъ? Хоть онъ и гудошникъ, проклятый, а все вѣдь не собака.

— Такъ чтожъ, по-твоему, съ нимъ дѣлать?

— А вотъ что, бояринъ. Прикажи прежде сдѣлать ему пристрастный допросъ: батогами, плетьми, другимъ прочимъ: холодной водицы на темя полить; такъ, глядишь, онъ что-нибудь и сболтнетъ, а коли не скажетъ ничего, такъ за чтожъ намъ губить его душу? Вели его свести на зады, да зарыть живого въ землю,— пускай себѣ умираетъ своею смертью.

— А что ты думаешь,—и впрямь!—сказалъ Вышата. — Да нѣтъ, мнѣ некогда съ нимъ долго-то возиться!.. Слушай, Голованъ, въ послѣдній разъ,— признавайся!.. Ну, что молчишь?.. Вѣдь я и безъ тебя знаю, гдѣ найти Всеслава, а хочу только, чтобъ ты мнѣ всю правду сказалъ... Чтожъ, любезный, иль у тебя языкъ отнялся? Не говоришь?.. Ну, братъ, пеняй самъ на себя!.. Ребята, тяните-ка его кверху!.. Ну, что стали, проворнѣй!

— Сейчасъ, бояринъ! — сказалъ Садко, накидывая петлю на шею бѣднаго Торопа. — Сейчасъ!.. А право лучше бы по-моему...

— Постойте!—закричалъ Торопъ въ то время, какъ *двое* слугъ начали уже тянуть за другой конецъ веревки

— Ага, братъ, заговорилъ! — сказалъ Вышата. — Ну, что?

— Да что, бояринъ! Если вы не шутя хотите меня повѣсить, такъ дѣлать нечего, — пришлось говорить правду.

— То-то же, Торопушка; къ чему упрямился?

— И то сказать, бояринъ, что въ самомъ дѣлѣ,— вѣдь не господинъ же онъ мой: за что мнѣ за него умирать?

— Вѣстимо, Торопушка! Снимите съ него петлю-то... Иль нѣтъ, постойте на часокъ. Коли ты знаешь, гдѣ спрятался Всеславъ, такъ сдѣлай милость, любезный, не откажись, довести ужъ до него.

— Какъ, бояринъ,—довести до него?

— Ну да! Говорятъ, что безъ проводника никакъ не дойдешь до Чортова Городища: такъ ужъ сослужи мнѣ и эту службу, Торопушка.

— Да я, бояринъ, и самъ дороги туда не знаю.

— Полно, голубчикъ, не упрямься! Коли тебя изъ чести просятъ...

— Право, не знаю.

— Экій ты какой! Ну, если не знаешь, тзкъ дѣлать нечего. Эй, ребята, принимайтесь-ка за веревку!

— Знаю, знаю!—закричалъ Торопъ.

— Вотъ такъ-то лучше! Ну, добро, снимите съ него петлю. Послушай, Голованъ: завтра чѣмъ-свѣтъ ты пойдешь съ воинами на Почайну. Мнѣ сказывали, что около Чортова Городища такая трясина, что какъ-разъ по уши втюришься. Смотри Торопъ: если кто-нибудь изъ нихъ завязнетъ, такъ тебя пошлютъ его вытаскивать. Садко, запри покамѣстъ нашего гостя въ пустой подвалъ; а чтобъ ему не было скучно, дайте ему гудокъ; пусть онъ себѣ на просторѣ потѣшается. Э, чуть было не забылъ! Вѣдь ты, Торопушка, любишь выпить: такъ поставьте ему добрую кружку воды, да смотрите—не колодезной: для милаго дружка можно и рѣчной не пожалѣть.

— Ну-ка, господинъ скоморохъ,—сказалъ Садко,—

милости просимъ за мною. Я отведу тебѣ знатный ночлегъ: и свѣжо и прохладно; сядешь хорошо, ляжешь ладно: и солома есть, и кирпичикъ подъ голову. Пойдемъ, добро!

Торопъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ вслѣдъ за служителемъ. Миновавъ княжескія палаты и поровнявшись съ Рогнѣдинымъ теремомъ, они вышли сквозными сѣнями на небольшой дворикъ, застроенный съ двухъ сторонъ конюшнями, въ глубинѣ котораго длинный одно-этажный корпусъ съ жилыми покоями оканчивался *холостымъ* строеніемъ: въ немъ устроены были кладовыя для конской сбруи, мучные амбары и подвалы для съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Садко подошелъ къ одной окованной желѣзомъ двери, отперъ огромный замокъ, отодвинулъ тяжелые засовы и, сойдя ступеней десять внизъ, вошелъ вмѣстѣ съ Торопомъ въ обширный подвалъ, въ которомъ стояло нѣсколько пустыхъ бочекъ и въ одномъ углу лежала вязанка соломы.

— Ну, господинъ Торопъ,—сказалъ Садко,—изволишь видѣть, обманулъ ли я тебя: и свѣжо и прохладно; хочешь лечь—вотъ тебѣ солома; вздумаешь присѣсть, садись на любую бочку. Счастливо оставаться, господинъ балясникъ!.. Да что, гудокъ-то тебѣ надобно или нѣтъ?

— Убирайся къ чорту!—прошепталъ Торопъ, ложась на солому.—Чтобъ тебѣ вѣкъ никого лучше себя не видать, пугало проклятое!

Садко засмѣялся, поклонился низехонько Торопу, вышелъ вонъ, двери захлопнулись, загремѣли засовы и все затихло кругомъ, какъ въ глубокую полночь.

IV.

Въ тотъ же самый день, часу въ четвертомъ пополудни, одинъ молодой человѣкъ пріятной наружности и видный собой, но блѣдный и худой, какъ недужный, *едва* покинувшій свой болѣзненный одръ, пробирался

украдкою по рощѣ, которая начиналась позади огорода села Предиславина. Дойдя до стѣны или, лучше сказать, бревенчатаго тына, отдѣлявшаго огородъ отъ дубравы, онъ остановился подлѣ густого рябиноваго куста, досталъ спрятанный въ немъ желѣзный заступъ и началъ копать землю подлѣ самаго забора. Проработавъ часа два сряду, онъ обрылъ кругомъ три бревна, вытащилъ ихъ съ неимовѣрнымъ трудомъ изъ земли и, откативъ подалѣе въ рощу, закидалъ валежникомъ; потомъ, подойдя опять къ тыну, остановился и устремилъ свои взоры на остроконечную кровлю одного изъ теремовъ села Предиславина.

— Если она поняла меня,—прошепталъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ, — то, можетъ-быть, сегодня ночью... Ахъ, когда бы я могъ хотя одинъ разъ еще взглянуть на тебя, моя горлинка сизокрылая!.. Взглянуть!—продолжалъ онъ, покачивая печально головою.— Взглянуть! А на что, а зачѣмъ? Любаша, Любаша!.. Ты была честь и слава отца, матери, сухота сердцу молодецкому... а теперь!.. Но развѣ она виновата?— промолвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени.—Нѣтъ, нѣтъ, Любаша, я хочу и долженъ тебя видѣть!.. Хочу еще разъ прижать тебя къ груди моей и умереть съ тобой вмѣстѣ!

Онъ замолчалъ, спряталъ опять въ рябиновый кустъ свой заступъ и пошелъ скорыми шагами вдоль рощи, придерживаясь лѣвой стороны. Дойдя до рѣчки Лыбеди, молодой человѣкъ пустился по правому ея берегу, въ самую глубину лѣса, посреди котораго она нѣкогда протекала. Онъ шелъ задумавшись и, казалось, не слышалъ, что не въ дальнемъ отъ него разстояніи раздавались человѣческіе голоса и лай псовъ сливался съ звукомъ охотничьихъ роговъ. Вдругъ близкій шорохъ заставилъ его содрогнуться. Онъ остановился; направо отъ него, между деревьевъ, замелькали красные кафтаны княжескихъ псарей и чрезъ нѣсколько минутъ послышался громкій конскій топотъ. Молодой человѣкъ бросился торопливо въ сторону и, перебѣ-

жавъ черезъ дорогу, на которую выѣхала густая толпа всадниковъ, скрылся за деревьями.

Впереди сей толпы ѣхалъ на ворономъ конѣ, въ лѣтнемъ *терликѣ* [1]), съ развѣвающимся за плечами *корзномъ* [2]), рослый и дебелый мужъ въ самомъ цвѣтѣ и силѣ лѣтъ своихъ. Густой локонъ волосъ, вырываясь изъ-подъ высокой мѣховой шапки, упадалъ на лѣвое плечо его, длинные, зачесанные книзу, усы придавали какой-то грозный и даже угрюмый видъ его благообразному лицу, исполненному жизни и величія. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что на этомъ выразительномъ лицѣ привѣтливая улыбка должна была обворожить каждаго, и одно движеніе бровей, отъ котораго высокое чело покрывалось морщинами, приводить въ трепетъ цѣлые народы. Шагахъ въ двадцати позади его ѣхала многочисленная свита, а подлѣ самаго стремени — старый нашъ знакомецъ Стемидъ, держа на сворѣ двухъ бѣлыхъ псовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ будто бы предчувствуя близкую опасность, жалобно вылъ и прижимался робко къ другому, который также посматривалъ безпокойно вокругъ себя.

— Что съ нимъ сдѣлалось? — спросилъ Великій Князь, обращаясь къ своему стремянному. — Ужъ не чуютъ ли они краснаго звѣря?

— И мнѣ то-же сдается, Государь! — отвѣчалъ Стемидъ. — Налетъ что-то больно ощетинился, а Лихана такъ жмется и робѣетъ, какъ поганый печенѣгъ, когда онъ заслышитъ топотъ русскихъ коней.

Вдругъ оба пса завыли громче прежняго. Налетъ рванулся, перервалъ свою свору и кинулся съ громкимъ лаемъ въ сторону. Въ то-же самое время, шагахъ въ пятидесяти отъ дороги, затрещалъ сухой валежникъ и раздался глухой ревъ. Быстрѣе молніи Владиміръ поворотилъ коня и, ломая направо и налѣво кусты и мелкія деревья, помчался какъ вихрь вслѣдъ за своимъ

1) Древнее охотничье платье Князей Русскихъ.
2) Родъ плаща.

вѣрнымъ псомъ. Вся свита поскакала за нимъ, разсыпалась по лѣсу, но въ нѣсколько минутъ потеряла его совсѣмъ изъ виду.

Одинъ Стемидъ, хотя издалека, но слѣдовалъ за Великимъ Княземъ. Онъ видѣлъ, что Владиміръ, почти не отставая отъ Налета, выскакалъ на большую поляну, повернулъ въ сторону и вдругъ ринулся о-земь вмѣстѣ съ конемъ своимъ: вслѣдъ за симъ раздался ужасный ревъ; потомъ все замолкло. Въ это самое мгновеніе Стемидъ наскакалъ на толстый сукъ и, оглушенный сильнымъ ударомъ, не взвидѣлъ ничего. Черезъ полминуты, когда стремянный очнулся и лихой конь вынесъ его на поляну, онъ вскрикнулъ отъ ужаса: Владиміръ лежалъ подъ опрокинутымъ конемъ, который, переломивъ себѣ ногу, не могъ тронуться съ мѣста. Въ пяти шагахъ отъ него издыхалъ растерзанрый Налетъ, и необычайной величины медвѣдь, поднявшись на дыбы, стоялъ надъ Великимъ Княземъ; придавленный всею тяжестью коня своего, онъ не могъ отвести рукъ для своей защиты. Въ то самое мгновеніе, когда медвѣдь заносилъ уже свою окровавленную лапу надъ головою Владиміра, одинъ молодой человѣкъ, весьма просто одѣтый, выбѣжалъ изъ-за кустовъ, бросился на звѣря и вонзилъ ему въ грудь длинный ножъ по самую рукоятку; медвѣдь застоналъ, обхватилъ лапами неустрашимаго юношу, подмялъ подъ себя и вмѣстѣ съ нимъ повалился на землю. Все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній и прежде, чѣмъ Стемидъ успѣлъ подскакать къ Владиміру.

— Къ нему, къ нему!—закричалъ Великій Князь, когда онъ соскочилъ съ коня.—Спасай его!

Стемидъ бросился со своимъ охотничьимъ ножомъ на медвѣдя. Дикій звѣрь, пораженный въ самое сердце, захрипѣлъ и, стиснувъ еще разъ въ своихъ ужасныхъ объятіяхъ молодого человѣка, протянулся мертвый. Межъ тѣмъ Великій Князь высвободился изъ-подъ коня; въ первомъ пылу своей досады, вонзилъ въ него свой мечь и кинулся на помощь къ своему избавителю.

Растерзанный, изломанный, покрытый кровью и смертельными язвами, молодой человѣкъ лежалъ неподвижно подлѣ издохшаго звѣря.

— Онъ умеръ!—вскричалъ Владиміръ.

— Нѣтъ, я живъ еще, — проговорилъ слабымъ голосомъ избавитель Владиміра;—но не заботьтесь обо мнѣ, — продолжалъ онъ, замѣтивъ, что Стемидъ старается унять кровь, которая била ключомъ изъ его головы, покрытой глубокими язвами:—Господь умилосердился надо мною, Онъ призываетъ меня къ себѣ.

— Кто ты, благородный юноша? — спросилъ Владиміръ, наклонясь надъ умирающимъ.

— Меня зовутъ Дулебомъ.

— Знаешь ли, кого ты спасъ отъ смерти?

— Знаю.

— Стемидъ, — продолжалъ Владиміръ, — поспѣши навстрѣчу къ моей дружинѣ: ему нужна скорая помощь. Ступай, а я останусь съ нимъ.

Стемидъ вскочилъ на коня и помчался въ ту сторону, гдѣ раздавались конскій топотъ и крики охотниковъ.

— Я надѣюсь,—сказалъ Владиміръ, обращаясь къ Дулебу, — ты будешь живъ и, если Великій Князь Кіевскій можетъ сдѣлать тебя счастливымъ...

— Но счастливъ ли онъ самъ,—прервалъ Дулебъ, устремивъ на Владиміра болѣзненный взоръ, исполненный состраданія.

Великій Князь посмотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу.

— О комъ ты говоришь? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— О тебѣ, Владиміръ, сынъ Святослава: о тебѣ, Владыка всего Царства Русскаго.

— Но кто же можетъ назваться счастливымъ, если я, Великій Князь Кіевскій.

— Кто? — повторилъ тихимъ голосомъ Дулебъ. — Простой, бѣдный рыбакъ, который, исполнивъ тяжкую, но святую заповѣдь своего Господа, заплатя добромъ *за зло,* умираетъ примиренный съ своею совѣстью...

Но я чувствую... языкъ нѣмѣетъ... Государь, не отринь послѣдней просьбы умирающаго!

— О, говори, говори! Клянусь исполнить всѣ твои желанія!

— Въ селѣ Предиславинѣ живетъ дѣвушка... Ее зовутъ Любашею... Отпусти ее къ родителямъ.

— Она завтра же будетъ свободна, и осыпанная моими дарами...

— Нѣтъ, Государь, нѣтъ!—продолжалъ Дулебъ.— Пусть она возвратится въ домъ отца своего въ той же самой убогой одеждѣ, въ которой его покинула... Ахъ, эти богатые убранства... это золото!.. Она не знала ихъ, когда была моею невѣстою...

— Твоею невѣстою?

— Да, Владиміръ Святославичъ!—сказалъ Дулебъ почти твердымъ голосомъ. —Да, Великій Князь Кіевскій!—повторилъ онъ, и полумертвые глаза его вспыхнули жизнію. — Она была моею невѣстою, я любилъ ее... о, какъ никогда ты не любилъ ни одной изъ твоихъ безчисленныхъ женъ и наложницъ. Ты разлучилъ меня съ нею; ты, Великій Князь Кіевскій, позавидовалъ счастію бѣднаго рыбака, ты похитилъ его невѣсту, и царственною рукою своею — рукою, подъ сѣнію которой должны блаженствовать народы, сорвалъ съ беззащитной главы ея дѣвственное покрывало. Ты не умертвилъ меня, но заставилъ проклинать день моего рожденія и сомнѣваться въ благости и милосердіи Божіемъ. Государь, я спасъ жизнь твою, ты великодушенъ, ты желалъ бы наградить меня; но всемощный Владиміръ не можетъ возвратить прошедшаго, не можетъ сказать: Дулебъ, живи и будь счастливъ! А я, неимущій, безвѣстный кіевлянинъ, могу и говорю тебѣ: Владиміръ, ты сгубилъ все земное мое счастіе; я положилъ за тебя мою голову и прощаю тебя!

Дулебъ остановился; казалось, онъ сбиралъ послѣднія силы, чтобы сказать еще нѣсколько словъ.

— Теперь видишь ли,—продолжалъ онъ примѣтно

слабѣющимъ голосомъ, — кто изъ насъ счастливѣе: я ли, бѣдный простой рыбакъ, или ты — Великій Князь Кіевскій и Владыка всего Царства Русскаго?

Владиміръ молчалъ. Высокое чело его покрылось морщинами и съ каждымъ словомъ умирающаго взоры становились угрюмѣе и мрачнѣе. Ему извѣстны были доселѣ однѣ укоризны собственной его совѣсти, и въ первый разъ еще неподкупный голосъ истины достигъ до ушей его. Оскорбленная гордость самодержавнаго Владыки и благородныя чувства души, омраченной злодѣяніями, но способной ко всему великому, волновали грудь его.

— Государь, —сказалъ Дулебъ, помолчавъ нѣсколько времени, — мои простыя рѣчи оскорбляютъ тебя?.. О, не оскорбляйся словами бѣднаго рыбака, который охотно бы умеръ еще разъ, чтобъ спасти своего Государя отъ временной и вѣчной его гибели!

— Вѣчной!—повторилъ почти съ ужасомъ Великій Князь.—О какой вѣчной гибели говоришь ты?

— Ты поймешь меня, Владиміръ, — продолжалъ Дулебъ, — тогда, когда Всевышній просвѣтитъ твою душу: когда Богъ, которому я поклоняюсь, будетъ твоимъ Богомъ, когда, озаренный истинною вѣрою, ты смиришься передъ Господомъ, и на семъ державномъ челѣ возляжетъ Его Святая благодать; когда узнаешь, что только тотъ, кто прощаетъ здѣсь, будетъ прощенъ и тамъ! Тогда, о, тогда ты поймешь слова мои! Но теперь... ты жестокъ, Владиміръ, — ты не умѣешь прощать враговъ своихъ. Возвеличенный передъ всѣми, сильный и мощный духомъ, ты Владыка безчисленныхъ народовъ и рабъ буйныхъ страстей своихъ... кровь Ярополка... кровь родного брата...

— Молчи!.. — вскричалъ Владиміръ. — Молчи!— повторилъ онъ дикимъ, прерывающимся голосомъ, и въ потупившихся его взорахъ изобразился неизъяснимый ужасъ.—Это неправда, это клевета!.. Не я умертвилъ Ярополка... нѣтъ! Гнусный предатель Блудъ...

— И вѣрные слуги твои, — прервалъ Дулебъ,—

исполнявшіе приказъ своего Государя. Да, Великій Князь Кіевскій, вдовствующая супруга Ярополка въ числѣ твоихъ наложницъ и кровь брата дымится еще на рукахъ твоихъ! Владиміръ, этихъ кровавыхъ пятенъ не смоютъ всѣ воды Днѣпра; не заглушатъ въ душѣ твоей стоновъ умирающаго брата ни звучныя пѣсни баяновъ, ни бранный крикъ, ни даже бладодарныя восклицанія счастливыхъ кіевлянъ. Нѣтъ, эта кровь должна быть омыта кровію... Но не твоею, Владиміръ, а кровью Того, Кто умеръ для спасенія всѣхъ людей. Онъ услышитъ, наконецъ, моленія братьевъ моихъ. Онъ прострететъ къ тебѣ свои объятія, и тогда... о, Государь, да будешь ты любимымъ чадомъ Господа, да продлитъ Онъ дни твои, да возвѣстится истина твоими державными устами всему народу Русскому, и Святый Животворящій Крестъ да возсіяетъ, водруженный мощною рукою твоею, на высокихъ холмахъ великаго Кіева.

Необычайный жаръ, съ коимъ говорилъ Дулебъ, истощилъ всѣ его силы; онъ умолкъ и смертная блѣдность покрыла окровавленное чело его.

Грозный Владыка странъ полуночныхъ, неукротимый въ гнѣвѣ своемъ, буйный, надменный Владиміръ, какъ кроткій агнецъ, стоялъ съ поникнутою главою предъ своимъ обвинителемъ. Онъ не постигалъ самъ, что происходило въ душѣ его.

— Нѣтъ, ты не простой рыбакъ, — сказалъ онъ, наклонясь съ почтеніемъ надъ отходящимъ Дулебомъ.—Непонятныя слова твои потрясли мою душу; они возбуждаютъ въ ней не гнѣвъ, а трепетъ и раскаяніе; ты долженъ былъ желать моей погибели, и пошелъ на явную смерть, чтобъ спасти жизнь мою; ты могъ бы проклинать меня, а ты, умирая, прощаешь и молишь за меня твоего Господа. Нѣтъ, ты не простой рыбакъ! О, великодушный, добродѣтельный юноша, скажи, кто ты?

— Я христіанинъ, — прошепталъ едва слышнымъ голосомъ Дулебъ.

Онъ вздохнулъ; послѣдній отблескъ жизни потухъ въ неподвижныхъ его взорахъ; тяжкій, продолжительный стонъ вырвался изъ груди, и предрекшія истину святыя уста христіанина сомкнулись на-вѣки.

— Христіанинъ! — повторилъ Владиміръ, сложивъ крестъ-на-крестъ руки.—Христіанинъ! Отецъ мой ненавидѣлъ христіанъ, но его премудрая мать... О, еслибъ я могъ, подобно ей, увѣриться въ истинѣ.... и также, какъ она, — продолжалъ Владиміръ, нахмуривъ свои густыя брови, — пресмыкаться въ числѣ рабовъ надменныхъ царей византійскихъ... Нѣтъ, я пошлю любимыхъ бояръ моихъ; вѣра, ими избранная, будетъ моею, и тогда я не стану испрашивать ее, какъ подаянія и милости; но съ мечомъ въ рукахъ потребую какъ дани. Нѣтъ, нѣтъ, Великій Князь Кіевскій не преклонитъ главы своей ни передъ однимъ изъ царей земныхъ.

Близкій шумъ заставилъ оглянуться Владиміра: вся поляна была покрыта многочисленною его свитою. Сойдя съ коней и наблюдая почтительное молчаніе, стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него: воевода кіевскій Свѣторадъ, Добрыня, Ставръ Годиновичъ, Рохдай и другіе витязи и сановники великокняжескаго двора его.

— Подымите тѣло сего благороднаго юноши, — сказалъ, обращаясь къ нимъ, Владиміръ. — Онъ спасъ жизнь вашего Государя. Я хочу, чтобъ онъ былъ преданъ землѣ со всею почестью ближняго нашего боярина; чтобъ надъ гробомъ его былъ насыпанъ высокій курганъ, и самъ верховный жрецъ Перуна отправилъ тризну надъ его могилою... Нѣтъ, нѣтъ! — продолжалъ онъ. — Свѣторадъ, въ нашемъ великомъ Кіевѣ есть христіане: отыщи ихъ; пусть они отправятъ тризну, по обычаю своему, надъ могилою сего юноши: онъ былъ ихъ единовѣрцемъ. И съ сего часа я повелѣваю тебѣ великокняжескимъ моимъ словомъ охранять христіанъ отъ всякаго утѣсненія, зла и *обиды*. Я дозволяю имъ строить храмы и молиться

въ оныхъ, по ихъ закону, о моемъ здравіи и благоденстіи всего Царства Русскаго.

— Слушаю, Государь, — отвѣчалъ, поклонясь въ поясъ, Свѣторадъ,—воля твоя будетъ исполнена.

— Постой! Живы ли еще заложники, присланные съ повинною головою отъ радимичей и ятвяговъ?

— По волѣ твоей, Государь, они будутъ преданы завтра смертной казни.

— Я дарую имъ жизнь.

— Какъ, Государь, — ты милуешь сихъ мятежниковъ?

— Да, я прощаю ихъ! — повторилъ вполголоса Владиміръ. — Только тотъ, кто прощаетъ здѣсь, — продолжалъ онъ, смотря на бездушный трупъ своего избавителя, — будетъ прощенъ и тамъ... Коня!

Владиміру подвели коня; онъ сѣлъ на него.

— Бѣлаго кречета!—сказалъ онъ, обращаясь къ сокольничему.—А ты, Стемидъ, ступай съ моею псовою охотою въ село Предиславино, и чтобъ все было готово къ нашей вечерней трапезѣ: я угощаю сегодня моихъ храбрыхъ богатырей, любимыхъ витязей, ближнихъ бояръ и всю дружину мою великокняжескую.

Многолюдная толпа всадниковъ двинулась вслѣдъ за Владиміромъ.

— Ну, товарищъ, — шепнулъ Свѣторадъ Рохдаю, — что это сдѣлалось съ нашимъ Великимъ Княземъ?

— А что?—отвѣчалъ Рохдай.—Тебѣ, чай, досадно, что некому будетъ завтра головъ рубить?

— По мнѣ все равно. Воля его княжеская: хочетъ милуетъ, хочетъ нѣтъ; только не далъ бы впередъ повадки. А слышалъ ты, что онъ приказывалъ мнѣ объ этихъ христіанахъ?

— Слышалъ; такъ чтожъ?

— Какъ что? А что скажетъ нашъ верховный жрецъ Богомилъ?

— Эко диво твой Богомилъ! Да говори онъ, что

хочетъ, хоть съ сердцовъ всю бороду себѣ выщипли— большая бѣда! Что въ самомъ дѣлѣ, иль нашъ Государь Великій Князь будетъ обо всемъ спрашиваться у этого стараго срамца? И такъ дали ему волю. Нѣтъ, братъ, у меня бы онъ давно по ниточкѣ ходилъ!

— Полно, Рохдай, — прервалъ Свѣторадъ; — эй, не хорошо! Тебя и такъ всѣ зовутъ богохульникомъ!

— За то, что я не кланяюсь въ поясъ этому чвану Богомилу?

— Да вѣдь онъ верховный жрецъ Перуна.

— Такъ чтожъ? Да будь онъ хоть верховный жрецъ варяжскаго бога Одена, а не смѣй ломаться и умничать не только передъ Государемъ, да и передъ нашимъ братомъ. Пляши кто хочетъ по его дудочкѣ, а ужъ меня, братъ, плясать онъ не заставитъ.

— Однакожъ, Рохдай, кто боится боговъ...

— Да не знаетъ, которой рукой за мечъ взяться; вѣстимо, тому какъ не кланяться Богомилу! Вотъ еслибъ и я заставлялъ только рубить головы на лобномъ мѣстѣ...

— Рохдай!—закричалъ съ досадой Свѣторадъ.

— Что вы, братцы, расшумѣлись?—сказалъ степенный бояринъ, Ставръ Годиновичъ.—Иль не видите, какъ пасмуренъ нашъ Государь Великій Князь?

— Это ничего, — прервалъ Рохдай, — расправляя свои огромные усы: — дай только намъ добраться до села Предиславина; а тамъ какъ засядемъ за столы дубовые, да хватимъ по доброй чарѣ меду крѣпкаго за его великокняжеское здравіе, такъ дѣло-то пойдетъ своимъ чередомъ. Вѣдь нашему ясному соколу, удалому Владиміру, благо бы начать; а тамъ ужъ гуляйте себѣ, добрые молодцы, да не отставайте только отъ хозяина. Посмотри, какъ онъ самъ изволитъ распотѣшиться!

— Врядъ ли!—сказалъ бояринъ Ставръ, покачавъ сомнительно головою.

V.

Мы попросимъ нашихъ читателей возвратиться, вмѣстѣ съ нами, въ село Предиславино и заглянуть въ пустой подвалъ, въ которомъ сидѣлъ и горевалъ бѣдный Торопъ. Нѣсколько часовъ сряду провелъ онъ, размышляя о своемъ незавидномъ положеніи; напрасно ломалъ онъ себѣ голову, чтобъ найти какое-нибудь средство для своего спасенія. Онъ видѣлъ ясно, что ему не оставалось ничего другого, какъ выдать руками Всеслава, или погибнуть самому.

— Да, да! — говорилъ онъ, расхаживая вдоль и поперекъ по своему прохладному покою.—Какъ ни кинь, все клинъ! Ну, хорошъ я дѣтина,—съ одной стороны петля, съ другой бояринъ: куда ни сунься, все бѣда! Поди, толкуй ему, что мнѣ нечего было дѣлать; что еслибъ я не пошелъ въ Предиславино, такъ Всеславъ бы самъ прибѣжалъ сюда. То-то холопское дѣло, подумаешь: безъ вины виноватъ!.. Эхъ, бочекъ-то сколько здѣсь! — продолжалъ онъ, поглядывая съ досадою вокругъ себя.—И все пустыя... Пострѣлъ бы взялъ этого проклятаго Вышату: и этимъ-то хотѣлъ меня обидѣть, разбойникъ! Засадилъ въ подвалъ, поставилъ кругомъ бочекъ, а души отвести нечѣмъ... Вотъ эта никакъ была съ медомъ, — прибавилъ онъ, подходя къ одной сорокоушѣ, приставленной стоймя къ самой стѣнѣ. Ну, такъ и есть; да еще съ малиновымъ!.. Посмотрѣть, не осталось ли хоть на донышкѣ.

Отодвигая бочку отъ стѣны, Торопъ увидѣлъ позади ея небольшія дверцы, запертыя съ его стороны деревянною задвижкою. Онъ поспѣшилъ отпереть ихъ и, войдя въ небольшую кладовую, увѣрился съ перваго взгляда, что это нечаянное открытіе не принесетъ ему никакой пользы: кладовая была завалена изломанными скамьями, битою посудою и множествомъ другихъ, неспособныхъ ни на какое уже употребленіе, хозяйственныхъ вещей. При слабомъ свѣтѣ, который какъ будто бы нехотя проникалъ сквозь узкое окно, до ко-

его Торопъ едва могъ достать рукою, онъ разсмотрѣлъ въ одномъ углу дверь; но она была заперта снаружи. Подмостясь кой-какъ до самаго окна, Торопъ увидѣлъ, что изъ этой кладовой можно было выйти на псарный дворъ, который тогда только наполнялся людьми, когда Великій Князь пріѣзжалъ со своею охотою въ село Предиславино. Онъ пытался нѣсколько разъ растворить или выломать дверь, но всѣ его старанія остались тщетными: толстыя дубовыя доски, изъ которыхъ она была сдѣлана, не подавались ни на волосъ, несмотря на то, что онъ обилъ о нихъ свои кулаки и изломалъ нѣсколько скамеекъ. Потерявъ всю надежду вырваться изъ своего заключенія и обезсилѣвъ отъ усталости, Торопъ возвратился въ подвалъ и прилегъ на солому, чтобъ отдохнуть и подумать снова о горькомъ своемъ положеніи.

Прошло еще нѣсколько часовъ; солнце начинало уже садиться, какъ вдругъ Торопу послышался отдаленный шумъ, похожій на конскій топотъ; вскорѣ потомъ раздался громкій лай псовъ и голоса охотниковъ. Подмостясь опять къ окну кладовой, Торопъ увидѣлъ, что весь псарный дворъ наполненъ людьми, лошадьми и собаками. Охотники разсѣдлывали своихъ коней, спускали со сворь собакъ и суетились вокругъ огромнаго корыта, которое стояло посрединѣ двора. Одинъ молодой человѣкъ, въ богатомъ охотничьемъ платьѣ великокняжескаго стремяннаго, казалось, распоряжался всѣмъ и отдавалъ приказанія.

— Проворнѣй, ребята!—кричалъ онъ.—Коней на водопой! Да кормите собакъ: онѣ сегодня славно потѣшили Государя Великаго Князя и, чай, больно проголодались!

— Такъ точно, это Стемидъ!—сказалъ Торопъ.— Э, да вѣдь онъ задушевный другъ Всеслава! Что еслибъ мнѣ удалось перемолвить съ нимъ словца два... Эй, молодецъ!—закричалъ онъ, стараясь сколь можно болѣе просунуть въ окно свою голову. — Господинъ *Стемидъ*!

Стемидъ оглянулся; но такъ какъ окно кладовой было наравнѣ съ землею, и ему не пришло на мысль посмотрѣть внизъ, то онъ, поглядѣвъ вокругъ себя, сказалъ съ примѣтнымъ удивленіемъ:

— Что за диковинка!.. Да кто жъ это меня зоветъ?

— Я!—продолжалъ Торопъ.—Я, Торопка-Голованъ.

— Да гдѣ же ты?

— Здѣсь, подлѣ тебя. Да что ты смотришь по верхамъ; гляди внизъ.

Стемидъ опустилъ глаза.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ онъ съ громкимъ хохотомъ, увидѣвъ уродливое лицо Торопа, которое, наполняя собою просвѣтъ узкаго окна, казалось, выглядывало изъ земли. Это ты, пріятель?.. Что это ты, какъ сусликъ, изъ норы выглядываешь? Кто тебя сюда запряталъ?

— Вѣстимо, кто: злодѣй Вышата. Да не о томъ рѣчь: мнѣ надо сказать тебѣ слова два о Всеславѣ.

— Тсъ, тише, тише! — прервалъ вполголоса Стемидъ, поглядѣвъ съ безпокойствомъ вокругъ себя.— Послушай, Торопъ, нельзя ли тебѣ какъ-нибудь выйти изъ этого подземелья?

— Да кабы можно было, такъ чортъ ли бы велѣлъ мнѣ увязить голову въ этомъ проклятомъ окнѣ. Посмотри: тутъ есть дверь; она заперта снаружи.

— Постой!.. — сказалъ Стемидъ. — Да замка-то нѣтъ... одна задвижка... Ну, выходи проворнѣй,—закричалъ онъ, отворяя дверь.

Торопъ протащилъ назадъ свою голову, соскочилъ на землю и въ два прыжка очутился на псарномъ дворѣ.

— Говори скорѣе, — сказалъ Стемидъ, отведя его къ сторонѣ,—что ты знаешь о Всеславѣ?.. Гдѣ онъ?

— Покамѣстъ въ лѣсу, за Почайною.

— Какъ,—такъ близко отъ Кіева?

— Да это бы еще ничего; а вотъ что худо: проклятый Вышата пронюхалъ все и знаетъ теперь, гдѣ его найти.

— Что ты говоришь?

— И это бы не бѣда; хоть онъ и знаетъ, гдѣ Всеславъ, а не скоро бы до него добрался; да вотъ что плохо: Вышата выпыталъ отъ меня обо всемъ, хочетъ завтра чѣмъ-свѣтъ отправить со мною воиновъ, и мнѣ придется выдать имъ Всеслава руками.

— Какъ, Торопъ,—и ты согласился?

— Чтожъ дѣлать, молодецъ: неволя скачетъ, неволя плачетъ, неволя пѣсенки поетъ. Мало ли я вертѣлся и туда и сюда...

— Выдать руками Всеслава!.. Да ты бы долженъ...

— Что, господинъ честной?

— Умереть, а не говорить ни слова.

— Право!.. А скажи-ка мнѣ, господинъ Стемидъ, сбирались ли когда-нибудь зарыть тебя живого въ землю—а?.. Надѣвали ли тебѣ петлю на шею?.. Затягивали ли ее помаленьку, да съ разстановками — а?.. То-то и есть! Хорошо говорить о смерти, когда она за тридевять земель, а какъ виситъ на носу, такъ, прошу не погнѣваться, молодецъ: и тебѣ небо съ овчинку покажется!

— Вышата знаетъ, гдѣ его найти!..—сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, Стемидъ.—И завтра чѣмъ-свѣтъ...

— Да, завтра чѣмъ-свѣтъ его сослѣдятъ, какъ краснаго звѣря.

— Такъ надобно сегодня же увѣдомить объ этомъ Всеслава.

— Вѣстимо, надобно; да какъ?

— Еслибъ я могъ отлучиться...

— Такъ прошатался бы даромъ всю ночь по лѣсу; а если бы и набрелъ ненарокомъ на Чортово Городище, гдѣ живетъ теперь Всеславъ, такъ безъ проводника навѣрное увязъ бы въ болотѣ. Нѣтъ, молодецъ, постарайся какъ-нибудь меня отсюда выручить, такъ это будетъ вѣрнѣе.

— За этимъ дѣло не станетъ, Торопъ. Теперь еще

свѣтло, а вотъ какъ смеркнется и пріѣдетъ сюда Великій Князь со всѣмъ своимъ поѣздомъ...

— Да развѣ онъ теперь не здѣсь?..

— Нѣтъ; онъ остался близъ горы Щековицы повеселиться соколиною потѣхою, а меня со псовою своею охотою отправилъ сюда. Какъ онъ станетъ въѣзжать, такъ подъ шумокъ-то можно будетъ выпроводить тебя за ворота. Да только вотъ что: куда ты спрячешь Всеслава? Въ лѣсу ему оставаться нельзя; теперь, какъ узнали, что онъ придерживается за Почайною, такъ всѣ кусты обшарятъ... Э, постой,—я найду ему мѣстечко!.. Только бы намъ спрятать его денька на три, а тамъ авось какъ-нибудь это дѣло-то уладимъ. На первыхъ порахъ за него никто не смѣетъ и челомъ ударить Великому Князю,—теперь онъ больно гнѣвенъ; а какъ немного поуходится, такъ за Всеслава станутъ хлопотать и Рохдай, и бояринъ Ставръ, и Соловей Будиміровичъ, да и самъ Добрыня словечко замолвитъ. Ты знаешь Аскольдову могилу?

— Какъ не знать.

— Ну, вотъ, какъ пойдешь къ ней отъ села Берестова и поровняешься съ сосновымъ лѣсомъ, такъ надобно повернуть направо по тропинкѣ, въ глубокій оврагъ; идти все оврагомъ, мимо пчельника, вплоть до осиновой рощи, а тутъ принять налѣво, такъ и упрешься въ низенькую ветхую избушку. Въ ней живетъ старуха, ее зовутъ Вахрамѣевной. Скажите ей, что вы присланы отъ княжескаго стремяннаго Стемида для того, чтобъ она укрыла васъ отъ злыхъ людей. Если же она начнетъ отнѣкиваться, такъ скажи ей, Торопъ: Стемидъ велѣлъ, дескать, бабушка, тебѣ напомнить Велесовъ праздникъ и озеро Долобское.

— Долобское озеро?

— Да. Вотъ изволишь видѣть: эта Вахрамѣевна слыветъ въ народѣ вѣдьмою, и въ прошломъ году,—помнишь, какъ былъ падежъ на скотину, — прошелъ слухъ, что это ея козни. Вотъ въ самый Велесовъ день, близъ Долобскаго озера, она попалась въ руки

къ пьянымъ посадскимъ, и они утопили бы ее навѣрное въ черномъ омутѣ, кабы на ея счастье не прилучилось мнѣ ѣхать мимо съ княжескою охотою; да и я-то насилу ее выручилъ. Она поклялась Чернобогомъ, что вѣчно будетъ благодарна, при случаѣ не пожалѣетъ даже живота своего, чтобъ сослужить мнѣ какую бы то ни было службу... Эй, ты, Зудила Горлопановъ,— продолжалъ Стемидъ, обращаясь къ одному сѣдому охотнику, — поди-ка сюда! Видишь ли ты этого дѣтину?

— Вижу, господинъ Стемидъ.

— Я принимаю его въ Государеву охоту, на мѣсто ловчаго Юрки, который сегодня сломилъ себѣ ногу и, чай, долго не оправится. Ну, чтожъ ты глаза-то выпучилъ?

— Не погнѣвайся, господинъ Стемидъ, — сказалъ охотникъ, посматривая съ удивленіемъ на Торопа: да неужли-то не нашелъ ты никого покрасивѣе этого дѣтины?

— Молчи, Горлопановъ, не твое дѣло: онъ не смазливъ, да зато досужъ. Отбери у Юрки платье, шапку, рогъ и всю охотничью сбрую, и отдай ему.

— Слушаю. Въ пору ли только ему будетъ? Юрка малый рослый, а этотъ видишь какой!.. Не знаю, сколько его въ землѣ, а на землѣ-то не много.

— Ничего. Зипунъ подберетъ, да подтянетъ поясомъ; а шапка-то ужъ вѣрно широка не будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!..—прервалъ съ громкимъ хохотомъ охотникъ.—Ай-да головка! Экій пивной котелъ! Ну, братъ, по головѣ, нечего сказать, ты Полканъ-богатырь; да плечи-то у тебя узеньки.

— Каковы ни есть, любезный,—прервалъ Торопъ,— а на медвѣдя одинъ хаживалъ.

— Ой ли?

— Съ волкомъ пѣсенки пѣвалъ, а съ лисой поплясывалъ.

— О, да ты никакъ балагуръ, товарищъ? Ну, *пой*демъ что ль? Я наряжу тебя ловчимъ, только

смотри, любезный, не вдругъ показывайся: а то пожалуй всю псарню распугаешь.

Торопъ отправился вслѣдъ за нимъ въ большую избу, въ которой располагались ночевать всѣ охотники; а Стемидъ, отдавъ еще нѣсколько приказаній, пошелъ за ворота наружной стѣны, чтобъ видѣть еще издалека, когда Великій Князь станетъ подъѣзжать къ селу Предиславину.

Солнце закатилось. Зардѣлись и вспыхнули въ пламенномъ разливѣ вечерней зари дымчатыя облака на западѣ и въ концѣ широкой просѣки, которая разрѣзывала надвое дубовую рощу передъ селомъ Предиславинымъ; зачернѣлась густая толпа всадниковъ; дубовыя ворота заскрипѣли на тяжкихъ вереяхъ; стража выстроилась передъ своею караульнею, и ключникъ Вышата, окруженный служителями и держа въ обѣихъ рукахъ подносъ съ большимъ серебрянымъ кубкомъ, вышелъ за ворота. Медленно двигалась толпа всадниковъ. Впереди, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ Великій Князь, а подлѣ его стремени ближній дворцовый сокольничій; онъ держалъ на лѣвой рукѣ своей бѣлаго кречета. За нимъ ѣхали, не наблюдая никакого порядка, богатыри, бояре и витязи великокняжескіе; а позади, попарно, охотники соколиной охоты, нѣсколько конныхъ воиновъ варяжской дружины и кіевскій воевода Свѣторадъ, который, поотставъ отъ другихъ, ѣхалъ, разговаривая съ любимыми пѣвцами Владиміра: Соловьемъ Будиміровичемъ и Фенкаломъ.

Когда Великій Князь приблизился къ воротамъ, ключникъ Вышата, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и поклонясь въ поясъ, сказалъ:

— Милости просимъ, Государь Владиміръ Святославичъ, милости просимъ! Давно ты не изволилъ сюда жаловать; безъ тебя твой потѣшный дворъ заглохъ травою и туманомъ подернулся. Пригрѣй его, солнышко наше красное, и выкушай кубокъ сладкаго меду изъ погребовъ твоего села Предиславина.

— Спасибо, Вышата! Посмотримъ, какъ ты уго-

стишь насъ,—сказалъ Владиміръ съ ласковою улыбкою, въѣзжая въ ворота. Вслѣдъ за нимъ двинулся весь поѣздъ, исключая охотниковъ и варяжскихъ воиновъ: первые отправились на соколиный дворъ, который пристроенъ былъ снаружи къ одной изъ стѣнъ ограды, а вторые вошли вмѣстѣ со стражею въ караульню.

Въ то самое время, какъ вся свита княжеская въѣхала на дворъ и привратникъ сбирался уже запереть ворота, подошли къ нимъ два охотника, ведя въ поводахъ лошадей своихъ. Одинъ изъ нихъ казался человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, но шелъ бодро и смѣло поглядывалъ вокругъ себя; другой, повидимому, гораздо моложе, тащился вслѣдъ за нимъ, спотыкаясь и путаясь при каждомъ шагѣ въ длинныхъ полахъ своего кафтана; онъ посматривалъ робко во всѣ стороны и поправлялъ безпрестанно надвинутую на глаза шапку, которая едва держалась на огромной его головѣ.

— Э, Зудила Горлопановъ! — закричалъ стоящій внѣ ограды, подлѣ самыхъ воротъ, видный варяжскій воинъ.—По добру ли, по здорову?

— Живется покамѣстъ, господинъ Якунъ! — отвѣчалъ охотникъ, садясь на свою лошадь.

— Куда такъ поздно?

— На Почайну.

— Зачѣмъ?

— Про то знаютъ старшіе, да вотъ этотъ парень, котораго мнѣ велѣно проводить до Олеговой могилы.

— А кто онъ таковъ?

— Не знаю, чѣмъ онъ былъ сегодня по-утру, а теперь ловчій великокняжеской псовой охоты.

— Ну, братъ Зудила, какихъ молодцовъ вы подбираете!.. Что за недоростокъ такой!.. Да подсади его!.. Видишь, онъ не вскарабкается на коня... А цѣпокъ проклятый!.. Смотри-ка, такъ и повисъ на гривѣ!.. Видно, малъ, да удалъ... Э!.. Да что это?.. Постой-ка!—вскричалъ Якунъ, подойдя къ малорослому охотнику.—Ба, ба, ба! Торопъ!.. Погоди, погоди, *любезный*!—продолжалъ онъ, схватя подъ-устцы лошадь.

—Не торопись!.. Давно ли ты попалъ въ княжескую охоту?

— Сегодня, господинъ Якунъ,—сказалъ Торопъ.— Да не мѣшай мнѣ: я посланъ наскоро.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. А я слышалъ, что будто бы ключникъ Вышата велѣлъ тебя здѣсь призадержать: такъ не погнѣвайся, если я пошлю спросить его...

— Послушай, Якунъ, — прервалъ Торопъ вполголоса,—развѣ ты слуга ключника Вышаты? И захочешь ли ты, благородный витязь, для того, чтобъ угодить этому старому срамцу, погубить такого же удалого молодца, какъ ты?

— Удалого молодца?.. То-есть тебя?

— Я говорю не о себѣ.

— О комъ же?

— О бывшемъ отрокѣ великокняжескомъ Всеславѣ.

— Какъ такъ?

— Мнѣ некогда тебѣ объ этомъ разсказывать; но знай, что если ты меня задержишь, то завтра же Всеславъ будетъ пойманъ и казненъ на лобномъ мѣстѣ.

— За то, что онъ не хотѣлъ выдать руками своей невѣсты и убилъ десятника Звенислава?

— Ну, да!..

— Вотъ что! — продолжалъ Якунъ. — Этотъ Всеславъ обидѣлъ товарища моего Икмора, и еслибъ онъ не былъ подъ опалою Великаго Князя, такъ не только Икморъ, но и я сталъ бы съ нимъ биться не на животъ, а на смерть; но чтобъ я, природный варягъ, я— Якунъ, сынъ Лидульфостовъ, помѣшалъ тебѣ спасти отъ позорной казни этого молодца... Нѣтъ, чортъ возьми! Клянусь Геллою, этого не будетъ! Онъ обидѣлъ моего друга, и если мнѣ удастся отомстить ему, то смерть его неизбѣжна; но онъ все-таки удалой дѣтина, храбрый витязь, и виноватъ только въ одномъ, что, умертвивъ Звенислава, не свернулъ шею самому Вышатѣ... Ступай, я не держу тебя!

Торопъ пріударилъ плетью свою лошадь и помчался вскачь къ дубовой рощѣ.

— Постой, постой!—кричалъ, догоняя его, старый охотникъ.—Ну, что ты, выпуча глаза-то, скачешь?— сказалъ онъ, поровнявшись съ Торопомъ. — Иль ты хочешь совсѣмъ сморить коня? Вѣдь онъ и такъ съ самаго утра все подъ сѣдломъ: не успѣлъ и травки пощипать. Да тише ты!.. Чтобъ тебѣ шею сломить, лѣшій проклятый!

Доскакавъ до дубовой рощи, Торопъ осадилъ свою лошадь и поѣхалъ рысью.

— Ступай шагомъ, — продолжалъ охотникъ.—Видишь здѣсь въ лѣсу какая темнеть; наѣдешь на пенекъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ шею сломишь. Я прошлымъ лѣтомъ и днемъ такъ грохнулся о-земь, что послѣ пяти зубовъ не досчитался; ну, да то дѣло другое: надо было потѣшить Государя Великаго Князя, перенять лису отъ опушки; а теперь изъ-за чего я стану себѣ ребра-то ломать?

— Чтожъ дѣлать, товарищъ, — сказалъ Торопъ посдерживая своего коня,—дѣло-то спѣшное, за которымъ я посланъ.

— Да зачѣмъ тебя послали на Почайну? Ужъ не обошли ли тамъ медвѣдя?

— То-то и есть, что обошли; завтра чѣмъ-свѣтъ пошлютъ отыскивать его берлогу.

— Вотъ что! А ты, видно, посланъ, чтобъ согнать побольше народу?

— Ну, да.

— А зачѣмъ меня послали съ тобою?

— Ты знаешь зачѣмъ: проводить до Олеговой могилы. Оттуда я дорогу хорошо знаю; а здѣсь-то я рѣдко бывалъ. Да мнѣ же надобно будетъ и коня тебѣ отдать.

— Какъ такъ?

— А какъ же? Да развѣ можно верхомъ обойти медвѣжью берлогу. Въ иномъ мѣстѣ и пѣшкомъ-то насилу продерешься.

Охотникъ замолчалъ, а Торопъ, продолжая ѣхать *небольшою* рысью, принялся, по своему обыкновенію,

насвистывать и мурлыкать вполголоса пѣсенки. Болѣе получаса ѣхали они, не говоря ни слова.

— Ну, вотъ и Олегова могила,—сказалъ, наконецъ, охотникъ, указывая на высокій курганъ, который чернѣлся вдали на скатѣ горы Щековицы. А вонъ прямо *Желань*. Ну, что, дальше что ль ѣхать?

— Нѣтъ, здѣсь все пойдутъ знакомыя мѣста,—не заплутаюсь,—отвѣчалъ Торопъ, слѣзая съ коня.—Прощай, Зудила! Скажи господину Стемиду, что я свое дѣло сдѣлаю, и постараюсь поставить милаго дружка туда, куда онъ приказывалъ. Да, кстати, возьми ужъ съ собою этотъ проклятый зипунъ: вишь, какой онъ долгополый: пѣшкомъ-то въ немъ не далеко уйдешь. Ночь теплая, и въ одной рубахѣ не озябну.

Торопъ скинулъ съ себя охотничье платье, отдалъ его Зудилѣ и, оставшись въ одной подпоясанной ремнемъ рубашкѣ и мѣховой шапкѣ княжескаго ловчаго, отправился по дорогѣ, ведущей къ урочищу *Желани*. Когда Торопъ вошелъ въ дремучій лѣсъ, который, идя отъ сего урочища, распространялся верстъ на двадцать во всѣ стороны, то невольно призадумался. Вечерняя заря уже потухла, и хотя въ то же самое время востокъ начиналъ свѣтлѣть и черныя тучи превращались въ прозрачныя облака, слегка посребряемыя первымъ отблескомъ утренней зари; хотя темнота не могла долго продолжаться въ концѣ нашего мая мѣсяца, когда, по словамъ простого народа, заря сходится съ зарею, — но довольно было и одного часа совершенной темноты, чтобъ сбиться съ дороги и зайти въ такую глушь, изъ которой послѣ и цѣлыя сутки онъ едва бы могъ выбраться.

Не разъ уже случалось Торопу плутать въ семъ лѣсу, коего большая часть была заповѣдана еще со временъ Великаго Князя Святослава. Онъ не зналъ, на что ему рѣшиться: дожидаться ли, пока забрезжетъ слабый свѣтъ, или пуститься на-удачу по дорогѣ, которая при каждомъ перепутьи дробилась на безчисленное множество тропинокъ и слѣдовъ, надѣланныхъ

охотниками, пчеловодами и жителями окрестныхъ мѣстъ, которые пріѣзжали въ сей лѣсъ подбирать валежникъ Сверхъ того, хотя Торопъ не могъ назваться трусомъ, но онъ боялся лѣшихъ, русалокъ, и зналъ такъ много разсказовъ о хитрыхъ кикиморахъ и зломъ Букѣ, что невольный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ, когда при входѣ въ сей дремучій лѣсъ его обдало холодомъ, и густой мракъ, этотъ вѣщій мракъ лѣсовъ, какъ будто бы опускаясь съ древесныхъ вѣтвей, обхватилъ со всѣхъ сторонъ и одѣлъ его таинственнымъ своимъ покровомъ.

— Но если я буду дожидаться утра, — подумалъ Торопъ,—если Вышата, узнавъ о моемъ побѣгѣ, успѣетъ предупредить меня... Нѣтъ... такъ и быть,—пойду наудачу!.. Была-не-была,—авось не заплутаюсь.

И вотъ Торопъ, какъ робкій заяцъ, прислушиваясь и озираясь поминутно, пустился почти ощупью по узкой дорогѣ. Чѣмъ онъ шелъ далѣе, тѣмъ чаще становился дремучій лѣсъ и темнѣе мракъ, его окружающій. Кругомъ царствовала такая могильная тишина, что онъ слышалъ и могъ считать каждое біеніе своего сердца. Всѣ предметы принимали какой-то грозный и чудный видъ. Тутъ опаленная громомъ сосна протягивала къ нему, какъ длинныя руки, свои изсохшія черныя вѣтви; тамъ изъ-за деревьевъ, какъ въ бѣломъ саванѣ мертвецъ, выглядывалъ березовый пень... Вотъ что-то перекатилось черезъ дорогу; вотъ черный вòронъ встрепенулся и замахалъ съ просонья широкимъ крыломъ своимъ; тутъ, вдругъ изъ-подъ куста затеплились двѣ свѣчи, глаза дикой кошки, и завылъ въ дуплѣ зловѣщій филинъ.

— Ухъ, какъ холодно!..—прошепталъ Торопъ, пожимаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Ну, страсть!.. Зубъ-на-зубъ не придется!.. Эка дичь подумаешь!.. И звѣздъ-то отсюда не видно; а то бы хоть по нимъ добрался какъ-нибудь до мѣста... Да вотъ постой,—продолжалъ онъ, увидя вдали просвѣтъ,—никакъ дорога выходитъ *на поляну*. Только бы мнѣ оглядѣться-то порядкомъ...

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ Торопъ вышелъ на большую луговину. Онъ остановился и поглядѣлъ вверхъ: едва можно было различать звѣзды, коими усыпанъ былъ небосклонъ; ихъ блѣдный свѣтъ сливался уже съ свѣтомъ утреннихъ небесъ; одна только звѣздочка ярко свѣтилась на востокѣ. Она искрилась и блистала на бѣловатыхъ небесахъ, какъ сверкаетъ алмазъ въ чистомъ серебрѣ.

— Это ты, моя путеводительница!—вскричалъ съ радостію Торопъ.—Сестрица звѣздочка, ранняя звѣздочка, здравствуй!.. Теперь я знаю, куда мнѣ идти: она останется у меня по лѣвую руку, и если бы только не повстрѣчалась со мной русалка и не обошелъ меня какой-нибудь лѣшій... Чу!..—продолжалъ Торопъ, вздрогнувъ отъ ужаса.—Легокъ на поминѣ, проклятый!

Въ эту самую минуту, чудный и отвратительный крикъ, не сходный съ голосомъ никакого животнаго, пронесся по лѣсу. Эти дикіе звуки, похожіе и на громкое ауканье двухъ человѣкъ, которые, отыскивая другъ друга, перекликаются межъ собою, и на неистовый хохотъ безумнаго, казалось, то приближались къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Торопъ, то вдругъ, отдаляясь, замирали въ лѣсной глуши. По-временамъ сіи нестройные и пронзительные вопли понижались до тихихъ вздоховъ, и потомъ вдругъ, возвышаясь съ неимовѣрной быстротою и какъ будто-бы раздирая воздухъ, гремѣли, дробились и, повторяемые отголоскомъ, оглушали оледенѣвшаго отъ ужаса Торопа [1]).

— Охъ, плохо дѣло!—проговорилъ онъ, наконецъ, заикаясь. — Да ихъ никакъ десятка два будетъ... и

---

[1]) Кто живалъ весной въ деревнѣ, а особливо въ нашихъ степныхъ губерніяхъ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаетъ, какой безобидный и робкій звѣрь пугаетъ симъ крикомъ суевѣрныхъ поселянъ, доселѣ увѣренныхъ, что это аукаетъ и хохочетъ лѣшій. Впрочемъ, надобно сказать правду, что сей чудный и пронзительный крикъ, раздаваясь во время тихой весенней ночи, наводитъ невольный ужасъ на всякаго.

тутъ... и тамъ!.. Ахти... что это!.. Ну, пропала моя головушка! — вскричалъ Торопъ, упавъ ничкомъ на землю.

На противоположной сторонѣ поляны вышелъ изъ лѣсу человѣкъ необычайнаго роста; онъ дѣлалъ такіе огромные шаги, что въ полминуты достигъ того мѣста, гдѣ лежалъ почти безъ памяти бѣдный Торопъ.

— Кто ты?—загремѣлъ грозный голосъ.

Торопъ молчалъ.

— Ну, пришелъ мой конецъ!—подумалъ онъ, чувствуя, что его приподнимаютъ съ земли.

— Возможно ли?.. Это онъ!—раздался снова страшный голосъ.—Торопъ!

— Помилуй, господинъ лѣшій!—завопилъ Торопъ.

— Что ты, что ты, полоумный, иль не узнаешь своего господина?

— Господина?—повторилъ Голованъ, осмѣлясь, наконецъ, взглянуть на лѣшаго.—Ахъ, батюшки свѣты!.. Въ самомъ дѣлѣ это ты, бояринъ!

— Говори скорѣй, бездѣльникъ,—закричалъ незнакомый, гдѣ Всеславъ?

— Ну, отлегло отъ сердца! Съ тобой, бояринъ, я и сотни лѣшихъ не испугаюсь.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Ухъ, батюшки! Ну, перепугался же я!

— Да станешь ли ты отвѣчать на мои вопросы, негодяй? Говори, или я сей-же часъ размозжу тебѣ голову.

— Не гнѣвайся, бояринъ,—прервалъ Торопъ.—Дай только съ духомъ собраться.

— Говори, гдѣ Всеславъ?

— Вѣстимо гдѣ: на Чортовомъ Городищѣ.

— Его тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?..

— Не наказалъ ли я тебѣ быть при немъ неотлучно?

— А чтожъ мнѣ было дѣлать, бояринъ? Если бъ я не пошелъ по его приказу въ село Предиславино, *такъ онъ* самъ бы ушелъ туда, да еще днемъ.

— Безумный!

— Выслушай, бояринъ, я разскажу тебѣ все, какъ было: какъ Вышата хотѣлъ меня повѣсить; какъ я сидѣлъ въ пустомъ подвалѣ; какъ Стемидъ выпроводилъ меня изъ села Предиславина; какъ онъ приказалъ мнѣ отвести Всеслава въ одно укромное мѣстечко, гдѣ ужъ вѣрно его не найдутъ...

— Но развѣ узнали?..

— То-то и дѣло. Этотъ разбойникъ Вышата все пронюхалъ и, чай, теперь ужъ посланы воины обшарить кругомъ все Чортово Городище. Хорошо еще, что Всеславъ далъ оттуда тягу.

— Но гдѣ онъ теперь?

— Гдѣ-нибудь около села Предиславина. Онъ самъ мнѣ изволилъ сказать, что если я скоро не вернусь съ вѣсточкой отъ его невѣсты, то онъ уйдетъ вслѣдъ за мною.

— Безумный! — повторилъ незнакомый. — Поспѣшимъ, Торопъ!.. Я стану искать его съ одной стороны села Предиславина, а ты съ другой. . Пока еще не наступило утро, мы можемъ спасти его... Но если... О, поспѣшимъ, поспѣшимъ, Торопъ!

Незнакомый пустился скорыми шагами по той самой дорогѣ, по которой шелъ прежде его слуга. Торопъ едва успѣвалъ бѣжать за своимъ господиномъ; но, несмотря на то, что запыхался и едва могъ говорить, разсказалъ ему на бѣгу со всею подробностью свои приключенія. Чрезъ полчаса они достигли дубовой рощи. Вся окрестность покоилась глубокимъ сномъ; но стража бодрствовала у воротъ села Предиславина; въ высокой гридницѣ свѣтились яркіе огни; толпы слугъ бѣгали и суетились по двору; звучали гусли златострунныя и серебряные кубки звенѣли, ударяясь другъ о друга. Все кипѣло жизнію вокругъ дворца великокняжескаго: Владиміръ-Солнышко пировалъ со своею удалою дружиною.

Незнакомый и Торопъ разстались: первый пошелъ налѣво частымъ кустарникомъ, а послѣдній продолжалъ

идти рощею, которая огибала съ правой стороны всѣ наружныя строенія села Предиславина и почти подходила къ самому огороду, отъ коего отдѣлялась однимъ высокимъ бревенчатымъ тыномъ.

VI.

Въ обширномъ покоѣ, описанномъ нами во второй главѣ сей части, за длиннымъ дубовымъ столомъ, пировали ближніе бояре, витязи и вся *гридня* знаменитая Великаго Князя Кіевскаго. Пасмуренъ, какъ ночь осенняя, грозенъ и угрюмъ, какъ туча громовая, Владиміръ-Солнышко сидѣлъ за переднимъ концомъ стола, покрытаго яствами. Молча переходилъ изъ-рукъ-въ-руки *турій рогъ* съ медомъ сладкимъ; витязи *чокались* межъ собой серебряными кубками; дворцовый *кифарникъ* игралъ на звонкихъ гусляхъ; но радостные крики не раздавались въ свѣтлой гридницѣ; не похвалялись богатыри русскіе своимъ удальствомъ. Всѣ гости, глядя на хозяина, пріуныли, повѣсили свои буйныя головы, и даже дядя великокняжескій, знаменитый воевода Добрыня, не смѣлъ съ нимъ рѣчь повести и спросить, отчего онъ прикручинился и о чемъ, *сложивъ руки ко бѣлымъ грудямъ*, онъ задумалъ думу крѣпкую.

— Ну, Рохдай, — сказалъ бояринъ Ставръ, толкнувъ подъ-бокъ витязя,—не говорилъ ли я тебѣ, что врядъ нашъ Государь Великій Князь распотѣшится. Вѣдь у него обычай такой: какъ засядетъ ему что въ голову...

— Да о чемъ онъ такъ задумался?

— Въ томъ-то и дѣло, любезный! Кабы знали да вѣдали, такъ авось бы горю пособили.

— Такъ чтожъ, бояринъ: попытаться бы спросить.

— Да, попытайся-ка! Ты боекъ, Рохдай, и Государь тебя жалуетъ, а, небось, и ты первый не сунешься.

— Право?

— Вѣстимо, нѣтъ. Погляди, всѣ посматриваютъ другъ на друга, а никто ни гу-гу! Вонъ, Тугаринъ Змѣевичъ молчитъ; Янъ Ушмовецъ—ни словечка; да и Добрыня-то язычекъ прикусилъ.

— Такъ пусть же они молчатъ, а я молчать не стану. Что за пиръ, коли хозяинъ самъ не гуляетъ; да этакъ и первый кусокъ станетъ клиномъ въ горлѣ.

И вотъ удалой витязь Рохдай поднимается изъ-за стола дубоваго, не допивъ чары зелена вина, не доѣвъ куска сладкаго. Онъ подходитъ ко Князю Владиміру, преклоняетъ чело ниже пояса и говоритъ бодрымъ голосомъ:

— Ты гой еси нашъ батюшка, Владиміръ Князь, Кіевское Солнышко, Святославичъ! Не прикажи ни казнить, ни рубить, а прикажи слово вымолвить. Отчего ты, Государь, прикручинился, о чемъ запечалился? Иль не угодили чѣмъ ни есть Государю своему его слуги вѣрные? Иль ужъ стала тебѣ нелюба твоя дружина удалая?

Владиміръ нахмурилъ брови и, не смотря на Рохдая, сказалъ:

— Рохдай, ты гость мой, — такъ ѣшь вдоволь, пей, веселись и прохлаждайся, а не спрашивай, о чемъ твой Государь призадумался. Захочу, такъ самъ скажу.

— Дозволь и мнѣ, Владиміръ Святославичъ, слово вымолвить,—прервалъ Добрыня, вставая.—Гдѣ видано, чтобы гости веселились, коли хозяинъ грустить. Выслушай мои глупыя рѣчи и не погнѣвайся! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; ты подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками; перегородилъ широкія степи печенѣжскія щитами русскими; ты славенъ и великъ, и богатъ и чивъ,—такъ о чемъ тебѣ, Государю нашему, задумываться? Ужъ не прискучило ль тебѣ сложа руки сидѣть? Не беретъ ли охота у сосѣда въ гостяхъ побывать, загулять на пиръ незваный къ царю византійскому? Такъ за чѣмъ дѣло стало? Вымолви слово княжеское,—и мы разбрызгаемъ

веслами широкій Днѣпръ; прикажи, — и вѣрная твоя дружина вычерпаетъ шеломами глубокій Донъ.

— Мы рады всѣ за тебя, нашего батюшку, сложить головы!—промолвилъ Янъ Ушмовецъ, вставая.

— Рады всѣ умереть до единаго! — закричали пирующіе, приподымая кверху свои кубки.

— Благодарствую васъ, братья мои ратные!—сказалъ Владиміръ, взглянувъ повеселѣе на гостей своихъ. — Спасибо вамъ, храбрые мои сподвижники, за вашу любовь и привѣтъ! Но я не хочу обижать сосѣдей, не хочу громить Византіи. Пора притупиться мечамъ нашимъ: поработали они вдоволь; погуляли мы до-сыта на кровавыхъ пирахъ и въ чужихъ земляхъ гостьми незваными; понатѣшились, — будетъ съ насъ! Нѣтъ, слуги мои вѣрные, слуги неизмѣнные, не о томъ я прикручинился: залегла у меня на сердцѣ дума крѣпкая; будетъ время, придетъ часъ, и я съ вами, мои бояре и витязи любимые, посовѣтуюсь. Что придумаютъ ваши умныя головы, и что я самъ захочу, то и будетъ; а теперь рѣчь не о томъ. Эй, Вышата, дай-ка мнѣ чару добраго вина!

Ключникъ Вышата налилъ серебряную чарку виномъ, поставилъ на золотой подносъ и, низко поклонясь, подошелъ къ Великому Князю.

— Ну, гости мои милые, — продолжалъ Владиміръ, — выпьемъ теперь за упокой храбраго юноши, который сегодня спасъ мнѣ жизнь... Э, Вышата, живетъ ли здѣсь, въ селѣ Предиславинѣ, дѣвушка, по имени Любаша?

— Живетъ, Государь.

— Отпусти ее завтра же къ отцу и матери; спроси ихъ, какихъ желаютъ отъ меня милостей, и скажи имъ, чтобъ смѣло просили у меня всего, чего сами захотятъ.

— Слушаю, Государь! — сказалъ Вышата, поглядывая съ удивленіемъ на Владиміра.

— Кубокъ меду! Я пью его съ вами, дорогіе гости, за здравіе моего сына Изяслава и матери его, супруги *нашей,* Рогнѣды. Здорова ли она, Вышата?

— Не такъ, чтобъ очень, Государь! Вотъ ужъ пятыя сутки всѣ ночи напролетъ за рукодѣліемъ просиживаетъ: сна вовсе нѣтъ!

— Бѣдная, — сказалъ вполголоса Владиміръ, — ей скучно, она тоскуетъ! Вышата, забавляй ее всякими потѣхами, пѣснями, плясками...

— Слушаю, Государь!

— Не худо бы послушать и намъ, — продолжалъ Владиміръ,—голосистыхъ соловьевъ нашихъ. Фенкалъ, потѣшь моихъ гостей, спой намъ какую-нибудь варяжескую пѣсенку; да смотри, повеселѣе! Что стоишь, Вышата? Поднеси ему чару вина!

Видный и прекрасный собою юноша, къ которому подошелъ Вышата, сидѣлъ подлѣ Свѣторада. Онъ всталъ, и, не принимая съ подноса чарки съ виномъ, сказалъ громкимъ голосомъ:

— Государь Великій Князь, дозволь мнѣ слово вымолвить.

— Говори, Фенкалъ,—отвѣчалъ Владиміръ, взглянувъ ласково на пѣвца.

— Государь, ты живалъ въ землѣ варяжской и знаешь наши обычаи: у насъ вѣщій скальдъ поетъ веселыя пѣсни тогда только, когда у него весело на сердцѣ.

— А у насъ тогда, когда ему прикажутъ, — прервалъ Владиміръ.—Пой, Фенкалъ!

— Государь, — продолжалъ скальдъ, — ты воленъ мнѣ приказывать: я плѣнникъ и рабъ твой; но если ты желаешь слышать пѣсни, которыя въ странѣ варяжской веселили сердце не Великаго Князя Кіевскаго, но храбраго витязя Владиміра,—то ступай опять туда. Тамъ, гдѣ вдохновенный скальдъ поетъ по приказу, гдѣ звучатъ не вѣщія струны, а звенятъ на рукахъ его тяжкія цѣпи, тамъ слушай, если хочешь, его стоны, а не требуй отъ него веселыхъ пѣсенъ.

— Что ты, что ты, Фенкалъ?!—сказалъ съ ужасомъ Свѣторадъ, толкая его локтемъ.

— Фенкалушка, голубчикъ, въ умѣ ли ты?—про-

шепталъ Вышата, съ трудомъ удержавъ въ рукахъ свой золотой подносъ.

Едва просвѣтлѣвшее чело Владиміра помрачилось снова, а привѣтливый взоръ превратился опять въ грозный и угрюмый.

— Отчего же ты невеселъ?—сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени.—Чего ты хочешь?

— Государь, душа моя тоскуетъ о родинѣ!

— Но развѣ ты одинъ изъ варяговъ покинулъ навсегда свою родную землю? Развѣ нѣтъ при лицѣ моемъ многихъ изъ твоихъ единоземцевъ, которые называютъ отчизною своею великій Кіевъ?

— Я говорю о себѣ, Государь!

— Но чего же ты хочешь?.. Фенкалъ, — продолжалъ Владиміръ ласковѣе, — я люблю тебя, желаю видѣть счастливымъ и довольнымъ. Быть-можетъ, до сихъ поръ я мало наградилъ тебя за твою службу. Ближній мой баянъ Фенкалъ, я жалую тебѣ мое заднѣпровское село Тугорканово, со всѣми помѣстьями, угодьями и землями.

— Слышишь ли, Фенкалъ? — вскричалъ Свѣторадъ. — Село Тугорканово, со всѣми помѣстьями и угодьями... Кланяйся?

— Село Тугорканово! — повторилъ Вышата. — Съ рыбными ловлями, сѣнными покосами!.. Кланяйся!

— Съ тремя пчельниками!—продолжалъ Свѣторадъ.

— Съ торговой пристанью!—промолвилъ Вышата.

— Да кланяйся же и благодарствуй! — повторили они оба, дергая его за полы.

Фенкалъ молчалъ; онъ стоялъ, по-прежнему безтрепетно передъ лицомъ своего повелителя; смотрѣлъ почтительно на грозное его чело, но не преклонилъ главы своей.

— Фенкалъ,—вскричалъ Владиміръ, едва скрывая свой гнѣвъ,—ты безмолвствуешь, ты не благодаришь своего господина?

— Государь,—сказалъ пѣвецъ,—велики твои ми-

лости, дары твои достойны знаменитаго повелителя всей земли русской; но если бъ ты отдалъ мнѣ половину твоего царства, то и тогда я не былъ бы счастливъ.

— Чего же ты хочешь, безумный?

— О, Государь! Отдай мнѣ убогую мою хижину на берегу родного моря; отдай мнѣ небеса моей отчизны, и Фенкалъ во всѣхъ пѣсняхъ своихъ будетъ прославлять имя Владиміра!

— Ну, пропала его головушка!—прошепталъ Вышата, взглянувъ на Великаго Князя.

Всѣ гости, опустивъ глаза книзу, не смѣли пошевелиться. Блѣдное лицо, посинѣвшія уста, дикій пламень, который сверкалъ въ глазахъ, устремленныхъ на Фенкала—все предвѣщало одну изъ тѣхъ душевныхъ бурь Владиміра, коихъ не могли укрощать ни прелесть красоты, ни связи родства, ничто на свѣтѣ.

— И такъ, ты отказываешься отъ моего дара?—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, ища правой рукой рукоятку меча своего.

— Да, Государь! — отвѣчалъ съ твердостію Фенкалъ.—Этотъ даръ будетъ новой цѣпью, которая еще крѣпче прикуетъ меня къ порогу твоихъ княжескихъ чертоговъ,—я не принимаю его!

— Презрѣнный рабъ!—завопилъ неистовымъ голосомъ Владиміръ.—Ты отвергаешь милость твоего Государя, ты смѣешь ругаться Владиміромъ... и живъ еще!..

Онъ вскочилъ съ своего мѣста. Невольный трепетъ пробѣжалъ по членамъ всѣхъ пирующихъ; всѣ лица поблѣднѣли, и даже въ безстрашной груди Рохдая сердце замерло отъ ужаса; одинъ Фенкалъ не измѣнился въ лицѣ: сложивъ спокойно руки, онъ продолжалъ смотрѣть съ почтеніемъ, но безъ боязни, на своего разгнѣваннаго господина.

Острый мечъ сверкалъ уже въ рукѣ Владиміра; онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и вдругъ, какъ будто бы повинуясь какой-то чуждой волѣ, остановился; его

грозныя очи сверкали еще дикимъ, неукротимымъ огнемъ, но на лицѣ изобразились смущеніе и нерѣшимость. Мало-по-малу рука его опустилась; онъ вложилъ медленно свой мечъ въ ножны и, садясь опять на прежнее мѣсто, сказалъ мрачнымъ, но тихимъ голосомъ:

— Живи,—я прощаю тебя!

Нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе.

— Ну, любезный, — шепнулъ наконецъ бояринъ Ставръ витязю Рохдаю, — видалъ я нравныхъ людей, слыхалъ дерзкія рѣчи этихъ заморскихъ буяновъ; а ужъ этакого безумнаго нахала и гордеца, какъ этотъ Фенкалъ, сродясь не видывалъ.

— Такъ, бояринъ, такъ!—отвѣчалъ Рохдай, посматривая съ почтеніемъ на скальда.—А нечего сказать, этотъ Фенкалъ молодецъ! Ужъ коли онъ не сробѣлъ нашего Государя, такъ кого же онъ испугается!

— И Великій Князь его помиловалъ! Ну, счастливъ этотъ поморянинъ.

— Что, братъ Вышата,—сказалъ вполголоса Свѣторадъ, — каковъ молодецъ? Ахъ, онъ пострѣлъ, пострѣлъ! И голова еще у него на плечахъ?

— Вижу, да не вѣрю, любезный,—пробормоталъ, заикаясь, Вышата:—развѣ дастъ пощупать! Экій разбойникъ, подумаешь! Его ли Государь не жаловалъ; онъ ли не былъ въ почетѣ? То-то и есть: какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ! Добро, добро,— узнаетъ, каково быть подъ княжескою опалою! Грубіянъ!.. Да я теперь съ нимъ и знаться-то не хочу!

— Ну, что призадумались, мои гости милые?— сказалъ Владиміръ, стараясь улыбаться.—Неужли-то упрямство и дерзость одного изъ рабовъ моихъ помѣшаютъ намъ веселиться? Послушай, слуга мой вѣрный, баянъ, сынъ баяновъ, честь и слава великаго Кіева, Соловей Будиміровичъ, пусти своихъ десять соколовъ на стадо лебединое, пусть хитрые персты твои пробѣгутъ и заскачутъ по живымъ струнамъ; пусть отгрянетъ въ нихъ и загрохочетъ слава земли Русской...

Иль нѣтъ, спой намъ лучше пѣсню объ удаломъ сынѣ Гостомысловѣ, Вадимѣ Новогородскомъ.

Соловей Будиміровичъ всталъ, поклонился Владиміру и сказалъ:

— Государь Великій Князь, ты приказывалъ спѣть себѣ веселую пѣсню, а то, что поется о Вадимѣ Новогородскомъ...

— Все равно!—прервалъ Владиміръ,—Пой, Соловей Будиміровичъ!

Пѣвецъ поклонился еще разъ своему Государю, кинулъ гордый взглядъ на Фенкала и запѣлъ:

***

«Свѣтло, красно ясно солнышко; веселъ, радостенъ удалой Вадимъ, удалой Вадимъ—Гостомысловъ сынъ. Онъ сбирается съ варягами въ чистомъ полѣ перевѣдаться; онъ прощается съ родною матерью, съ молодой своей женой и съ сестрой любимою. «Ты зачѣмъ идешь на гибель вѣрную?»—вопитъ такъ родная мать. «Береги себя, мой милый братъ!»—говоритъ сестра любимая. «Подари меня варяжскимъ золотомъ»,—шепчетъ на-ухо молода жена».

***

«Какъ не буря заносила стаю соколовъ черезъ степи широкія, и не вѣтры свищутъ и гудятъ по дремучимъ лѣсамъ: то идетъ Гостомысловъ сынъ, удалой Вадимъ, со своей дружиною; онъ незваный и непрошеный на веселый пиръ спѣшитъ, на разгулье молодецкое, на игрушку богатырскую. Онъ на вѣчѣ похвалялся разгромить Поморье все, и съ богатою добычею воротиться на Ильмень».

***

«Ужъ не море хлынуло съ полуночи, и не сумерки находятъ въ бѣлый день: застилаютъ красно солнышко тучи вражьихъ стрѣлъ. Все Поморье взволновалося, встрепенулись добры молодцы и навстрѣчу понеслись къ гостямъ незванымъ. Тутъ-то копьямъ поломаться, тутъ-то саблямъ погремѣть! Вотъ сошлись, щитами грянули, и мечи запрыгали по желѣзнымъ бронямъ и кровь алая заструилась по полю».

***

«Они пьютъ чашу смертную, они бьются цѣлый день; какъ снопы стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на кровавомъ токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ души буйныя отъ тѣлъ молодецкихъ».

***

«И вотъ ужъ солнышко заходитъ, пуще прежняго кипитъ кровавый бой. Худо, худо вамъ, о люди Русскіе, къ вамъ никто

на подмогу и на выручку не спѣшитъ съ родимой стороны! Вы тѣлами вашими поле бранное усѣяли, и враны черные пріодѣли васъ крыломъ. Плачьте, плачьте, красны дѣвицы: не видать вамъ жениховъ своихъ! Веселись, государь Великій Новгородъ: твои дѣти храбрыя всѣ костьми легли и не осрамилися».

***

«Затихнулъ бой; загремѣли по синему морю пѣсни бранныя, веселыя. Вотъ готфскія красныя дѣвы въ хороводы собрались, зазвенѣли русскимъ золотомъ, запѣли славу своимъ витязямъ. А Вадимъ?.. Весь покрытый язвами, неотмщенный, неоплаканный, средь враговъ убитыхъ умиралъ. Онъ взглянулъ на милую сторонушку, онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ и, какъ свѣтлую жемчужину, изронилъ изъ тѣла душу молодецкую».

***

Пѣвецъ пріостановился, потомъ запѣлъ опять тихимъ и заунывнымъ голосомъ:

«Туманно солнышко, туманно! Спитъ непробуднымъ сномъ добрый молодецъ Вадимъ. Вкругъ его три пташки увиваются: одна пташечка—родная мать,—она плачетъ, какъ рѣка шумитъ; другая пташечка—любимая сестра—она плачетъ, какъ ручей журчитъ; третья пташечка—молодая жена,—она плачетъ, какъ роса падетъ: красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ».

Пѣвецъ умолкнулъ. Всѣ бояре, витязи и самъ Великій Князь, привставъ, выпили въ честь его по чарѣ вина.

— Спасибо тебѣ,—сказалъ Владиміръ,—спасибо, Соловей Будиміровичъ! Твои пѣсни слаще моего меда; онѣ веселятъ мое сердце, какъ бранный кличъ на полѣ ратномъ. Фенкалъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ скальду, — ты можешь еще загладить вину свою; но берегись раздражить вторично своего Государя.

— Владиміръ Святославичъ, — сказалъ Фенкалъ умоляющимъ голосомъ,—ты простилъ дерзкимъ рѣчамъ моимъ; о, будь же великодушенъ до конца: дозволь мнѣ надѣяться, что я увижу еще разъ мою родину; обѣщай мнѣ эту милость, какъ награду за вѣрную мою службу, и тогда, клянусь Оденомъ...

— Молчи,—прервалъ Владиміръ.—Слугѣ ли предлагать условія своему господину? Я хочу, и ты дол-

женъ остаться вѣчно рабомъ моимъ. Гости мои милые,— продолжалъ онъ, подымаясь изъ-за стола,—и вамъ и мнѣ время успокоиться. Завтра приглашаю васъ на обѣденный пиръ. Соловей Будиміровичъ, жалую тебѣ село Тугорканово, отъ котораго отказался сей безумецъ. Вышата, ты говорилъ мнѣ, что Рогнѣда проводитъ безъ сна всѣ ночи; отведи въ ея теремъ Фенкала: онъ не хотѣлъ потѣшить молодцовъ, такъ пусть забавляетъ женъ. Прощайте, мои слуги вѣрные! Отдыхайте! завтра опять повеселимся.

Сказавъ сіи слова, Владиміръ поклонился на всѣ стороны и пошелъ, въ сопровожденіи двухъ ближнихъ отроковъ, въ свою великокняжескую опочивальню. Гости стали расходиться.

— Эхъ, братъ Фенкалъ,—сказалъ Вышата, подойдя къ скальду,—сплоховалъ ты!.. Ну, да дѣлать нечего,— пойдемъ!.. Чтожъ ты стоишь! Иль не слышалъ, что приказывалъ мнѣ Великій Князь?

— Слышалъ!—сказалъ вполголоса Фенкалъ.—Хорошо,—промолвилъ онъ;—я исполню твою волю, Владиміръ: я позабавлю Рогнѣду моими пѣснями; и если варяжская кровь, которая течетъ въ ея жилахъ, не совсѣмъ еще застыла!.. Пойдемъ, Вышата, пойдемъ!

VII.

Шумъ затихъ; огни угасали одинъ послѣ другого въ окнахъ дворца великокняжескаго; изрѣдка мелькали, какъ тѣни, проходящіе по двору служители; кой-гдѣ раздавался стукъ отъ запираемыхъ дверей; вскорѣ все замолкло, и только въ одномъ Рогнѣдиномъ теремѣ свѣтился еще огонекъ. Но не одна злополучная дочь Рогвольда не смыкала очей своихъ, не одна Рогнѣда обливалась горючими слезами: въ уединенной свѣтлицѣ краснаго терема стонала горькая, беззащитная сирота. Нѣсколько разъ матушка Буслаевна пыталась ее уговаривать, укладывала спать; но Надежда отвѣчала на всѣ ея слова однѣми слезами.

— Эка нравная дѣвка!—вскричала наконецъ, старуха.—Навязали же на мою шею эту лихую немочь! Слушай ты, блажная: не хочешь ложиться, такъ не ложись себѣ, а я пойду спать въ мою свѣтелку; да если ты у меня не уймешься хныкать и вопить въ истошный голосъ, да помѣшаешь мнѣ соснуть, такъ я тебя, моя голубушка, донцемъ попотчую!.. Вишь какая барыня!—продолжала старуха, выходя вонъ и запирая двери Надеждиной свѣтлицы.—Эхъ, кабы Вышата не заказывалъ мнѣ, такъ я бы тебя, плакса неугомонная, какъ разъ угомонила.

Растерзанное сердце Надежды облегчилось, когда, оставшись одна, она могла свободно излить всю горесть свою предъ Господомъ. Слова Вышаты, пріѣздъ Великаго Князя въ село Предиславино, отвратительные совѣты и наставленія старухи,—однимъ словомъ, все наполняло неизъяснимымъ ужасомъ ея чистую, дѣвственную душу. Прежде она умоляла Искупителя и Пречистую Дѣву о свободѣ и соединеніи съ отцомъ и женихомъ своимъ, а теперь она молилась только объ одномъ:

— О, Пресвятая,—говорила она, рыдая,—призови меня къ себѣ, соедини меня съ моею матерью, не дай мнѣ посрамить сѣдыхъ волосъ отца моего! О, дозволь мнѣ, безъ укоризны и стыда, поспѣшить навстрѣчу къ жениху моему, когда придетъ и его чреда покинуть эту землю изгнанія, этотъ міръ плача и страданій!

Болѣе часу молилась усердно Надежда; слезы ея текли ручьями, но не облегчали стѣсненнаго сердца. Вдругъ мысль о побѣгѣ, мысль, которая ни разу не приходила ей въ голову, блеснула въ душѣ ея. Она приложила ухо къ дверямъ, стала прислушиваться: Буслаевна спала крѣпкимъ сномъ. Надежда подошла къ окну; тихо и наблюдая величайшую осторожность, отворила его. Первый взглядъ, ею брошенный, смѣрилъ разстояніе, которое отдѣляло ее отъ земли. Окно ея свѣтлицы было прорублено на задній дворъ, и Надежда едва не вскрикнула отъ радости, замѣтивъ, что

съ сей стороны поверхность земли была гораздо возвышеннѣе, а посему и разстояніе отъ оной до окна несравненно менѣе, чѣмъ съ противоположной стороны зданія. На семъ дворѣ и во всѣхъ строеніяхъ, его окружающихъ, царствовала глубокая тишина. Налѣво, въ промежуткѣ двухъ длинныхъ конюшенъ, виднѣлись густыя липы огорода; направо подымался уступами дворецъ великокняжескій, а за нимъ вдали высокій Рогнѣдинъ теремъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ, едва переводя духъ, Надежда сняла съ постели простыню и одѣяло, связала ихъ вмѣстѣ, прибавила къ нимъ свое длинное покрывало, скрутила и, привязавъ ихъ къ желѣзному крючку, которымъ запиралось изнутри окно, выбросила изъ него сію, на скоро сдѣланную, веревку: она почти касалась земли. Сотворивъ краткую молитву. Надежда спустилась по ней счастливо на задній дворъ. Увидѣвъ надъ собою открытое небо, она въ первую минуту восторга почла себя уже совершенно свободною; но когда вспомнила, что для этого ей надобно выйти изъ села Предиславина, окруженнаго высокою стѣною, то минутная ея радость превратилась почти въ отчаяніе. Подумавъ нѣсколько времени, она рѣшилась пуститься наудачу и испытать всѣ способы для своего спасенія. Въ то самое время, какъ Надежда, пройдя мимо конюшни, подошла къ запертымъ воротамъ огорода, ей послышались въ близкомъ разстояніи голоса и шаги идущихъ людей. Надежда, дрожа отъ страха, притаилась за большою кучею сѣна, которое было навалено за конюшнями.

— Эхъ, братецъ,—говорилъ кто-то сиповатымъ голосомъ,—разбудилъ ты меня! А мнѣ завтра по-утру надо побывать за селомъ Берестовымъ,—не близко мѣсто; хочешь не хочешь, а вставай вмѣстѣ съ солнышкомъ. Да самъ ли ты видѣлъ?

— Какъ же!—отвѣчалъ другой голосъ.—Вѣдь я сейчасъ ходилъ дозоромъ кругомъ огорода.

— И трехъ бревенъ въ заборѣ нѣтъ?

— Какъ не бывало! Вотъ увидишь самъ... Такую

лазейку сдѣлали, что не только господинъ нашъ Вышата, да и ты, братъ Садко, бочкомъ продерешься.

— Да гдѣ жъ это?

— Съ правой стороны, подлѣ рябиноваго куста, насупротивъ большой-то березы.

— Ужъ не Дулебка ли это проказитъ?.. А что ты думаешь?.. Да погоди,—завтра же скрутятъ молодца!

Въ продолженіе сего разговора, они подошли къ огороду; отперли ворота, вошли въ него и скрылись за деревьями. Надежда не проронила ни одного слова; она прокралась вслѣдъ за ними въ растворенныя ворота и притаилась, у самаго входа, за вѣтвистымъ ракитовымъ кустомъ. Болѣе четверти часа, трепеща отъ страха и едва смѣя переводить дыханіе, сидѣла она на землѣ, покрытой холодною росою; наконецъ, ей опять послышались тѣ же самые голоса и двое служителей, идя скорыми шагами, поровнялись съ кустомъ, за которымъ она скрывалась. Казалось, они спорили межъ собою.

— Экій ты, братецъ, какой,—говорилъ одинъ:— не хотѣлъ остаться покараулить.

— Да, какъ бы не такъ!—отвѣчалъ другой.—А кто ихъ знаетъ: можетъ статься, ихъ цѣлая ватага. Вотъ приведемъ человѣкъ десять ратныхъ людей, такъ будетъ кому стеречь.

— А покамѣстъ мы за ними ходимъ...

— Такъ чтожъ? Заберутся въ огородъ?.. Имъ же хуже: сами въ ловушку попадутъ. Да чтожъ ты,— запирай ворота; теперь ужъ мы обойдемъ отъ рощи.

Голоса умолкли. Надежда, не теряя ни минуты, побѣжала въ ту сторону, гдѣ, посреди развѣсистыхъ липъ, бѣлѣлась высокая береза. Она не долго искала пролома, о которомъ говорили служители, и, выбѣжавъ въ рощу, остановилась на минуту, чтобъ перевести духъ. Все было тихо и мрачно кругомъ. Вверху частыя вѣтви деревьевъ сплетались непроницаемымъ шатромъ надъ ея головою; внизу распускалъ по влажной землѣ свои зубчатые и широкіе листья густой па-

поротникъ. Изрѣдка вскрикивалъ кузнечикъ, и отъ-времени-до-времени принимался стонать филинъ; но ранній пѣвецъ нашихъ тѣнистыхъ дубравъ, голосистый соловей, отдыхалъ отъ своихъ вечернихъ пѣсенъ; онъ молчалъ и дожидался полнаго разсвѣта, чтобъ снова залиться, защолкать, засвистать и пробудить спящій отголосокъ. Прошло нѣсколько времени, пока Надежда рѣшила, въ какую ей идти сторону; наконецъ, она вспомнила, что лѣсъ за Почайною, и слѣдовательно хижина, въ которой жилъ отецъ ея, должна была находиться на востокъ отъ села Предиславина. Утренняя заря уже занималась и могла ей служить вѣрною путеводительницею. Вотъ Надежда; перекрестясь, пустилась бѣгомъ въ самую глубину рощи, придерживаясь правой стороны, и, пробѣжавъ шаговъ сто, вышла на небольшой лугъ, окруженный со всѣхъ сторонъ мелкимъ, но частымъ лѣсомъ. Она остановилась, чтобъ пооглядѣться кругомъ; но едва успѣла окинуть взоромъ поляну, на которой, при свѣтѣ загорающейся зари, можно было различать всѣ предметы, какъ вдругъ близехонько подлѣ нея раздался голосъ.

— Это она!—и огромная голова въ мѣховой шапкѣ высунулась изъ-за кустовъ.

Надежда вскрикнула, и, не зная сама, что дѣлаетъ, пустилась бѣжать по узенькой тропинкѣ, которая шла назадъ прямо къ селу Предиславину. Она слышала, что за ней гонятся; ей казалось даже, что ее называютъ по имени; сердце ея замирало отъ ужаса; и, несмотря на то, что страхъ придавалъ ей крылья, она чувствовала, что не уйдетъ отъ того, кто ее преслѣдовалъ. Съ каждою минутою разстояніе, ихъ раздѣляющее, становилось менѣе. Вотъ Надеждѣ кажется, что къ ней идутъ навстрѣчу; тропинка круто поворачиваетъ налѣво, и вдругъ кто-то загораживаетъ ей дорогу. Бѣдная дѣвушка хочетъ броситься въ сторону, но всѣ силы ее оставляютъ, въ глазахъ темнѣетъ, ноги подгибаются, и она падаетъ безъ чувствъ на землю.

— О, очнись, мой милый другъ!—шепталъ кто-то

на-ухо Надеждѣ, когда она стала приходить въ себя.— Это я, твой суженый!

— Всеславъ!—вскричала дѣвушка, открывая глаза,—Всеславъ!—повторила она, не вѣря самой себѣ.

— Да, это я, моя ненаглядная!

— Ну, измучила ты меня, красавица!—сказалъ Торопъ, потирая рукою свой широкій лобъ.—Я кричу: постой, постой! Не тутъ-то было!.. Но намъ некогда растабарывать; вѣдь мы еще близехонько отъ села Предиславина.

— Отъ села Предиславина?—повторила съ ужасомъ Надежда.—Побѣжимъ скорѣй, мой другъ!.. Побѣжимъ!

— Куда же мы пойдемъ?—спросилъ Всеславъ.

— Отведите меня къ батюшкѣ.

— Къ твоему отцу!—прошепталъ Всеславъ, прижимая къ груди своей несчастную дѣвушку.—О, Надежда!

— Добро, добро,—прервалъ Торопъ,—наговоритесь послѣ. На Почайну вамъ идти нельзя, а есть другое мѣстечко повѣрнѣе... Постойте-ка!

Торопъ приподнялъ голову, приложилъ два пальца къ губамъ и засвисталъ по соловьиному, но съ такими страшными перекатами и такъ пронзительно, что Надежда невольно содрогнулась. Черезъ минуту громкій свистъ, болѣе похожій на человѣческій, раздался довольно далеко отъ нихъ съ правой стороны рощи.

— Ну,—сказалъ Торопъ,—теперь онъ знаетъ, что я съ тобой встрѣтился и гдѣ ему тебя отыскивать. Идемте, да чуръ, поторапливаться. Смотрите-ка, вонъ ужъ почитай ни одной звѣздочки на небѣ не осталось.

Торопъ пошелъ скорыми шагами впередъ, а Всеславъ, поддерживая и ободряя Надежду, пустился вслѣдъ за нимъ.

Мы попросимъ теперь читателей оставить на время нашихъ любовниковъ и, возвращаясь опять въ село Предиславино, заглянуть, вмѣстѣ съ нами, во внутренность Рогнѣдина терема.

Комната, служащая опочивальнею Княгинѣ Рогнѣдѣ, отличалась отъ обыкновенныхъ свѣтлицъ одною только величиною своею и нѣкоторыми украшеніями, коихъ богатство представляло разительную противоположность съ голыми стѣнами и деревянными, грубо обдѣланными, скамьями. При слабомъ свѣтѣ двухъ лампадъ или ночниковъ, поставленныхъ на столѣ, покрытомъ византійскою парчею, сидѣла на высокомъ своемъ ложѣ, облокотясь на пышное, набитое лебяжьимъ пухомъ, изголовье, злополучная супруга Владиміра; передъ нею лежала бѣлая ширинка, до половины вышитая разноцвѣтными шелками; а подлѣ, склонивъ голову на ея плечо, спалъ крѣпкимъ сномъ прекрасный отрокъ. Одинъ взглядъ на блѣдное, и хотя все еще прелестное, но поблекшее отъ горести, лицо Рогнѣды удостовѣрилъ бы всякаго, что онъ видитъ передъ собой ту, которую гласъ народа, почти всегда справедливый въ своихъ выразительныхъ прозваніяхъ, наименовалъ Гориславою. Но не одно душевное прискорбіе выражалось и на возвышенномъ, благородномъ челѣ ея, и въ ея голубыхъ, исполненныхъ какого-то дикаго унынія, глазахъ, и на устахъ, коихъ надменная улыбка напоминала каждому о ея знаменитомъ происхожденіи. Нѣтъ, беззащитная сирота, злополучная Горислава, презрѣнная и покинутая своимъ супругомъ, была все еще тою же самою Рогнѣдою, которая, отвергнувъ нѣкогда руку Владиміра, не устрашилась заклеймить его позорнымъ названіемъ *рабынича*. По обѣимъ сторонамъ покоя сидѣли также, или, лучше сказать, дремали за пряжею и другимъ рукодѣльемъ ея ближнія сѣнныя дѣвушки; а подлѣ самаго изголовья постели стояла любимая мамушка ея сына Изяслава, которая уже нѣсколько времени смотрѣла молча, и не спуская глазъ, на спящаго отрока.

— Не позволишь ли, матушка Великая Княгиня,— сказала она, наконецъ, шопотомъ, — отнести его въ опочивальню? Вѣдь ужъ больно поздно,—свѣтать скоро станетъ.

— Да,—отвѣчала тихимъ голосомъ Рогнѣда,—уложи его спать. Изяславъ,—продолжала она, будя съ осторожностію спавшаго отрока, — сынъ мой, ступай, ты хочешь спать!

Ребенокъ проснулся, привсталъ, поглядѣлъ съ просонья вокругъ себя и не отвѣчалъ ни слова.

— Возьми его, мамушка, съ собою,—сказала Рогнѣда, поцѣловавъ съ нѣжностію своего сына. — Ступайте и вы, мои подруги. Ахъ, вы можете еще спать, а я... Подите, подите! Со мной останется нянюшка Богорисовна, и ты, моя добрая Мирослава! — промолвила Рогнѣда, взглянувъ съ ласковою улыбкою на молодую дѣвушку, которая сидѣла ближе всѣхъ къ ея постели.

Мамушка взяла на руки Изяслава и, поклонясь Рогнѣдѣ, вышла вмѣстѣ съ сѣнными дѣвушками въ боковыя двери.

— О, зачѣмъ ты походишь на отца своего!—прошептала Рогнѣда, помолчавъ нѣсколько времени.—Ну, что, Мирослава, — продолжала она, обращаясь къ дѣвушкѣ,—не слышала ли ты еще чего-нибудь?

— Ничего, Государыня.

— Онъ здѣсь и не хотѣлъ взглянуть на меня!

— До того ли ему! — сказала Богорисовна, покачавъ головою. — Забылъ онъ совсѣмъ тебя, нашу матушку; да и кто ему о тебѣ напомнитъ? Буслаевна мнѣ сказывала, что дня четыре тому назадъ еще привезли сюда какую-то красавицу; а все этотъ разбойникъ Вышата!.. Да что это? Никакъ скрипнули дверью? Кому такъ поздно? — прибавила нянюшка, вставая и выходя въ сосѣдній покой.

Черезъ полминуты Богорисовна вошла опять.

— Не погнѣвайся, матушка!—сказала она съ примѣтнымъ смущеніемъ. — Что прикажешь?.. Къ тебѣ пришелъ ключникъ Вышата.

— Вышата?—повторила Рогнѣда голосомъ, исполненнымъ негодованія. — Чего хочетъ отъ меня этотъ презрѣнный старикъ?

— Онъ пришелъ не одинъ, и говоритъ, что его прислалъ Государь Великій Князь. Прикажешь ли ему явиться предъ ясныя твои очи?

— Пусть войдетъ, — сказала Рогнѣда, и всѣ признаки продолжительной душевной скорби исчезли съ лица ея. На блѣдномъ челѣ изобразилось холодное спокойствіе, а потухшіе въ слезахъ взоры заблистали величіемъ.

Двери отворились. Ключникъ Вышата, согнувшись въ дугу и выступая на цыпочкахъ, явился, съ подобострастнымъ и подлымъ лицомъ своимъ, передъ супругою Владиміра.

— Что угодно Государю Великому Князю?—спросила Рогнѣда, кинувъ на него взоръ, исполненный презрѣнія.

— Я присланъ къ тебѣ, матушка Рогнѣда Рогвольдовна.

— Супругу твоего Государя, — прервала Рогнѣда, — называютъ Великой Княгиней даже и тогда, когда она была бы покинута и презрѣна своимъ мужемъ.

— Не погнѣвайся, Государыня, — продолжалъ съ покорностію Вышата; — я это такъ спроста сказалъ. Великій Князь, узнавъ отъ меня, что ты все изволишь тосковать и проводишь безъ сна цѣлыя ночи, приказалъ мнѣ привести къ тебѣ любимаго своего пѣвца Фенкала, чтобъ позабавить тебя своими пѣснями.

— Фенкала, этого варяжскаго скальда?

— Да, Государыня.

— Варяжскаго скальда! — повторила Рогнѣда, не скрывая своего восторга. — О, пѣсни моей родины, пѣсни моего дѣтства, я опять васъ услышу!.. Зови его, зови.

— Ступай сюда, молодецъ!—сказалъ Вышата, обращаясь къ дверямъ.

Фенкалъ, держа подъ плечомъ свою ручную арфу, вошелъ въ комнату.

— Привѣтствую тебя, дочь знаменитаго Рогвольда!— сказалъ онъ, поклонясь почтительно Рогнѣдѣ.

— Что ты, что ты? — шепнулъ ему на-ухо Вышата.—Говори: Великая Княгиня.

— Добро пожаловать, дорогой гость,—сказала Рогнѣда. — Садись, мой единоземецъ; садись, Фенкалъ!.. Ступай, Вышата, скажи Великому Князю, что еслибъ онъ подарилъ меня лучшимъ ожерельемъ царицы византійской, то и тогда не порадовалъ бы столько своей супруги, какъ приславъ къ ней своего варяжскаго скальда.

— Слушаю, Государыня! Я скажу ему объ этомъ завтра; а теперь, пока Фенкалъ будетъ забавлять тебя своими пѣснями, я долженъ остаться здѣсь.

— Здѣсь?—повторила Рогнѣда, и блѣдныя ея щеки вспыхнули.—Неужели,—продолжала она, устремивъ сверкающій взоръ на Вышату, — Великій Князь Кіевскій посрамитъ себя до того, чтобъ отдать честь своей супруги — свою собственную честь, подъ надзоръ и защиту ключника Вышаты!

— Государыня, — сказалъ робкимъ голосомъ Вышата,—я не дерзну никогда и помыслить...

— Если супругъ мой, — прервала Рогнѣда,—приказалъ тебѣ не покидать Фенкала одного, то ступай съ нимъ вмѣстѣ: я не хочу слушать его пѣсень.

— Государь Великій Князь не приказывалъ мнѣ этого; но я думаю...

— Молчи! — вскричала Рогнѣда. — Пусть подлыя рабыни и наложницы исполняютъ твою волю; но мнѣ, Великой Княгинѣ Кіевской и дочери Рогвольда, можетъ приказывать одинъ супругъ. Ступай!

Вышата посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ вокругъ себя, подошелъ къ нянюшкѣ Богорисовнѣ и сказалъ ей на-ухо·

— Если вы хотя на минуту оставите Великую Княгиню, то прощайтесь съ вашими головами.

Потомъ, поклонясь почтительно Рогнѣдѣ, вышелъ вонъ.

— Давно ли, Фенкалъ, ты служишь Великому Князю? — спросила Рогнѣда, когда ключникъ вышелъ *изъ* терема.

— Я не слуга его, а плѣнникъ, — отвѣчалъ мрачнымъ голосомъ скальдъ.

— Несчастный! И такъ ты не воленъ возвратиться въ свое отечество?

— Нѣтъ.

— Откуда ты родомъ?

— Изъ Бергена.

— Изъ Бергена! О, сколько разъ я слыхала отъ моего родителя о сей отчизнѣ неустрашимыхъ витязей и вдохновенныхъ пѣвцовъ. Онъ самъ былъ родомъ изъ Бергена... Ахъ, зачѣмъ онъ покинулъ свою родину, зачѣмъ ему захотѣлось быть Княземъ Полоцкимъ!.. Живы ли, Фенкалъ, твои родители?

— Моя мать давно уже умерла; а живъ ли мой отецъ, не знаю.

— И такъ его не умертвили въ то время, когда ты былъ взятъ въ плѣнъ?

Фенкалъ взглянулъ пристально на Великую Княгиню и, помолчавъ немного времени, сказалъ:

— Неужели ты думаешь, Рогнѣда, что я сталъ бы ѣсть хлѣбъ Владиміровъ и тѣшить его варяжскими пѣснями, если бъ онъ былъ убійцею моего отца?

Легкій румянецъ пробѣжалъ по блѣднымъ щекамъ Рогнѣды.

— А чтобы ты сдѣлалъ, несчастный юноша,—сказала она,—если бъ ты былъ взятъ въ плѣнъ убійцею твоего отца?

— Что бы я сдѣлалъ?—повторилъ Фенкалъ.—Рогнѣда, родитель твой былъ скандинавскій витязь, въ твоихъ жилахъ течетъ варяжская кровь,—и ты спрашиваешь меня, что сдѣлалъ бы я съ убійцею отца моего!

— Фенкалъ,—сказала вполголоса Рогнѣда, поглядѣвъ робко вокругъ себя,—не забывай, что ты говоришь съ супругою Владиміра...

— И дочерью злополучнаго Рогвольда,—прервалъ пѣвецъ.—Не знаю, помнишь ли ты это, Рогнѣда; а я никогда не забуду ни отца твоего, ни братьевъ, ни

того, какъ породнился съ ними твой супругъ и повелитель.

— Молчи, зловѣщій скальдъ!—шепнула Рогнѣда!— Молчи! Что прошло, то невозвратимо. Зачѣмъ ты пробудилъ въ душѣ моей воспоминанія о прошедшемъ?.. Мой отецъ... братья мои!.. О, Фенкалъ, возьми, возьми скорѣй свою цѣвницу! Быть-можетъ, родные звуки моей отчизны усыпятъ хотя на время эту змѣю, которая сосетъ и гложетъ мое сердце. Пой, Фенкалъ, пой!

Вѣщіе персты Фенкала пробѣжали по звонкимъ струнамъ: они зарокотали, и согласные ихъ звуки слились съ могучимъ голосомъ вдохновеннаго скальда. Онъ запѣлъ:

«Зову тебя, Рикмора тѣнь,
Изъ лона нѣги, наслажденья!
Приди, оставь Асгарда сѣнь,
И, какъ порывы вдохновенья,
Ты овладѣй моей душой;
Зажги восторга огнь священный
Въ моей груди! Да голосъ мой,
Твоею славой вдохновенный,
Вновь передастъ ее вѣкамъ!
Да пѣснь игривая прольется
Рѣкой восторга по струнамъ
И, легкокрылая, несется
Отъ насъ къ грядущимъ временамъ;
И тамъ безсмертною хвалою
Рикмора память осѣнитъ,
И повѣсть скальда затвердитъ
Потомство шумною толпою!»

Пѣвецъ остановился. Дико зазвучали струны его арфы, и онъ запѣлъ снова:

«Средь утесовъ и скалъ
Древній замокъ стоялъ
И межъ ними казался скалою,
Стѣнъ зубчатыхъ ряды,
Рвы, потоки, сады
Разстилалъ онъ надъ ихъ головою.

***

Какъ вѣнецъ дикихъ горъ,
Окружалъ замокъ боръ
Вѣковыхъ деревъ сумрачнымъ строемъ.

И могучъ и великъ,
Неприступенъ и дикъ
Былъ онъ сѣнью безтрепетнымъ воямъ.

***

И въ немъ скальдовъ хвала
Неотступно жила,
Прославляя двухъ витязей младость.
Ихъ вскормила война:
Какъ подруга, она
Составляла ихъ шумную радость.

***

Былъ Рикморъ ихъ отецъ;
Славы громкой вѣнецъ,
Сплетенный безсмертной хвалою,
Ужъ носилъ много лѣтъ,
И давно цѣлый свѣтъ
Прогремѣлъ: «честь и слава герою!»

***

Кто видалъ, чтобы онъ
Былъ когда побѣжденъ,
Иль оставилъ кровавое поле?
Его спутникомъ—честь,
За обиду ей—месть!
И народамъ законъ его воля!

***

Изъ странъ дальнихъ, чужихъ
Толпы воевъ младыхъ
Удивленье имъ въ дань приносили.
Но не славой одной,—
Увлекаясь красой,
Они въ замокъ Рикмора спѣшили.

***

Въ немъ Едвина краше славы
И плѣнительнѣй побѣдъ;
Какъ безсмертье, величава;
Какъ Одена вѣчный свѣтъ,
Неизмѣнной красотою
Средь семьи своей цвѣла,
И всѣхъ витязей толпою
Въ замокъ отческій влекла.
Но давно душа неясно
Про любовь шепнула ей:
Витязь юный и прекрасный
Былъ давно ей всѣхъ милѣй.
И по струнамъ ударяя,
Скальды имъ хвалу гремятъ;
Ходитъ чаша круговая,
Въ замкѣ пиршества шумятъ.

Какъ внезапной порой
Приспѣлъ витязь другой
И плѣнился Едвины красою;
И въ безумствѣ, влюбленъ,
Ее требовалъ онъ,
И отвѣтомъ былъ смѣхъ надъ мольбою.

***

И не снесъ онъ отказъ:
Еще день не погасъ
И шумъ пиршества въ замкѣ носился,
Какъ съ дружиной своей,
Вихрей бурныхъ быстрѣй,
Въ него силою витязь вломился.

***

И пожаръ запылалъ.
Подъ ударами палъ
Самъ Рикморъ, лютой смертью томимый;
Взоръ послѣдній очей
Зрѣлъ смерть милыхъ дѣтей.
И позоръ его дщери любимой».

Фенкалъ остановился. Устремивъ испытующій взоръ на блѣдное чело Рогнѣды, протяжно и съ горькою укоризною, которая отзывалась въ каждомъ звукѣ его голоса, онъ запѣлъ снова:

«Еще замокъ пылалъ,
Еще старецъ стоналъ,
Еще кровь родныхъ братьевъ дымилась;
Какъ убійца, въ крови,
Далъ обѣтъ ей любви,—
И Едвина ему покорилась».

— Перестань, перестань, Фенкалъ!—вскричала Рогнѣда. — Ужасны твои пѣсни! Онѣ тошнѣе для меня погребальныхъ воплей. О, какой палящій ядъ проливаютъ онѣ въ мою душу!

— Если ты, супруга Владиміра, — сказалъ Фенкалъ,—боишься слышать, какъ проклятіе скальда гремитъ надъ главою убійцы Рикмора и несчастныхъ сыновей его, то я не буду продолжать моей пѣсни, а спою тебѣ, когда хочешь, о пирахъ Одена, о его надъоблачныхъ чертогахъ и безпредѣльномъ веселіи знаменитыхъ скандинавскихъ витязей, съ честію и славою *умершихъ* на полѣ битвы.

Рогнѣда, въ знакъ согласія, наклонила свою голову Фенкалъ запѣлъ:

«Шумно пируютъ въ чертогахъ Одена
Славой взлелѣяны витязей сонмы;
Вѣчность имъ—радостный пиръ;
Роскошь Асгарда имъ служитъ пріютомъ;
Все въ немъ подвластно безсмертныхъ желанью:
Брань, и побѣда, и миръ!

***

Легкія тѣни Валькирій прекрасныхъ
Медъ имъ подносятъ; въ пирахъ ихъ веселыхъ
Скальды хвалу имъ гласятъ;
Въ вѣчныхъ садахъ благовонныхъ Валгалы
Къ славѣ имъ битва вновь путь открываетъ,
Пѣсни побѣды звучатъ!

***

Иль невредимые въ битвахъ кровавыхъ,
Бьются, ласкаемы вѣчной побѣдой;
Слава за ними летитъ.
Или пируютъ въ радостяхъ шумныхъ;
Кубки ихъ полны виномъ наслажденья,
Пиръ ихъ весельемъ кипитъ!

Но три тѣни безпріютныя
Средь веселія грустятъ;
Даже радости минутныя
Ихъ тоски не усладятъ!
Ихъ обходитъ чаша полная,
Ихъ оружье не звучитъ;
Вѣчна ихъ тоска безмолвная,
Слава дѣлъ ихъ не гремитъ.
На страданья обреченныя,
На презрѣнье и позоръ,
То три тѣни неотмщенныя:
Братья дѣвы и Рикморъ!»

— Какъ, — вскричала Рогнѣда, — ихъ позоръ долженъ продлиться?..

— До тѣхъ поръ,—прервалъ Фенкалъ,—пока они останутся неотмщенными: таковъ законъ Одена. Но, дослушай мою пѣсню.

«И вдругъ по чертогамъ таинственный свѣтъ
Разлился блаженства рѣкою.

Покрытый весь славой, весь въ блескѣ побѣдъ,
Предсталъ самъ Оденъ предъ толпою.
«Возстаньте вы, тѣни! Внимай мнѣ, Рикморъ!»—
Онъ рекъ;—«Васъ ужъ месть осѣнила,
И злодѣя въ крови твой бывшій позоръ
Дочь нѣжная славно омыла.
Гордись и блаженствуй, счастливый отецъ!
Вы жъ, скальды, плетите Едвинѣ вѣнецъ!»

«Безсмертные скальды
Ударили въ струны,
И славу запѣли
Едвинѣ младой!»

Пѣвецъ умолкъ. Неподвижные взоры Рогнѣды горѣли какимъ-то дикимъ огнемъ; ея посинѣвшія губы дрожали, грудь сильно волновалася.

— Итакъ, Едвина отмстила за своего отца и братьевъ?—промолвила она прерывающимся голосомъ.

— Да, Рогнѣда!—отвѣчалъ Фенкалъ.—Она свершила кровавую тризну, заповѣданную Оденомъ; и никогда имя Едвины, искупившей отъ вѣчнаго позора тѣни отца и братьевъ, не исчезнетъ изъ памяти людей; оно принадлежитъ намъ, оно живетъ и будетъ жить въ пѣсняхъ моей родины, и даже отдаленные лохлинскіе барды поютъ о подвигѣ знаменитой скандинавской жены; и внимая ихъ пѣснямъ, дѣвы Морвена благословляютъ имя Едвины. Но ты не слушаешь рѣчей моихъ,—промолвилъ скальдъ,—ты смотришь на этотъ ножъ,—продолжалъ онъ, вынимая изъ-за пояса богато украшенный *засапожникъ*.—Я вижу, ты узнала его!.. Да, Рогнѣда: онъ подаренъ мнѣ Владиміромъ и нѣкогда принадлежалъ отцу твоему.

— Отцу моему?

— Посмотри,—продолжалъ Фенкалъ,—на это закаленное желѣзо. О, никогда не излѣчались раны, имъ нанесенныя. Удостой, Рогнѣда, принять отъ меня сей даръ — это наслѣдіе отца твоего. Пусть хотя этотъ ножъ напоминаетъ тебѣ, что ты дочь злополучнаго Рогвольда... Но я вижу,—прибавилъ Фенкалъ съ горькою усмѣшкою, замѣтивъ нерѣшимость Рогнѣды,—

Великая Княгиня Кіевская отвергаетъ даръ бѣднаго пѣвца...

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала Рогнѣда,—подай мнѣ этотъ ножъ!.. Благодарю тебя, Фенкалъ!.. О! благодарю тебя, мой единоземецъ!.. Теперь ступай: ты не напрасно пѣлъ мнѣ свои пѣсни... Прощай!

Скальдъ молча поклонился и вышелъ вонъ изъ терема.

— Ступайте и вы, — продолжала Рогнѣда, обращаясь къ своимъ прислужницамъ; — оставьте меня одну... я хочу успокоиться...

— Что это, матушка наша, съ тобой сдѣлалось?— сказала мамушка Богорисовна, поглядѣвъ съ робостію на Рогнѣду.—Ясныя очи твои совсѣмъ помутились; на тебѣ вовсе лица нѣтъ.

— Да... мнѣ нужно отдохнуть; я хочу остаться одна... Ступайте!

— Такъ не прикажешь ли раздѣть себя?

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте меня!

Богорисовна и Мирослава молча поклонились Рогнѣдѣ, посмотрѣли съ безпокойствомъ другъ на друга и, покачивая печально головами, вышли изъ опочивальни Великой Княгини.

Оставшись одна, Рогнѣда съ судорожнымъ движеніемъ прижала къ устамъ своимъ широкій ножъ, подаренный ей Фенкаломъ.

— Отецъ мой... отецъ мой!.. — проговорила она глухимъ, прерывающимся голосомъ.—Это ты... да, ты самъ вооружилъ мою руку... Такъ, смерть за смерть... кровь-за-кровь!.. А Изяславъ?..—прибавила она съ невольнымъ содроганіемъ.—А сынъ мой?.. Ахъ, что станется съ этимъ горькимъ сиротою?.. Но развѣ въ жилахъ его не течетъ кровь Владиміра?.. Развѣ онъ не сынъ убійцы отца и братьевъ моихъ?..

Вдругъ подъ самыми окнами терема раздался тихій голосъ:

«Ихъ обходитъ чаша полная,
Ихъ оружье не звучитъ;
Вѣчна ихъ тоска безмолвная»...

— Нѣтъ!—воскликнула Рогнѣда, быстро подымаясь съ своего ложа.—Нѣтъ, не вѣчна будетъ тоска ваша! О, успокойся, отецъ, утѣшьтесь, братья: часъ искупленья вашего наступилъ!

Держа въ одной рукѣ ножъ, она подошла къ небольшой двери, прикрытой греческимъ ковромъ, отворила ее, и длинный переходъ, соединяющій теремъ съ опочивальнею Владиміра, представился ея взорамъ. Вдали, какъ тусклая звѣздочка, мелькалъ, сквозь узкую щель притворенныхъ дверей, догорающій ночникъ. Едва касаясь ногами пола, притаивъ дыханіе, Рогнѣда прокралась легкимъ призракомъ вдоль стѣны темнаго перехода! Вотъ и двери опочивальни Великаго Князя: онѣ не заперты. Трепещущей рукою, но тихо и осторожно, отворила Рогнѣда дверь и вошла въ великокняжескую одрину. Слабый свѣтъ отъ ночника падалъ прямо на его роскошное ложе. Разметавшись на немъ, Владиміръ, казалось, спалъ крѣпкимъ, но безпокойнымъ сномъ; тяжкіе вздохи волновали его широкую, дебелую грудь; губы шевелились; уста произносили невнятныя слова, и въ то самое время, какъ Рогнѣда подошла къ его изголовью, онъ прошепталъ съ усиліемъ: Христіанинъ... Да, христіанинъ!

Невольно остановился взоръ Рогнѣды на грозномъ и державномъ челѣ ея спящаго супруга. Глубокіе слѣды бурныхъ страстей не изгладили еще на немъ этотъ перстъ Божій, эту печать величія и славы, которую Господь налагаетъ, при самомъ рожденіи, на свѣтлыхъ челахъ избранныхъ чадъ Своихъ. Она прислушивалась къ неровному дыханію своей жертвы; она видѣла, какъ въ стѣсненной груди Владиміра сильно билось сердце, которое должно было замереть подъ ножомъ ея, и съ ужасомъ начинала чувствовать, что кровь застываетъ въ ея жилахъ, что все мужество ея исчезаетъ.

— О, отецъ мой,—проговорила она едва слышнымъ голосомъ и, закрывъ лѣвой рукой глаза свои, занесла *правую* надъ беззащитной грудью своего супруга...

Вдругъ, ножъ выпадаетъ изъ ея руки... она открываетъ глаза... и вопль ужаса замираетъ на устахъ ея: онѣмѣвшая рука ея была сжата въ мощной рукѣ Владиміра, и огненный, какъ молнія небесная, сверкающій взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ...

VIII.

Часу въ шестомъ утра, на другой день послѣ описанныхъ нами въ предыдущихъ главахъ происшествій, все небо покрыто было грозными тучами, душный и густой воздухъ, какъ тяжелый свинецъ, ложился на грудь и стѣснялъ дыханіе усталаго путника, который шелъ, прихрамывая, узенькою дорожкою, проложенною по дну оврага, поросшаго частою осиновою рощею.

— Ужъ не сбился ли я съ дороги? — прошепталъ прохожій, посматривая вокругъ себя.—Кой прахъ,— продолжалъ онъ, остановясь, чтобъ отдохнуть немного: — иду, иду, а все конца нѣтъ! Пчельникъ остался у меня назади... вотъ и осиновая роща... да гдѣ жъ ея избушка на курьихъ ножкахъ?.. Охъ, эта старая колдунья! Ужъ не отводитъ ли она мнѣ глаза?.. Чего добраго!.. Чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться, вѣдьма проклятая!.. Ухъ, какая моланья!.. И нелегкая понесла меня сегодня! Какъ не успѣю добраться до избенки, да хлынетъ дождь... Ахти, никакъ ужъ накрапываетъ?.. Ну, загудѣло по лѣсу!

Въ самомъ дѣлѣ, сѣрыя облака, которыя двигались медленно впередъ, вдругъ помчались съ воемъ отъ запада, разлились какъ волны по всему небосклону, заклубились черными рядами и въ нѣсколько минутъ сей безпредѣльный воздушный океанъ, устилая тучами всѣ небеса, забушевалъ надъ головою прохожаго. Почти сбиваемый съ ногъ порывистымъ вѣтромъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ продолжалъ идти впередъ, и, наконецъ, несмотря на проливной дождь, замѣтилъ, что въ сторонѣ, по лѣвому скату оврага, густой дымъ,

пробиваясь сквозь частыя вѣтви, вился надъ вершинами деревьевъ. Прохожій, не заботясь отыскивать тропинки, пустился цѣликомъ въ ту сторону, гдѣ завидѣлъ сей вѣрный признакъ жилья. Продираясь съ трудомъ сквозь чащу деревьевъ, онъ дошелъ въ нѣсколько минутъ до подошвы крутого спуска, на краю котораго лѣпилась покрытая хворостомъ и драньемъ ветхая избушка. Приставленная къ утесистому скату оврага, она, какъ уединенное гнѣздо зловѣщаго коршуна, висѣла надъ стремниною. Изъ волокового окна, прорубленнаго подъ самою кровлею, валилъ густой дымъ; съ одной стороны, опираясь на два толстые пня, примыкала къ ней, похожая на голубятню, свѣтелка; съ другой высокій плетень огибалъ небольшой уступъ, который, выдаваясь впередъ площадкою, оканчивался со всѣхъ сторонъ почти отвѣснымъ обрывомъ горы. Прохожій, цѣпляясь за древесные сучья и кусты, добрался кой-какъ до избушки, взлѣзъ на завалину и застучалъ подъ окномъ.

— Кто тамъ?—раздался внутри сиповатый женскій голосъ.

— Отопри, бабушка!—сказалъ прохожій

— Да кто ты?

— Войду, такъ увидишь. Да отпирай проворнѣй!

— Вотъ еще, понукать сталъ! Много васъ здѣсь шатается. Добро, добро, ступай, куда идешь!

— Да что ты, Вахрамѣевна, — закричалъ прохожій,—иль не узнала меня по голосу? Вѣдь я великокняжескій слуга Садко, изъ села Предиславина.

Минутъ пять прошло безъ всякого отвѣта, дождь лилъ какъ изъ ведра; промокшій до костей Садко кричалъ, шумѣлъ, осыпалъ ругательствами негостепріимную хозяйку, но двери не отворялись.

— Да отопрешь-ли ты, старая корга? — завопилъ онъ какъ бѣшеный, ударивъ кулакомъ по холстинѣ, которая была натянута, вмѣсто стекла, въ окнѣ избушки. — Слушай, ты, колотовка: если я ворочусь *домой*, да приведу съ собой товарищей, такъ мы не

только тебя въ гробъ забьемъ, вѣдьму проклятую, да и чортово гнѣздо-то твое вверхъ дномъ поставимъ!

— Иду, кормилецъ, иду, не гнѣвайся, — раздался снова женскій голосъ у самыхъ дверей хижины; онѣ растворились, и простоволосая, одѣтая въ лохмотья, старуха встрѣтила низкимъ поклономъ своего гостя.

Если Садко могъ похвастаться необычайнымъ безобразіемъ, то, конечно, и та, къ которой онъ пришелъ въ гости, имѣла на это полное право. Покрытое безчисленными морщинами смугло-желтое лицо ея едва походило на человѣческое; зеленые, кошачьи глаза, ястребиный носъ и беззубый ротъ, выгнутый подковою— все было въ ней отвратительно и безобразно до высочайшей степени.

— Что ты, батюшка, сегодня такой грозный?— сказала она Садкѣ, когда онъ вошелъ въ сѣни.

— Да развѣ не видишь?—отвѣчалъ онъ, выжимая полы своего кафтана.—Еще немножко, такъ меня бы вовсе дождемъ захлестало.

— Эхъ, кормилецъ, кормилецъ, не въ пору ты пожаловалъ!.. Ну, да дѣлать нечего, милости просимъ!

Садко вслѣдъ за старухою вошелъ въ избу.

— Экъ ты надымила, голубушка! — сказалъ онъ, потирая глаза.—Фу, ты, батюшки, духъ захватываетъ!

— И, кормилецъ: пообсидишься, такъ станешь дышать!

— Нельзя глазъ открыть.

— Ничего, батюшка, ничего: поглядишься, такъ будешь смотрѣть!

И подлинно, черезъ нѣсколько минутъ Садко сталъ свободнѣе дышать, глаза его привыкли къ дыму и онъ могъ разсмотрѣть всю внутренность избы. На закоптѣлыхъ стѣнахъ ея висѣло нѣсколько собачьихъ шкуръ и большое рѣшето. Въ одномъ углу стояла длинная метла; въ другомъ, на полкѣ, сидѣла, повертывая направо и налѣво свою уродливую голову, огромная сова; на полатяхъ лежалъ мохнатый черный котъ;

онъ мурлыкалъ, вертѣлъ хвостомъ, искоса посматривалъ на Садко; то потягивался, то сгибался дугою, выпускалъ свои острые когти и, казалось, готовъ былъ спрыгнуть съ полатей и вцѣпиться гостю въ лицо. Въ печи, надъ разложеннымъ огнемъ, стоялъ желѣзный котелъ: въ немъ что-то кипѣло; а на шесткѣ лежала цѣлая вязанка чемерики, дурмана и другихъ ядовитыхъ растеній.

— Присядь, кормилецъ, отдохни!—сказала старуха, обметая полой грязную скамью, передъ которою стоялъ запачканный и полусгнившій столъ.

— Ну, Вахрамѣевна, насилу я дотащился! — промолвилъ Садко, садясь на скамью. — Я было хотѣлъ сегодня чѣмъ-свѣтъ у тебя побывать, да у насъ въ селѣ Предиславинѣ этой ночью такой было грѣхъ сдѣлался, что и сказать нельзя.

— А что такое, батюшка?

— Да такъ, чуть-было не извели нашего Государя Великаго Князя.

— Неужто?

— И какъ ты думаешь, кто?

— Вѣстимо кто: какой-нибудь измѣнникъ.

— Измѣнникъ! Нѣтъ, не измѣнникъ, а его любимая супруга, Рогнѣда, по прозванью Горислава.

— Э, смотри пожалуй, на какое дѣло пошла!

— Бояринъ Вышата мнѣ все разсказалъ. Вотъ какъ было: Государь Великій Князь давно уже изволилъ почивать крѣпкимъ сномъ, какъ вдругъ эта змѣя подколодная пробралась изъ своего терема потайнымъ переходомъ, гдѣ никакой стражи не стоитъ; вошла потихоньку въ княжескую одриню, подкралась къ нему съ ножомъ; да видно еще часъ его не пришелъ: лишь только она занесла руку, анъ Государь-то и проснулся.

— Ну, что,—чай, тутъ-же изъ нея и духъ вышибъ?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ.

— Что ты, парень?

— Ну, да: волосомъ ее не тронулъ, а велѣлъ ей

идти назадъ въ свой теремъ, надѣть лучшее ея платье и дожидаться казни.

— А, вотъ что!

— Видно, потомить ее захотѣлъ.

— Видно, что такъ.

— Вотъ какъ она вырядилась и, говорятъ, словно на брачный пиръ, такъ Великій Князь и вошелъ въ теремъ. Ну, ужъ тутъ, вѣстимо дѣло, долго бы съ нимъ торговаться не стала; да вдругъ, откуда ни возьмись, сынъ ея, Княжичъ Изяславъ. Онъ подалъ Государю обнаженный мечъ и сказалъ: «Ты здѣсь не одинъ, родитель мой, — пусть сынъ твой будетъ свидѣтелемъ!» У Великаго Князя такъ руки и опустились.

— Кто зналъ, что ты здѣсь?—сказалъ онъ, бросилъ мечъ на̀-земь и ушелъ изъ терема.

— И не казнилъ ее?

— Не только не казнилъ, да еще простилъ и, какъ говорятъ, отдалъ ей въ удѣлъ землю Полоцкую.

— Эко диво, подумаешь!

— Ну, вотъ поди ты!.. И всѣ надивиться не могутъ; ума не приложатъ, что съ нимъ сдѣлалось? Бывало, ему голову смахнуть, какъ шапку снять! Чай, и ты слыхала, Вахрамѣевна?..

— И, батюшка, всего не переслушаешь! Да и что намъ до того, что дѣется въ княжескихъ палатахъ: люди мы мелкіе. Скажи ка лучше, мое солнышко весеннее, зачѣмъ изволилъ ко мнѣ пожаловать? Иль есть нуждица какая?

— Есть, бабушка, есть.

— А что: ужъ не зазнобушка ли какая? Не сокрушили ли добра молодца очи ясныя? Не приглянулась ли тебѣ какая красоточка? Такъ чтожъ—попытаемся: ее не приворожу, такъ авось тебя отшепчу.

— Эхъ, нѣтъ, Вахрамѣевна!

— А чтожъ, мой кормилецъ? чѣмъ себя губить, лучше горю пособить.

— Да рѣчь не о томъ; я пришелъ къ тебѣ затѣмъ, чтобъ ты поворожила, гдѣ намъ отыскивать нашу пропажу.

— Пропажу?

— Да: у насъ въ селѣ Предиславинѣ, дней пять тому назадъ, украли серебряный кубокъ.

— Вотъ что! Пожалуй, батюшка, пожалуй, — зачѣмъ не поворожить.

— Такъ ты угадаешь?

— Угадать не устать; да только бы, кормилецъ, было и мнѣ за что спасибо сказать.

— Прежде поворожи, а тамъ посмотримъ.

— Эхъ, батюшка, батюшка! Да вѣдь дѣло-то таковское; отъ старшого наказано даромъ не ворожить; рукъ не подмажешь,—языкъ не повернется.

— Ну, ну, вотъ тебѣ двѣ ногаты!—сказалъ Садко, вынимая ихъ изъ кошеля.—Да смотри, Вахрамѣевна, не вздумай меня морочить: вѣдь я не кто другой.

— Только-то,—пробормотала старуха, посматривая на двѣ мелкія монеты, которыя Садко положилъ ей на ладонь.

— Отгадаешь, такъ еще дамъ.

— Еще!.. Знаемъ мы, батюшка: вѣдь всѣ на посулы тароваты, а какъ придетъ до расплаты, такъ и въ кустъ. Ну, да такъ и быть,—мы люди знакомые,— прибавила старуха, завязывая монеты въ уголокъ изношенной тряпицы, которая служила ей платкомъ.— Смотри же, кормилецъ, сиди смирно: не шевелись, не говори, а пуще всего не моги тронуться съ мѣста, а не то худо будетъ. Да постой-ка, батюшка: скажи мнѣ, какъ ты мекаешь, чай, это спроворилъ кто ни есть изъ домашнихъ?

— Сдается, что такъ, бабушка.

— Такъ нишни, кормилецъ,—у меня воръ-то самъ скажется.

Старуха подошла къ котлу и помѣшала въ немъ желѣзнымъ ковшомъ. Вода въ котлѣ закипѣла, густой *паръ* поднялся кверху, сова захлопала глазами, черный

котъ замяукалъ, а колдунья, продолжая взбалтывать воду, запѣла отвратительнымъ голосомъ:

«Чуръ меня, чуръ!
***
Есть у меня сто словъ
Съ приговорками;
А изъ тѣхъ ли словъ
Три слова заповѣданныхъ.
Какъ шепну одно—
Ходуномъ земля пойдетъ;
Какъ другое скажу—
Звѣзды ясныя запрядаютъ;
А какъ третье вымолвлю,
Да перекинуся
Черезъ двѣнадцать ножей—
Такъ и солнце затуманится.
***
Чуръ меня, чуръ!»

Старуха перестала пѣть, зачерпнула ковшомъ изъ котла и, поставивъ его на столъ, принялась надъ нимъ нашептывать; потомъ, дунувъ нѣсколько разъ на воду, заговорила на распѣвъ и покачиваясь изъ стороны въ сторону:

«А чье дѣло, тому худо:
Чтобъ не спалось ему и не ѣлося;
Чтобы черная немочь его,
Какъ осину горькую, скоробила;
Чтобъ сухота, какъ могильный червь,
Источила его за-живо;
А лиходѣйка-тоска сердце выѣла;
Чтобъ засохъ онъ, какъ былиночка,
И зачахъ, какъ голодный песъ;
Чтобъ сестрицы мои
Поплясали и потѣшились
Надъ его могилою;
Повалялися, покаталися
На его бѣлыхъ косточкахъ».

Адское выраженіе лица колдуньи, ея неподвижный змѣиный взглядъ, сиповатый голосъ,—однимъ словомъ, все было такъ отвратительно, что самъ уродливый Садко, и тѣломъ и душой похожій на чародѣя, присмирѣлъ какъ овечка. Онъ стиралъ украдкою холодный потъ, который капалъ съ его безобразнаго чела, при-

жимался къ стѣнѣ, чтобы быть подалѣе отъ колдуньи, и едва смѣлъ переводить дыханіе.

— Ну, вотъ и дѣло съ концомъ!—сказала старуха, пошептавъ еще надъ водою.—Я отолью тебѣ въ кувшинчикъ, а ты ужъ самъ, батюшка, иль въявь иль тайкомъ, какъ хочешь, только дай всѣмъ вашимъ челядинцамъ хлебнуть этой водицы.

— Хлебнуть! А ради чего, Вахрамѣевна?

— Ради того, кормилецъ, чтобъ татьба вышла наружу.

— Да ты этакъ пожалуй у насъ всю дворню испортишь.

— Небось, родимый: кто не грѣшенъ въ покражѣ, тому ничего не будетъ; одному лишь вору туго придетъ. Увидишь самъ: или онъ подкинетъ вашу пропажу, или вовсе изведется и зачахнетъ.

— Ну, Вахрамѣевна,—сказалъ Садко, поглядывая съ почтеніемъ на старуху,—вижу я, что тебѣ наука далась. Послушай, бабушка, если ты ухитришься да поможешь намъ въ другомъ дѣльцѣ, такъ тогда и я тебѣ скажу: «шей, вдова, широки рукава, было бъ куда деньги класть».

— А что такое, батюшка?

— А вотъ что,—продолжалъ Садко, понизя голосъ.—У насъ этою ночью въ селѣ Предиславинѣ сдѣлалась такая пропажа, что и самъ господинъ нашъ, ближній княжескій ключникъ Вышата, носъ повѣсилъ: что не лучшая жемчужина изъ сокровища княжескаго сгинула да пропала.

— Какъ такъ?

— Да, бабушка: нынче ночью изъ села Предиславина сбѣжала наша первая красавица, да одинъ дѣтина, котораго мы держали взаперти до поры до времени, далъ тягу. А ужъ какъ онъ ушелъ, ума приложить не можемъ; словно въ щелку пролѣзъ, окаянный! Бояринъ Вышата сказывалъ мнѣ, что этотъ парень былъ присланъ языкомъ отъ одного опальнаго молодца, котораго теперь вездѣ ищутъ; что этотъ-то

молодецъ и сманилъ нашу красоточку; что теперь они должны быть вмѣстѣ и, чай, близко еще отъ Кіева; да только гдѣ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, бабушка! Вѣдь время лѣтнее: имъ вездѣ пріютъ. Пожалуй, разошли хоть цѣлую рать великокняжескую, а всѣхъ лѣсовъ дремучихъ и дебрей непроходимыхъ не обшаришь. Лиха бѣда добраться имъ до Бѣлой Вежи, а тамъ и поминай какъ звали. Мало ли у печенѣговъ нашихъ выходцевъ! Говорятъ, въ ихъ главномъ городѣ, Ателѣ, цѣлая слобода заселена кіевскими бѣглецами да переметчиками.

— Вотъ что! — прошептала сквозь зубы старуха, которая, повидимому, слушала съ большимъ вниманіемъ разсказъ своего гостя.—Эка притча, подумаешь: сманить красавицу изъ села Предиславина! Ну, видно же этотъ опальный дѣтина заливная головушка!

— Онъ былъ великокняжескимъ отрокомъ, — продолжалъ Садко; — Государь его жаловалъ, бояре чествовали; ну, словомъ, житье было ему знатное. Да вотъ то-то и есть, Вахрамѣевна, не даромъ говорятъ: собака съ жиру бѣсится. Этотъ сорви-голова накутилъ столько въ три дня, что иному въ три года этого и не пригрезится. Шутка ли: не послушался великокняжескаго приказа, убилъ десятника дворцовой стражи; а пуще-то всего, смертно разобидѣлъ боярина Вышату.

— Смотри пожалуй!

— Не отгадаешь ли, бабушка, гдѣ онъ теперь съ нашею бѣглянкою?

Старуха призадумалась.

— Послушай, Вахрамѣевна, — продолжалъ Садко, — если ты сослужишь намъ эту службу, то бояринъ Вышата не постоитъ ни за что: отсыплетъ тебѣ столько серебра, что ты и считать-то его не станешь, а будешь мѣрить пригоршнями.

— Въ самомъ дѣлѣ, батюшка? — сказала старуха, устремивъ жадный взоръ на своего гостя.

— Ужъ я тебѣ говорю.

— Ну, коли такъ... Да нѣтъ, кормилецъ, — про-

молвила колдунья, посматривая недовѣрчиво на Садко:— кто черезъ-чуръ много сулитъ, тотъ мало даетъ. Скажи-ка лучше дѣломъ, что пожалуетъ мнѣ господинъ Вышата, если я выдамъ ему руками бѣглянку и опальнаго молодца?

— Пять золотыхъ солидовъ.

— Золотыхъ? А сколько это будетъ ногатъ, батюшка?

— Да столько, что ты и въ сутки не перечтешь.

— Ой ли?

— А коли этого мало, такъ онъ прикинетъ тебѣ лисью шубу, да еще какую, бабушка: всю изъ отборныхъ огневокъ!

Глаза старухи засверкали радостію. Смотри же, кормилецъ,—сказала она:—не давши слова, крѣпись, а давши, держись. Не пригоже будетъ, если ты обманешь меня, старуху старую; да и самъ-то послѣ не сдобруешь. Хоть я живу сиротинкою, а заступа у меня есть.

— Ужъ небось, Вахрамѣевна: что сказано, то и сдѣлано.

— Ну, ну, добро! А задалъ ты мнѣ задачу, батюшка! Оно, кажись бы, можно, да только... Охъ, кормилецъ, тяжко и мнѣ будетъ! Вѣдь ужъ это не на водицу пошептать,—придется старшого потревожить; а не ровенъ часъ...

— Какого старшого?

— Не твое дѣло, батюшка!.. Охъ, худо: и ночи-то у насъ не лунныя, и день пришелся нечетный... Ну, да и то сказать: двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать.

— А что?

— Такъ, ничего. Попытаюсь, батюшка, попытаюсь! А покамѣсть, не прогнѣвайся, родимый: съ другомъ посовѣтуюсь и спрошусь моей боярыни.

Сказавъ сіи слова, старуха свистнула: черный котъ ощетинился, замурлыкалъ и съ одного прыжка очутился на столѣ; сова запрыгала на своей полкѣ и за-

махала крыльями. Старуха свистнула еще,—и черный котъ вспрыгнулъ ей на одно плечо, а сова усѣлась на другомъ.

— Послушай, кормилецъ, — продолжала Вахрамѣевна,—я на часокъ выйду, а ты останься здѣсь, да смотри, батюшка, — чтобъ тебѣ ни почудилось, а въ сѣни не заглядывай; сиди, да посиживай, какъ будто не твое дѣло, и коли больно страхъ разберетъ, такъ зачурайся про себя, да заткни уши.

Старуха вышла вонъ. Оставшись одинъ, Садко съ невольнымъ замираніемъ сердца, но съ жадностію и нетерпѣніемъ прислушивался къ каждому шороху. Нѣсколько минутъ въ сѣняхъ все было тихо, и только снаружи бушевалъ вѣтеръ и гудѣлъ проливной дождь. Вдругъ что-то, похожее на глухой шопотъ, потомъ на болѣзненный дѣтскій крикъ, раздалось за дверьми избы. Эти звуки, заглушаемые частыми ударами грома, превратились вскорѣ въ какой-то судорожный дикій хохотъ, и въ то же самое время въ сѣняхъ поднялся такой ужасный стукъ и возня, что стѣны избушки заколебались и затрещала кровля. Несмотря на безпрерывные перекаты грома и вой вѣтра, Садко могъ легко различать, посреди сей стукотни, безумный хохотъ колдуньи, пронзительное мяуканье кота и зловѣщій стонъ совы. Вдругъ все затихло. Бурный вихрь завылъ по лѣсу, и голосъ, въ которомъ ничего не было человѣческаго, голосъ, въ которомъ сливались въ одно всѣ отвратительные звуки, существующіе въ природѣ, который напоминалъ и шипѣнье ядовитаго змѣя, и карканье ворона, и послѣдній охриплый стонъ умирающаго, — проревѣлъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Вслѣдъ за симъ раздирающій, невыносимый для слуха, вопль оглушилъ Садко; что-то тяжелое упало въ сѣняхъ на полъ, потомъ снова все затихло. Садко хотѣлъ, но не въ силахъ былъ *зачураться*: его оледенѣвшій языкъ не двигался. Блѣдный, какъ мертвецъ, сидѣлъ онъ безмолвно на скамьѣ и не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ.

Прошло около четверти часа. Буря усиливалась, но въ сѣняхъ избы царствовала глубокая тишина. Наконецъ, двери растворились и Вахрамѣевна вошла въ избу. Ея исцарапанное лицо было все въ крови, волосы растрепаны; какъ опьянѣлая подошла она, шатаясь, къ столу, и снявъ со стѣны рѣшето, просѣяла сквозь него на столъ нѣсколько горстей ячменю, перемѣшаннаго съ чернымъ *куколемъ*.

— Ухъ, батюшки,—промолвила она, обтирая себѣ лицо и вѣшая рѣшето на прежнее мѣсто,—насилу отдѣлалась! Ну, господинъ Садко, сослужила я тебѣ службицу! Чуяло мое сердце, что онъ сегодня больно гнѣвенъ будетъ, да ужъ на то пошла. И то сказать,—гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Жутко мнѣ было, да зато и онъ изволилъ меня пожаловать. Теперь наше дѣло въ шапкѣ. Да что ты, что ты, кормилецъ?—продолжала старуха, взглянувъ почти насмѣшливо на своего гостя.—Ты никакъ такъ оторопѣлъ, что и словечка вымолвить не можешь?

— Охъ, бабушка,—сказалъ, заикаясь, Садко,—напугала ты меня!

— Ой ли?—прервала колдунья съ лукавою усмѣшкою.—То-то же! А еще ты ничего не видѣлъ, а только слышалъ. Что и говорить: и я не чаяла быть живой: ну, да теперь бояться нечего,—схлынула бѣда, какъ съ гуся вода.

— Полно, такъ ли, бабушка?

— Говорятъ тебѣ, небось. Я ужъ старшого выкликать не стану, да и не зачѣмъ, а всѣ мелкіе-то его слуги подъ моей рукой,—такъ со мною тебѣ нечего ихъ бояться. Ну, батюшка, дѣло твое мы спроворимъ, только и ты, смотри, не забудь своего посула. А что, бишь, кормилецъ, бояринъ Вышата обѣщалъ мнѣ твоимъ словомъ за труды пожаловать?

— Пять золотыхъ солидовъ.

— И двѣ лисьи шубы?

— Нѣтъ, бабушка, кажись одну.

— Что ты, что ты, родимый!.. Али страхъ-то у

тебя вовсе память отшибъ! Эй, господинъ Садко, не пяться,—а то какъ прогнѣвишь моего господина, такъ не было бы худо и твоему.

— Хорошо, хорошо, бабушка: и за двѣ шубы бояринъ не постоитъ, только скажи намъ, гдѣ теперь наши бѣглецы.

— А вотъ посмотримъ,—шепнула старуха, начавъ выводить пальцемъ по разсыпанному ячменю какіе-то чудные узоры.—Эге,—продолжала она послѣ короткаго молчанія,—вижу, вижу!

— Кого, бабушка?

— Нишни, кормилецъ, нишни! Ай да молодецъ! Экій дѣтина ражій!.. Ну, жаль!.. Да дѣлать-то нечего: къ одному на дворъ сваха, а къ другому плаха. Видно ужъ такъ ему на роду написано!

— Да кого ты видишь?

— А вотъ погоди, дай разглядѣть хорошенько. Парень молодой, высокій, плечистый... волосы русые, усъ только-что пробивается...

— А бѣглянка-то наша съ нимъ, что ль?—прервалъ Садко.

— Постой, не торопи!.. О, о! Да вотъ они оба идутъ рядышкомъ... рука-объ-руку... Ну, правду же ты говорилъ! Подлинно, что наилучшая жемчужина изъ вашего дорогого ожерелья! А ужъ бѣла-то какъ, бѣла! Словно пушистый снѣгъ въ первозимье! Шелковыя кудри такъ и вьются по плечамъ... глаза голубые съ черными рѣсницами... на лѣвой щекѣ ямочка...

— Неужли-то въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ съ радостію Садко.—Да гдѣ же они?

— Не такъ чтобъ очень далеко отсюда, а въ такомъ захолустьи, что зги не видно... Вотъ стали говорить... Тсъ, тише, тише, батюшка,—дай послушаю!—шепнула старуха, наклонясь однимъ ухомъ къ столу.—Вотъ что!—продолжала она,—помолчавъ нѣсколько времени.—Такъ они не къ печенѣгамъ наровятъ, а пробираются въ Византію. Постой-ка, постой!.. Никакъ они называютъ другъ друга по именамъ...

Да, да: она зоветъ его Всеславомъ, а онъ ее — Надеждою.

— Такъ точно, это они!—вскричалъ Садко, вскочивъ со скамьи. — Ну, Вахрамѣевна, не чаялъ я отъ тебя такой удали!

— Да это что за диво,—прервала старуха.—Не велико дѣло, что я ихъ вижу и слышу ихъ рѣчи: вѣдь они еще до рѣки Буга не добрались и водицы изъ него не хлебнули [1]). Хвали мое досужество тогда, какъ я поставлю ихъ передъ тобой, какъ листъ передъ травой. Послушай, батюшка, откладывать нечего: ступай за ратными людьми, да приведи ихъ скорѣй сюда; а ужъ отвести бѣглецамъ глаза и обморочить ихъ,—мое дѣло. Поплутаютъ, поплутаютъ, да сами придутъ ко мнѣ въ гости.

— Какъ, бабушка: сюда къ тебѣ?

— Да, дитятко.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Не твое дѣло, кормилецъ. Отправляйся скорѣй за ратными людьми... Да вотъ никакъ и дождь унялся! Ступай же, батюшка, ступай! А мнѣ пора за дѣло приниматься: не мало еще возни-то будетъ.

— Смотри же, Вахрамѣевна,—сказалъ Садко, выходя изъ избы, и ты торопись; я мигомъ сбѣгаю въ Берестово. Тамъ теперь съ мечникомъ Фрелафомъ человѣкъ двадцать варяговъ. Мы какъ-разъ нагрянемъ къ тебѣ въ гости.

IX.

Старуха, выпроводивъ изъ избы Садко, остановилась у дверей. Казалось, гроза вовсе миновалась, дождь уже не шелъ; облака рѣдѣли; но вдали, на западѣ, клубились черныя тучи и сверкала молнія. Когда Садко, спустясь прежнею дорогою съ утеса, исчезъ за деревьями, старуха вошла опять въ сѣни и, пройдя

---

1) Древніе русскіе думали, что воды Буга уничтожаютъ всякое чародѣйство.

задними дверями на узенькій дворикъ, остановилась подлѣ забора: онъ отдѣлялъ отъ двора небольшой огородъ, разведенный на уступѣ горы, описанномъ нами въ началѣ сей главы. Около часу простояла она на одномъ мѣстѣ въ глубокомъ раздумьѣ и, по-временамъ, на отвратительномъ лицѣ ея изображалось что-то похожее на страхъ и безпокойство; она покачивала головою и бормотала про себя:

— Ну, если онъ провѣдаетъ?.. Ахти мнѣ!.. Худо будетъ!.. Онъ баринъ большой: легко ль, стремянный великокняжескій!.. А двѣ лисьи-то шубы?.. Да вѣдь и онъ—бѣда!.. Размечетъ онъ по чистому полю мои косточки... Праху моего не останется!.. А деньги-то деньги!.. Э, такъ и быть: авось не узнаетъ; а узнаетъ, такъ авось отбожусь... Да ужъ не оставить ли мнѣ ихъ тамъ?.. Нѣтъ, нѣтъ: пожалуй, оттуда и тягу дадутъ. Запру ихъ въ свѣтелку,—такъ это будетъ вѣрнѣе.

Старуха отворила калитку и вошла въ огородъ. Въ одномъ углу его стоялъ шалашъ, коего входъ былъ заваленъ хворостомъ.

— Выходите, дѣтушки!—сказала ласковымъ голосомъ Вахрамѣевна, оттаскивая къ сторонѣ хворостъ.—Мой гость ушелъ,—ступайте опять въ вашу свѣтелку

Всеславъ и Надежда вышли изъ шалаша.

— Кто у тебя былъ, бабушка?—спросилъ юноша.

— Такъ, батюшка; одинъ старичокъ съ ближняго пчельника приходилъ кой о чемъ посовѣтоваться.

— Одинъ?.. Кто жъ у тебя такъ шумѣлъ въ избушкѣ?

— Никто, родимый. Вишь на дворѣ какая погода!.. Громъ постукивалъ да вѣтеръ гудѣлъ; а тебѣ и ни-вѣсть что показалось. Э, да не на долго же пріутихло,—продолжала старуха, поглядывая кверху.—Смотри-ка, отъ Кіева какія тучи напираютъ... Ахъ, ты, пташечка моя бѣлокрылая, сердечная моя, экъ тебя въ шалашѣ-то промочило! Да и тебѣ, кормилецъ, досталось... Ступайте же скорѣй въ свѣтелку, да обсушитесь.

— Ахъ, мой милый другъ,—шепнула Надежда,—

какое страшное лицо у этой старухи! Рѣчи ея привѣтливы, но взглядъ... О, если бъ мы могли уйти скорѣй отсюда къ батюшкѣ!.. Какъ сердце мое замираетъ!..

— Бояринъ, бояринъ, гдѣ ты?—раздалось близъ избушки.

— Это голосъ Торопа!—вскричалъ Всеславъ.

И старинный нашъ знакомый, Торопка-Голованъ, вбѣжалъ на огородъ.

— Насилу-то я васъ отыскалъ!—сказалъ онъ, запыхавшись.—Скорѣй, скорѣй: за вами погоня,—сюда идутъ!

Надежда поблѣднѣла, а рука Всеслава опустилась невольно на рукоятку его меча.

— Отъ двадцати одинъ не отобьешься—сказалъ Торопъ, замѣтивъ сіе движеніе.—Благо еще время есть, побѣжимъ скорѣй къ Аскольдовой могилѣ; тамъ, на Днѣпрѣ, мой бояринъ дожидается васъ въ лодкѣ. А, ты здѣсь, хозяюшка?.. Постой, куда, моя лебедка!—продолжалъ Торопъ, схвативъ старуху одною рукой и развязывая другою свой поясъ.—Чего добраго—ты, пожалуй, выйдешь на встрѣчу къ своимъ званымъ гостямъ, такъ лучше... Да полно, полно, моя красавица,—не прячь свои руки бѣлыя, не загорятъ!

— Что ты дѣлаешь?—вскричалъ Всеславъ.

— А вотъ свяжу только ей руки да ноги, заткну ротъ и впихну въ этотъ шалашъ.

— Зачѣмъ?

— Вѣстимо, лучше бы было ее повѣсить, да намъ некогда; а жаль: осинъ-то здѣсь вдоволь. Да полно рваться, вѣдьма проклятая!—прибавилъ Голованъ, ударивъ кулакомъ старуху.

— По что она тебѣ сдѣлала?

— Эхъ, не мѣшай, молодецъ!—прервалъ Торопъ, завязывая платкомъ ротъ старухи.—Иль не видишь: вѣдьма, вѣдьма,—а, небось, словечка не вымолвитъ. То-то же, знаетъ кошка чье мясо съѣла! Она хотѣла васъ выдать руками.

— Возможно ли?

— Знаешь ли, кто у нея былъ въ гостяхъ? Садко, любимый слуга ключника Вышаты... Да вотъ дорогою я все вамъ разскажу. Помоги-ка мнѣ втолкнуть ее въ шалашъ, да закидать хворостомъ... Вотъ такъ!.. Пока ее станутъ искать, а мы будемъ ужъ далеко. Ну, теперь въ дорогу! Да только смотрите, не отставайте отъ меня.

Торопъ и Всеславъ съ Надеждою, спустясь въ оврагъ, пошли скорыми шагами къ Днѣпру. Межъ тѣмъ небеса снова помрачились; густые слои черныхъ тучъ, застилая другъ друга, расширялись медленно по небосклону. Мало-по-малу исчезалъ дневной свѣтъ, и вдругъ грозныя зловѣщія сумерки спустились на крутые берега Днѣпра. Дождь еще не шелъ, вѣтеръ молчалъ; но волны на рѣкѣ вздымались все выше и выше, съ воемъ катились одна за другою, выплескивались на берегъ и, шипя какъ змѣи, разсыпались пѣною по гладкому песку.

— Вотъ ужъ близехонько!—сказалъ Торопъ, прервавъ свое долгое молчаніе. —Ну, жутко намъ на Днѣпрѣ будетъ, да дѣлать нечего! Пойдемъ потише, бояринъ: вишь какъ твоя невѣста-то уморилась! Дай ей вздохнуть; а я межъ тѣмъ разскажу тебѣ, какъ провѣдалъ объ измѣнѣ этой старой вѣдьмы... Я шелъ къ вамъ отъ моего боярина; вотъ, какъ я поровнялся съ пчельникомъ, послышалось мнѣ, что за плетнемъ, подъ навѣсомъ, кто-то крупно разговариваетъ. Я ближе, а говоръ все громче. «Кому бы,—подумалъ я,—въ пчельникѣ живетъ одинъ старикъ? Дай погляжу». Подошелъ. Смотрю въ щель,—ахти: человѣкъ двадцат варяговъ, мечникъ Фрелафъ, челядинецъ княжескій Садко и задушевный твой другъ Стемидъ! Я прилегъ на-земь, приложилъ ухо къ плетню. Слышу спорятъ такъ, что хоть въ рукопашную. Стемидъ говоритъ: «переждемъ грозу подъ навѣсомъ»; а Фрелафъ реветъ: «чего дожидаться, иль не слышите, — Садко божится, что мы неотмѣнно ихъ захватимъ».—«Да что вы вѣрите этому сычу одноглазому!»—закричалъ Стемидъ.—«Ну, ста-

точное ли дѣло, чтобъ они стали держаться близъ Кіева?» Вотъ уродина Садко и захрюкалъ, какъ боровъ: «Эй, молодцы, не зѣвайте! Ужъ я вамъ говорю,—попались звѣрки въ ловушку. Вахрамѣевна на вѣтеръ словечка не вымолвитъ, и давеча, какъ я у нея былъ, такъ наглядѣлся и наслушался такихъ страстей, что у меня и теперь еще волосы порядкомъ не прилягутъ; она обѣщала мнѣ выдать ихъ руками». Вотъ Стемидъ заговорилъ что-то еще, а я вскочилъ да бѣгомъ; прибѣжалъ въ избушку—пустехонька! Одинъ черный котъ мяучитъ въ сѣняхъ, да сова попрыгиваетъ на насѣсти. «Ужъ не она ли это, проклятая, обернулась совою?»—подумалъ я.—«Чего добраго!».. Глядь въ свѣтелку—васъ нѣтъ; такъ меня варомъ и обдало! Я на огородъ... ну, да остальное вы сами знаете. Теперь, чай, ищутъ ее по всѣмъ угламъ. Пускай себѣ пошарятъ хорошенько; а не найдутъ, такъ авось и назадъ вернутся... Постойте-ка, да вотъ никакъ и мѣсто Угорское!.. Эка темнеть, подумаешь,—словно въ сумерки!.. А Днѣпръ-то, кормилецъ, какъ расходился, такъ ревмя и реветъ!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Всеславъ съ невольнымъ содроганіемъ,—посмотри, какъ онъ волнуется и кипитъ.

— Чего жъ ты боишься, бояринъ?

— Но развѣ мы не можемъ утонуть въ Днѣпрѣ.

— А за что ему, батюшкѣ, потопить насъ?—возразилъ спокойно Торопъ.—Что мы ему сдѣлали? Нѣтъ, молодецъ, все будетъ ладно, лишь только бы бояринъ мой не опоздалъ. Ну, вотъ и Аскольдова могила!

Наши бѣглецы, пройдя мимо развалинъ церкви, взошли на небольшую насыпь, вѣнчающую главу высокаго утеса. Какъ грозный старецъ-исполинъ, стоялъ онъ, склонившись угрюмо, надъ рѣкою; казалось, внималъ ея буйному ропоту и какъ будто бы прислушивался къ плеску волнъ, которыя, крутясь и бушуя, обливали пѣною его вѣковое подножіе.

— Постой-ка, молодецъ!—сказалъ Торопъ.—Вонъ *что-то* чернѣетъ у того берега: кажись, лодка?

Всеславъ устремилъ свой взоръ въ мрачную даль, и хотя съ трудомъ, но разсмотрѣлъ, что небольшой челнокъ, управляемый однимъ человѣкомъ, то исчезалъ среди волнъ, то снова появлялся на поверхности воды.

— Такъ и есть, это бояринъ, — продолжалъ Торопъ.—Да и кого нелегкая понесетъ въ такую погоду на челнокѣ! Экъ его поматываетъ, словно щепочку на днѣпровскомъ порогѣ. Ну, трудно будетъ ему причалить къ нашему берегу: вишь здѣсь какой прибой!

Вдругъ порывъ сильнаго вѣтра завылъ въ стѣнахъ разрушеннаго храма, небеса вспыхнули и вслѣдъ за оглушающимъ ударомъ грома зашумѣлъ проливной дождь.

— Ступай-ка съ нею, молодецъ, въ эти развалины,—сказалъ Торопъ, указывая Всеславу на церковь. — Тамъ все-таки, хоть гдѣ ни есть за стѣною, пріютиться можно; а то здѣсь ее вовсе, сердечную, дождемъ захлещетъ. А я сойду внизъ, да помогу боярину пристать къ берегу.

Всеславъ, прикрывъ верхнимъ своимъ платьемъ дрожащую отъ страха Надежу, вошелъ вмѣстѣ съ нею въ знакомыя ему развалины. Пройдя трапезу, они остановились подъ сводомъ, уцѣлѣвшимъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда была Святая Святыхъ.

— О, Всеславъ,—сказала Надежда,—быть-можетъ, ты въ послѣдній разъ стоишь со мною вмѣстѣ въ семъ храмѣ истиннаго Бога! Кто знаетъ, еще нѣсколько мгновеній и мы разлучимся на-вѣки?..

— На-вѣки?—воскликнулъ юноша, прижавъ ее къ груди своей.—О, нѣтъ, ничто въ свѣтѣ не разлучитъ меня съ тобою!

— А смерть?—шепнула дѣвушка, поглядывая робко вокругъ себя.

— Смерть?—повторилъ Всеславъ.—Нѣтъ, милый другъ,—Богъ милостивъ; если жъ Онъ не судилъ намъ спастись...

— То мы умремъ вмѣстѣ,—прервала съ живостію Надежда.—Да, мой суженый,—здѣсь на землѣ никто

не разлучитъ насъ, но тамъ!.. Ахъ, Всеславъ, развѣ Господь соединилъ уже насъ неразрывными узами? Развѣ я жена твоя?.. О, съ какою бы радостію я покинула этотъ грустный свѣтъ, если бы ты былъ моимъ супругомъ! Я слыхала не разъ, что тѣхъ, коихъ Господь соединяетъ на землѣ, ничто уже разлучить не можетъ. Всеславъ,—продолжала Надежда, устремивъ умоляющій взоръ на юношу, — мы стоимъ теперь въ храмѣ истиннаго Бога, Онъ слышитъ слова наши... Назови жъ меня теперь, предъ лицомъ Его, твоею супругою, и обѣщайся не разлучаться со мною ни въ здѣшнемъ, ни въ будущемъ мірѣ.

— Такъ,—вскричалъ Всеславъ,—ты моя супруга! Да приметъ Господь, внимающій словамъ нашимъ, мой обѣтъ: и жить и умереть съ тобою вмѣстѣ.

— А я,—сказала Надежда,—обѣщаюсь предъ лицомъ Его раздѣлять съ тобою и горе и радость; быть вѣрнымъ твоимъ другомъ и помощницею; любить тебя болѣе всего на свѣтѣ и повиноваться во всемъ точно также, какъ я во всемъ повиновалась отцу моему... Но когда же я увижу его, Всеславъ?.. Ты обѣщалъ мнѣ...

— Да, мой другъ, да!—прошепталъ Всеславъ.— Быть-можетъ... О, Надежда, Надежда, сердце мое предчувствуетъ—мы скоро съ нимъ соединимся!

— Какъ мы будемъ счастливы!—сказала Надежда, склонивъ голову на плечо юноши. — Мы всѣ вмѣстѣ уйдемъ въ Византію... Неправда ли, мой другъ?.. О, Всеславъ, ты не знаешь этой благословенной страны; ты не дышалъ ея свѣжимъ, благовоннымъ воздухомъ, не отдыхалъ въ тѣни ея вѣчно зеленыхъ лавровъ; ты не видалъ еще этихъ темно-голубыхъ, безоблачныхъ небесъ Византіи! О, какъ мы будемъ счастливы! Ты, я, отецъ нашъ — мы всѣ станемъ жить вмѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу Босфора Фракійскаго, или вблизи свѣт-лой Пропонтиды, въ небольшой веселой хижинѣ. Я обсажу ее пахучими цвѣтами; мы будемъ вмѣстѣ съ тобою ходить по всѣмъ православнымъ церквамъ въ

зантійскимъ, посѣщать благочестивыя обители, знаменитыя лавры; станемъ молиться вмѣстѣ... О, какъ мы будемъ счастливы! — повторила Надежда съ какою-то простодушною радостью младенца, который играетъ безпечно среди цвѣтовъ на могилѣ своей матери.

— Но ты не слушаешь меня! — продолжала дѣвушка, замѣтивъ, что Всеславъ оглядывался съ безпокойствомъ назадъ.

— Тише, тише, мой другъ!—шепнулъ Всеславъ.— Чу!.. Опять!.. И съ этой стороны!.. Человѣческіе голоса... такъ точно—сюда идутъ!

— Всеславъ! — загремѣлъ съ другой стороны знакомый юношѣ голосъ.

— Это Веремидъ!—вскричалъ Всеславъ.—Скорѣй, скорѣй, Надежда,—мы спасены!

— Они выбѣжали изъ развалинъ. Подлѣ Аскольдовой могилы стоялъ незнакомый. Буйный вѣтеръ рвалъ съ его плечъ верхнюю одежду и разстилалъ по воздуху густыя его кудри. Онъ держалъ въ рукѣ обнаженный мечъ.

— Поспѣши, Всеславъ,—сказалъ онъ, идя къ нему навстрѣчу,—время дорого: злодѣи ваши близко!..

— Всеславъ! — повторилъ кто-то, выбѣгая изъ-за развалинъ.

Незнакомый выступилъ впередъ и заслонилъ собою Всеслава и Надежду.

— Гдѣ онъ, гдѣ?—вскричалъ видный собою молодой человѣкъ, подбѣгая къ Аскольдовой могилѣ.

Вмѣсто отвѣта острый мечъ засвисталъ въ рукѣ незнакомаго, и молодой человѣкъ, пронзенный на вылетъ въ грудь, съ глубокимъ стономъ повалился на землю.

— Праведный Боже!—воскликнулъ Всеславъ.—Это Стемидъ—это другъ мой!

— Твой другъ?—повторилъ съ удивленіемъ незнакомый.—А я думалъ... но все равно. Поспѣшимъ!..

— Надежда! Веремидъ! Сюда, сюда! Онъ исходитъ кровью! — кричалъ Всеславъ, раскрывая платье на груди своего друга.

— Спасайтесь!—проговорилъ умирающимъ голосомъ Стемидъ.

Шагахъ въ пятидесяти отъ развалинъ послышались громкіе голоса.

— Безумный!—вскричалъ незнакомый, подходя къ Всеславу и умирающему Стемиду.—Время ли теперь думать о другихъ?.. Думай о себѣ!

Въ эту самую минуту ослѣпительная молнія разостлалась багровымъ заревомъ по чернымъ небесамъ и, облитая яркимъ свѣтомъ, золотая гривна заблистала на окровавленной груди Стемида. Незнакомый содрогнулся. Онъ схватилъ за руку Всеслава и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Говори, говори: кто этотъ юноша, кто были его родители?

— Несчастный! — воскликнулъ съ горестію Всеславъ. — Онъ также, какъ и я, не зналъ ни отца, ни матери.

— Также какъ ты?—повторилъ съ ужасомъ незнакомый, наклонясь надъ Стемидомъ.—Такъ... такъ... я не ошибаюсь,—эта золотая гривна...

— О, не отнимай ее,—промолвилъ Стемидъ, умирая:—это единственное наслѣдіе отца моего!

— Отца его!—произнесъ глухимъ голосомъ незнакомый.—Его отца... и я... но, можетъ-быть... нѣтъ... Онъ умеръ.

— Умеръ!—повторилъ Всеславъ.—Злодѣй, что ты сдѣлалъ?.. Стемидъ, Стемидъ, братъ мой!..

Незнакомый не говорилъ ни слова. Всѣ члены его трепетали, волосы стояли дыбомъ.

— Молчи! — сказалъ онъ, наконецъ, заскрежетавъ зубами.—Безсмысленный, проклинай не меня, а неумолимую злодѣйку судьбу мою! О, Варяжко, сбылись слова твои,—твой Богъ побѣдилъ!

— Сюда, сюда, ребята! — загремѣлъ голосъ Фрелафа.

— Надежда, —вскричалъ Всеславъ,—скорѣй, скорѣй, къ Днѣпру!..

— Прочь!—прервалъ незнакомый, отталкивая Всеслава.

Онъ схватилъ въ свои объятія бездушный трупъ Стемида, сбѣжалъ съ утеса и вскочилъ въ лодку, въ которой дожидался его Торопъ. Какъ стрѣла полетѣлъ челнокъ внизъ по теченію Днѣпра, зарылся въ волнахъ и пропалъ изъ глазъ Всеслава и Надежды. Погруженные въ какое-то безчувственное оцѣпенѣніе, они стояли на краю утеса, тамъ, гдѣ онъ, опускаясь прямой стѣной до самой рѣки, исчезалъ въ глубинѣ бездоннаго омута.

— Вотъ они!—раздались шагахъ въ двадцати отъ нихъ громкіе голоса.

— Итакъ, нѣтъ спасенья, — сказалъ Всеславъ, глядя съ отчаяніемъ на свою невѣсту.—Еще нѣсколько мгновеній...

— И никто уже не разлучитъ насъ! — прервала Надежда.—Всеславъ,—продолжала дѣвушка твердымъ голосомъ, — мы обвѣнчаны съ тобою тамъ, на небесахъ! И вотъ, — промолвила она, указывая на крутящуюся подъ ногами ихъ пучину,—вотъ наше брачное ложе! Лучше смерть, чѣмъ позоръ и разлука съ тобою!

— Да, Надежда, да, лучше смерть!.. Но можетъ-быть... Господь поможетъ намъ...

— Всеславъ, супругъ мой, — шепнула Надежда, обвивъ крѣпко своими руками юношу,—поспѣшимъ,— они идутъ.

— Сдавайся, разбойникъ! — заревѣлъ Фрелафъ. — Хватайте его, братцы!

Всеславъ и Надежда бросились съ утеса. Волны Днѣпра разступились, закипѣли, слились опять, и хладнымъ, вѣнчальнымъ своимъ покровомъ тихо прикрыли новобрачныхъ. Чрезъ минуту поверхъ воды забѣлѣлось платье Надежды; придерживая ее одною рукою, Всеславъ боролся съ волнами. Вдругъ загудѣлъ ужасный вихрь, помчался вдоль рѣки, взрылъ песокъ со дна глубокаго Днѣпра; волны, какъ горы, заходили отъ одного берега къ другому. Вотъ что-то,

похожее на тихій вопль, слилось съ воемъ вѣтра; что-то при свѣтѣ молніи мелькнуло посреди рѣки—и все исчезло...

Давно уже первопрестольный градъ Кіевъ, какъ животворное солнце, проливалъ источники свѣта на всю землю Русскую. На развалинахъ языческихъ капищъ возвышались храмы истиннаго Бога, и на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда пострадали святые мученики Ѳеодоръ и Іоаннъ, искусные зодчіи, призванные изъ Византіи, воздвигали соборную церковь, во имя Пресвятой Божіей Матери. Прошло уже много лѣтъ съ того великаго дня, въ который, по словамъ лѣтописца, *земля и небо ликовали;* когда Великій Князь Русскій—сей Владиміръ, нѣкогда кровожадный, буйный язычникъ, а теперь кроткій, исполненный любви и милосердія христіанинъ, достойно нареченный Равноапостольнымъ,—явился на берегу Днѣпра и, окруженный соборомъ греческихъ священниковъ, смотрѣлъ съ умиленіемъ на толпы кіевлянъ, которые, подвигнутые примѣромъ своего Государя, спѣшили вступить въ рѣку для принятія Святого Крещенія; когда, устремивъ свой взоръ на небеса, въ восторгѣ и радости сердца, онъ воскликнулъ: — «Творецъ неба и земли, благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ!»

Спустя года два послѣ войны съ хорватами и набѣга печенѣжскаго, знаменитаго въ нашихъ народныхъ преданіяхъ единоборствомъ и побѣдою русскаго богатыря Чурилы Пленковича, въ то время, какъ древняя Русь наслаждалась, подъ сѣнію мощной и самодержавной десницы единаго владыки, всеобщимъ миромъ и спокойствіемъ, — въ одно жаркое лѣтнее утро, большая косная лодка съ распущеннымъ парусомъ, плавно и тихо, какъ гордый лебедь, подымалась вверхъ противъ теченія широкаго Днѣпра; она наполнена была воинами. На кормѣ, поодаль отъ другихъ, стоялъ, опираясь на широкій мечъ, повидимому, сильный и могучій витязь среднихъ лѣтъ. Солнечные *лучи играли* на его богатырскомъ доспѣхѣ и осыпали

искрами стальной остроконечный шеломъ, безъ всякихъ украшеній, но свѣтлый и блестящій, какъ ясныя очи витязя, съ любовью устремленныя на высокіе терема и бойницы великаго Кіева. На противоположномъ концѣ лодки сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ. Легкій вѣтерокъ взвѣвалъ его распущенныя по плечамъ кудри и, пробѣгая по струнамъ ручной арфы, которая лежала на его колѣняхъ, извлекалъ изъ нихъ, отъ-времени-до-времени, единообразные, но стройные и согласные звуки. Его голубые глаза, исполненные какой-то задумчивой радости, не останавливались на высокихъ холмахъ кіевскихъ: онъ смотрѣлъ впередъ и, казалось, нетерпѣливый и жадный взоръ его пожиралъ неизмѣримое пространство, отдѣляющее знойное небо южной Россіи отъ суровыхъ и хладныхъ небесъ угрюмой Скандинавіи. Близъ него сидѣли два воина: одинъ сѣдой какъ лунь, другой въ самой порѣ и цвѣтѣ лѣтъ.

— А что, Простѣнъ,—сказалъ вполголоса старый воинъ, обращаясь къ своему сосѣду, — тебѣ какъ не знать: вѣдь нашъ воевода Илья тебя жалуетъ, чай, онъ тебѣ сказывалъ, куда его посылаютъ? Ужъ не въ Великій ли Новгородъ?

— Нѣтъ, братъ Лютъ, не отгадалъ,—поближе: въ Муромъ.

— На его родину?

— Да. Вѣдь онъ родомъ изъ села Карачарова; близехонько отъ Мурома.

— А ради чего насъ туда отправляютъ?

— Да такъ, поохотиться въ Муромскомъ лѣсѣ. Говорятъ, въ немъ много волковъ развелось.

— Волковъ?

— Ну, да, волковъ; вотъ этихъ, что на двухъ ногахъ ходятъ, да шапки носятъ.

— А, понимаю!

— Пуще-то всего ему наказано изловить одного соловья, который свищетъ такъ, что сыръ-боръ преклоняется и листъ съ деревьевъ осыпается.

— Эхъ, полно, Простѣнъ, говори толкомъ!

— Такъ слушай же. Ты, чай, помнишь верховнаго жреца Перуна?

— Богомила? Какъ не помнить.

— Ну, вотъ, какъ по милости Божіей и Государя Великаго Князя мы всѣ очнулись, да принялись жечь и бросать въ воду этихъ деревянныхъ болвановъ, которыхъ, въ слѣпотѣ нашей, величали прежде богами, верховный жрецъ Перуна, Богомилъ, видя бѣду неминучую, далъ тягу. Сначала убѣжалъ онъ къ Сѣверянамъ; сталъ мутить народъ и уговаривать, чтобъ никто не принималъ вѣры греческой. Оттуда его скоро выжили. Онъ бросился въ Муромскіе лѣса, засѣлъ тамъ въ какой-то трущобѣ, да и началъ опять соблазнять народъ. Вѣдь онъ такой краснобай, что хоть кого съ пути собьетъ; его и соловьемъ-то за то прозвали. Говорятъ, онъ выстроилъ себѣ избушку на семи дубахъ, и пропустилъ слухъ, что его никто взять не можетъ затѣмъ, что онъ однимъ свистомъ людей убиваетъ. А вотъ посмотримъ, какъ-то онъ отсвищется отъ нашего молодца Ильи!

— Такъ вотъ зачѣмъ мы ѣдемъ? — сказалъ второй воинъ. — Ну, а этотъ чужеземный пѣвунъ-то, — продолжалъ онъ, указывая на молодого человѣка, который сидѣлъ на носу лодки, — ради чего ѣдетъ съ нами?

— Это варяжскій баянъ Фенкалъ. Его Государь Великій Князь отпустилъ на родину. Мы доставимъ его до Мурома, оттуда довезутъ до Великаго Новгорода; а тамъ ужъ рукой подать, — и самъ дойдетъ до дому.

— А какъ ты думаешь, Простѣнъ, скоро ли мы вернемся опять въ Кіевъ?

— Наврядъ скоро. Маленько насъ послано, любезный! Вѣдь у этого Соловья Разбойника, говорятъ, шайка пребольшущая: такъ не вдругъ съ нею справишься.

— Что ты, Простѣнъ! А Илья-то на что? Да на *него одного* пятисотъ разбойниковъ мало. Поглядѣлъ

бы ты, какъ онъ въ послѣдней битвѣ съ печенѣгами поработалъ на ратномъ полѣ. А ужъ была работка! Особливо одинъ какой-то долговязый печенѣгъ—полно, не выше ли его ростомъ, — ужъ такъ намъ надоѣлъ, что и сказать нельзя. Нѣтъ-нѣтъ, да какъ учнетъ хватать бердышемъ, такъ нашихъ варомъ и поваритъ. Гдѣ ни махнетъ—улица улицею! Рядышкомъ съ нимъ бился, слуга что-ль его, иль товарищъ, не знаю,— дѣтина приземистый, небольшой, голова только съ пивной котелъ; ну, вотъ ни дать ни взять, какъ этотъ гусляръ и сказочникъ—помнишь, что былъ слугою у жреца Богомила?

— А! Торопка-Голованъ?

— Ну, да! Точь-въ-точь такой же; только, видно, подюжѣе. Ужъ, нечего сказать,—малъ да удалъ! Кабы не Илья, много бы бѣдъ они надѣлали; да спасибо ему: лишь завидѣлъ, что нашимъ худо, гаркнулъ, свистнулъ, налетѣлъ соколомъ, да въ полмига обоихъ угомонилъ. Подлинно чудо-богатырь!

— Ну, вотъ и Аскольдова могила, — продолжалъ старый воинъ, когда лодка поровнялась съ песчанымъ утесомъ, на которомъ, посреди заросшихъ травою развалинъ, возвышалась небольшая деревянная церковь.

— Кажись, ѣдемъ тихо, а вѣдь спорѣе, чѣмъ на греблѣ; не правда ли, Простѣнъ?

— Да!—отвѣчалъ молодой воинъ, смотря съ примѣтною грустью на утесъ. — Вотъ ужъ много лѣтъ прошло, — промолвилъ онъ, — какъ на этомъ самомъ мѣстѣ сгибъ нашъ товарищъ Всеславъ. Вѣдь ты, кажется, знавалъ его, Лютъ?

— Какъ не знать! Помнится, это было въ тотъ самый день, какъ пропалъ безъ вѣсти стремянный великокняжескій Стемидъ?

— Да, въ тотъ самый.

— И до сихъ поръ не знаютъ, куда онъ дѣвался?

— И слуху нѣтъ. Говорили только, что какой-то рыбакъ видѣлъ его въ тотъ день также близъ Аскольдовой могилы.

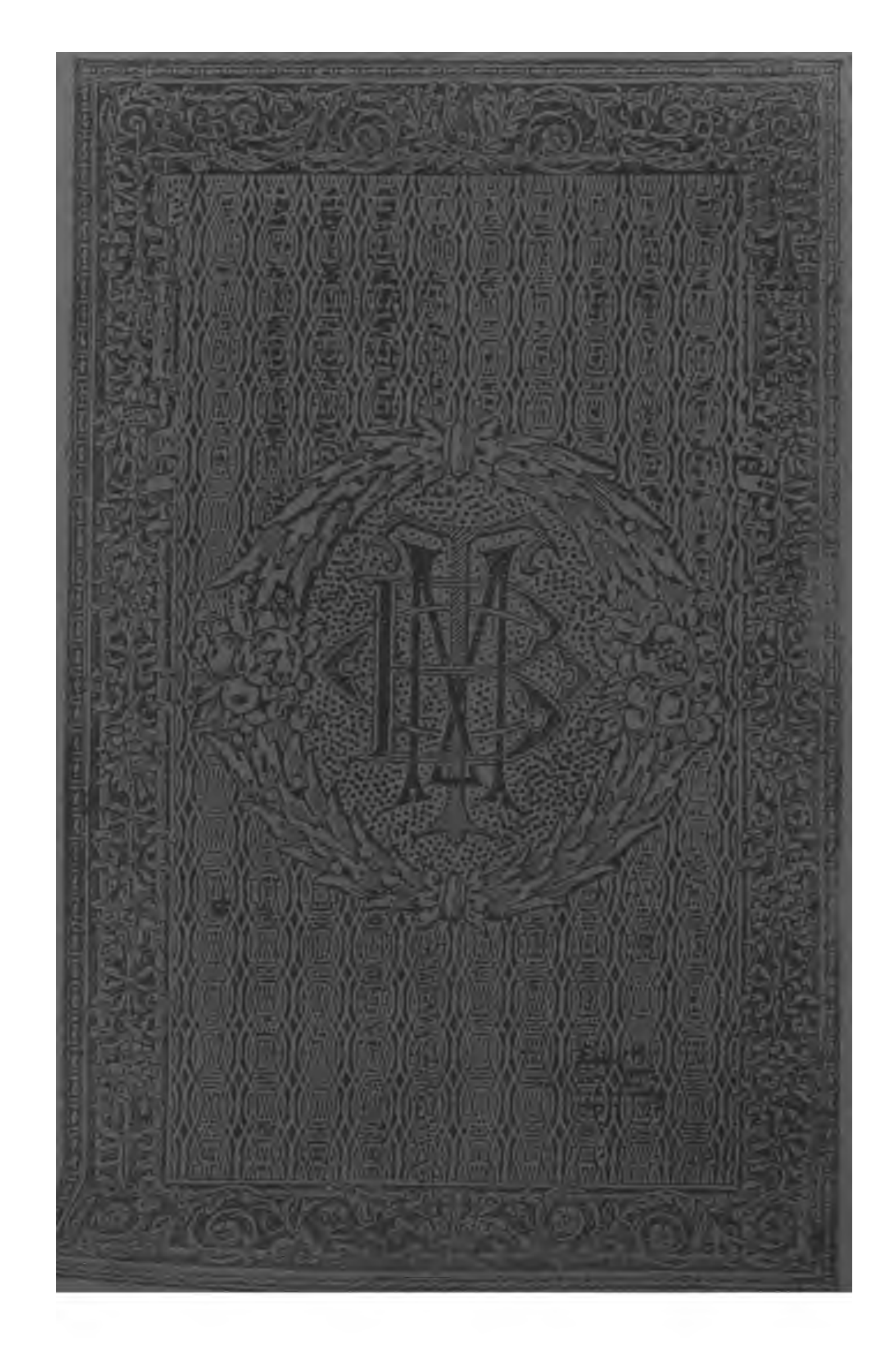
— Что за бѣдовое мѣсто такое?

— Да, видно, братъ, такъ. Не даромъ всѣ кіевскіе жители подъ-вечеръ за версту его обходятъ. Въ то время прошелъ слухъ, что на другую ночь послѣ смерти Всеслава, на самой Аскольдовой могилѣ теплился огонекъ, слышенъ былъ страшный стонъ, и какъ пришли утромъ посмотрѣть, такъ увидѣли, что земля на курганѣ вся изрыта, а шагахъ въ десяти отъ него трава такъ и полита кровью.

— Чтожъ бы это такое было?

— Богъ вѣсть! — сказалъ Простѣнъ съ глубокимъ вздохомъ, и оба воина перестали говорить.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО ТОМА.



Stanford University Libraries
3 6105 015 009 199
PG3
DATE DUE
DOC 1991

• БИБЛIОТЕКА •
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
• КНИГА VI. • 1901 ГОДЪ. •